

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus*

Т. 20
№ 1. 2024

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE CAUCASUS

Т. 20

№ 1. 2024

Махачкала, 2024

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КAVKAZA

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусебли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Бунятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфред Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашивили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джонни Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббас Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Бунятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабائي Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий
и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024
© Все авторы, Т. 20. №1. 2024

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005 (formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzha A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaeov, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmashidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhobova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbas D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov

The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors

The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff

If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

© All authors, V. 20. № 1, 2024

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Тимохин Д.М.	КЫПЧАКИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ ЭПИЗОДОВ БИОГРАФИИ ХОРЕЗМШАХА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ	6
Алибеков Х.Г.	КОЛОФОН КАК ИСТОЧНИК ПО АРАБСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ДАГЕСТАНА	21
Каримов М.О., Маламагомедов Д.М.	ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ БИОГРАФИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДАГЕСТАНСКИХ УЧЕНЫХ НА ПРИМЕРЕ МУХАММАДА Б. УМАРА Б. МУСЫ АЛЬ-'ИРИ (XVII В.)	35
Абдулмажидов Р.С., Аникеева Т.А., Шехмагомедов М.Г.	ХАДИС АЛ-МАЧАДИ (1689–1770) И ЕГО РУКОПИСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ	46
Мхитарян Г.Ж., Хапизов Ш.М.	КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Я.Д. ЛАЗАРЕВА ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ	57
Халидова О.Б.	РОССИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ: ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В УПРАВЛЕНИИ ОКРАИНАМИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ «РУСИФИКАЦИИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – нач. XX в.	66

АРХЕОЛОГИЯ

Спаская Н.Н., Мошинский А.П.	ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОШАДЕЙ ИЗ БЕСКУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГАСТОН УОТА (VII–IV вв. ДО н.э., РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ)	76
Зарикян Н., Мкртычан Л., Варданян Б.	ПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ЛЕРНАКЕРТ ЭПОХИ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА В АРМЕНИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	90
Суханов Е.В.	КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СОЗДАНИЯ ФОРМ КУВШИНОВ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ АЛБАНО-САРМАТСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА (ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ)	103
Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Фризен С.Ю.	ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛЕНИЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ КРАСНОГОРСКОЕ XII И КРАСНОГОРСКОЕ XIII	127

ЭТНОГРАФИЯ

Магомедханов М.М., Садовой А.Н., Магдилов М.М.	ТРАДИЦИИ КАК РЕСУРС ОСВОЕНИЯ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАГЕСТАНА	139
Андреева Ю.О., Гуляева Е.Ю., Далалян Т.С.	РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ АРМЯН ОРДУБАДСКОГО РАЙОНА НАХИЧЕВАНСКОЙ АССР В 1950–1980-е гг.	154
Белозёрова М.В.	ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ АДЫГОВ (КОНЕЦ 1990-х – 2010-е ГОДЫ)	169
Хачатурян Н.Р.	ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	183
Капустина Е.Л.	ИСЛАМ, ПОТРЕБЛЕНИЕ, МИГРАЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ ИСЛАМСКОГО КОНСЮМЕРИЗМА И ХАЛЯЛЬ-ИНДУСТРИИ В НЕМУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	191

ЭКСПЕДИЦИИ

Курбанов А.Д., Каяев И.А.	ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ЭПИГРАФИКИ И АРХИТЕКТУРЫ СЕЛА ШАХУВА (ЛАКСКИЙ РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)	206
------------------------------	---	-----

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

D.M. Timokhin	KIPCHAKS IN THE SOUTH CAUCASUS: AN EPISODE FROM THE BIOGRAPHY OF KHWARAZMSHAH JALAL AL-DIN MANGBURNI	6
H.G. Alibekov	COLOPHON AS A SOURCE ON THE ARABIC MANUSCRIPT TRADITION OF DAGESTAN	21
M.O. Karimov, D.M. Malamagomedov	EXPERIENCE IN BIOGRAPHICAL COMPILATION OF MEDIAEVAL DAGESTAN SCHOLARS: A CASE STUDY OF MUHAMMAD AL-IRI (17TH CENTURY)	35
R.S. Abdulmazhidov, T.A. Anikeeva, M.G. Shekhmagomedov	HADIS AL-MACHADI (1689-1770) AND HIS MANUSCRIPT COLLECTION	46
G.Zh. Mkhitarian, Sh.M. Khapizov	YA.D. LAZAREV'S CAUCASIAN STUDIES FROM THE ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF ARMENIA	57
O.B. Khalidova	INTEGRATING THE NORTH-EAST CAUCASUS: RUSSIFICATION POLICIES IN THE LATE IMPERIAL ERA (LATE 19 TH – EARLY 20 TH CENTURIES)	66

ARCHEOLOGY

<i>N.N. Spasskaya,</i> <i>A.P. Moshinsky</i>	ARCHAEOZOOLOGICAL ANALYSIS OF HORSES FROM THE GASTON WOTA BURIAL GROUND (NORTH OSSETIA-ALANIA, 7th-4th CENTURIES BC)	76
N.Zarikian, L.Mkrtchyan, B.Vardanyan	FOOD PATTERNS IN THE BRONZE-IRON AGE ARCHAEOLOGICAL SITE LERNAKERT IN ARMENIA: RESULTS OF ARCHEOZOOLOGICAL RESEARCH	90
E.V. Sukhanov	DISTINCT CULTURAL TRADITIONS IN JUGS SHAPING: RESEARCH EVIDENCE FROM ALBANIAN-SARMATIAN AND EARLY MEDIEVAL SITES OF DAGESTAN	103
S.B. Borutskaya, S.V. Vasiliev, S.Yu. Frizen	PALEODEMOGRAPHY OF MEDIEVAL POPULATIONS IN KARACHAY-CHERKESSIA: INSIGHTS FROM THE KRASNOGORSK XII AND KRASNOGORSK XIIb BURIAL GROUNDS	127

ETHNOGRAPHY

M.M. Magomedkhanov, A.N. Sadovoy, M.M. Magdilov	TRADITIONS AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF THE MOUNTAIN TERRITORIES OF DAGESTAN	139
J.O. Andreeva, E.Y. Guliaeva, T.Dalalyan	RELIGIOUS PRACTICES OF THE ARMENIANS OF THE ORDUBAD DISTRICT OF THE NAKHICHEVAN ASSR IN THE 1950–1980s	154
	PROBLEMS AND PROSPECTS FOR ADIGES FOLK ARTS AND CRAFTS PRESERVATION AND DEVELOPMENT (LATE 1990s – 2010s)	169
N.R. Khachaturian	APPROACHING ETHNO-RELIGIOUS IDENTITY	183
E.L. Kapustina	ISLAM, CONSUMPTION, MIGRATION: EXPLORING ISLAMIC CONSUMERISM AND HALAL INDUSTRY IN A NON-MUSLIM SOCIETY	191

EXPEDITIONS

A.J. Kurbanov, I.A. Kayaev	RESULTS OF THE EXPEDITION FOR STUDY THE MONUMENTS OF EPIGRAPHY AND ARCHITECTURE OF SHAHUVU VILLAGE (LAK DISTRICT, REPUBLIC OF DAGESTAN)	206
-------------------------------	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH2016-20>

Исследовательская статья

Тимохин Дмитрий Михайлович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
horezm83@mail.ru

КЫПЧАКИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ ЭПИЗОДОВ БИОГРАФИИ ХОРЕЗМШАХА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ

Аннотация: в составе хорошо известного специалистам персидского исторического сочинения XIII в. «Тарих-и Джахан-гушай», написанного ‘Ала’ ад-Дином Ата-Маликом Джувейни, при описании завоевательных походов хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны в пределы Южного Кавказа присутствует весьма любопытный эпизод, посвящённый очередному сражению хорезмийцев с грузинской армией. Согласно этому персидскому историку, в составе грузинского войска, помимо иных этнических объединений, присутствовал отряд кыпчаков, численностью двадцать тысяч человек. Накануне сражения хорезмшах отправляет к ним посольство, которое путем уговоров заставляет кыпчакский отряд не вступать в битву с Джалал ад-Дином и его армией, а откочевать с места сражения, что во многом предопределило победу хорезмийского войска. Несмотря на то, что данный эпизод из текста «Тарих-и джахангушай» хорошо известен ученым, до сих в мировой науке не было специального исследования, посвященного анализу формирования данного нарратива и его исторической достоверности. В рамках представленной статьи мы не только постарались разобрать рассказ Джувейни о кыпчаках и их роли в указанном сражении между грузинской армией и хорезмийцами, но и выделили связи между этим сообщением и другими более ранними и некоторыми поздними памятниками арабо-персидской историографии. В центре нашего внимания был также сам факт миграции кыпчаков в земли Южного Кавказа как в домонгольский период, так и в 1220-е годы: были приведены сообщения о подобных переселениях и соотнесены с тем, что рассказывает по этому поводу Джувейни. К важнейшим результатам исследования следует отнести то, что рассказ упомянутого персидского историка в большей степени соответствует историческим реалиям и отражает особые отношения между хорезмшахом и элитой кыпчакского племенного объединения, которые сложились еще в домонгольский период.

Ключевые слова: арабские и персидские источники; Джувейни, Южный Кавказ; Тарих-и джахангушай, кыпчаки, Джалал ад-Дин Манкбурны, Хорезм

Для цитирования: Тимохин Д.М. Кыпчаки на Южном Кавказе: на примере одного из эпизодов биографии Хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 6–20.

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH2016-20>

Research paper

Dmitry M. Timokhin,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
horezm83@mail.ru

KIPCHAKS IN THE SOUTH CAUCASUS: AN EPISODE FROM THE BIOGRAPHY OF KHWARAZMSHAH JALAL AL-DIN MANGBURNI

Abstract. In the composition of the 13th-century Persian historical work, “Tarikh-i Jahangushay,” authored by ‘Ala’ al-Din Ata-Malik Juvaini and well-known among specialists, there exists a noteworthy episode within the narrative detailing the aggressive campaigns of Khwarazmshah Jalal al-Din Mangburni in the South Caucasus. This episode refers to the encounter between the Khwarezmians and the Georgian army. According to the Persian historian, the Georgian army, alongside other ethnic groups, included a detachment of Kipchaks numbering twenty thousand men. Prior to the battle, the Khwarazmshah dispatched an embassy to them, which, through persuasion, convinced the Kipchak detachment not to engage in combat with Jalal ad-Din and his forces but to withdraw from the battlefield. This diplomatic intervention significantly contributed to the victory of the Khwarezmian army. Although the episode from the text “Tarikh-i Jahangushay” is recognized by scholars, there has been a lack of dedicated research in global academia focused on analyzing the genesis of this narrative and its historical veracity. In our presented article, we not only endeavor to dissect Juvaini’s account concerning the Kipchaks and their involvement in the referenced battle between the Georgian army and the Khwarezmians, but also elucidate the interconnections between this narrative and other earlier and subsequent Arab-Persian historiographical works. The study highlights the migration of the Kipchaks to the South Caucasus region both before the Mongol period and during the 1220s, correlating reports of such migrations with Juvaini’s assertions. Among the most significant findings of our study is the alignment of the Persian historian’s narrative with historical realities, underscoring the distinctive rapport between the Khwarazmshah and the elite of the Kipchak tribal confederation, which had its roots in the pre-Mongol era.

Keywords: Arab and Persian sources; Juvaini; South Caucasus; Tarikh-i Jahangushay; Kipchaks; Jalal al-Din Mangburni; Khwarazm

For citation: Timokhin D.M. Kipchaks in The South Caucasus: An Episode from The Biography of Khwarazmshah Jalal Al-Din Mangburni. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 6–20.

Сравнительно недолгий период пребывания на Южном Кавказе хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны (1224/1225 – 1231) оказался, тем не менее, весьма насыщенным значимыми для этого региона историческими событиями. Во многом именно военные действия хорезмийского правителя против региональных политических образований в этих землях предопределили дальнейшие успехи уже монгольских завоевателей в 1230-е гг. и сравнительно быстрое включение Южного Кавказа в состав Монгольской империи. Сама по себе личность Джалал ад-Дина Манкбурны, равно как и история державы, созданной им в 1225–1231 гг., несомненно обладает богатой историографией [10, с. 451–463; 17, с. 112–128; 18; 19; 20; 21, s.12, sf. 376–377; 23, s. 89–102; 22, p. 63–77; 24, s. 29–33; 28, p. 45–54; 32, p. 129–131; 36, s. 248–250; 37; 39, p. 309–321; 40, silt. 3, s. 48–52], среди которых есть несколько работ автора этой статьи [12, с. 4–15; 14 с. 7–39; 15, с. 16–32]. То же самое можно сказать и о военных действиях этого правителя непосредственно в землях Южного Кавказа [14, с. 7–39; 15, с. 16–32], однако определенные эпизоды, связанные с его завоевательными походами в этом регионе, не были предметом специального изучения, несмотря на то, что содержат в себе дискуссионные сюжеты. К одному из таких эпизодов мы и хотели бы привлечь внимание читателя, поскольку, с нашей точки зрения, он является важным по целому ряду причин. Во-первых, приведённый ниже сюжет упоминается далеко не во всех арабо-персидских исторических сочинениях XIII–XIV вв., то есть его нельзя считать частью устойчивой историографической традиции описания правления и завоевательных походов хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, что само по себе вызывает определенные вопросы. Во-вторых, в центре данного сюжета стоит не столько личность указанного хорезмийского правителя, сколько кочевые тюркские племена и их присутствие на Южном Кавказе в начале XIII в. Определение масштабов этого явления, равно как и пути миграции этих этнических групп в пределы данного региона, остаются значимой научной проблематикой. Наконец, вызывает определенные вопросы и тот факт, что, согласно сообщениям отдельных арабо-персидских авторов, представители кочевых объединений отказались воевать против хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, и мотивация этого поступка, равно как и объяснение этого в самих арабо-персидских сочинениях, требует, с нашей точки зрения, дополнительного исследовательского внимания. Надеемся, что данная статья будет интересна не только специалистам по истории Южного Кавказа в домонгольскую эпоху, но и тем, кто занимается историей кочевых тюркских племен и их взаимоотношений с оседлыми этническими группами в указанный исторический период.

Прежде чем анализировать интересующий нас эпизод из биографии хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны в период его пребывания на Южном Кавказе, кратко обозначим исторический контекст данного события. Начало монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. продемонстрировало политическую слабость и децентрализованность лишь на первый взгляд могущественной Хорезмийской державы, чей взлет и военные успехи пришлось на годы правления хорезмшахов ‘Ала’ ад-Дина Текиша (1172–1200) и ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220) [3, с. 23–34; 4, с. 45–597; 5; 30]. Последний, впрочем, не сумел организовать достойного сопротивления новой внешней угрозе в лице монголов, однако причины этого нами были рассмотрены в специальном исследовании, и мы не будем останавливаться на этом в этой статье [см.: 11]. После смерти ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада в 1220 г. его старший сын, Джалал ад-Дин Манкбурны, попытался организовать сопротивление монгольской угрозе и даже сумел нанести им

поражение в сражении при Парване, однако в итоге был разбит в сражении на реке Инд и после этого несколько лет скрывался на территории северной Индии. Не сумев закрепиться в этом регионе надолго, а, возможно, и не желая этого, в 1224 или 1225 г. он покидает эти земли, чтобы закрепиться сначала в Кермане, а затем – в Фарсе [12, с. 4–15]. Именно последний регион станет центром новой державы, во главе которой встанет Джалал ад-Дин Манкбурны: именно из земель Фарса он будет совершать свои первые походы на Ирак Персидский и Южный Азербайджан [13, с. 13–19]. В этот же период им будет фактически ликвидировано государство атабеков Азербайджана, правители которого в годы правления его отца, ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада, признали зависимость от хорезмшаха, однако Джалал ад-Дин Манкбурны окончательно подчинил себе эти земли, после чего столкнулся в пределах Южного Кавказа с военными силами Грузинского царства [13, с. 13–19]. *«Когда султан захватил Азербайджан, грузины, в количестве шестидесяти тысяч человек, собрались в местности в пределах [округа] Двина, известной под названием Гарни. Они демонстрировали стойкость, но за этим скрывалась глупость. От соседства султана их хватил паралич и столбняк, ими овладела тревога и печаль. Собравшись, они преследовали цель показать султану насколько они могущественны и многочисленны. Они надеялись, что [он], может быть, пожелает пойти на мир с ними, и они избавятся [таким образом] от жара наказания и от пучины бушующего моря. Вот почему они уверенно собрались в поход, позабыв о том, что государство Атабеков пало; ведь оно было для них местом охоты: туда они ходили за добычей вместе и порознь, парами и по одному. Когда султан узнал, что они собрались для пустой болтовни, он устремился к ним с теми воинами, которые были под рукой, так как большинство их уже разъехалось в свои владения икта’ в Ираке и других местах. И вот, прибыв к берегу реки Аракс, он застал там эмиров авангарда во главе с Джахан-Пахлаваном Илчи. Они сообщили ему, что враг поблизости и у него много [войск]. Он ответил на эту весть лишь тем, что, прищипорив коня, бросился вброд. Его не смутило то, что было сказано о близости врага и его многочисленности. За ним последовали и войска»* [8, с. 156–157; см. также: 1, с. 23; 2, с. 376; 17, с. 122–123].

Победа над грузинским войском в битве при Гарни с одной стороны укрепила положение хорезмшаха на Южном Кавказе, однако ее вряд ли следует считать окончательной, исходя из дальнейшего развития событий: практически сразу после разгрома грузинской армии, хорезмийское войско покидает грузинские земли, поскольку в Тебризе его собственные чиновники начинают откровенную борьбу друг с другом, что могло привести к плачевным последствиям [2, с. 376]. Впрочем, новые победы и захват Тбилиси в 1226 г. хорезмийской армией [8, с. 168; 2, с. 397.] так и не привели к полному подчинению этих земель власти Джалал ад-Дина Манкбурны: в этот раз хорезмшах был вынужден покинуть Грузию для того, чтобы подавить мятеж в Кермане, который поднял против него правитель этого региона – хаджиб Барак [8, с. 169; 34, р. 428]. Самое любопытное, что о мятеже Барака и действиях, которые предпринял против него Джалал ад-Дин, ничего не сообщают памятники круга условной «керманской историографии», согласно которым хорезмшах покидает эти земли сразу после его возвращения из северной Индии, передает здесь всю власть Бараку и его наследникам и более не пытается изменить положение вещей в этих землях [см.: 31, с. 23–25; 33, с. 23]. Так или иначе, после кампании 1226 г. хорезмшах вновь появляется в пределах Грузии уже в 1227–1228 гг., получив известия о том, что против него

собирается огромная армия, чтобы окончательно ликвидировать остатки хорезмийской власти в этих землях, а также, вероятно, захватить и ближайшие к Грузии территории. «Узнав о том, что его и адарбадаганским войскам не выстоять против (татар), покинул Адарбадаган и вновь удалился в Тбилиси. Проведав об этом, царица Русудан созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатурт-ухуцеса Шанше, амирспасалара Авага, мсахурт-ухуцеса Варама, эров, кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таойцев, Цотне Даддани, человека почтенного и достойного; абхазов, джиков и всех из имерского царства, говорить о коих порознь недосуг. И отверзла Врата Дариальские и впустила осов, дурдзуков и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве неисчислимом, и отправила царица их на войну с хорезмийцами» [17, с. 127]. Именно с этой кампанией Джалал ад-Дина Манкбурны напрямую связан эпизод, анализу которого посвящена данная статья.

О данном событии рассказывается в сочинении 'Ала' ад-Дина Ата-Малика Джувейни «Тарих-и джахангушай», написанном около 1260 г., ниже мы приведем перевод этого фрагмента, взятый из издания Дж.Э. Бойла. «Оттуда он в году 625/1227-8 двинулся в Грузию. Тогда султаны Рума, Сирии и Армении и всего того региона, страшась его жестокости и мщениа, его безудержного натиска и яростного нападения, образовали конфедерацию и объединились, чтобы противостоятъ ему; и была собрана армия, в которую вошли грузины, аланы, армяне, жители Сарира, лакзы¹, кыпчаки, сваны, чанеты², сирийцы и жители Рума, к которым присоединились [и другие] мужи, закаленные в горниле жизни и избранные в день битвы» [29, р. 438–439]. Далее Джувейни сообщает о приготовлении хорезмшаха к сражению и приводит весьма любопытное описание встречи двух армий, где ключевую роль сыграют упомянутые выше кыпчаки. «Когда явилось вражеское войско с барабанами и трубами, со своими верблюдами и верблюдицами, и построились шеренга за шеренгой, подготовившись к сражению, то они увидели войско султана, которое в сравнении с их войском было подобно ручью в сравнении с морем или как мяч на поле. Господь Всемогуций сказал: «Двадцать из вас, обладающие терпением, нанесут поражение двум сотням: а если таковых наберется из вас сотня, то они одержат победу над тысячью неверных, поскольку они – народ не обладающий пониманием»³. Когда грузинская армия встала напротив армии султана, то последние обнажили свое оружие, а сам султан поднялся на высокий холм, чтобы оттуда рассмотреть своих врагов. На правом фланге он увидел двадцать тысяч кыпчаков с их знаками и знаменами. Тогда он отправил к ним Кошкара с караваем хлеба и солью и попросил его напомнить кыпчакам об их обязательстве перед ним. В годы правления его отца они были закованы и унижены, и он спас их благодаря своему посредничеству и ходатайству перед отцом о них. Собираются ли они нарушить свои обязательства перед ним и поднять меч против него теперь? По этой причине армия Кыпчаков повернулось, покинуло поле боя и расположилось от него в стороне» [29, р. 440].

В издании персидского текста «Тарих-и джахангушай», осуществленном Мирзой Мухаммадом Казвини [38], интересующий нас отрывок может быть переведен

1. Здесь Дж.Э. Бойль предлагает следующий комментарий – «Lakziyān. Лакзы, чье название до сих пор сохранилось у лезгин современного Дагестана» [29, р. 438, comm. 4].

2. Здесь Дж.Э. Бойль предлагает следующий комментарий – «Чанет в грузинском Ч'анет'и, что, строго говоря, означает «земля Ч'анов'». Ч'аны – это грузинское название Лазов, которые обитали на юго-восточном побережье Черного моря между Трабзоном и Батуми» [29, р. 439, comm. 7].

3. Коран 8:66.

следующим образом [38, s. 170–176]. «Когда войско грузин (گرج) достигло армии султана, то они начали одевать доспехи, [готовясь к сражению], а султан поднялся на холм и оттуда увидел флаги и штандарты кыпчаков (قفچاق), которых было двадцать тысяч человек. Султан к ним отправил Кошкара (قشقر) и дал ему с собой лишь хлеб и соль для них. Когда тот доехал до позиций кыпчаков, то сказал им: «разве справедливо это? Когда в годы правления моего отца, они были скованные и унижены, султан по великой своей милости даровал им избавление и перед отцом своим был заступником за них. Неужели теперь они решили против меня обнажить мечи?» Войско кыпчаков по этой причине покинуло свои позиции и встало в стороне, окончательно решив [не сражаться]» [38, s. 172, f. 103б–104а]. Прежде всего, хотелось бы отметить, что участие кочевых тюркских племен в составе грузинской армии в тех или иных военных конфликтах не является единичным или уникальным случаем. В частности, можно отметить известный исследователям эпизод, произошедший в годы правления царя Давида IV (1089–1125). Согласно тексту анонимного «Жития царя царей» или «Жития царя царей Давида», этот правитель захватил Дарьяльский проход и обеспечил возможность кыпчакам переселиться на грузинские территории и нести там военную службу. «Вступили в Осетию; вышли им навстречу цари Осетии и все их мтавары, встав словно рабы перед ним. Взял он заложников с обеих сторон – от овсов и от кыпчаков, – и так легко объединил он оба народа, водворив между ними любовь и мир, как между братьями. Взял крепость Дариали и все [крепости, находящиеся] на горных перевалах Осетии и Кавказа. Обеспечив кыпчакам мирный путь, вывел он великое множество их, своего тестя и братьев своей жены; и не напрасно трудился он, ибо прибытие их не осталось безрезультатным: с их помощью истребил он все персидские войска, вызвав страх и ужас у всех земных царей, и благодаря их содействию он совершил невероятные дела, как будет сказано далее» [6, с. 190]. Согласно этому же источнику, переселившись в земли Грузии, кыпчаки начинают весьма успешно нести военную службу и становятся причиной многочисленных побед грузинской армии. «Кыпчаков же с их семьями расселил он в удобных для них местах; было их – боеспособных, отборных – сорок тысяч человек. Он полностью обеспечил их конями и доспехами. И еще было у него отборных слуг, наученных брани, пять тысяч человек, все – принявшие христианство, достойные доверия, испытанной доблести. И большинство кыпчаков день ото дня становились христианами, и бесчисленное множество вступало в лоно Христово. Собрал их [кыпчаков] и расположив по родам, он поставил над ними спасаларов и командующих. А также [были у него] войска со своего царства, отменные и оснащенные, на добрых конях, не знающие отступления в бою. Среди них – он сам, бесподобный военачальник и воин, похожий на героя древнего сказа о Кайхосро, предводительствовал ими. И начал он устраивать набеги на Персию, Ширван и Великий Сомхити. Не зная устали и не считая обременительным [это занятие], он держал их в порядке, делал все своевременно, управлял и распоряжался ими по своему великому разумению. И кто бы мог противостоять ему, либо идти на него с войной, либо поднять оружие против него?» [6, с. 190].

Таким образом, сам по себе факт присутствия кыпчаков в грузинском войске вряд ли можно считать чем-то из ряда вон выходящим, однако именно этот эпизод из биографии Джалал ад-Дина Манкбурны вызывает вопросы, несмотря на все вышесказанное. Прежде всего, обратим внимание еще раз на тот факт, что грузинские

источники не упоминают кыпчакского присутствия в своей армии именно в этом столкновении с хорезмийскими войсками. Здесь мы позволим себе еще раз процитировать фрагмент из выдающегося памятника грузинской историографии – «Столетней хроники». *«Проведав об этом, царица Русудан созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатурт-ухуцеса Шанше, амирспасалара Авага, мсахурт-ухуцеса Варама, эров, кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таойцев, Цотне Дадиани, человека почтенного и достойного; абхазов, джиков и всех из имерского царства, говорить о коих порознь недосуг. И отверзла Врата Дариальские и впустила осов, дурдзуков и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве неисчислимом, и отправила царица их на войну с хорезмийцами»* [17, с. 127]. Анонимный грузинский автор не упоминает кыпчакские силы ни при описании подготовки к войне с Джалал ад-Дином, ни при описании самого сражения. *«И сторожевые султана увидели (грузин), донесли ему. Он же, будучи бесстрашным в бою, вооружился и выступил во главе (своего войска), и произошла война жестокая, и в начале схватки одолели грузины. Когда же бой разгорелся пуще, пало с обеих сторон немереное множество людей, гневно глянул Господь на племя грузинское, ибо не утешилось сердце Господне во гневе, ибо высока длань Его и помянул Он нам безверие наше. И одолели войско царское и бежали от хорезмийцев. Султан же вновь вступил в Тбилиси. И всех, кого где-либо настигли, грабили. И разорял (хорезмшах) вышеупомянутые земли»* [6, с. 344]. Как видно из этого фрагмента, никакой информации об участии в сражении кыпчакских войск, равно как и об их уходе с поля боя, анонимный грузинский историк не приводит. Это выглядит по меньшей мере странно уже хотя бы потому, что, если следовать версии Джувейни, уход двадцати тысяч кыпчаков не мог не сказаться на боеспособности грузинской армии и мог стать важной причиной ее поражения, что должен был бы отметить грузинский историк, оправдывая новый разгром со стороны войск Джалал ад-Дина Манкбурны.

Впрочем, в памятниках арабо-персидской историографии, которые были написаны ранее, нежели «Тарих-и джахангушай», то есть до 1260 г., также нет сведений об участии кыпчаков в этом сражении. Так, например, хорошо осведомленный о деятельности хорезмшаха на Южном Кавказе Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, который к тому же долгое время служил личным секретарем Джалал ад-Дина Манкбурны, пишет в своем труде «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» об этом следующее. *«Вслед за этим прибыло известие о том, что царица Русудана и Иване собрали [войска], и к ним на помощь сошлись лакзы (ал-лакз), аланы (ал-лан), сваны (ас-суван) и их число достигло сорока тысяч или больше. Они (грузины) преисполнились радости при виде пылавших дров и сброда ополченцев, но «обещает им сатана только обольщение»⁴. Султан тотчас же собрался, выступил из ставки, где располагался, и к нему прилетели всадники группами и в одиночку, пока не умножилось полчище его сторонников и помощников. Он отправился [навстречу] им, и когда приблизился к упомянутому озеру, здесь столкнулись оба авангарда. Авангард грузин обратился в бегство, и помощь Аллаха принесла победу. Привели нескольких из них, и он приказал отрубить им голову. Затем султан направился против их войска, а они улетели на крыльях бегства, как пичужки, завидевшие парящего сокола или взмывших в небо орлов. Они пустились врассыпную и рассеялись группами по дорогам. Мечи стали искать их плеч и преследовали их, пока*

4. Коран 4:119; 17:66

не делали их прямыми. Некоторые из них (войск султана) преследовали обоз Иване и захватили его в качестве добычи» [8, с. 224–225]. Как видно из этого отрывка, ан-Насави, как и более поздний Джувейни, отмечает присутствие в грузинском войске аланов, сванов и лакзов, что является общей чертой у обоих этих рассказов. Однако более ранний историк не упоминает кыпчакских военных сил в составе грузинской армии, равно как и не говорит о переговорах между ними и Джалал ад-Дином Манкбурны. Что же касается упомянутого Джувейни Кошкара, то речь идет, вероятнее всего, о мамлюке атабека Азербайджана, Музаффар ад-Дина Узбека (1210–1225) [13, с. 13–19] – Сайф ад-Дине Кашкаре (25) [قشقرقا, s. 247]. Последний дважды упоминается в тексте «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны», однако оба этих случая не имеют никакого отношения к кампании против грузин. «Он (султан) вернулся, чтобы отомстить грузинам за то, что те подожгли Тифлис, и назначил Сафи ад-Дина вазиром Шаки и Кабалы – городов Ширвана. Эти города были захвачены грузинами у владельца Ширвана несколько лет назад, когда грузины еще были сильны. Он (султан) прикрепил к городам в качестве наместника (вали) и защитника Кашкару – мамлюка атабека Узбека, и они оба (Сафи ад-Дин и Кашкара) стали владеть городами» [8, с. 193]. В другом месте этот же историк пишет уже о смерти упомянутого мамлюка: «Он (Шараф аль-Мульк) конфисковал у него громадное количество денег и, [кроме того], обязал его сдать крепость Кахрам, так как тамошнего вали назначал он. И [Насир ад-Дин] сдал ее. Затем он получил известие о смерти Сайф ад-Дина Кашкара ат-Атабеки, бывшего вали султана в Гяндже. Он направился туда и получил от на'иба умершего – Шамс ад-Дина Гиршасфа крепости Херк и Джарбберд, входившие в округ Аррана» [8, с. 204].

Как видно из приведенных примеров, ан-Насави действительно подтверждает нахождение на службе у хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны человека, которого звали Кошкар или Кашкара, который был тюркского происхождения, если судить по его имени. Однако о его участии в кампании против грузин этот историк, как нами и было отмечено, не упоминает: З.М. Буниятов в комментариях к изданию перевода текста «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» подчеркивает тот факт, что Сайф ад-Дин Кашкара «был эмиром Гянджи при атабеке Узбеке», ссылаясь на еще более ранний труд Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих» [8, с. 383, комм. 4]. Впрочем, у этого арабского историка также нет описания сюжета даже в общих чертах близкого тому, что мы находим у Джувейни, равно как и рассказа об участии Кошкара (Кашкары) в переговорах с кыпчаками [2, с. 388–389; 26, s. 282–285], однако этот историк, тем не менее, упоминает кыпчаков в составе грузинской армии, но не при описании событий 625 г.х., а 622 г.х.⁵ «Когда обстановка в Азербайджане упрочилась, Джалал ад-Дин вернулся в страну грузин, отправившись туда по окончании шестисот двадцать второго и наступлении этого года. Грузины к тому времени успели вернуться в нее, собрали своих воинов и воинов из соседних народов – аланов (اللان), лезгин (اللكز), кыпчаков (قفجاق) и других – и объединились с ними в неисчислимое войско. Они разгорелись желанием борьбы и обольстились тщетными надеждами. Дьявол прельстил их победой, а все, что обещает дьявол, – лишь обман» [2, с. 393; 26, s. 293]. Впрочем, и у других более ранних авторов нет сведений относительно данного эпизода войны хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны с Грузинским царством, что свидетельствует о том, что именно в «Тарих-и джахангушай» данный рассказ

5. 622 г.х. = 2.01.1226 – 21.12.1226 г. ДТ

встречается впервые [35, vol. I, p. 294–299; 27, с. 57–59]. Справедливости ради стоит отметить, что и хорошо знакомый с сочинением Джувейни более поздний персидский историк, Рашид ад-Дин Фазлоллах, не включил рассказ об этом вторжении хорезмийских войск в Грузию и переговорах с кыпчаками в состав своего труда «Джами' ат-таварих». Этот историк сообщает о походе против грузин, как о событии, к которому хорезмшах только начал готовиться, но никаких его описаний при этом не приводит. *«Неожиданно прибыли добрые вестники [с уведомлением], что султан приближается. Жители города вышли к нему навстречу и изъявили радость. Когда [султан] спешил, он в гневе на большинство [своей] свиты [хашам] приказал набросить женские покрывала на головы ханам и начальствующим лицам, которые провинились в день сражения, и обвести [их] кругом города по [всем] кварталам. Лицам же, не принадлежащим к числу эмиров, но выказавшим в тот день мужество, он даровал прозвание [лакаб] «хан» или «мелик», пожаловал [им] почетное платье и [другие] подарки и приблизил ко двору. Это событие случилось в [месяце] рамазана 624 г.х. [5 августа – 14 сентября 1227 г. н.э.]. Затем султан пошел к Тебризу и занялся подготовкой к [новому] походу на Гурджистан [Грузию]»* [9, т. 1, кн. 2, с. 244].

Таким образом, перед нами весьма любопытный историографический феномен, который проще всего было бы признать выдумкой Джувейни, поскольку хорошо осведомленный о жизни Джалал ад-Дина Манкбурны и к тому же более ранний автор, ан-Насави, совершенно ничего не сообщает о кыпчаках в составе грузинского войска, о переговорах с ними и о последующем их уходе с поля боя. Молчание других более ранних арабо-персидских историков по этому поводу также может свидетельствовать в пользу того, что данный рассказ был целиком и полностью сформирован Джувейни безо всякой опоры на более ранние тексты. Однако упоминание в качестве переговорщика с хорезмийской стороны Кошкара (Кашкары), сведения о котором есть и у более ранних ан-Насави и Ибн ал-Асира, пусть и в другом контексте, заставляют нас не записывать данный рассказ из «Тарих-и джахангушай» в разряд «выдуманных историй», а присмотреться к нему еще более пристально. Как нами уже отмечалось выше, сам факт использования грузинскими правителями кыпчакских военных объединения в составе собственной армии не является единичным фактом и о подобном сообщают грузинские источники, пусть и применительно к более раннему историческому периоду [6, с. 190]. Впрочем, в этом случае миграция кыпчаков в Грузию проходила через Дарьяльский проход, что косвенно говорит в пользу того, что перед нами переход на грузинскую службу части половецкого объединения [6, с. 190], то есть речь идет о «западных кыпчаках», не имевших прямых контактов с Хорезмом. При этом в интересующем нас сообщении Джувейни Джалал ад-Дин Манкбурны упоминает *«кыпчакам об их обязательстве перед ним. В годы правления его отца они были закованы и унижены, и он спас их благодаря своему посредничеству и ходатайству перед отцом о них. Собираются ли они нарушить свои обязательства перед ним и поднять меч против него теперь?»* [29, р. 440]. Таким образом, если доверять рассказу Джувейни, в данном случае в составе грузинской армии находились представители условно «восточного крыла» кыпчакского племенного объединения, которые, напротив, имели тесные связи с Хорезмом и в годы правления хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада (1200–1220) и попали в немилость к последнему. В пользу данного предположения может говорить и тот факт, что у Джувейни речь идет о событиях 1227–1228 г., то есть времени после разгрома кыпчакских войск монголами на

Калке, когда значительная часть кыпчаков покинула степи, прилегающие к Северному Кавказу.

Впрочем, здесь необходимо привести сообщение все того же Ибн ал-Асира из «ал-Камил фи-т-тарих» о миграции кыпчаков из пределов Северного Кавказа через Дербентский проход в южнокавказские земли как раз после событий 1223 г. [7, с. 145–148; 26, s. 264–267], если следовать контексту изложения событий в сочинении арабского историка. Если говорить точнее, то речь идет о событии 619 г.х.⁶, и, поскольку данный рассказ весьма обширен, мы отметим здесь лишь некоторые важнейшие его детали. Итак, арабский историк сообщает, что *«после того, как татары заняли землю кыпчаков, последние рассеялись: одна часть ушла в страну русов, другая рассеялась по своим горам, большинство же их, собравшись, направились к Дербенду-Ширвана»* [7, с. 145]. Правитель этого города отказался пропустить кыпчакские силы через Дербент и тогда один из кыпчакских предводителей сумел его обмануть, однако предварительно сообщил о себе следующее. *«Потом один из их вельмож и представителей, явившись к Рашиду, сказал ему: «Я служил султану хорезмшаху, и я мусульманин, а религия побуждает меня дать тебе добрый совет: знай, что кыпчаки — твои враги и хотят тебя обмануть, поэтому не разрешай им оставаться в твоей стране. Дай мне войска, и я буду воевать с ними и выгоню их из твоей страны». Тот согласился с ним, передал ему часть своих войск и выдал им оружие и другое, в чем они нуждались»* [7, с. 146]. Данный момент крайне важен для нас, поскольку демонстрирует то, что в составе мигрирующих в земли Южного Кавказа с севера кыпчаков могли находиться и те, кто до монгольского вторжения находился на хорезмийской службе, а, следовательно, подобное могло случиться и в более поздний период, о котором сообщает уже Джувейни. Второй важный момент связан с тем, что переговоры с кыпчаками после того, как им удалось пройти через Дербент, ведет, согласно Ибн ал-Асиру, тот самый Кошкара (Кашкары). *«Ограбив всю область Кабалы, они двинулись дальше и подошли к окрестностям Ганджи в провинции Аррана, которая (Ганджа) принадлежала мусульманам, и здесь расположились. И послал против них эмир Ганджи — это был раб Узбека, владельца Азербайджана, по имени Кушхара [26, s. 266], — войска и помешал им приблизиться к его области. «Вы изменнически поступили с владельцем Ширвана и захватили его крепость; вы также изменили владельцу Кабалы и ограбили его страну, поэтому никто вам не поверит». Они ответили ему: «Мы нарочно пришли, чтобы только послужить вашему султану, но ширваниах помешал нам прийти к вам, поэтому мы направились в его страну и взяли его крепость, которую мы потом покинули не из боязни. Что касается владельца Кабалы, то он ваш враг. Если бы мы хотели взять за одно с курджами, то наш путь не лежал бы через Дербенд-Ширвана⁷, самый трудный, утомительный и дальний путь, а проникли бы в их страну так, как мы привыкли проникать раньше. Мы пришлем вам заложников». Услышав это, Кушхара отправился к ним. Узнав об этом, двое из видных предводителей (эмиров) кыпчаков сели на коней и во главе небольшого отряда направились к нему, встретили его, почтительно приветствовали и сказали ему: «Мы явились к тебе в небольшом числе, дабы ты убедился, что мы ничего, кроме верности и желания послужить*

6. 619 г.х. = 1222 – 1223 г. ДТ

7. Так в переводе П.К. Жузе. В арабском тексте мы видим, что, во всех случаях такого перевода, написано «الى دربند شروان». ДТ

вашему султану, не имеем». Тогда Кушхара разрешил им двинуться дальше и расположиться у Ганджи. Потом он женился на дочери одного из них и послал своему господину, Узбеку, донесение об их (кипчаков) положении, и тот приказал выдать им почетные платья и поселить их на горе Килькун, что и было сделано» [7, с. 147]. Несмотря на то, что в итоге, согласно рассказу из «ал-Камил фи-т-тарих» данная миграция кыпчаков на Южной Кавказ закончилась их разгромом, сам факт присутствия в их составе тех, кто находился ранее на хорезмийской службе, делает сообщение Джувейни все более значимым. Также стоит отметить, что против кыпчаков собирается, согласно Ибн ал-Асиру, объединенная армия, как и против хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. «Испугавшись, кипчаки ушли по направлению к Ширвану, а потом перешли в страну лакзов. Однако мусульмане, курджи, лакзы и другие, почувствовав смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, грабили и захватили в плен, так что кыпчакский раб (мамлюк) продавался в Дербенд-Ширване по (самой) низкой цене» [7, с. 148].

Впрочем, для нашего исследования важно отметить следующие моменты: во-первых, упоминание особой роли Джалал ад-Дина Манкбурны в судьбе кыпчаков на хорезмийской службе в годы правления его отца, что вполне коррелируется со сведениями ан-Насави о том, что именно кипчаки были в близких отношениях с правящей в Хорезме династией. «Кыпчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена, и ныне, у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингиз-хан и его сыновья сделали все для полного уничтожения кыпчаков, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности их войск» [8, с. 220]. Что же касается упоминания о том, что «в годы правления его отца они были закованы и унижены, и он спас их благодаря своему посредничеству и ходатайству перед отцом о них» [29, р. 440], то перед нами, вероятно, определенные отголоски борьбы внутри тюркской военной и политической элиты Хорезма накануне монгольского вторжения, где с одной стороны были те, кто поддерживал Джалал ад-Дина Манкбурны, а с другой – партия матери хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада, Теркен-хатун [16, с. 83–103]. Тот же ан-Насави упоминает поддержку Джалал ад-Дина Манкбурны со стороны кыпчаков в борьбе с соседними правителями в 1230–1231 г.: «Затем, на второй день после этого, прибыл ‘Алам ад-Дин Санджар по прозвищу Касаб ас-Суккар – посол от правителя Амида – с письмом, которое содержало изъявление службы и подчинения. Он соблазнял [султана] походом на ар-Рум, подстрекая его к захвату этой страны, и писал: «Поистине, [ар-Рум] – достижимая цель для султана, и он, как только направится туда, овладеет страной, не имея соперников, и будет править им беспрепятственно. А если султан победит малика ар-Рума и будет опираться на дружественных кыпчаков, которые желают [служить] ему, то татары будут бояться его, и [этим] будет достигнута победа» [8, с. 292]. В этой цитате опять фигурируют дружественные хорезмшаху кипчаки, которые должны были ему помочь в борьбе не только с соседними правителями, но и с монголами. Во-вторых, миграция кыпчаков в пределы Южного Кавказа в интересующий нас период времени происходила неоднократно и преимущественно через Дербентский проход. Тот же ан-Насави подробно описывает одну из таких миграционных волн, случившуюся после 1227 г. «Когда султан после сражения близ Исфахана вернулся из Ирака (а его войска были

напуганы тем, что увидели в деле с татарами и их смелостью), он счел необходимым прибегнуть к помощи кыпчакских племен. Он отправил Сиррджана Киши, кыпчака родом, имевшего среди них семейные связи, чтобы он уговорил их оказать помощь султану, объяснил им, что их собственная безопасность – в союзе с ним против врагов, а если они будут разделены, то обеим сторонам не миновать полного уничтожения и гибели. Упомянутый (Сиррджан Киши) обнаружил, что они рады его посольству и хотят присоединиться к нему, и он проводил их к султану. Вначале к Дербенду направились некоторые их племена числом около пятидесяти тысяч шатров, но они не смогли переправиться и расположились близ Дербенда. На корабль сел Гурка – один из их владык (малик мин мулюк) с тремястами своих приближенных и родственников и встретился с Шараф аль-Мульком, который находился в Мукане. Только после того, как дороги освободились от снега, и конница весны стала побеждать, султан возвратился в Мукан, где его встретили Шараф аль-Мульк и Гурка. Последний просил извинить за его отказ от службы и довольствоваться обещанием, что он впоследствии явится и приложит усилия для этого. Но его извинение не были принято, пока он не спешил и не поцеловал руку султана. Затем султан через несколько дней одарил его и прибывших с ним людей и вернул его обратно, обещая вовремя взять Дербендский проход» [8, с. 220–221]. Впрочем, если верить ан-Насави, кыпчакское войско в данном конкретном случае так и не прошло Дербентский проход, но сам по себе сюжет, с нашей точки зрения, показательный.

Подводя итоги этого исследования, хотелось бы отметить в первую очередь тот факт, что рассказ Джувейни из «Тарих-и джахангушай» об участии кыпчакских войск в войне хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны с Грузинским царством лишь на первый взгляд может показаться авторской выдумкой. Несмотря на то, что подобные сведения не встречаются в ранних и более поздних арабо-персидских текстах, описанные Джувейни исторические реалии вполне соотносятся с тем, что пишут другие историки о ситуации на Южном Кавказе в 1220-е годы. Сам же факт использования кыпчаков грузинскими правителями в составе собственной армии подтверждается в более ранний исторический период памятниками грузинской историографии. Что же касается событий 1227–1228 гг., то упоминание в качестве переговорщика с хорезмийской стороны Кошкара (Кашкары) все-таки связывает рассказ Джувейни с более ранними текстами, где также упоминается этот политический деятель, а Ибн ал-Асир упоминает его переговоры с кыпчаками во время одной из волн их миграции на Южный Кавказ в чуть более ранний период. Указание Джувейни на то, что Джалал ад-Дин сыграл особую роль в судьбе кыпчаков в домонгольский период подтверждается более ранними текстами, в том плане, что вся династия правителей Хорезма имела с кыпчаками более чем тесные связи. Кроме того, с учетом междоусобной борьбы в Хорезмийской державе накануне монгольского нашествия поддержка частью кыпчакского племенного объединения наследника 'Ала' ад-Дина Мухаммада могла стать той самой причиной, по которой Джалал ад-Дин Манкбурны мог себе позволить, согласно Джувейни, следующее заявление в отношении кыпчаков – «Собираются ли они нарушить свои обязательства перед ним и поднять меч против него теперь?» [29, р. 440]. В свою очередь представление о том, что в составе грузинского войска могли присутствовать кыпчаки, служившие когда-то хорезмшахам, также может показаться странным лишь на первый взгляд: арабо-персидские авторы упо-

минают несколько волн миграций кыпчаков на Южный Кавказ после 1223 г. и часть из них, если судить по данным Ибн ал-Асира и ан-Насави, вполне могла нести хорезмийскую службу в домонгольский период. Вероятнее всего, те кыпчакские военные силы, о которых сообщает Джувейни попали в пределы Южного Кавказа через Дарьяльское ущелье, если исходить из того, что изначально их на службу призвали именно грузины, однако нельзя исключать и того факта, что перед нами остатки той волны миграции, о которой сообщает Ибн ал-Асир применительно к событиям вокруг Дербента непосредственно после 1223 г. Так или иначе, на основании приведенных нами выше сведений, можно смело заявить о том, что, несмотря на разгром кыпчаков в битве на Калке в 1223 г., часть их продолжала кочевать сравнительно близко к Кавказским горам, периодически стараясь мигрировать южнее в зависимости от политической ситуации на Южном Кавказе: либо через Дарьяльское ущелье, либо через Дербентский проход. В обоих случаях, они сравнительно легко поступали на военную службу к региональным политическим лидерам и играли важную роль, прежде всего, в военном противостоянии внутри этого региона. Рассказ Джувейни в данном случае представляет собой наглядную иллюстрацию данного процесса и важное доказательство той роли, которую играли кочевые тюркские племена во второй половине 1220-х г. на Южном Кавказе.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)», <https://rscf.ru/project/23-28-00736/>

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation project No. 23-28-00736 “Desht-i Kipchak and adjacent settled agricultural territories of the X-XIII centuries: the experience of studying the interaction of cultures (based on written sources)”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00736/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / пер. А.Г. Галстян. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
2. *Ибн ал-Асир*. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолитдин. Ташкент, Цюрих: АН РУЗ, 2005.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия // Вестник АН КазССР. 1970. № 1. С. 23–34.
4. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Сочинения: в 9 т. Т. I. М.: Наука, 1963. С. 45–597.
5. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
6. *Картлис Цховреба: История Грузии* / пер. с груз. яз.; под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси: Изд-во «АРТАНУДЖИ», 2008.
7. Материалы по истории Азербайджана из *Тарих-ал-камил* (полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку: АзФан, 1940.

REFERENCES

1. *Armenian sources about the Mongols. Extract from manuscripts of the XIII–XIV centuries.* Trans. by A.G. Galstyan. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. (In Russ)
2. Ibn al-Asir. “*Al-Kamil fi-t-tarikh*” “*The complete set of history*”. *Selected excerpts.* Trans. by P.G. Bulgakov, S.S. Kamoliddin. Tashkent; Zurich: AN RUZ, 2005. (In Russ)
3. Akhinzhanov SM. Kipchaks and Khwarazm on the eve of the Mongol invasion. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR.* 1970, 1: 23–34. (In Russ)
4. Bartold VV. Turkestan in the era of the Mongol invasion. *Bartold V.V. Essays: in 9 vols. T. I. Turkestan in the era of the Mongol invasion.* Moscow: Nauka, 1963: 45–597. (In Russ)
5. Buniyatov ZM. *The state of the Khwarazmshahs-Anushteginids in 1097–1231.* Moscow: Nauka, 1986. (In Russ)
6. *Kartlis Tskhovreba: The History of Georgia.* Trans. from Georgian and ed. by Academician R. Metreveli. Tbilisi: ARTANUJI Publ., 2008. (In Russ)

8. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1973.
9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: в 3 т. / пер. А.К. Арендса, Ю.П. Верховского, О.И. Смирновой, Л.А. Хетагурова. Т. 1. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
10. Строева Л.В. Последний хорезмшах и исмаилиты Аламута // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. М.; Л.: Академия наук СССР, 1960. С. 451–463.
11. Тимохин Д.М. 'Ала' ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200-1220 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2019.
12. Тимохин Д.М. Арабо-персидские источники о хорезмшахе Джалал ад-Дине Манкбурны и его действиях в Северной Индии (1221–1224 г.) // Восточный архив. 2011. № 2. С. 4–15.
13. Тимохин Д.М. Последний правитель государства атабеков Азербайджана в арабо-персидских источниках // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4. Махачкала, 2018. С. 13–19.
14. Тимохин Д.М. Хорезмийское государство Джалал ад-Дина Манкбурны и Южный Кавказ 1225-1231 гг. // Транскавказика. Южный Кавказ и сопредельные регионы в эпоху монгольского владычества XIII–XIV вв. М.: МБА, 2013. С. 7–39.
15. Тимохин Д.М. Хорезмийское завоевание Южного Кавказа и его последствия // Тюркологические исследования. 2018. №2. С. 16–32.
16. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII – начале XIII вв. в исторических источниках // Материалы II научной конференции по средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103.
17. Цулая Г.В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 112–128.
18. Bedrosian R. The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13-14th Centuries: Ph.D. Dissertation. Columbia University, 1979.
19. Dabir Seyagi, M. Sultan Djalal ad-Din Horezmshah. Tehran: Chaphaney-e Tehran, 1977.
20. Dashdondog Bayarsaikhan. The Mongols and the Armenians (1220-1335). Leiden, Brill, 2011.
21. Erdogan M. Celâleddin Harizmşah // Tarih Institusu Der. Istanbul. 1882. Sf. 376-377.
22. Fitzherbert T. Portrait of a lost leader: Jalal al-Din Kharazmshah and Juvaini // The court of the Il-khans, 1290-1340: The Barakat Trust Conference on Islamic Art and History, St. John's College, Oxford, Saturday, 28 May 1994. Oxford; New York: Oxford University Press for The Board of the Faculty of Oriental Studies, 1996. P. 63–77.
23. Geyikoğlu H. Harzemşah Celâleddin Mengüberti'nin Şahsiyeti // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2010. №4. S. 89–102.
24. Geyikoğlu H. Harzemşah Celâleddin Mengüberti ve Ahlat // Atatürk Üniversitesi Güzel Sanatlar Enstitüsü Dergisi. S. 6, Erzurum, 2000. S. 29–33.
25. History of Djalal ad-Din Mankobirti shah of Khwarazm by Mohammed el-Nesawi / Ed. by Hafez A. Hamdi. Cairo: Dar el-Fikr el-Arabi, 1953.
7. *Materials on the history of Azerbaijan from Tarikh-al-kamil (the complete set of history) by Ibn-al-Asir*. Baku: AzFan, 1940. (In Russ)
8. Shihab al-Din Muhammad an-Nasawi. *Biography of Sultan Jalal al-Din Mankburny*. Translation from Arabic, preface, comments, notes and indexes by Z.M. Bunyatov. Baku: Elm, 1973. (In Russ)
9. Rashid al-Din. *Collection of chronicles: in 3 vols*. Trans. by A.K. Arends, Yu.P. Verkhovsky, O.I. Smirnova, L.A. Khetagurova. Vol. 1. book 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. (In Russ)
10. Stroeve LV. The Last Khwarazmshah and the Ismailites of Alamut. *Studies on the history of culture of the peoples of the East*. Collection in honor of Academician I. A. Orbeli. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960: 451-463. (In Russ)
11. Timokhin DM. *'Ala' ad-Din Muhammad and the heyday of the Khwarazm state: 1200-1220*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2019. (In Russ)
12. Timokhin DM. Arab-Persian sources about Khwarazmshah Jalal al-Din Mankburny and his actions in Northern India (1221-1224). *Vostochnyi Arhiv*. 2011, 2: 4-15. (In Russ)
13. Timokhin DM. The last ruler of the Atabeg state of Azerbaijan in Arab-Persian sources. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(4): 13-19. (In Russ)
14. Timokhin DM. Khwarezmian state of Jalal al-Din Mankburny and the South Caucasus 1225-1231. *Transcaucasica. The South Caucasus and adjacent regions in the era of Mongol rule of the XIII-XIV centuries*. Moscow: MBA, 2013: 7-39. (In Russ)
15. Timokhin DM. Khwarezmian conquest of the South Caucasus and its consequences. *Turkological studies*. 2018, 2: 16-32. (In Russ)
16. Timokhin DM., Tishin VV. The origin of Terken-khatun, the mother of Khwarazmshah Ala al-Din Muhammad: on the problem of the correlation of ethnonyms in Eastern Desht-i Kipchak in the XII – early XIII centuries in historical sources. *Materials of the II Scientific Conference of the medieval history of Desht-i Kipchak*. Pavlodar: NPF "ECO" LLP, 2018: 83-103. (In Russ)
17. Tsulaya GV. Jalal al-Din in the assessment of the Georgian chronicle tradition. *Chronicles*. 1980. Moscow: Nauka, 1981: 112-128. (In Russ)
18. Bedrosian R. The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13-14th Centuries: Ph.D. Dissertation. Columbia University, 1979.
19. Dabir Seyagi M. *Sultan Djalal ad-Din Horezmshah*. Tehran: Chaphaney-e Tehran, 1977. (In Persian)
20. Dashdondog Bayarsaikhan. *The Mongols and the Armenians (1220-1335)*. Leiden, Brill, 2011.
21. Erdogan M. Celâleddin Harizmşah. *Tarih Institusu Der. Istanbul*. 1882. s.12, pp. 376-377. (In Turkish)
22. Fitzherbert T. Portrait of a lost leader: Jalal al-Din Kharazmshah and Juvaini. *The court of the Il-khans, 1290-1340: the Barakat Trust Conference on Islamic Art and History, St. John's College, Oxford, Saturday, 28 May 1994*. Oxford; New York: Oxford University Press For The Board Of The Faculty Of Oriental Studies, 1996: 63-77.
23. Geyikoğlu H. Harzemşah Celâleddin Mengüberti'nin Şahsiyeti. *Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*. 2010. №4: 89-102. (In Turkish)
24. Geyikoğlu H. Harzemşah Celâleddin Mengüberti ve Ahlat. *Atatürk Üniversitesi Güzel Sanatlar Enstitüsü Dergisi*. S. 6, Erzurum, 2000: 29-33. (In Turkish)

26. Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Vol. 12. Annos H. 584 – 628 / Ed. by C. J. Tornberg. Upsaliae: C. A. Leffler, 1853.
27. Les invasions mongoles en Orient vécués par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha / Trad. M. Djebli. Paris: Le Groupe Harmattan, 1995.
28. Jackson P. Jalâl al-Dîn, the Mongols, and the Khwarazmian Conquest of the Panjâb and Sind // Iran. Vol. 28. 1990. P. 45–54.
29. *Juwaini*. The History of the World-conqueror / Trad. J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997.
30. Kafesoglu I. Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara: TTK Basimevi, 1956.
31. Kermani Nasir ad-Din Munshi. *Simt al-'ulii li'l-hadra al-'ulya* / Ed. I. 'Abbas. Tehran: Sherkat Sahami Chap, 1328/1949.
32. May T. The Conquest and Rule of Transcaucasia: The Era of Chormaqan // Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Ed. by J. Tubach, S.G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 129–131.
33. *Mu'in al-Dîn Națanzî*. Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iskandar) / Ed. by J. Aubin. Tehran: Kitâbfurûshî-i Khayyâm, 1336/1957.
34. Qazvini Hamdallah Mustaufi. *Tarikh-e gozide*. Les dynasties persanes pendant la periode musulmane depuis les Saffarides jusque et y compris les Mogols de la Perse en 1330 de n.e. / Texte persan complet et trad. Ed. par J. Gantin. T. I. Paris: Maisonneuve et Guilmoto, 1903.
35. *Ābakāt-i-Nāşirî*: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / Ed. by Minhāj-ud-dîn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. London: Gilbert & Rivington, 1881. Vol. I-II.
36. Taneri A. Celâleddin Harizmşah // *İslâm Ansiklopedisi*. Istanbul, 1988–2013. Cilt. 7. S. 248–250.
37. Taneri A. *Celalü'd-din Harizmşah ve Zamanı*. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1977.
38. *Ta'rikh-i-Jahân-gushâ of 'Alâ'u d-Dîn 'Aṭa Malik-i Juwaynî* (composed in A.H. 658 = A.D. 1260). Ed. by Qazvîni, Muḥammad. Leyden, E.J. Brill; London, Luzac & Co., 1916.
39. Vashalomidze S.G. Mongol invasions in the Caucasus and the Georgian source Kartlis cxovreba // Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Ed. by J. Tubach, S.G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 309–321.
40. *Yinanç Mükremin Halil*. Celaleddin Harzemsah // *Islam Ansiklopedisi*. Istanbul 1988. Cilt. 3. S. 48–52.
25. *History of Djalal ad-Din Mankobirti shah of Khwarazm by Mohammed el-Nesawi*. Ed. by Hafez A. Hamdi. Cairo: Dar el-Fikr el-Arabi, 1953. (In Arabic)
26. Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Vol. 12. Annos H. 584–628. Ed. by S.J. Tornberg. Upsaliae: C. A. Leffler, 1853. (In Arabic)
27. Les invasions mongoles en Orient vécués par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha. Trad. M. Djebli. Paris: Le Groupe Harmattan, 1995.
28. Jackson P. Jalâl al-Dîn, the Mongols, and the Khwarazmian Conquest of the Panjâb and Sind. *Iran*. 1990, 28: 45–54.
29. *Juwaini*. *The History of the World-conqueror*. Trans. by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997.
30. Kafesoglu I. *Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara: TTK Basimevi, 1956. (In Turkish)
31. Kermani Nasir ad-Din Munshi. *Simt al-'ulii li'l-hadra al-'ulya*. Ed. I. 'Abbas. Tehran: Sherkat Sahami Chap, 1328/1949. (In Persian)
32. May T. The Conquest and Rule of Transcaucasia: The Era of Chormaqan. *Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit*. Ed. by J. Tubach, S.G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012: 129–131.
33. *Mu'in al-Dîn Națanzî*. *Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iskandar)*. Ed. by J. Aubin. Tehran: Kitâbfurûshî-i Khayyâm, 1336/1957. (In Persian)
34. Qazvini Hamdallah Mustaufi. *Tarikh-e gozide*. *Les dynasties persanes pendant la periode musulmane depuis les Saffarides jusque et y compris les Mogols de la Perse en 1330 de n.e.* Texte persan complet et trad. Ed. par J. Gantin. T. I. Paris: Maisonneuve et Guilmoto, 1903.
35. *Ābakāt-i-Nāşirî*: *A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. Ed. by Minhāj-ud-dîn, Abū-'Umar-i-'Usmān; trans. from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. London: Gilbert & Rivington, 1881. Vol. I-II.
36. Taneri A. Celâleddin Harizmşah. *İslâm Ansiklopedisi*. Istanbul, 1988–2013. Cil. 7: 248–250. (In Turkish)
37. Taneri A. *Celalü'd-din Harizmşah ve Zamanı*. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1977. (In Turkish)
38. *Ta'rikh-i-Jahân-gushâ of 'Alâ'u d-Dîn 'Aṭa Malik-i Juwaynî* (composed in A.H. 658 = A.D. 1260). Ed. by Qazvîni, Muḥammad. Leyden, E.J. Brill; London, Luzac & Co., 1916. (In Persian)
39. Vashalomidze S.G. Mongol invasions in the Caucasus and the Georgian source Kartlis cxovreba. *Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit*. Ed. by J. Tubach, S.G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. pp. 309–321.
40. *Yinanç Mükremin Halil*. Celaleddin Harzemsah. *Islam Ansiklopedisi*. Istanbul, 1988. Cilt. 3, pp. 48–52. (In Turkish)

Поступила в редакцию 25.03.2023 г.

Принята в печать 06.12.2023 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 25.03.2023

Accepted 06.12.2023

Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20121-34>

Исследовательская статья

Алибеков Хизри Гаджиевич
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
al-gidatli@mail.ru

КОЛОФОН КАК ИСТОЧНИК ПО АРАБСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ДАГЕСТАНА

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию дагестанской рукописной традиции через колофоны арабских и арабографических рукописей, созданных дагестанцами в XVI–XX вв. Автор исследовал колофоны арабских рукописей, хранящиеся в различных государственных и частных коллекциях Дагестана. Переписка манускрипта предполагала в том числе сверку копируемого списка с протографом. Качество вновь создаваемой рукописной книги значительно зависело как от протографа, так и от других списков, с текстом которых переписчик сверял свою работу. Сведения, касающиеся процесса переписки рукописи, обстоятельств переписки, протографа и других списков, с которыми сверялась рукопись, переписчики иногда фиксировали в колофоне. Таким образом, колофон выступает важным и ценным историческим источником, помогающим пролить свет на многочисленные аспекты арабо-мусульманской письменной культуры в Дагестане. Сведения, сообщающие подробности о процессе переписки рукописи, появляются в дагестанских колофонах примерно с конца XVII в., что является одним из свидетельств того, что в указанный период арабская рукописная традиция и мусульманское образование перешли на качественно новый уровень. Данное явление связано с новым этапом исламизации Дагестана, который начался в XVII в. и заключался в упрочении исламом своих позиций вглубь. Как следствие, в этот период значительно увеличивается количество медресе – мусульманских духовно-образовательных центров – которые становятся основным местом переписки рукописей. Углубленные знания по исламу, преподававшиеся в таких медресе, зависели от качественного учебного материала, которыми служили достоверные списки арабских рукописей по различным мусульманским дисциплинам.

Ключевые слова: арабские манускрипты; рукописная книга, история Дагестана; арабоязычная культура Дагестана; переписка рукописи

Для цитирования: Алибеков Х.Г. Колофон как источник по арабской рукописной традиции Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 1. С. 21–34.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20121-34>

Research paper

Hizri G. Alibekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
al-gidatli@mail.ru

COLOPHON AS A SOURCE ON THE ARABIC MANUSCRIPT TRADITION OF DAGESTAN

Abstract. This article deals with the study of the Dagestan handwritten tradition through an examination of colophons found in Arabic and Arabographic manuscripts produced by Dagestanis between the 16th and 20th centuries. The author examined colophons of Arabic manuscripts stored in various public and private collections throughout Dagestan. The process of copying a manuscript often involved the scribe checking their work against the original text (protograph) and other manuscripts. The quality of the final handwritten book depended significantly on both the quality of the protograph and the availability of other manuscripts for collation. Colophons sometimes contain information recorded by the scribe concerning the copying process, the circumstances surrounding the creation of the manuscript, the protograph used, and any other manuscripts consulted during the copying process. Thus, the colophon is an important and valuable historical source that sheds light on numerous aspects of Arab-Muslim written culture in Dagestan. Information detailing the process of copying manuscripts appears in Dagestan colophons around the end of the 17th century, which coincides with a qualitative leap in the Arabic manuscript tradition and Muslim education during this period. This phenomenon can be associated with a new stage of Islamization in Dagestan, which began in the 17th century and involved a deepening of Islamic influence. As a result, the number of madrasas – Muslim spiritual and educational centers – increased significantly during this period. These madrasas, which became the primary places for manuscript copying, relied on high-quality educational materials in the form of reliable copies of Arabic manuscripts on various Muslim disciplines.

Keywords: Arabic manuscript; handwritten book; Dagestan history; Arabic-language culture of Dagestan; manuscript reproduction

For citation: Alibekov H.G. Colophon as a Source On the Arabic Manuscript Tradition of Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 21–34.

Колофон – важнейший компонент рукописной книги, наиболее ценная и информативная ее часть. В колофоне содержится основная и порой единственная информация о создателе, процессе и обстоятельствах создания рукописной книги. Тем не менее колофоны арабских манускриптов являются объектом изучения у крайне небольшого числа исследователей в мире. Данная статья – одно из первых исследований дагестанских колофонов, которое раскрывает их характеристику как источника по арабской рукописной традиции этого региона. Таким образом, настоящее исследование приобретает особую актуальность.

Самые ранние арабо-мусульманские манускрипты с колофонами, сохранившиеся до наших дней, датируются IX в. Колофоны в этих рукописях представляют собой небольшие заметки переписчика о дате переписки и имени переписчика. Со временем содержание колофона значительно обогащается. Переписчики добавляли в него сведения о месте переписки, имени шейха, под руководством которого была создана рукопись, сведения о протографе¹, различные стандартизированные молитвенные формы и славословия и многое другое.

Арабская рукописная традиция возникает на территории Дагестана еще в Развитом Средневековье. В XI–XII вв. ученые Баб ал-абваба (Дарбанд; совр. Дербент) составили несколько сочинений по суфизму и хадисам, которые дошли до наших дней лишь в более поздних списках [1; 2]. Первые же арабские рукописные книги, созданные на территории Дагестана и сохранившиеся по сегодня, датируются второй половиной XIV в. Однако расцвет арабской рукописной традиции Дагестана приходится на XVII–XIX вв.

Колофон выступает важным историческим источником, с помощью которого мы узнаем, как именно происходил данный процесс, сколько людей участвовало в создании одной рукописи, какого метода или подхода придерживался переписчик, когда переносил текст на новую бумагу, насколько такой метод был эффективным для переноса текста без искажений, по какой цене в то или иное время оценивалась работа по переписке и т.д. Данная статья посвящена исследованию колофонов дагестанских манускриптов как источников о процессе становления арабской рукописной традиции.

Прежде всего следует отметить, что не редко переписка одной рукописи по тем или иным причинам становилась работой нескольких переписчиков, чаще всего, двух. Например, колофон, составленный в 1590 г. в медресе кадия Мухаммада, сына Ибрахи́ма, сообщает нам, что рукопись по мусульманскому праву была переписана «руками двух слабых, грешных, ошибающихся, непослушных рабов, надеющихся на милость и прощение Милостивого и Прощающего Господа. Один из них – Мухаммад, сын Али ас-Суграхи (الصُّغْرَاخِي)², а второй – Али, сын Хачака (هَچْكَ) ал-Авари (الأوَارِي)^{3»}⁴. Во второй половине XVII в. два переписчика, которые, возможно, были родными братьями, Кармаз (كرمز), сын Мухаммада и Багатир, сын Мухаммада ал-Му́хи (المُحِي)⁵, также переписали рукопись по мусульманскому праву⁶. В обоих случаях манускрипты представляли собой довольно объемные тома, состоящие в среднем из 250–300 листов, что объясняет

1. Протограф – в текстологии оригинал, с которого списан другой список манускрипта или документа.

2. Согратль – село в Гунибском районе Республики Дагестан.

3. Нисба ал-Авари обозначает принадлежность ее носителя к общине селения Хунзах, ныне село в Хунзахском районе Республики Дагестан.

4. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2226.

5. Мегеб – село в Гунибском районе Республики Дагестан.

6. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, ф.14, оп.1, № 1817.

задействование дополнительного переписчика для облегчения и ускорения переписки. В колофоне⁷, датированном 1915 г., переписчик Мухаммад, сын Усмана ал-Чити (الچيتي)⁸ также отмечает, что переписка завершена благодаря помощи «нашего достопочтенного брата и способного студента, великолепного Меселава, сына Зулкарна ал-Кусруди (القصرودي)⁹».

Задействованию в переписке дополнительного переписчика способствовало положение руководителя или преподавателя медресе, который, пользуясь своим статусом, мог привлечь к переписке своих учеников. В этом случае весьма интересен следующий колофон¹⁰. В 1858 г. (1275 г.х.) студент из Кумуха Шамсудин ал-Гумуки (الغمقي), обучаясь в селении Курубуклах (? (كُرْبُكَلَهْ)), переписал часть рукописи по грамматике арабского языка «Шарх Марах ал-арвах» (شرح مراح الأرواح), в среднем состоящей из 200–250 листов. Факт об этом он зафиксировал в колофоне, который поместил в том месте, где прервал переписку. Через 14 лет, летом 1872 г., являясь уже преподавателем в престижном медресе известного ученого Зайда ал-Куркли (ум. 1882 г.), Шамсудин поручает своему ученику завершить начатую им когда-то переписку, что тот и делает, и присоединяет к дописанным им листам свой колофон: «Освободился бедняк Шахнаваз (شهناواز), сын Джавада ал-Кайтаки (القيطافي)¹¹ от переписывания примерно пяти листов из сборника, что переписывали несколько людей, «Шарх ал-мараха» ад-Динкузи. Для его учителя и достопочтенного ученого Шамсудина ал-Гумуки (الغمقي) в джумада ал-ухра 21 числа 1289 года в медресе выдающегося ученого Зайда ал-Куркли (الكركلي)¹²...».

Более подробное разъяснение о том, кто именно участвовал в переписке рукописи дает сам Шамсудин на следующей странице после последнего колофона в виде специального обращения:

«Это напоминание и урок для разумеющих:

Этот бедный переписчик Шамсудин, сын Мухаммада ал-Гумуки переписал это от начала до раздела о будущем времени в 1275 году в молодости, когда изучал эту книгу «Шарх ал-марах». Затем за ним последовал [в переписывании] Муслим, сын нашего дяди Ибрахима, до раздела об обстоятельстве времени и места. Затем к этому присоединил три листа наш ученик Умарбудда, сын Мамма ан-Ницувкри (النثوكرلي)¹³. Затем к этому добавил две части Хаджимухаммад, сын Аминат-хаджи ал-Гумуки. После него наш ученик Ибрахим, сын Хаджи ан-Ницувкри, добавил три части. Далее ко всему этому добавил примерно пять частей и завершил тем самым книгу наш ученик Шахнаваз, сын Джавада ал-Хайдаки (الخيداقي), в селении Куркли в конце – 21 числа – ал-джумада ал-ухра 1289 года.

Таким совершенным трудом я собрал эту благодатную книгу и пусть по этому примеру следуют работающие (переписчики). Если же кто по произволу и несправедливости продаст после меня что-то из этой книги за незначительную цену после того, как я приложил такой труд, который вам известен... Так примите во внимание, о умные, быть может, вы преуспеете! В джумада ал-ухра 1289 года». Таким образом, составление одной рукописи стало результатом труда 6 переписчиков, работу которых координировал их преподаватель.

7. Коллекция рукописей Абдулкарима Магомедова, г. Буйнакск.

8. Чадаколоб – село в Тлярятинском районе Республики Дагестан.

9. Косрода – село в Чародинском районе Республики Дагестан.

10. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1270.

11. Кайтаг – историко-географическая область и феодальное образование в Южном Дагестане.

12. Куркли – село в Лакском районе Республики Дагестан.

13. Ницовкра – село в Лакском районе Республики Дагестан.

В редких случаях колофон может сообщать о причине смены переписчика на другого. Например, колофон, переписанный в 1860-90 гг., сообщает нам следующее: «Начал переписывание этого субкомментария Афанди, сын Саида аш-Шинази (الشنازي)¹⁴, но он заболел прежде, чем завершить переписывание. Когда он заболел, то Садик-Фаша и Умар присоединили листы, чтобы помочь ему завершить переписку. Оно было завершено их руками в Цибкари (?) (ژبكره)»¹⁵.

В других случаях переписку завершал близкий родственник первого переписчика. При этом в колофоне отмечалось также в каком месте текста был сменен переписчик. Так, колофон, составленный в 1880-90 гг., говорит следующее: «Переписал это до слов: «... используют глаголы удивления...» Умар, сын Курбанмухаммада ас-Салти (السلطي)¹⁶, а от этих слов и до конца – его сын Хаджияв ас-Салти. Доказательством того, что все происходит по предопределению Всевышнего Аллаха, является то, что отцы появляются (букв. начинаются – Х.А.), а дети заканчиваются. Мир!»¹⁷.

С XVIII в. в связи с переходом мусульманского образования в Дагестане на более качественный уровень дагестанцы все больше внимания уделяют выявлению точных списков манускриптов. Наблюдая значительную разницу, встречающуюся среди нескольких списков одного сочинения, переписчики с большей скрупулезностью выявляют достоверные списки и придают первостепенное значение автографу сочинения (араб. *хатт ал-муаллиф* (خط المؤلف) или *нусха аслия* (نسخة أصلية)). Ради автографа многие дагестанские алимь платили большие деньги, приобретали их на Ближнем Востоке, как правило, во время совершения хаджа. По этой причине до наших дней сохранилось довольно много ценных автографов ближневосточных авторов, часть которых находится в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Помимо автографов большую ценность имели списки, выполненные крупными ближневосточными и дагестанскими алимь. При этом в Дагестане, как и в остальном арабо-мусульманском мире, не сложилось понимание ценности более древнего списка. Предпочтение отдавалось спискам, переписанным известными алимь. То есть список, переписанный условно Саидом ал-Аракани¹⁸ в начале XIX в. считался более ценным нежели список неизвестного или малоизвестного переписчика, переписанный на 100 или 200 лет раньше. В таком случае предполагалось, что известный авторитетный алим лучше разбирается в тексте сочинения, а значит мог внести в него необходимую редактуру или оставить полезные комментарии.

С автографов и со списков известных алимь не только переписывались новые манускрипты, но и сверялись тексты уже переписанных списков. Иногда переписка и сверка текста входили в один процесс по созданию новой рукописной книги. Все это нашло отражение в колофонах, в которых переписчики довольно подробно объясняли с какого именно списка была произведена переписка и (или) сверка текста. Вообще упоминание протографа в колофонах в арабо-мусульманской рукописной традиции возникло еще в ранние века [3, с. 149; 4, с. 53-54], однако в Дагестане данная практика встречается в колофонах не ранее XVIII в.

В качестве примера, когда в колофоне упоминается, что список был переписан с автографа, можно привести колофон, составленный в 1841 г.: «Завершено рукою

14. Шиназ – село в Рутульском районе Республики Дагестан.

15. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 360 с.

16. Салта – село в Гунибском районе Республики Дагестан.

17. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1773 д.

18. Аракани – село в Унцукульском районе Республики Дагестан.

переписчика Мухаммада. Он переписал это с автографа (*насахаху мин хатти*) выдающегося ученого Саида в унцукульском медресе в 1257 году...»¹⁹. В данном случае список был переписан непосредственно с автографа, что переписчик выразил словами «*насахаху мин хатти...*». Последнее выражение часто приводилось еще короче: «*мин хатти / со списка*». Однако зачастую рукопись могла быть переписана не с автографа, а с какого-нибудь списка, который был переписан с автографа. Таких списков между автографом и списком переписчика могло оказаться несколько, и переписчик нередко упоминал в колофоне не только протограф, но и все списки вплоть до автографа. Например, колофон, составленный в 1760-61 гг., упоминает не только протограф, но и несколько списков, последний из которых был прочитан перед автором переписанного сочинения: «Завершилась книга, хвала Аллаху... Я – бедный Мамма, сын Мухаммада, сын Умара, сын Махмуда, сын Мухаммада ал-Хукали (*الهُقَلِي*)²⁰, переписал его и сверил этот «ал-Мухтасар» со списком, который переписал Сулейман ал-Хулисм (*الخلصمي*)²¹. Он же переписал свой список со списка ал-Убри (*الأُبْرِي*)²², который свой список переписал со списка, прочитанного перед автором – шейхом, имамом, ученым, поступающим сообразно своим знаниям, служителем почтенных хадисов и имамом сунны [пророка] Мухаммада, Абдуллахом б. шейх Баха ад-Дин аш-Шаншури аш-Шафии, специалистом по наследственному праву (ал-Фарди) ...1174 г.»²³.

Список сочинения, прочитанный перед его автором, оценивался почти как автограф. Не редко списки сочинений автора множили его ученики, переписывавшие их под его руководством, а по завершении они прочитывали текст перед учителем на учебных занятиях. Например, в 1810 г. Хусейн, сын Алимчу ал-Авари ал-Хунзахи, переписал сочинение «ан-Наджат» «со списка его автора, Саида, по завершению составления этого сочинения и прочтения его части перед автором»²⁴. В данном случае речь идет об известном дагестанском алиме Саиде ал-Аракани (ум. 1834 г.).

Но довольно часто переписчик считал уместным упомянуть лишь автограф, остальные же списки, находящиеся между автографом и его списком, часто указывались в колофоне сокращенно. Сокращение могло выглядеть либо в форме ХТТТ (*من خطط*), где каждое Т – обозначал отдельный список. Например, один из переписчиков рядом с колофоном указывает, что он «переписал со списка, переписанного с автографа (*من خطط*) Муртазаали (*م ر*) ал-Уради (*العراذي*)^{25»}²⁶. Либо в форме ХХХТ (*من خخطط*) или ХХХ ал-Муалиф (*من خ خ المؤلف*), где каждое Х – также обозначало отдельный список. Пример последнего – колофон, датированный 1898 г., (рис. 1): «Завершилось переписывание ... рукою немощного раба Исрафила ал-Миусиши со списка того, кто переписал со списка, переписанного с другого списка, который [в свою очередь] переписан с автографа (*من خط من خط من خ خ المؤلف*) автора Умара ал-Ихали (*الإهالي*)^{27»}²⁸. В данном примере между автографом и переписанным списком 3 списка.

19. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 215 d.

20. Гуккал – квартал в Кумухе.

21. Хулиσμα – село в Лакском районе Республики Дагестан.

22. Убра – село в Лакском районе Республики Дагестан.

23. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 614 с.

24. Коллекция рукописей Абдулы Адамова, г. Махачкала, Республика Дагестан.

25. Урада – село в Шамильском районе РД.

26. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф.14. Оп. 1. № 1573 b.

27. Игали – село в Гумбетовском районе Республики Дагестан.

28. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 3118 e.

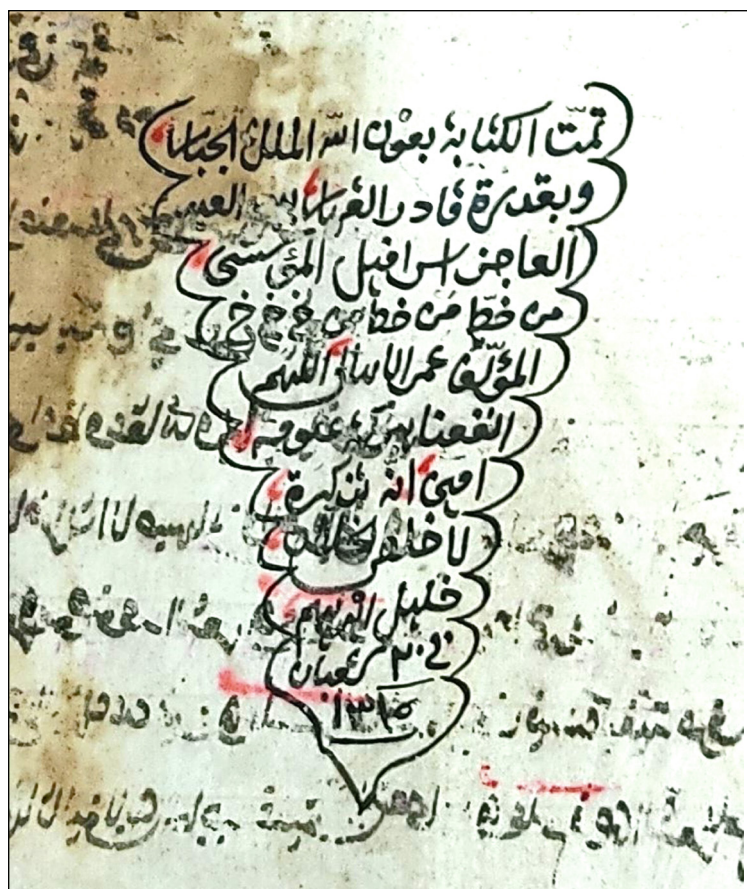

Рис. 1. Колофон рукописи сочинения «Муклят ал-'уйун» Умара ал-Игали
// ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 3118 е. Фото автора, 2023 г.

Fig. 1. Colophon of the manuscript of the work "Muklat al-'uyun" by Umar al-Ihali
// Fund of Oriental Manuscripts of IIAE DFRC RAS. F. 14. Inv. 1. No. 3118 e. Author's photo, 2023

Иногда в таком тексте удаляются лишь предлоги, а само слово *хатт* (خط) (список) остается без изменений. Таковую цепочку списков демонстрирует следующий колофон, составленный в 1911 г.: «Завершилась [переписка] со списка, переписанного со списка, который был переписан с автографа автора (من خط خط مؤلفه) Умара-афанди ал-Игали...»²⁹. Следует обратить внимание, что в некоторых случаях слово *хатт* (خط) может означать не существительное (список), а прошедший глагол в действительном или страдательном залогах: «он переписал» или «был переписан». Например, другой колофон, датированный 1896 г., сообщает, что рукопись была переписана со «списка, переписанного со списка, который был переписан с автографа»³⁰. В арабском варианте текст выглядит так: *мин хатти хутта мимма хутта мин хатти ал-муаллиф* (من خط خط مما خط من خط المؤلف). В таком случае чтобы не возникла путаница относительно количества списков между автографом и списком переписчика, последний огласовал *даммой* второе слово *хатт*, давая знать, что это слово означает глагол прошедшего времени в страдательном залоге, а не имя существительное. Таким образом, между автографом и списком переписчика всего два списка, а не три или четыре как может показаться при невнимательном чтении.

29. Коллекция рукописей Абдулы Адамова, г. Махачкала, Республика Дагестан.

30. Коллекция рукописей Абдулы Адамова, г. Махачкала, Республика Дагестан.

Составление подобных цепочек списков несомненно указывает на сложившуюся в Дагестане устойчивую рукописную традицию. Упоминание в колофоне таких цепочек существенно повышало значимость списка в глазах читателя. Некоторые колофоны почти полностью состояли из подобных цепочек. Например, колофон, составленный в 1808-09 гг., выглядит так: «Из сочинения шейх ул-ислама, наследника саляфов, муфтия эпохи, Таки ад-Дина Ахмада б. Абд ал-Халима б. Абд ас-Салама Ибн Таймийи, да будет доволен ими Всевышний Аллах. Я переписал это со списка почтенного Мухаммада ал-Карахи, который переписал со списка, переписанного со списка Дибира, сына Мухаммада, сына Мусы ал-Кудуки в Алеппо. 1223 год.»³¹

После автографов и списков, прочитанных перед авторами, очень ценными считались списки, переписанные со списков авторитетных и крупных ученых. Переписчик не забывал отметить этот момент в колофоне. Существует множество колофонов, в которых в качестве протографа отмечены списки дагестанских ученых, таких как: Мухаммад, сын Шабана ал-Убуду (ум. ок. 1710 г.), Мухаммад, сын Мусы ал-Кудуки (ум. 1717 г.), Мухаммад, сын Али ал-Убри (ум. 1733 г.), Давуд ал-Усиши (ум. 1759 г.), Мухаммад ал-Йараги (ум. 1838 г.) и многие другие.

В поздний период, когда появились первые книги, отпечатанные литографским способом, протографом выступают уже подобные книги. Например, в колофоне, датированном в 1917 г., говорится, что рукопись переписана «... рукою ничтожного бедняка Сайфуллаха, сына хаджи Хаджиява ат-Тукити. Это из того, что переписал учитель (*устаз*) с печатной версии, изданной в типографии ал-Мирийа в Хранимой Мекке. Он переписал это в Карата у учителя Абдулхалима в Курбан-байрам (*ид ан-нахр*) 1317 года³². Сочинение было отпечатано в 1305 году»³³. Переписка с печатных изданий получает довольно широкое распространение в советский период, когда мусульманские богословы и студенты чувствовали острую нехватку в новой печатной мусульманской литературе.

Переписка рукописи подразумевала также сверку текстов. Часто переписчик после переписки мог вновь сверить текст протографа и своего списка, о чем он иногда сообщал в колофоне. Например, Мухаммад, сын Ибрахима ар-Ругуджи, сообщает, что в 1822-23 гг. «завершил переписывание этого ценного сочинения, его редактирование и сверку со списка того, кто переписал с автографа выдающегося ученого Мухаммада ал-Чинкути (*الچنكوتي*)³⁴»³⁵. Однако довольно часто качество текста протографа требовало сверку с другими списками. Сообщения в колофоне о сверке переписанной рукописи с другими списками также становится довольно распространенной практикой в колофонах. Так, известный дагестанский ученый Абдулатиф ал-Хуци (Гоцинский)³⁶ (ум. 1890 г.) отмечает в своем колофоне, что сочинение по астрономии Сибта ал-Маридини (ум. 1506 г.) переписано «со списка шейх ал-ислама Мухаммада, сына Мусы ал-Кудуки». Через время сбоку от колофона он оставляет заметку, что «сверил этот список со списком покойного брата Шамсуддина, сына Мухаммада ал-Гумуки»³⁷. То есть ал-Хуци после переписки рукописи со списка известного ученого, посчитал важным сверить его еще с другим списком.

31. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1312 d.

32. 10.12.1317 / 11.04.1900 г.

33. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2347 с.

34. Дженгутай (Верхний или Нижний) – оба селения в Буйнакском районе Республики Дагестан.

35. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 221 е.

36. Гоцоб – село в Хунзахском районе Республики Дагестан.

37. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2777 f.

Иногда сообщение о сверке манускрипта с каким-нибудь ценным списком переписчик считал более первостепенным, нежели сообщение о своем протографе, из-за чего большая часть колофона была посвящена описанию рукописей, с которыми была произведена сверка. Вот, например, как переписчик в 1783-84 гг., сверивший свой список со списком знаменитого ученого, составляет свой колофон: «Я сверил это со списком ал-Кудуки (القُدُقِي)³⁸, который переписал свой список с автографа выдающегося ученого шейха Ридвана, да будет Аллах доволен им. [Список ал-Кудуки завершен] в благословенную субботу четырнадцатого числа месяца раби ал-ахир 1114 года от хиджры Пророка, да благословит и приветствует его Аллах. Я же переписал это со списка Махада в 1198 г. от хиджры...». Сбоку тем же почерком имеется приписка, которой переписчик, видимо, исправляет свою ошибку относительно даты: «Ал-Кудуки переписал с его списка в раби ал-ахир в 1115 году от хиджры...»³⁹.

Особую важность сверка рукописи может приобретать даже не из-за протографа, а из-за личности, которая участвовала в процессе сверки. В конце списка сочинения «ал-Фатх ал-Мубин» (الفتح المبين) знаменитого Ибн Хаджара ал-Хайтами (ум. 974/ 1567), переписанного Мухаммадтахиром ал-Карахи (ум. 1880 г.) отсутствует колофон. Однако вместо колофона имеется заметка о сверке рукописи, гласящая следующее (рис. 2):

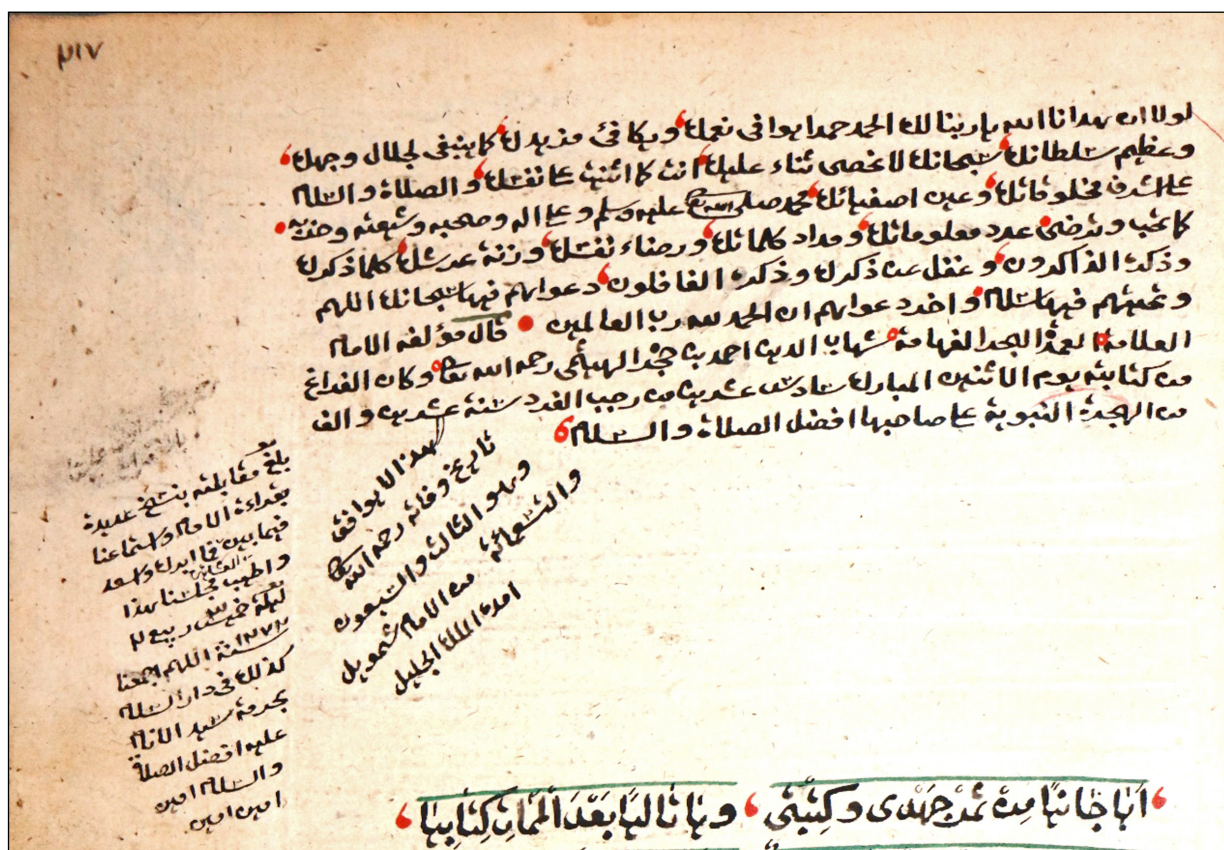

Рис. 2. Последняя страница рукописи сочинения «ал-Фатх ал-Мубин» Ибн Хаджара ал-Хайтами // Коллекция рукописей Мухаммадтахира ал-Карахи, сел. Цулда Республики Дагестан. Фото Мусы Багилова, 2017 г.

Fig. 2. The last page of the “al-Fath al-Mubin” by Ibn Hajar al-Haytami // Collection of manuscripts of Muhammadtahir al-Karakhi, Tsulda village, Republic of Dagestan. Photo by Musa Bagilov, 2017

38. Кудутль – село в Гергебильском районе Республики Дагестан.

39. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1183 б.

«Список был сверен с рядом других списков: имам [Шамиль] читал, а мы слушали между вечерней и ночной молитвами. Как же благословенны, счастливы и прекрасны были наши собрания! В ночь на четверг 3 раби-2 1272 года...»⁴⁰.

На полях первой страницы сочинения имеется еще одна заметка ал-Карахи, в которой он более подробно освещает как происходили подобные собрания имама Шамиля (ум. 1871 г.) (рис. 3): «Имам Шамиль начал чтение этого в кругу Амирхана ал-Чирки (الچركي)⁴¹ и Мухаммадтахира ал-Карахи (القراخي)⁴² для того, чтобы вносить исправления в данный список каждую ночь воскресенья. 19 сафара 1272 г. Как же благословенны были наши собрания, которые проходили между вечерней и ночной молитвами! Да наделит Всевышний Аллах это собрание благодатью, а нас хорошей кончиной, амин!».

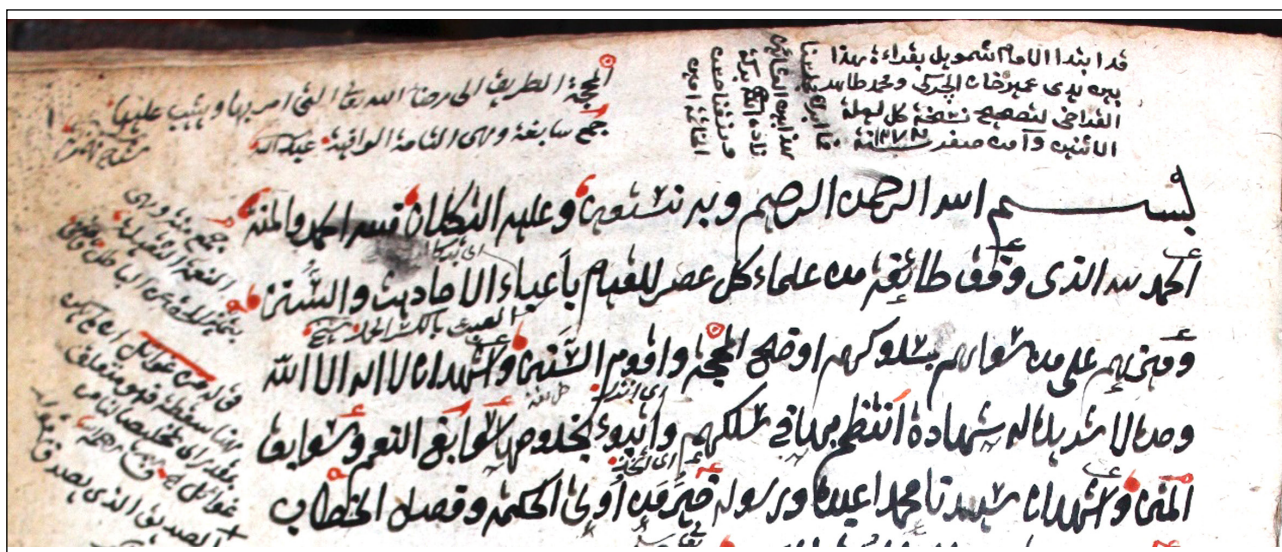

Рис. 3. Первая страница рукописи сочинения «ал-Фатх ал-Мубин» Ибн Хаджара ал-Хайтами // Коллекция рукописей Мухаммадтахира ал-Карахи, сел. Цулда Республики Дагестан. Фото Мусы Багилова, 2017 г.

Fig. 3. The first page of the “al-Fath al-Mubin” by Ibn Hajar al-Haytami // Collection of manuscripts of Muhammadtahir al-Karakhi, Tsulda village, Republic of Dagestan. Photo by Musa Bagilov, 2017

Как видно, собрания такого рода происходили в кругу близких людей, в данном случае – двух секретарей имама – ал-Карахи и Амирхана из сел. Чиркей (ум. 1876 г.). Собрание проходило раз в неделю, в ночь на понедельник, между вечерней и ночной молитвой. Для сверки рукописи участники использовали несколько списков. Имам зачитывал вслух текст сочинения из переписанного списка, слушатели же должны были следить за текстом с других списков и обнаружив разночтения сообщить об этом. Важно отметить, что целью собраний была не сверка списков, а изучение самого сочинения, ал-Карахи же лишь воспользовался ситуацией, чтобы сверить свой список. Процесс чтения рукописи занял полтора месяца: с 31 октября по 13 декабря 1855 г.

На последней странице сочинения ал-Карахи оставляет еще одну заметку, призванную продемонстрировать внимательность имама Шамиля. В конце сочинения, как говорилось выше, отсутствует колофон переписчика, однако есть колофон автора сочинения, в котором сообщается, что сочинение было завершено в 1020 г.х. В дан-

40. Коллекция рукописей Мухаммадтахира ал-Карахи, сел. Цулда Республики Дагестан.

41. Чиркей – село в Буйнакском районе Республики Дагестан.

42. Карах – историко-географический регион и союз общин в Нагорном Дагестане.

ном месте ал-Карахи оставляет заметку, что «это не соответствует дате смерти автора, да помилует его Всевышний Аллах: 973 г.х. [Это замечание] имама Шамиля, да продлит его жизнь Величественный Владыка!».

Как было сказано, сверка рукописи не то же самое, что переписка. Сверка могла произойти через несколько лет после переписки, если сверку производил сам переписчик. Например, в колофоне, датированном 1306 г.х. (1888-89 гг.), Ибрахимхаджияв, сын Ханти ал-Куруди (القردي)⁴³, сообщает, что переписал рукопись у «блестящего ученого ... Нуруддина, сына Мухаммада ац-Цулди (الزُلدي)⁴⁴»⁴⁵. Однако сбоку колофона имеется заметка того же переписчика, видимо, сделанная позже, о том, что он «отредактировал эту книгу на основе книги Муслима ал-Уради, находясь у него в Гента (هنط)⁴⁶ и прочитав ее перед ним». Могло быть и так, что сверку текста могли провести уже последующие владельцы рукописи спустя длительное время. Также сверка могла быть совершена под руководством другого наставника нежели того, под чьим руководством прошла переписка рукописи. Этот факт переписчик также иногда отмечал в колофоне, таким образом дополняя и расширяя его через некоторое время. В качестве примера можно привести следующий колофон. В нем говорится, что переписчик Ахмад, сын Мухаммада ал-Мути (المغي)⁴⁷, завершил переписку рукописи в апреле-мае 1757 г. у «его учителя, ... искусного во всех науках, Мухаммада, сына Алимухаммада ал-Мухи (المحي)⁴⁸». Далее по тексту переписчик пишет, что в январе 1758 г. он завершил сверку и редактирование этой рукописи с другим своим наставником, «его учителем, ... глубоко сведущим во всех дисциплинах, Мухаммадамином, сыном Исмаила ал-Улучари (الألچري)⁴⁸»⁴⁹. Характер написания всего колофона свидетельствует, что он был составлен не сразу после завершения переписки, а в январе следующего года, когда текст был окончательно подготовлен.

Рукопись часто переписывали на заказ. Имена заказчиков также упоминались в колофонах. Подобные заказы не редко были платными, хотя сообщения об этом можно встретить в колофонах не так часто. Например, в 1769 г. хромой Хасанмухаммад, сын Умара, сын Али ал-Урари (الأررين)⁵⁰, переписал рукопись по грамматике размером в 118 листов «для Бахмуда, сына Ибрахима аз-Зирихгирани (الزهركراني)⁵¹ за дешевую цену...»⁵². Другой переписчик, Кудуки ал-Карахи ал-Хунухи (الهُنخي)⁵³, сообщает в колофоне, что в 1868 г. «завершил переписывание – хотя переписывание за плату не было его обычаем – этой ценной книги» для Ахмада, сына Шабана ал-Чари (الچاري)⁵⁴. Далее, оправдываясь, Кудуки пишет, что причиной переписки была не плата, а искренняя дружба с заказчиком: «меня побудили к этому сильная любовь, дружба, обязательства перед ним и необходимость соблюдения чести, а не плата, хотя она была большой. Но он все же вынудил меня принять ее»⁵⁵.

43. Корода – село в Гунибском районе Республики Дагестан.

44. Цулда – село в Чародинском районе Республики Дагестан.

45. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2058 а.

46. Гента – село в Шамильском районе Республики Дагестан.

47. Мути – село в Акушинском районе Республики Дагестан.

48. Улучара – село в Акушинском районе Республики Дагестан.

49. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1349.

50. Урари – село в Дахадаевском районе Республики Дагестан.

51. Зирихгеран – историко-географический регион и союз общин в Нагорном Дагестане.

52. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2982.

53. Гунух – село в Чародинском районе Республики Дагестан.

54. Джар – село в Загатальском районе Азербайджанской Республики.

55. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 256 а.

Сообщения о покупке рукописи и о ценах, по которым она была куплена, встречается, как правило, рядом с колофоном, на странице колофона или на странице *унвана*. Подобные сообщения относятся к так называемым внетекстовым записям (*хаваридж ан-насс*) и требуют отдельного исследования. Их оставляли заказчики или последующие владельцы рукописей. Например, в колофоне (рис. 4), датированном 1873-74 гг., говорится, что Хизри ат-Тлярахи (الرحي) (?) переписал рукопись по грамматике для своего брата, имя которого в тексте зачеркнуто, но можно разобрать имена двух лиц, упоминаемых там – Али и Абубакр. Рядом с именем Али имеется приписка

Рис. 4. Колофон рукописи сочинения «Шарх Тасриф ал-‘Иззи» Са’д ад-Дина ат-Тафтазани // ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2645. Фото автора, 2023

Fig. 4. Colophon of the manuscript of the work “Sharh Tasrif al-‘Izzi” by Sa’d ad-Din al-Taftazani // FOM IHAE DFRC RAS. F. 14. Inv. 1. No. 2645. Author’s photo, 2023

другим почерком, которая также стерта, но поддается чтению: «...сын Мухаммада'али ал-Тлярахи (الرخي)». На другой стороне колофона имеется еще одна приписка, почерком еще одного человека: «Однако я приобрел эту рукопись за два куруша. Я – Али..., сын Мухаммада'али ат-Тлярахи (الراخي). Мир!»⁵⁶. Можно предположить, что переписчик переписал рукопись для Али и Абубакра, о чем и сообщил в колофоне. Затем один из заказчиков пожелал стать единоличным владельцем рукописи, приобрел ее у своего совладельца за два куруша и удалил в колофоне запись о том, что рукопись была переписана также для Абубакра. Под курушем в 70-е гг. XIX в., как правило, подразумевали российский рубль. Таким образом, учебное пособие по грамматике арабского языка, состоящее из 129 листов и форматом 17×21 см, было приобретено за 4 рубля, если учесть, что 2 рублями оценивалась стоимость половины книги совладельца.

Иногда в колофонах содержится информация, что платой за книгу выступали не деньги, а другие книги. Это чаще встречается в ранних записях, когда в Дагестане господствовала меновая торговля. Но и во второй половине XIX в., когда Дагестан вступил в фазу капиталистических отношений, студенты или другие пользователи книг продолжали обменивать книгу на книгу. Например, один из колофонов сообщает, что в 1297 г.х. (1880 г.) Мухаммад ал-Кудали (الكدالي)⁵⁷, находясь в селении Верхний Дженгутай⁵⁸ у Закарии, работавшего там кадием, переписал рукопись по грамматике. Рядом с колофоном имеется еще одна запись, сделанная другой рукой. Она сообщает, что в 1299 г.х. (1881-82 гг.) «эта книга перешла из его (Мухаммада ал-Кудали – Х.А.) собственности в мою в обмен за [рукопись сочинения] «Малла Угли» (ملا أغلي). Я – Сайфуддин из Нижнего Дженгутая⁵⁹. Свидетелем этого был Муса, сын паломника к двум святыням и писаря Хаджиява ал-Кудали. Возле достопочтенного ученого и кадия Закарии ал-Кудали»⁶⁰. В данном случае Сайфуддин решил обменять учебник по логике «Малла Угли» на учебник по грамматике арабского языка «Хашийа Хада'ик ад-Дака'ик (حاشية حدائق الدقائق)». Учитывая, что объемы обеих книг примерно одинаковы, обмен был равноценным.

Колофоны арабских рукописей Дагестана являются важными и ценными источниками, помогающими понять процесс создания арабской рукописной книги, а также множество нюансов, связанных с особенностями рукописной традиции. Фиксация их в колофоне в XVII–XIX вв. является свидетельством того, что в указанный период арабская рукописная традиция перешла на качественно новый уровень. Данное явление связано с новым этапом исламизации Дагестана, начавшимся в XVII в. и заключавшемся в укреплении исламом своих позиций вглубь. Как следствие, значительно увеличивается количество медресе – мусульманских духовно-образовательных центров, которые становятся основным местом копирования манускриптов. Глубокие исламские знания, получаемые в таких медресе, достигались благодаря качественному учебному материалу, которым служили достоверные списки арабских рукописей по различным мусульманским дисциплинам.

56. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2645.

57. Кудали – село в Гунибском районе Республики Дагестан.

58. Верхний Дженгутай – село в Буйнакском районе Республики Дагестан.

59. Нижний Дженгутай – село в Буйнакском районе Республики Дагестан.

60. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2405 а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ад-хака'ик» (XI–XII в.). М.: Восточная литература, 2003.
2. Алибеков Х.Г. Незведанное наследие Баб ал-аббаба: «Шархаш-шихаб» Абу ал-Касима ал-Баби и «Тухфат ал-асхаб» Абу Бакра ад-Дарбанди // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 2. С. 282–305.
3. Şeşen Ramazan. Tatawwur hard al-matn fi al-makhtutat al-islamiya / trans. Taha Mustafa Amin, MajallaMahad al-Makhtutat. V. 53. 2009. Pp. 143–186. (in Arabic).
4. Quiring-Zoche Rosemarie. The Colophon in Arabic Manuscripts: A Phenomenon without a Name // Journal of Islamic Manuscripts. 2013. № 4. Pp. 49–81. (in English).

Поступила в редакцию 12.01.2024 г.
Принята в печать 23.01.2024 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

REFERENCES

1. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr ad-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Raikhan ad-haq'iq" (11-12th centuries)*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003.
2. Alibekov HG. The unknown pages of Bab al-Abwab: "Sharkhash-shihab" by Abu al-Qasim al-Babi and "Tuhfat al-Ashab" by Abu Bakr ad-Darbandi. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2023, 19(2): 282–305.
3. Şeşen Ramazan. *Tatawwur hard al-matn fi al-makhtutat al-islamiya*. Trans. Taha Mustafa Amin, *MajallaMahad al-Makhtutat*. 2009, 53: 143–186. (in Arabic)
4. Quiring-Zoche Rosemarie. The Colophon in Arabic Manuscripts: A Phenomenon without a Name. *Journal of Islamic Manuscripts*. 2013, 4: 49–81. (in English)

Received 12.01.2024
Accepted 23.01.2024
Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20135-45>

Исследовательская статья

Каримов Магомедарип Омарасхабович
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия;
старший преподаватель кафедры лингвистики и журналистики
Дагестанский гуманитарный институт, Махачкала, Россия
arip1977@gmail.com

Маламагомедов Джамалудин Муртазалиевич
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mmd77777@mail.ru

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ БИОГРАФИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДАГЕСТАНСКИХ УЧЕНЫХ НА ПРИМЕРЕ МУХАММАДА Б. УМАРА Б. МУСЫ АЛЬ-‘ИРИ (XVII В.)

Аннотация. Статья посвящена изучению малоизвестных страниц жизни и творческого наследия средневекового дагестанского учёного XVII в. Мухаммада б. ‘Умара ад-Дагистани, ал-‘Ири. Как известно, он автор арабоязычного агиографического произведения «Хазихи рисала ал-джинн», написанного в 1668 г. В ходе исследования биографии Мухаммада ал-‘Ири удалось установить происхождение учёного, основываясь на данных из колофона рукописи, переписанной его отцом в 1633 г. Был выявлен и целый ряд рукописей, переписанных им во время учебы и позже – в ходе путешествий по Ближнему Востоку. В статье приведены переводы нескольких колофонов этих рукописей. Это позволяет частично охарактеризовать сферу дисциплин и учебных пособий, которые он изучал во время учебы, а также обозначить круг его научных интересов. Также автором статьи был выявлен письменный источник – воспоминания Мухаммада ал-‘Ири, написанные в жанре назиданий. В них автор описывает свои впечатления о Шемахе, Эрзуруме, Дамаске, Мекке и других городах, в которых он побывал, совершая паломничество в Мекку. Он приводит имена целого ряда ученых – богословов и прочих представителей интеллектуальной элиты различных регионов Османской империи, с которыми он встречался во время этого путешествия. В ходе исследования удалось установить, что Мухаммад ал-‘Ири родился в 1620-х гг. и умер около 1680 г. В результате многих лет учебы и путешествий по Ближнему Востоку он стал специалистом в логике, исламском праве, истории и, в частности, агиографии.

Ключевые слова: Дагестан; Мухаммад ал-‘Ири; биография; агиография; колофон; арабская рукописная книга

Для цитирования: Каримов М.О., Маламагомедов Д.М. Опыт составления биографий средневековых дагестанских ученых на примере Мухаммада б. Умара б. Мусы аль-‘Ири (XVII в.) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 35–45.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20135-45>

Research paper

Magomedarip O. Karimov,
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia;
Senior Professor at the Dep. of Linguistics and Journalism
Dagestan Humanitarian Institute, Makhachkala, Russia
arip1977@gmail.com

Dzhamaludin M. Malamagomedov
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mmd77777@mail.ru

EXPERIENCE IN BIOGRAPHICAL COMPILATION OF MEDIAEVAL DAGESTAN SCHOLARS: A CASE STUDY OF MUHAMMAD AL-IRI (17TH CENTURY)

Abstract. This study examines the previously unexplored life and works of Muhammad b. ‘Umar ad-Dagistani al-‘Iri, a 17th-century scholar from Dagestan. His authorship of the Arabic hagiographic treatise “Khazihi risala al-jinn” (1668) is well-established. By examining the colophon of a manuscript copied by his father in 1633, this research unveils the scholar’s origins. Additionally, several manuscripts he copied during his studies and travels through the Middle East have been identified. By analyzing them, the research unveils his academic background, including the range of disciplines and textbooks studied, as well as his scope of interests. We’ve uncovered a written source – the memoirs of Muhammad al-‘Iri, written in the genre of edification. Within these memoirs, the author recounts his experiences in Shemakha, Erzurum, Damascus, Mecca, and other cities visited during his pilgrimage to Mecca. He also provides the names of numerous theologians and intellectuals from various regions of the Ottoman Empire whom he encountered during his travels. The research concludes that Muhammad al-‘Iri was born in the 1620s and likely passed away around 1680. Through extensive study and travel in the Middle East, he developed expertise in logic, Islamic jurisprudence, history, and notably, hagiography.

Keywords: Dagestan; Muhammad al-‘Iri; biography; hagiography; colophon; Arabic manuscript

For citation: Karimov M.O., Malamagomedov J.M. Experience in Biographical Compilation of Mediaeval Dagestan Scholars: A Case Study of Muhammad Al-Iri (17th Century). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 21–34.

Дагестанская средневековая арабоязычная литература не отличается богатством жанров и тематики. Среди ее произведений особняком стоит оригинальное сочинение Мухаммада ал-'Ири «Хазихи рисала ал-джинн», повествующее о событиях в селе Ириб (ныне в Чародинском районе РД) в 1666 г. Тема сочинения отражена в самом названии – «Это сочинение (повествование) о джиннах». В сочинении дано их описание и изложение диалога ученого – богослова Талхата ал-'Ири с «королем» джиннов, что произошло перед наступлением «первой ночи месяца рамазан» 1076 г. х. (4 февраля 1666 года) в мечети сел. Ириб [1, с. 45–52].

В научный оборот данное сочинение с полным переводом и анализом текста было введено М.Г. Шехмагомедовым и Ш.М. Хапизовым [2, с. 266–280; 3, с. 143–151]. Хотелось бы обратиться к личности его автора. В конце произведения имеется информативный колофон, в котором указывается имя составителя сочинения – Мухаммад б. 'Умар ал-'Ири, ад-Дагистани а также дата составления – 1078 г.х. (с 22 июня 1667 г.).

Нам удалось выяснить сведения о личности отца Мухаммада ал-'Ири – 'Умара, исходя из данных колофона рукописи 1633 г., которая хранится в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ¹. В 1960 г. она была привезена Магомедкамилом Ахмедовым из аварского селения в Закатальском районе Азербайджанской ССР (эта информация записана рукой М.С. Саидова на арабском языке). В колофоне рукописи указано, что «завершилась [переписка] «ал-Масабих»², с помощью Аллаха Всевластного и Дарующего, рукой немощного раба, самого ничтожного среди ученых и увязшего в числе невежд – 'Умара, б. Мусы, б. Ибрахима ал-Басри ал-Хасани ат-Талхи ал-'Ири ал-Кусрухи, в пятницу на восходе солнца, в начале месяца мухаррам 1043 года³ после переселения того, ради которого Аллахом было сотворено все сущее (то есть пророка Мухаммада), из Мекки в Медину, да сохранит Он их (Мекку и Медину) от смуты конца света, Мухаммада ради которого Аллаха создал всего сущего. О Аллах помоги нам в делах и словах, которые были предписаны, и держи нас в стороне от прегрешений, которые запрещены. О Аллах, ради Мухаммада, прости наши тяжкие грехи, дай нам его заступничество (шафа'ат) в день, когда нам не помогут богатства, и защити нас от адских мук, а также посели нас райских садах» (Рис. 1).

Содержание этой записи говорит о том, что некий 'Умар, сын Мусы, сына Ибрахима, живший в начале XVII в., был жителем сел. Ириб (ал-'Ири) из Тленсерухского бо (ал-Кусрухи) и считал себя по происхождению выходцем из иракского гор. Басра (ал-Басри). Кстати, в вышеуказанном сочинении о джиннах упоминается также некий житель Ириба – Али сын Басри, т.е. эта *нисба* превратилась в местных реалиях в имя личное.

Возвращаясь к личности самого Мухаммада б. 'Умара, отметим, что нам удалось выявить несколько переписанных им рукописей, что позволяет восстановить некоторые детали его биографии. Наиболее ранним свидетельством его деятельности на указанном поприще является рукопись, переписанная им в 1643 г. и хранящаяся в личной коллекции Ш.М. Хапизова. Приводим перевод самого информативного из колофонов этой рукописи: «Переписывание «Шарха Исагуджи»⁴ было завершено

1. Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН (Здесь и далее ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 14. Оп. 1. №252.

2. Сборник хадисов «Масабих ас-Сунна» написан Абу Мухаммадом ал-Хусейном б. Масудом ал-Багави (1041–1122). Автор – известный исламский правовед, автор трудов по суннитской догматике.

3. Указанная дата соответствует первой половине июля 1633 г.

4. «Шарх Исагуджи» – сочинение по логике Хисамеддина Хасана ал-Кати (ум. в 1359).

жалким, грешным рабом, надеющимся не великую милость своего Господа, (если бы не большая милость Аллаха, то не было бы облегчения в переписывании этой трудной книги), Мухаммадом (пусть он не исчезнет так же как его имя в обоих мирах, и пусть Аллах ниспошлёт ему шафа'ат Мухаммада) б. Умара б. Мусы ал-Кусрухи, да простит Аллах их грехи, а также грехи всех мусульман, рядом с нашим господином и устазом, совершенным превосходным имамом, исследователем (мухаккик) и мудакиком, достойнейшим из поздних учёных, являющимся образцом учёных и наилучшим в религии Мухаммадом б. ал-Хаджи ал-Кудали, подобных которому нет в наших краях (пусть Аллах покроет их обеих своей милостью) в третью ночь благословенного месяца зул-хиджа 1052 года» (22 февраля 1643 г.). (Рис. 2).

Прочие колофоны данной рукописи не сообщают новой информации. К примеру, приведем перевод другого колофона: «Переписывание книги Исагуджи презренным и нуждающимся рабом Мухаммадом б. Умаром произошло в благословенном месяце Аллаха зул-хиджа 1052 г.х.» (этот месяц начался 20 февраля 1643 г.) (Рис. 3).

Следующая рукопись, переписанная Мухаммадом б. Умаром ал-Ири, датируется 1659 г. Это рукопись сочинения «Канз ар-рагибин шарх Минхадж ат-талибин» Джалал ад-дина Мухамада б. Ахмада ал-Махалли (ум. в 864/1459 г.), видного шафиитского законоведа и комментатора Корана. Рукопись хранится в коллекции, принадлежавшей известному дагестанскому богослову и общественному деятелю Ибрагиму-хаджи ал-'Уради. При составлении каталога данной коллекции личность переписчика не была установлена, также не был сделан полный перевод колофона [4, с. 147], который приводится ниже: «Завершилось переписывание этой книги и копирование этих глав с целью напоминания любимцам и разъяснения разумным людям в соответствии с тем, как требует состояние, и это ценная и благородная книга, ибо она строится на основе правил шариатских решений, рукой бедного, слабого в религии, нуждающегося в прощении и милости Аллаха, надеющегося на благоволение своего щедрого Господа... ничтожного раба Аллаха Мухаммада б. 'Умара б. Мусы, да простит их Аллах. Книга была завершена в понедельник четвёртого числа благословенного рамазана 1069 года хиджры (25 мая 1659 г.), а по счету абджад غ س ط». (Рис. 4).

Наиболее информативным источником по биографии Мухаммада ал-'Ири оказались его собственные путевые записи, которые он вел во время путешествий по Ближнему Востоку, сопряжённых с паломничеством в Мекку. Датировать эти записи не представляется возможным, поскольку они дошли до нас в копии XVIII в. и не содержат никаких дат в самом тексте. Эти тексты занимают две страницы, хранящиеся в частной коллекции Ш.М. Хапизова.

Приводим перевод этого текста: «[Л. 1]. Я [часто] ходил к власти имущим с ходатайствами, но не нашел ничего лучшего для удовлетворения нужды и доведения до сердца, чем уповать на величие Аллаха, искать у Него защиты и надеяться на Него. Также не нашёл ничего лучшего чем считать того, у кого просил, смиренным, слабым и немощным рабом (Всевышнего) так же, как и другие Его рабы. Наилучшим я нашёл не совершать возле него что-либо, противоречащее нашим традициям. Наоборот, нам следует делать при нем то, что нам свойственно, будь это желательным действием (сунной) или обычным делом. Это я испытал на себе в том, что случилось между мною и сыновьями Барамукал (Барамук'ал)

‘Али, когда они забрали двух коров и угнали их в Кумух⁵. Люди потеряли надежду на их возвращение, потому что до этого времени не было случая, чтобы подобное возвращали. Однако они вернули их с изволения Аллаха.

Эти слова принадлежат хаджи Мухаммаду б. ‘Умару ал-‘Ири, и я написал их с его почерка, да смилуется над ним Аллах.

Я не нашёл ничего лучше, чем мольба к Аллаху (ду‘а) с искренностью, освобождая сердце от людей. В Шаме⁶, возле пророка Яхьи⁷, мир и благословение ему и нашему Пророку, а также возле других, я воззвал к Всевышнему: «О Господь миров, не оставляй нас самим себе и не вверяй никому из твоих творений (ни на одну секунду), ибо я потерял надежду на их добро». После чего Аллах одарил меня благами, откуда я даже не ждал. В Халабе⁸ и в Хасан-кале⁹ также.

Я нашёл правдивым следующие слова некоего человека: «Тот, кто уповает на людей, тот потерпел неудачу». В Ширване мои надежды на Ага-Мухаммада и Шайх-заде не оправдались, в Шаме не оправдалась моя надежда на Али, а в Арзируме¹⁰ мне не помог Салих-хаджи. Однако после того, как я отчаялся в людях и связал своё сердце с Всевышним, Он меня одарил большим, чем я желал. (Рис. 5).

[Л. 2]. В Шаме я не получил помощи от шейха ‘Абдурахмана, Ибрахима и Умара-аги, в Арзируме – от неизвестного мне человека, в Ширване – от Малла-Шарифа. О мой нафс, после того, как я увидел воочию это, остерегайся надеяться на людей ещё раз. Благодарю Всевышнего Аллаха за ответ на твою мольбу и за то, что сокрыл тебя от твоих друзей рядом с Ага-Самином и шейхом Хаджи-‘Умаром из Арзирума, произнеся пять раз слова: «О Прощающий (саттар), не разоблачай меня».

Свои дела вверяй Всевышнему Аллаху и не полагайся на людей, ибо я испытал это. Однажды я отправился на рынок, чтобы купить лошадь, искренне поверив своё дело Аллаху и сказав себе, что буду доволен тем, что получу, даже если это будет осел, и не полагаясь ни на кого. И Всевышний Аллах послал мне человека, который сказал, что может достать мне породистую лошадь. Это случилось после того, как я побывал пять раз на рынке, где продаются лошади.

Затем, крайне довольный, я отправился в хадж, хотя этот год был засушливым и опасным, и достиг цели. Эти случаи из жизни хаджи Мухаммада б. ‘Умара б. Мусы ал-‘Ири, и я переписал их из того, что он написал своими руками». (Рис. 6)

Информация о пребывании Мухаммада б. ‘Умара ал-‘Ири в Сирии, подтверждается Абубакром ал-Аймаки (ум. 1791), который в колофоне рукописи сочинения ал-Халаби¹¹, посвященного описанию биографии пророка Мухаммада, указывает, что он переписал его «с текста Мухаммада сына Умара ал-Кусрухи, переписанного им в Дамаске,

5. Речь идет об угоне скота с последующей продажей на кумухском базаре, после чего хозяин уже терял надежду найти своих животных, поскольку терялись их следы. Также возможно, речь идет об *ишките*, когда в счет уплаты долга налагался арест на имущество родственников или односельчан должника.

6. В данном случае – это город Дамаск.

7. Речь идет о могиле пророка Яхьи, могила которого, согласно религиозной традиции, располагается в Дамаске (араб. Шам), внутри Мечети Омейядов. Пророк Яхья отождествляется некоторыми исследователями с Иоанном Крестителем из христианской традиции.

8. Алеппо (Халаб) – наряду с Дамаском один из двух самых крупных городов Сирии.

9. Хасан-кала – старое название города Пасинлер (турк. *Pasinler*), расположенного в 40 км к востоку от крупного города Эрзерум (на востоке современной Турции). Хасан-кала расположена в верховьях реки Аракс на пути из Эрзерума на Кавказ.

10. Город Эрзерум, расположенный ныне на востоке Турции.

11. «*Нахм Сират ан-Наби ва-Шарну*», стихотворная биография Мухаммада в 63 стихах с комментариями Ибрахима б. Мухаммада б. Ибрахима ал-Халаби, который родился около 1460 г. в Халабе (Алеппо) и умер в 1549 г. в Стамбуле.

в мечети Умавийа» (Рис. 7), т.е. в вышеуказанной мечети Омейядов, где захоронены мощи пророка Яхьи.

Подводя итоги выявленной подборки сведений о Мухаммаде б. Умаре ал-Ири, мы можем констатировать, что он родился в 1620-х годах, а умер около 1680 г. Дата рождения определена нами, исходя из даты переписки первой рукописи и с учетом традиций дагестанской средневековой школы, согласно которой к переписке сочинений по логике обычно приступали в возрасте от 15 до 20 лет. Дата смерти установлена на основании упоминания его имени среди недавно умерших ученых-богословов в элегии (*марсийа*) дагестанского автора¹², умершего в 1099 г.х. (начался 6.11.1687 г.). Еще одной отправной точкой при определении даты его смерти служит тот факт, что последнее, надежно датированное сведение о Мухаммаде сыне Умара – это его сочинение о джиднах от 1668 г.

Логично предположить, что Мухаммад получил первое образование в родном селении – у своего отца Умара. В дальнейшем он отправляется, подобно многим другим своим сверстникам, в различные селения Горного Дагестана. Мы, к сожалению, имеем сведений только об одном его учителе – Мухаммаде из селения Кудали (Андалал, ныне – Гунибский район РД), у которого он учился логике в 1642/43 гг. Исходя из факта переписки «Канз ар-рагибин шарх Минхадж ат-талибин» в 1659 г., следует, что Мухаммад изучал и хорошо знал исламское право шафиитского мазхаба. В дальнейшем он проявляет интерес к истории, о чем свидетельствует переписка им в Дамаске сочинения, посвященного биографии пророка Мухаммада, а также составлению сочинения, посвященного описанию событий, происходивших в его родном селении в 1666 г.

Из его путевых записей следует, что он достаточно долго путешествовал по Ближнему Востоку в пределах Османской империи. В этих записях он назван хаджем, следовательно, Мухаммад посетил Мекку и Медину, т.е. совершил хадж. Из того же источника мы можем составить примерный маршрут, по которому он прошел до Мекки. Из родного Ириба, находящегося в одном дне пути от Алазанской долины, он дошел, вероятно, до Джара, а оттуда – до Шемахи (Ширван). Отсюда он через Грузию направился в Карс, а затем – в Эрзерум и далее в Дамаск, откуда вдоль Красного моря дошел до Мекки. На наш взгляд, в путешествии он пытался брать уроки у местных ученых-богословов. Однако нередко его попытки оказывались тщетны, о чем он упоминает в своих записях, указывая на то, что перечисленные им лица «не оказали ему помощи». Вместе с тем, он также занимался перепиской тех трудов, которые были для него недоступны на родине – в Горном Дагестане. Об этом говорит факт переписки им в мечети Омейядов в Дамаске сочинения, посвященного биографии пророка Мухаммада, и то, что известный ученый-богослов Абубакр ал-Аймаки использовал для составления своего списка именно этот экземпляр данного сочинения.

Таким образом, полученные данные в общих чертах позволяют представить образ дагестанского ученого-богослова XVII в. Вполне возможно, что в дальнейшем, в ходе археографических экспедиций будут выявлены новые сведения о несомненно интересной личности Мухаммада ал-Ири. На примере данного исследования мы хотели показать, что только комплексный подход, учитывающий данные из колофонов, памятных записей и эпиграфических памятников, позволяет получить наиболее полные биографические сведения о жизни и творчестве средневековых дагестанских ученых-богословов.

12. Его личность мы пока не смогли идентифицировать.

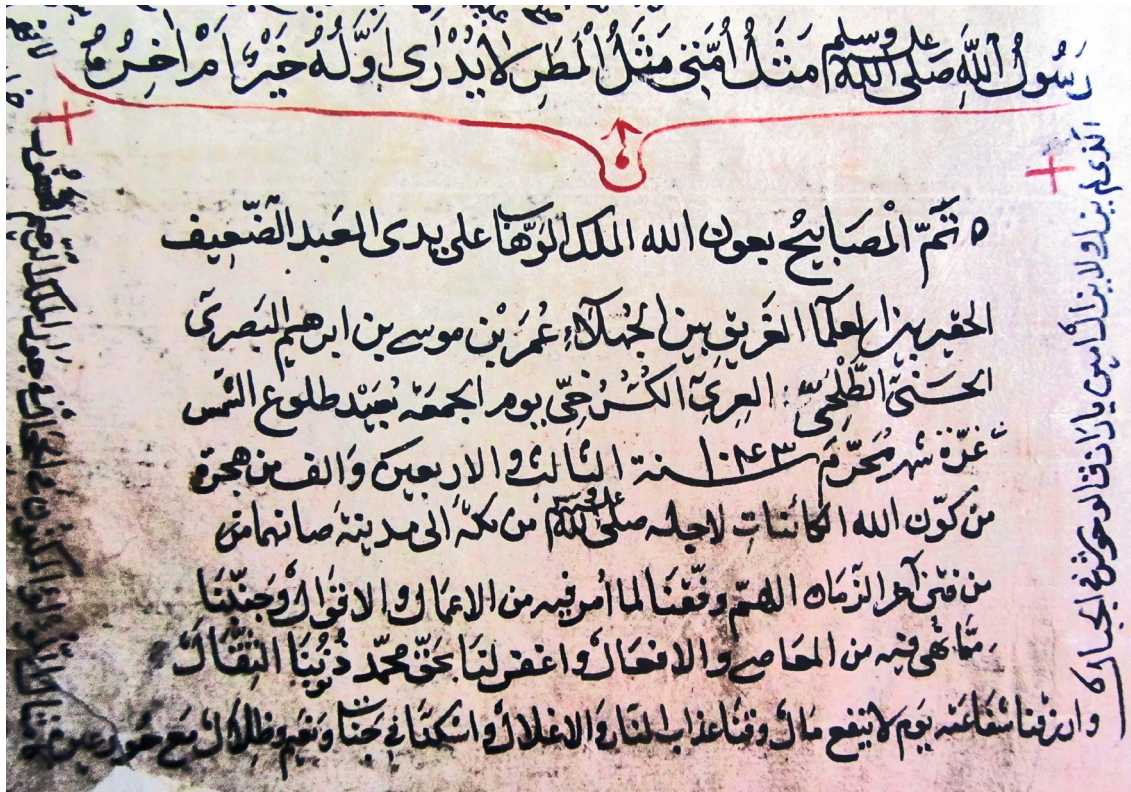

Рис. 1. Колофон рукописи, переписанной Умаром ал-'Ири в 1633 г.

Fig. 1. Colophon of the manuscript copied by 'Umar al-'Iri in 1633

Рис. 2. Колофон рукописи, переписанной Мухаммадом, сыном Умара ал-'Ири в 1643 г.

Fig. 2. Colophon of the manuscript copied by Muhammad b. 'Umar al-'Iri in 1643

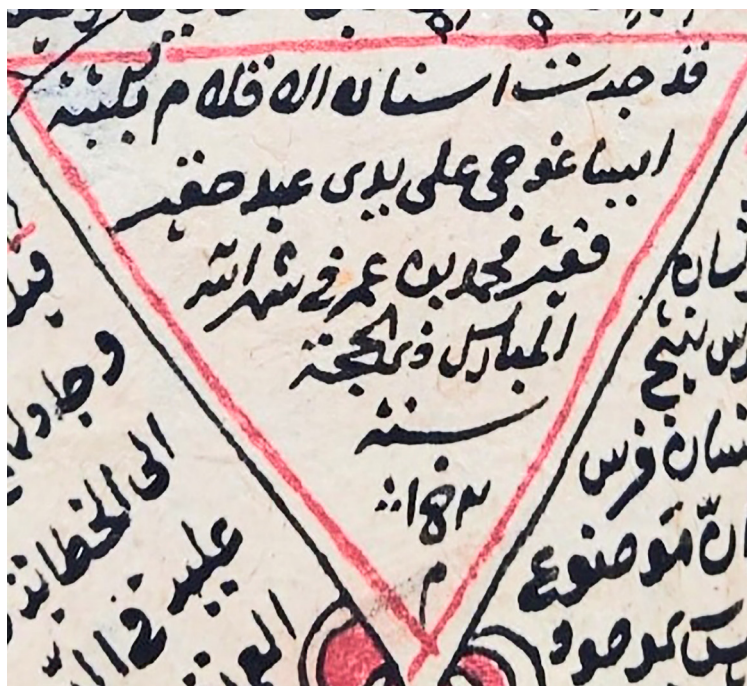

Рис. 3. Колофон рукописи, переписанной Мухаммадом, сыном 'Умара ал-'Ири в 1643 г.

Fig. 3. Colophon of the manuscript copied by Muhammad b. 'Umar al-'Iri in 1643

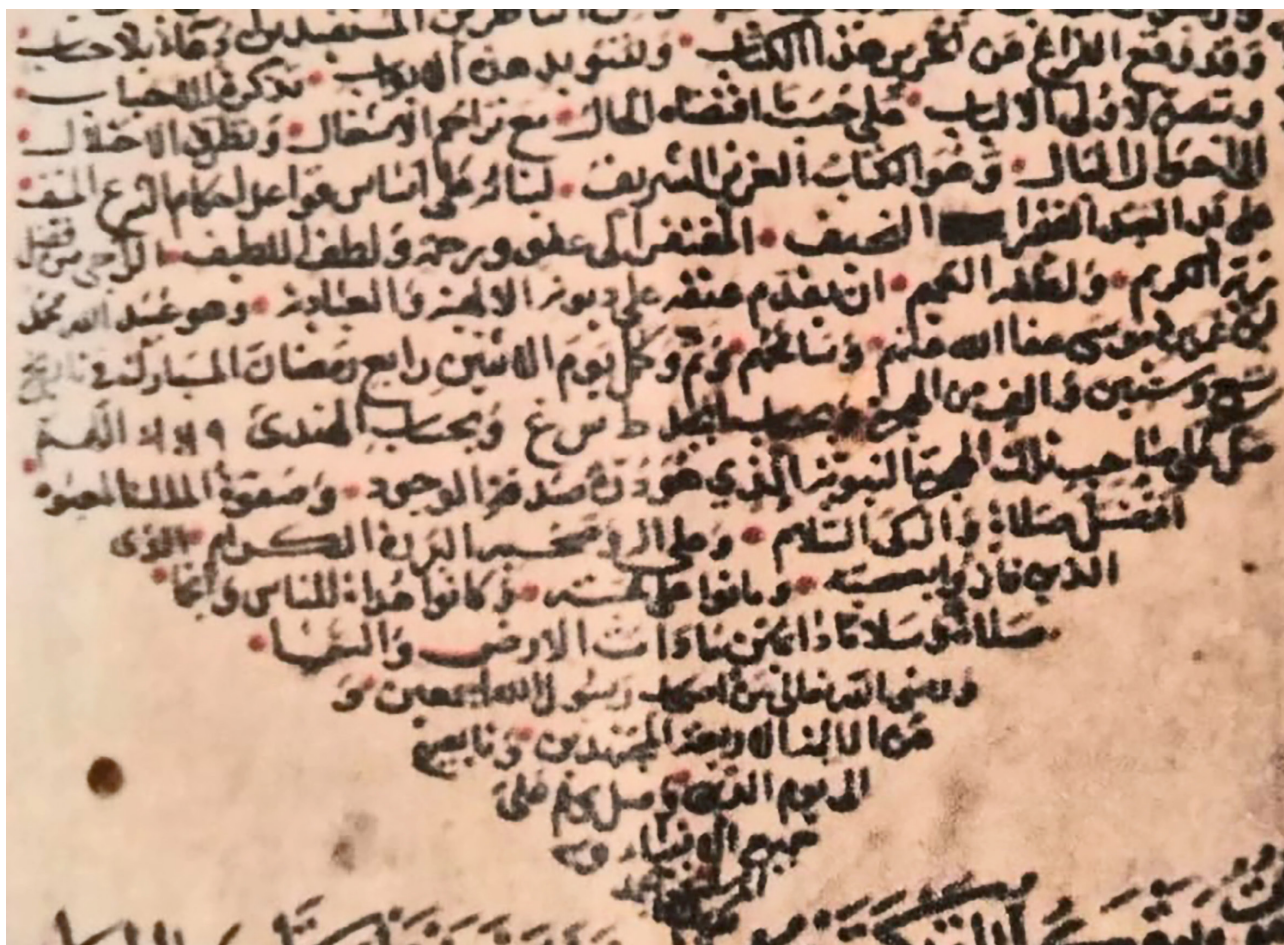

Рис. 4. Колофон рукописи, переписанной Мухаммадом сыном 'Умара ал-'Ири в 1659 г.

Fig. 4. Colophon of the manuscript copied by Muhammad b. 'Umar al-'Iri in 1659

1
 ما وجدنا شيئاً أحسن من الدعاء بآلة خلاصنا والبركة عن الناس
 عن فاني دعوت في المنام عند النبي صلى الله عليه وسلم والبركة عن الناس
 وعند عين الله لا تظلمني التي نفسي ولا إلى الناس فاني كنت من ضرم
 يكاب العالمين فاعطاني الله من حيث لا يحتسب وخرج حليل
 كذلك فخرج من قلبه كذلك ورايت صدقاً لقائل
 الطامع خائب في كروان حيث من اغامحاً وخرج زاده وخرج
 وما وجدنا شيئاً أحسن وافضل حاجة
 واكثر تاييداً في القلب عند الذهاب
 للشفاعة الى نحو الملوك من روية
 عظمة الله تعالى وجله والالتجاء اليه
 والتوكل عليه ومزروية المشفوع عنه
 عباد ذليلك صنعياً عاجز الكيساء عبدوا الله تعالى ومن ان لا تفعل
 عند عملك خالوا عادتنا من قبلك بل ينبغي ان تفعل عندك
 ما هو دأبنا سنة كان او امر عادتها كما جرت به فيما جرت بيني
 وبين اولاد دير مقلعاً ومولواهم فذاخذوا برؤسنا واولادها
 الى نحو ويسر الناس مزردتها لانهم لم يجز العادة يرد مثل
 ذلك الى الان فردوها بانذار الله تعالى فانه صلح محمد بن عمر العوي
 وكتبته من خطه رحمه الله تعالى

Рис. 5. Путевые записи Мухаммада, сына 'Умара ал-'Ири. Л. 1

Fig. 5. Travel notes of Muhammad b. 'Umar al-'Iri. L. 1

2
 في ايامنا في عهد الخليفة
 وادى في ابراهيم وعمران وادى في ارض روم رجله لا اعرفه
 وفي كروان ملا شريف فاباكر ثم اباكر بالتفصيل ان يطعموا ابدا
 الى الناس بعد ما عاينت هذا في ايامك في الله تعالى على جايده
 د عوتك كثير في رضى الله عندنا في السنين في شيخ جاج عموز روى
 فانه يكنار ان يفضحني في نوصي وتوكل على الله تعالى
 توكل على نعمت فاني جزيته فوحك لوما اشركي في ما مقوضنا
 امد اليه باخله في فائلك في نفسي ابنت ما حصل ارض به
 ولو حجارا ومبغوا باي عن جميع المخلوقين فقبض الله بجله
 لي رجلا تكلم في حصيل القوس كجوادلي وكان هذا بعد الذهب
 الى سوق الخيل صارت في الانبساط مع ان السنة
 سنة القحط والخوف مع بلوغ القاية
 وهذه الواقعة للحاج محمد بن عمرو بن موسى
 العربي وزيرها من خطه رحمه الله تعالى
 ويتفق في حسن الظن بحبي الدزف
 حكاية الصالحين التي تدعى عجايبها في الله تعالى
 من خطه

Рис. 6. Путевые записи Мухаммада, сына 'Умара ал-'Ири. Л. 2

Fig. 6. Travel notes of Muhammad b. 'Umar al-'Iri. L. 2

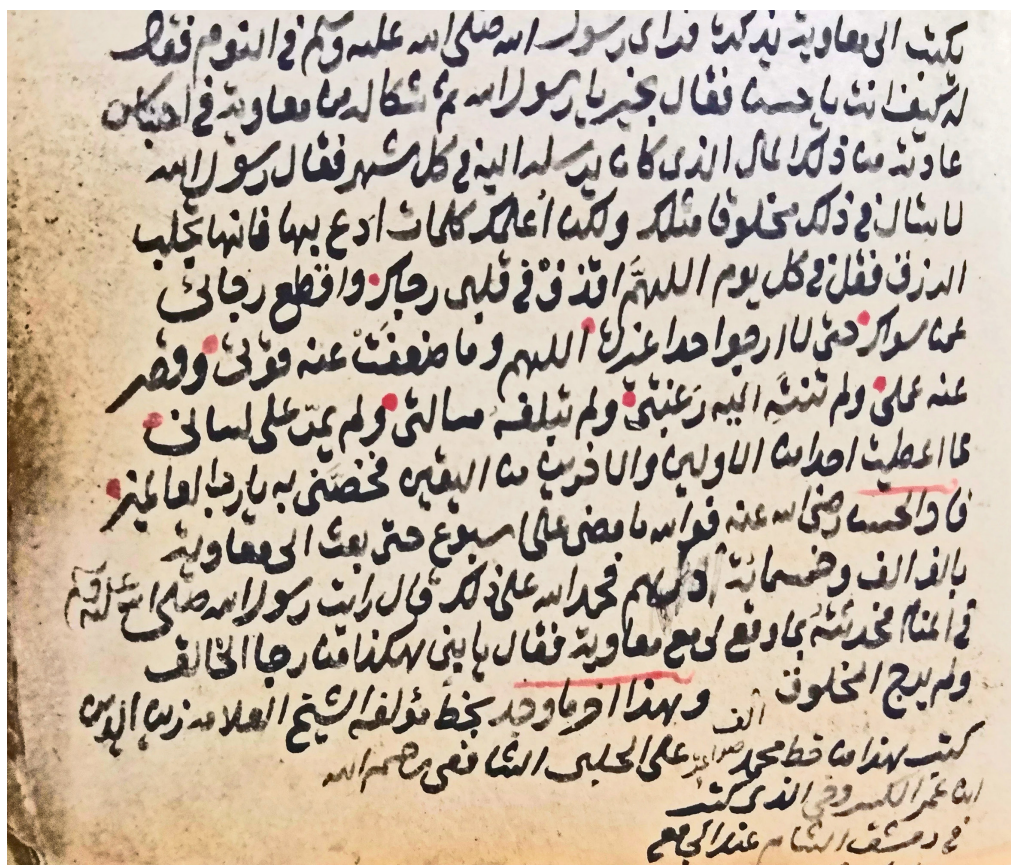

Рис. 7. Колофон рукописи, переписанной Абубакром ал-'Аймаки и сообщающей о пребывании Мухаммада сына 'Умара ал-'Ири в Дамаске

Fig. 7. Colophon of the manuscript rewritten by Abubakr al-'Aimaqi and reporting the stay of Muhammad b. 'Umar al-'Iri in Damascus

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Хapизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Опыт исследования биографии дагестанского алима (Талхат-кади из Ириба) по местным письменным источникам // Вестник Дагестанского государственного университета, 2015, Том. 30. Вып. 4. С. 45–52.
2. Шехмагомедов М.Г., Хapизов Ш.М. «Хазихи рисала ал-джинн» – дагестанское сочинение жанра манакиб: предисловие, перевод и комментарии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. №9(3). С. 266–280.
3. Хapизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Агиографическое сочинение XVII в. «Рисала фи хикайа аджиба вакат фи-д-Дагистан фи карйат Ириб» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 6. С. 143–151.
4. Шихсаидов А.Р. Каталог арабских рукописей. Коллекция Хаджжи Ибрагима Урадинского. Махачкала: МавраевЪ, 2014.

1. Khapizov Sh.M., Shehmagomedov M.G. Experience of researching the biography of a Dagestani Alim (Talkhat-qadi of Irib) using local written sources. *Bulletin of Dagestan State University*. 2015, 30(4): 45–52.
2. Shehmagomedov M.G., Khapizov Sh.M. “Khazihi risala al-jinn” – Dagestan work manakib genre: preface, translation and commentary. *Bulletin of St. Petersburg University. Orientalism and African Studies*. 2017, 9(3): 266–280.
3. Khapizov Sh. M., Shehmagomedov M.G. Hagiographic work of the XVII century. “Risala fi hikaya ajiba vakat fi dagistan fi kariyat Irib”. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2017, 6: 143–151.
4. Shikhsaidov A.R. *Catalogue of Arabic manuscripts. The collection of Hajji Ibrahim Uradinsky*. Makhachkala: Mavraev, 2014.

Поступила в редакцию 01.11.2022 г.
Принята в печать 07.03.2023 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

Received 01.11.2022
Accepted 07.03.2023
Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20146-56>

Исследовательская статья

Абдулмажидов Рамазан Султанович
к.и.н., заведующий отделом востоковедения
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ramazana@yandex.ru

Аникеева Татьяна Александровна
к.филол.н., заведующая Центром исламских рукописей
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
доцент НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия;
tatiana.anikeeva@gmail.com

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

ХАДИС АЛ-МАЧАДИ (1689–1770) И ЕГО РУКОПИСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Аннотация. В ходе археографической экспедиции по гранту РФФИ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России» летом 2023 г. была исследована и частично оцифрована частная рукописная библиотека Хадиса ал-Мачади (1689–1770). Данная статья представляет собой краткий обзор этой крупной рукописной библиотеки, ее тематического и хронологического разнообразия. Собрание Хадиса ал-Мачади представляет интерес для исследователя не только наличием самых разнообразных арабоязычных материалов, но и тем, что его формирование происходило на протяжении нескольких столетий. Помимо основного массива рукописей, принадлежавшего непосредственно Хадису ал-Мачади (в частности, переписанных им), в ней сосредоточены рукописи его потомков и некоторых других *алимов* из сел. Мачада (Шамильский район РД). В его библиотеке также присутствует ряд сочинений суфийских авторов. Кроме того, следует отметить наличие в этой коллекции ценных писем, документов, актов, записей, судебных решений, которые в совокупности представляют собой отдельное поле для дальнейшего изучения. Некоторые сочинения в коллекции Хадиса ал-Мачади являются редкими или даже уникальными для региона («Силсилат ал-масну‘ат» Ахмада Зирихгерани, «Хашийа ‘ала Чарпарди» и др.). Поздние сочинения коллекции, датируемые XIX–XX вв., по всей видимости, попали в нее через гидатлинских *алимов*, что свидетельствует о традиции преемственности в изучении арабо-мусульманских наук в регионе.

Ключевые слова: исламские рукописи; частные рукописные коллекции, книжная культура в Дагестане, Гидатль, Мачада, Хадис ал-Мачади

Для цитирования: Абдулмажидов Р.С., Аникеева Т.А., Шехмагомедов М.Г. Хадис ал-Мачади (1689–1770) и его рукописная коллекция // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 46–56.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20146-56>

Research paper

Ramazana S. Abdulmazzhidov,
Cand. Sci., Head of the Department of Oriental Studies
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ramazana@yandex.ru

Tatyana A. Anikeeva,
Cand. Sci., Head of the Center of Islamic Manuscripts
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia;
Associate Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia
tatiana.anikeeva@gmail.com

Magomed G. Shekhmagomedov,
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

HADIS AL-MACHADI (1689-1770) AND HIS MANUSCRIPT COLLECTION

Abstract. This paper presents an overview of the private manuscript collection of Hadis al-Machadi (1689–1770), examined and partially digitized during the archaeographic expedition funded by the RSF grant No. 22-18-00295 “Electronic library of Arabic-language manuscripts from archival, library, museum and private collections of Russia” in the summer of 2023. The collection, notable for its thematic and chronological diversity, spans several centuries and encompasses materials in Arabic from various sources, including manuscripts directly associated with Hadis al-Machadi, those of his descendants, and other scholars from the village of Machada in the Shamilsky district of the Republic of Dagestan. Notably, the library includes works by Sufi authors and a significant corpus of letters, documents, legal records, and court decisions, offering fertile ground for further scholarly exploration. Among the manuscripts are rare or unique pieces such as “Silsilat al-masnu‘at” by Ahmad Zirikhgerani and “Hashiya ‘ala Charpardi”. Moreover, the inclusion of works from the 19th and 20th centuries, likely acquired through the Gidatlin Ulama, underscores a tradition of continuity of Arab-Muslim studies in the region.

Keywords: Islamic manuscripts; private manuscript collections; manuscript tradition in Dagestan; Gidatli; Machada; Hadis al-Machadi

For citation: Abdulmazzhidov R.S., Anikeeva T.A., Shekhmagomedov M.G. Hadis Al-Machadi (1689-1770) and His Manuscript Collection. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 46-56.

Введение

XVIII век в Дагестане принято связывать с расцветом арабо-мусульманской науки и литературы. К этому времени ислам занял прочные позиции в общественно-политической жизни дагестанских народов, что не могло не отразиться и на развитии духовной культуры. Уже в конце XVII в. здесь появились крупные ученые-богословы, снискавшие известность далеко за пределами своей родины и оставившие после себя множество учеников и обширное письменное наследие.

Работа по изучению этого богатейшего наследия стала особенно активной в постсоветский период (см., например, [1, с. 239–249]). В целом ряде исследований А.Р. Шихсаидова, А.К. Аликберова, А.Р. Наврузова, З.Ш. Закарияева, Ш.Ш. Шихалиева, М.А. Мусаева, М.Г. Шехмагомедова и многих других раскрывается роль дагестанских ученых-богословов в истории Дагестана и особенности становления и развития арабо-мусульманской литературной традиции в регионе. Среди них выделяются представители мусульманской интеллектуальной элиты из Гидатля¹ – одного из крупных и сильных аварских союзов общин, откуда вышел целый ряд ученых-богословов, получивших широкую известность в Дагестане. Биографии и рукописной коллекции одного из них – Хадиса ал-Мачади, и посвящена настоящая статья.

Хадис ал-Мачади

Хадиса ал-Мачади целый ряд источников называют в числе наиболее известных и компетентных дагестанских ученых-богословов XVIII в. [2, с. 403; 5, с. 53]. Он родился в 1689 г. в селе Мачада, входящем в союз общин Гидатль². Хадис происходил из рода *Хасайлал*, и с раннего детства имел тягу к знаниям. Первым его учителем стал односельчанин Муаз. Впоследствии для совершенствования знаний по арабо-мусульманским наукам ему пришлось побывать во многих аварских селениях. Несколько лет он проучился у Мухаммада ал-Кудуки (1652–1717), который преподавал на тот момент в андалалском селении Ругуджа. Вместе с ним учился и сын последнего – Дибир. Об этом свидетельствует сам Хадис, упоминая, что постигал у ал-Кудуки *‘илм ал-харф* (или *‘илм ал-джафр*)³.

В своей записи он представляется следующим образом: «Мухаммад ал-Мачади, прозванный Хадисом – сын Мухаммада, прозванного Халиматилавом Младшим» [3, с. 158]. Если учесть, что и его сына звали Мухаммад, то понятно, что Хадисом его прозвали для того, чтобы отличать от тезок. У аварцев, в силу распространения имени Мухаммад, это частое явление.

Абдурахман ал-Газикумухи в своих «Воспоминаниях» упоминает Хадиса ал-Мачади среди «ведущих дагестанских ученых и правоведов» [4, с. 84]. Назир ад-Дургели пишет о нем следующее: «Хадис, сын Мухаммада ал-Мачади ал-Хидали ал-Авари.

1. Территория Гидатля ныне входит в состав Шамильского района Республики Дагестан.

2. Гидатль – один из крупных и сильных аварских союзов общин, территория которого ныне входит в состав Шамильского района Республики Дагестана.

3. *Илм ал-харф ва-л-джафр* – «окультурные» науки, или сочинения, где описываются метафизические свойства тех или иных арабских букв, цифр или лигатур.

Это был выдающийся ученый, широко образованный, знающий, с острым умом, превосходный, известный факих, выдающийся человек своей эпохи, не имеющий себе равных. Ему принадлежат труды, большая часть которых относится к фикху. Знакомство с его высказываниями и установлениями показывает, что он блестяще знает книгу «ат-Тухфат» Ибн Хаджара ал-Хайтами» [5, с. 53].

Хадис ал-Мачади прекрасно знал также логику (*мантик*), основы мусульманского права (*усул*) и особенно его нормативно-правовую часть – *фикх*. Шуайб ал-Багини пишет, что Хадис не только в совершенстве владел этими дисциплинами, но и отличался умением хорошо разъяснять вопросы права и шариата в целом [2, с. 403].

Известный знаток арабо-мусульманской литературы Дагестана Али Каяев сообщает, что у Хадиса ал-Мачади было много правовых фетв, которые широко распространились в Дагестане. Среди таких фетв он приводит одно его обращение: «Вы знаете, о мои праведные братья ученые, что наши благочестивые шайхи, такие как шайх Салих ал-Йамани, Мухаммад б. Муса ал-Кудуки, Мухаммад б. ‘Али ал-Убри, Ибн Салман ал-Кудали и др., да смилуется над ними Аллах, сказали: “Все заблудшие течения в исламе не следует причислять к неверным согласно мнению аш-Шафии, хотя некоторые из них и были неверными (*кафир*), подобно рафидитам (шиитам) и другими. Аллах ведает всем!”» [6, с. 390].

Хадис ал-Мачади также принимал активное и деятельное участие в общественно-политической жизни Дагестана, например, в идеологическом обосновании противостояния нашествию Надир-шаха. Во время решающих сражений 1741 г. с группой своих учеников он поднялся на считавшуюся священной гору *Льамилал* на границе союзов общин Гидатля и Келеба. Здесь Хадис ал-Мачади со спутниками несколько дней провел в молитвах, прося Всевышнего даровать дагестанцам победу над Надир-шахом. Вернулись они только когда к ним пришло известие о разгроме кызылбашей. В указанной местности и сейчас расположена каменная стела, которая известна как «плита Хадиса». Т.М. Айтберов в связи с этим случаем отмечает, что дагестанцы в XIX в. были убеждены, что похолодание, наступившее в начале осени 1741 г., было неслучайным, и связывали его с мольбами Хадиса, который в течение нескольких дней «призывал беды на голову проклятого Надир-шаха» [7, с. 112].

То обстоятельство, что в рукописной коллекции Хадиса хранится целый ряд сочинений суфийских авторов, а сам он был крайне неприхотлив в быту и вел аскетический образ жизни, может свидетельствовать о его принадлежности к одному из суфийских тарикатов. Как пишет Шуайб ал-Багини, «пищи он оставлял себе только на сутки, а в одежде не проявлял гордыни, не различая ее нарядности, говоря, что не стесняется перед людьми того, что делает ради Аллаха» [2, с. 403].

Шуайб ал-Багини и Назир ад-Дургели указывают, что Хадис умер в 1184/1770-71 г. [2, с. 403; 5, с. 53]. В это время в Гидатле свирепствовала эпидемия чумы, от которой умерло больше половины жителей этого крупного союза общин. Среди них были и почти все известные ученые Гидатля XVIII в. – Хадис и Багужалав из Мачады, Ибрагим-хаджи из Урады, Байбун из Гента. Назир ад-Дургели пишет, что «после смерти [Хадиса ал-Мачади], когда его положили в могилу, он сказал: “Это последний день моей земной жизни и первый день потусторонней жизни”» [5, с. 53]. Пришедший проводить в последний путь своего наставника Ибрагим ал-Уради якобы сказал изумленному джамаату селения, что не стоит обращать на это внимания и нужно хоронить тело [8, с. 39].

Известно только об одном сыне Хадиса по имени Мухаммадамин, который получил хорошее образование и некоторое время работал кадием в Эндирее – одном из самых крупных дагестанских селений. По словам Назира ад-Дургели, он был «авторитетным человеком среди жителей равнины и гор» [5, с. 70]. Сохранилась написанная рукой Хадиса ал-Мачади часть завещания: «Хадис, сын Мухаммада, да смилостивится над ним Аллах, завещает все свои книги [потомкам], а если не будет среди них тех, кто будет пользоваться ими, то завещаю их представителю моего рода по мужской линии. Если же и среди них не окажется такового, то завещаю книги наиболее образованному алиму в нашем селении. Если же и в селении его не будет, то таковому в пределах Гидатля, но только не вне его. Также не делайте узоров на моей надмогильной плите и напишите на ней: “Хозяин этой стелы – Хадис, сын Мухаммада, да смилостивится над ними Аллах”»⁴.

Хадис ал-Мачади оставил после себя богатую коллекцию восточных рукописей. Интерес к ней обусловлен главным образом тем, что она представляет собой крупную книжную коллекцию, которая собиралась на протяжении нескольких столетий. Помимо основного костяка рукописей, принадлежавшего непосредственно Хадису ал-Мачади, в ней сосредоточены рукописи его потомков и некоторых других алимов из сел. Мачада. В коллекции хранится целый ряд рукописей, переписанных рукой самого ученого-богослова. Так, в 1127/1715 г. Хадис ал-Мачади переписал книгу دينقوذي («Динкузи»), в 1134/1721 г. المطول («ал-Мутаввал») [3, с. 158].

В советский период книжная коллекция Хадиса ал-Мачади хранилась у известного в регионе ученого-богослова Шейхмухаммада Арапова (1881–1964), который передал ее своему ученику М. Дибирову (1908–1994), у потомков которого она хранится в настоящее время.

Тематический состав коллекции и ее хронологические рамки

На первый взгляд может показаться, что арабграфические рукописные коллекции Дагестана по тематическому содержанию во многом повторяются. Это объясняется тем, что в целом круг изучаемых дисциплин в отдельно взятом регионе был ограниченным. Однако, каждая коллекция по-своему уникальна. В некоторых собраниях можно увидеть труды, которые не встречаются в других. Кроме того, для исследователя интерес представляет не только содержание и тематика, но также история формирования жанрового разнообразия отдельно взятой рукописной коллекции. Это позволяет отследить круг интересов конкретного ученого-богослова, а обобщение эти данных свидетельствует о приоритете тех или иных шариатских дисциплин в разных регионах мусульманского мира.

Можно выделить не только отдельные сочинения и тексты, наиболее ярко характеризующие коллекцию Хадиса ал-Мачади, но и отметить наличие в ней множества ценных писем, документов, актов записей, судебных решений, которые в совокупности представляют собой отдельное поле для дальнейшего изучения.

Некоторые сочинения в коллекции Хадиса ал-Мачади являются редкими или даже уникальными для региона. Например:

4. Данная запись содержится на форзаце одной из рукописей из коллекции Хадиса ал-Мачади.

– المعارف في شرح الصحائف («ал-Ма‘ариф фи шарх ас-саха’иф»). Сочинение на персидском языке, автором которого является Шамс ад-Дин ас-Самарканди (ум. 690 г.х.). Эта рукопись выделяется в собрании Хадиса ал-Мачади, так как практически все восточные рукописи в Дагестане написаны на арабском языке. Переписана в 817 г.х. (нач. 31.03.1414 г.). Переписчик: некий Джамал ад-Дин б. ал-Хасан б. Бадр ад-Дин ал-Баруланвани. Текст написан почерком насталик. Вероятнее всего, местом происхождения рукописи является Средняя Азия. Также в рукописи содержится календарь на персидском языке.

– الغاية القصو في دراية الفتوى («ал-Гайат ал-касва фи дирайат ал-фатва»). Сочинение по фикху, автор – Абдуллах б. ‘Умар ал-Байдави (ум. 1286). Переписано в 716/1316 г. Йусуфом, сыном Мухаммада ал-Худжи. Восточный (иранский?) переплет. Скорее всего, это одна из самых ранних копий данного сочинения.

– حاشية على الجاربردي («Хашийа ‘ала ал-Чарпарди»). Автором данного сочинения является упоминавшийся выше Мухаммад б. Муса ал-Кудуки⁵. Переписал Дибир Мухаммад, сын Мухаммада, сына Манаса, в первой половине XVIII в. (возможно, прижизненная копия).

– سلسلة المصنوعات («Силсилат ал-масну‘ат»). Рукопись содержит сочинение дагестанского ученого-богослова Ахмада Зирихгерани, которую по палеографическим признакам можно датировать XVII в. Оно написано на дагестанской бумаге и представляет собой одну из наиболее ранних из выявленных на сегодняшний день копий этого сочинения. Переписал Джирджис⁶ б. Ахмад.

Историю формирования библиотеки Хадиса ал-Мачади ярко отражают следующие рукописи, с их письмами и владельческими записями:

– تحرير تنقيح اللباب («Тахрир Танких ал-лубаб») – сочинение известного мусульманского ученого-богослова шафиитского мазхаба Закарийи ал-Ансари (ум. 1520 г.). На титуле рукой Хадиса ал-Мачади дано полное содержание (*фихрист*) данного сочинения. У этой рукописи интересный колофон. Переписчиком указан Мухаммад, сын Джафара, кадий «Каспийского моря» (*ал-Бахри ал-хазари*)⁷, в месяц сафар 1141/1702 г. В этой же рукописи на форзаце – завещание отца Хадиса ал-Мачади, а также завещание самого Хадиса, где среди прочего он особое внимание обращает на то, чтобы его надмогильную плиту не украшали, а просто высекли на ней текст, который он приводит. Также он обращает внимание на то, что книги некоего Гичи Маллы были взяты им для безвозмездного пользования (далее следует перечень этих книг).

На целом ряде других рукописей, хранившихся в его коллекции, Хадис ал-Мачади указывает имена их владельцев: шейх ал-Уради⁸, Алилав и Исмаилилав из Мачады. А одна из рукописей принадлежала, судя по записи, отцу его супруги Халимат.

– شرح التلخيص («Шарх ат-Талхис»). Представляет интерес и данный субкомментарий Йасина б. Зайнуддина ал-Улайни ал-Химси к сочинению Са‘ад ад-Дина Тафтазани (ум. в 1390 г.). Оно было популярно в Дагестане – только в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН хранятся восемь списков этого сочинения. В этой же рукописи содержится субкомментарий Исам ад-Дина ал-Исфараини на известный комментарий

5. Данное сочинение по грамматике арабского языка было широко распространено в Дагестане.

6. Вероятнее всего, Джирджис (Джурджис) – это арабизированный вариант имени Георгий.

7. В арабоязычных источниках подобный титул нигде не встречается. Можно предположить, что речь идет о должности кадия в одном из наследственных владений равнинного или приморского Дагестана.

8. Надо полагать, Хадис ал-Мачади подразумевал под ним Хаджи-Мухаммада ал-Уради, отца знаменитого Ибрагима-хаджи ал-Уради.

Абдуррахмана Джами (ум. 1492 г.) под названием «ал-Фава'id ад-Дийа'ийа» на популярное сочинение по грамматике арабского языка «ал-Кафийа» Ибн Хаджиба. Оно было переписано Хасаном, сыном Мухаммада ал-Мачади. Владельцем рукописи указан некий Андри⁹ ал-Мачади. В ней также имеется подлинник письма Кебедмухаммада (ум. 1864), сподвижника имама Шамиля, к местному кадию Рамазану.

– جواهر القرآن («Джавахир ал-Кур'ан»). В коллекции имеется и рукопись этого широко популярного в мусульманском мире сочинения имама ал-Газали. Список датируется XVII в., текст написан на местной дагестанской бумаге. Переписчик, вероятнее всего, – Мухаммад, отец Хадиса ал-Мачади, так как в рукописи есть владельческая запись Хадиса, гласящая, что эта книга досталась ему от предков (наряду с прочими).

– كشف الغمة عن جميع الأمة («Кашф ал-гумма ан джами' ал-умма»). Интересна и рукопись этого сочинения, автором которой является известный средневековый ученый-правовед и суфий, имам аш-Шарани (ум. 1566). Датируется XVII в., а владельцем ее указан сам Хадис ал-Мачади. Рукопись не дагестанская, конец отсутствует. Сохранилась лишь первая часть сочинения, вторая, видимо, утрачена. В этой же рукописи вложено письмо к Хадису ал-Мачади от Абу Бакра ал-Аймаки, известного дагестанского ученого-богослова XVIII в., в котором его отправитель пишет, что исправил имеющиеся ошибки в рукописи. Вероятнее всего, эту рукопись ал-Аймаки привез по заказу Хадиса ал-Мачади.

– نصيحة الاخوان في بيان الدخان («Насихат ал-ихван фи байани ад-духан»). В исследуемой коллекции выявлено и данное ранее неизвестное сочинение дагестанского автора о вреде курения. Переписано в 1135 г.х. (1723 г.) Хадисом ал-Мачади. Есть вероятность, что он же является и автором данного сочинения. Кроме того, Хадис ал-Мачади переписал также сочинение

حاشية جمالين على تفسير الجلالين («Хашийа Джамалайн 'ала Тафсир ал-Джалалайн»), представляющее собой субкомментарий к одному из самых популярных в исламском мире толкований Корана, авторами которого являются авторитетнейшие богословы Джалал ад-Дин ал-Махалли и Джалал ад-Дина ас-Суйути.

Еще одну рукопись сочинения حاشية ابن قاسم على شرح مختصر تلخيص المفتاح («Хашийат Ибн Касим 'ала Шарх Мухтасар 'ала Талхис ал-мифтах»), автором которого является известный мусульманский ученый Ибн ал-Касим (ум. 1584 г.), переписал Багужалав ал-Мачади – современник и односельчанин Хадиса ал-Мачади.

Интересные сведения предоставляют и колофоны рукописей из коллекции Хадиса ал-Мачади:

– حاشية نعمان («Хашийат ан-Ну'ман») – сочинение по логике Ну'мана б. Шейх-Саида аш-Ширвани. Колофон написан в стихотворной форме, из него следует, что рукопись переписал Мухаммад (то есть Хадис ал-Мачади), «будучи у ученого Мухаммада из Хиндаха¹⁰, из области Андалал¹¹ в месяц мухаррам, в понедельник 1130 г.х.» /декабрь 1717 г.

– شرح العقائد النسفية («Шарх 'Ака'id ан-насафийа») – известный комментарий по мусульманской догматике, автором которого был Са'ад ад-Дин Тафтазани. Переписал рукопись Мухаммад, сын Нурава ат-Тиди¹², в ночь на пятницу месяца раджаб

9. Во многих аварских общинах сохранялись традиционные христианские имена.

10. Хиндах - ныне в составе Гунибского района Республики Дагестан.

11. Андалал – союз аварских общин, ныне входящих в состав Гунибского района Республики Дагестан.

12. Нисба указывает, что переписчик был выходцем из одного из гидатлинских селений – Тидиб, входящего ныне в состав Шамильского района Республики Дагестан.

«в селении Тидиб в бытность кадием Гулал Мухаммада после того, как имам вышел к русским в Гуниб».

– ملا اغلي («Мулла Угли») – субкомментарий Мухаммадамина аш-Ширвани на произведение по логике Шамс ад-Дина ал-Фанари. Переписал Молла Исмаил ал-Йарси ат-Табасарани¹³ «в медресе господина превосходного ученого Молла ал-Йарси, что в вилайате Табар Саран», в 1909 г. Текст выполнен ярко выраженным ширванским насхом.

– سلك العين لإذهاب الغين («Силк ал-‘айн ли изхаб ал-гайн») – суфийское сочинение по этике, переписанное «29 раби‘ ал-аввал 1298 г.х.¹⁴ рукой ссыльного Хали Ахмадилава ал-Уради ал-Хидали, находящегося в селении Куруздин¹⁵ Новгородской губернии, да разрушит Аллах этот город руками мусульман». Переписчик называет себя *ал-мазлум* – то есть «угнетенный». О рукописи он сообщает следующее: «Я сравнил это сочинение с копией, сделанной рукой хаджи Закарийи из Телетля, который, в свою очередь, выправлял ее с копии Мухаммада Тахира, однако ввиду того, что я не был удовлетворен, по прибытии домой я заново сравнил ее уже с копией, сделанной самим ал-Карахи».

В коллекции содержится большое количество рукописей, созданных в XVII в. Среди них особенный интерес представляют следующие сочинения:

– شرح على قصيدة البردي («Шарх ‘ала Касидат ал-Бурда») 996 г.х. (1588 г.). Переписчик не указан. В этой же рукописи содержится множество стихов.

– تعليم المتعلم («Та‘лим ал-мута‘алим»), сочинение аз-Зарнуджи по методике преподавания мусульманских наук. Некоторые исследователи приписывали авторство этой книги его учителю, Бурхан ад-Дину ал-Маргинани.

– سراج القلوب («Сирадж ал-кулуб») – сочинение по мусульманской этике Абу-л-Муджахида б. Ахмада б. Мухаммада б. Абд ал-Малика ал-Ашари ат-Табризи. Оно написано на местной дагестанской бумаге, скорее всего в первой половине XVII в. Переписчик не указан.

– Сборник молитв. Среди прочего в нем есть молитва دعاء السيفي («Ду‘а ас-Сайфи»), авторство которой приписывали известному дагестанскому ученому XVII в. Али ал-Кили [8, с. 11–18]. Этой молитве приписывали свойства подчинения джиннов. Переписана во второй половине XVII в.

– العقائد النسفية («ал-‘Ака’ид ан-Насафийа») – популярное сочинение по мусульманской догматике Наджм ад-Дина ан-Насафи. Переписчик не указан. XVII в.

– الفوائد الضيائية («ал-Фава’ид ад-Дийа’ийа») – популярное сочинение по грамматике арабского языка, принадлежащее перу Абдуррахмана Джамии. Переписчик: Мухаммад Сами ал-Бардауабади, 20 зу-ль-хиджа 1099/15.10.1688 г.

– بداية الهداية («Бидайят ал-хидайа») и المنقذ من الضلال («ал-Мункизу мин ад-далал») – два сочинения знаменитого имама ал-Газали, посвященные опровержению некоторых воззрений средневековых философов. В этой же рукописи содержится суфийское произведение مرآة المریدین («Мир’ат ал-муридин»), автором которого является Йахйа б. Му‘аз ар-Рази. Переписчик не указан, по палеографическим данным рукопись можно датировать XVII в.

13. Нисба указывает на его происхождение из сел. Ерси, ныне в составе Табасаранского района Республики Дагестан.

14. 28 февраля 1881 г.,

15. Скорее всего, Хали Ахмадилав был выслан в сел. Грузино Новгородской губернии за участие в восстании 1877 г., ныне входит в состав Чудовского муниципального района Новгородской области.

В коллекции содержится и довольно много сочинений по грамматике и морфологии на арабском языке, переписанных в XVIII–XIX вв.:

– شرح منها الاسود («Шарх минха ал-асвад») – автограф сочинения по грамматике арабского языка, автором которого является сподвижник имама Шамиля Муртазаали ал-Уради. Это его субкомментарий на первую главу «Фава’ид ад-Дийа’ийа», в которой разъясняются «случаи обязательного опущения глагола в винительном падеже в абсолютном объекте и которых всего четыре». Эти места обозначены в комментируемом сочинении словосочетанием *минха*, что в переводе с арабского звучит «из таких [случаев]» [10, с. 59]. Исходя из этого Муртазаали ал-Уради и дал название своему небольшому труду. Дата переписки сочинения – 1254 г.х. (начался 27.03.1838 г.);

– فتح المجيب بتوضيح مسائل الحبيب («Фатх ал-муджиб би таудих маса’ил ал-хабиб») – сборник фетв Мухаммада Мирзы ал-Аймаки, который также переписал Муртазаали ал-Уради;

– أجوبة أسيشية لأسئلة كرتية («Аджвибат Усишийа ли ас’илат Каратийа») – еще один сборник фетв, представляющий собой ответы дагестанского ученого-богослова Дауда ал-Усиши на вопросы Титалава ал-Карати. Переписчик: Муртазаали ал-Уради;

– موصل الطلاب إلى قواعد الإعراب («Мусил ат-туллаб ила кава’ид ал-и’раб») – труд по грамматике арабского языка Ибн Хишама, известного средневекового мусульманского филолога. Переписчик: Ашуралав, сын Хасана ал-Мачади, в 1278 г.х. (нач. 8.07.1861 г.)

– أجوبة نورمحمد القراخي المقسوي لأسئلة يوسف السلطي («Аджвибат Нурмухаммад ал-Карахи ал-Муксуви ли ас’илат Йусуф ас-Салти») – сборник ответов одного из известных дагестанских ученых второй половины XVIII в. на некоторые вопросы по грамматике арабского языка. Переписчиком также является Муртазаали ал-Уради. Кроме того, на полях рукописи имеются пометки, сделанные рукой Мухаммада Тахира ал-Карахи.

– مقيس المسائل («Макис ал-маса’ил») – субкомментарий Муртазаали ал-Уради по морфологии арабского языка, в котором разъясняются некоторые сложные фрагменты из популярного сочинения «Тасриф ал-‘Иzzi» ‘Иzz ад-Дина аз-Занджани. Переписчик: Мухаммад, сын Мухаммадаали ас-Сачади¹⁶. Конец XIX в.

– مصابيح الدجى («Масабиx ад-дуджа») – популярный в мусульманском мире сборник хадисов имама Абу Мухаммада ал-Багави. Переписчик: Мухаммадамин, сын Мурада ал-Хидали ал-Мачади, занимавший должность муфтия Гидатля в период Кавказского имамата. Одновременно он исполнял и обязанности кадия в селении Урада. 1270 г.х. (нач. 3.10.1853 г.)

– شرح الانموذج («Шарх ал-Унмузадж») – известный комментарий Джамал ад-Дина Мухаммада ал-Ардабили на сочинение по грамматике арабского языка Махмуда аз-Замахшари, знаменитого филолога и толкователя Корана. Рукопись переписал Мухаммадали ал-Арчи¹⁷ у «ученого, имама селения Урух-Сота¹⁸, Мухаммада, сына Гитинава». Первая половина XIX в.

– شرح اظهار الاسرار («Шарх Изхар ал-асрар») – комментарий Мустафы б. Хамза на популярное в Дагестане сочинение по грамматике арабского языка «Изхар ал-асрар» Зайн ад-Дина ‘Али ал-Баркави. Переписал рукопись Губзалав, сын гидатлинского наиба Меселава, в соборной мечети селения Телетль¹⁹ в 1287/1870 г.

16. Нисба указывает на происхождение из сел. Сачада, ныне входящего в состав Чародинского района Республики Дагестан.

17. Нисба указывает на происхождение из сел. Арчиб, ныне входит в состав Чародинского района Республики Дагестан.

18. Ныне в составе Чародинского района Республики Дагестан.

19. Ныне в составе Шамильского района Республики Дагестан.

Заключение

Книжное собрание Хадиса ал-Мачади представляет собой богатую коллекцию восточных манускриптов, в которой сосредоточено множество ценных арабографичных рукописей. Хронологические рамки рукописного собрания можно разделить следующим образом: самые ранние относятся к XIV–XV вв. и имеют недагестанское происхождение; вторая группа рукописей имеет непосредственное отношение к Хадису ал-Мачади и датируется XVII–XVIII вв., а третья группа рукописей относится к XIX–XX вв. Эти рукописи попали в коллекцию через гидатлинских алимов, которым и завещал свою библиотеку Хадис, в случае если в его роду не найдется желающих заниматься наукой. Это свидетельствует о традиции преемственности в изучении арабо-мусульманских наук в регионе.

Работа по созданию каталога рукописного собрания Хадиса ал-Мачади еще предстоит. Каталог не только обогатит источниковую базу исследований, но и в значительной степени облегчит работу по изучению арабоязычной литературы в Дагестане.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографичных рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России».

Acknowledgments. This publication was carried out within the RSF project No. 22-18-00295 “Electronic Library of Arabic-language manuscripts from archival, library, museum and private collections of Russia”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулмажидов Р.С., Магомедова З.А.* Обзор исследований дагестанских арабоязычных источников в постсоветский период // Восток (Oriens). 2021. № 5. С. 239–249.
2. *Шуайб ал-Багини.* Табакат ал-хваджаган ан-Накшбандийа ва садат ал-машаих ал-халидийа ал-махмудийа. Изд. Абд ал-Джалил ал-Ата. Дамаск, 1417/1996. (На араб. яз.).
3. *Айтберов Т.М.* Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. С. 144–161.
4. *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / пер. с араб. М.-С. Саидова. Ред. перевода, подгот. факсимильного издания, коммент., указ. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.
5. *Назир ад-Дургели.* Услада умов в биографиях дагестанских ученых. Нухат ал-'азхан фи тараджим 'улама' Дагистан / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Изд. дом Марджани, 2012.
6. *Мусаев М.А., Шехмагомедов М.Г.* Жизнь и творчество дагестанских ученых-богословов XVIII в. (ал-Усиши, ал-Уради, ал-Аймаки и ал-Мачади) в местных арабоязычных биографических сочинениях XIX – начала XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9211> (дата обращения: 15.10.2023)
7. *Айтберов Т.М.* Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 г. Махачкала: ИД «Ваше дело», 2011.
8. *Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.* Ибрагим-хаджи из Урады (1701–1770) и его эпоха: очерки истории и жизни. Махачкала, 2021.
9. *Айтберов Т.М., Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М.* Опыт исследования биографий средневековых мусульманских ученых-богословов Кавказа (на примере Али ал-Кили) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 2(34). С. 11–18.
10. *Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.* Муртаза'али ал-Уради – верховный кадий имамата. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2018.

REFERENCES

1. Abdulmazhidov RS., Magomedova ZA. Review of studies of Dagestan Arabic-language sources of the Post-Soviet Period. *Vostok (Oriens)*. 2021, 5: 239-249.
2. Shuaib al-Baghini. *Tabakat al-khwajagan al-Naqshbandiya wa sadat al-mashaikh al-khalidiya al-mahmudiya*. Ed. Abd al-Jalil al-Ata. Damascus, 1417/1996. (In Arabic)
3. Aitberov TM. Review of some manuscript collections of Dagestan. *Handwritten and Printed Book in Dagestan*. Makhachkala, 1991. pp. 144–161.
4. *Abdurakhman from Gazikumukh. A Book of Memoirs by Sayyid Abdurakhman, Son of Ustad Sheikh Tariqat Jamaluddin al-Husaini about the Affairs of the Inhabitants of Dagestan and Chechnya*. Transl. from Arabic by M.-S. Saidov. Ed., comments, indexes by Shikhsaidov A.R. and Omarov H.A. Makhachkala, 1997.
5. Nazir al-Durgeli. *A Journey of the Minds through the Biographies of the Islamic Scholars of Dagestan. Nuzhat al-'azhan fi tarajim 'ulama' Dagestan*. Transl. from Arabic, comments by Shikhsaidov A.R., Kemper M., Bustanov A.K. Moscow: Marjani Publ., 2012.
6. Musaev MA., Shekhmagomedov MG. The Life and Work of Dagestani Theologians of the 18th century (al-Usishi, al-Uradi, al-Aymaki and al-Machadi) in Local Arabic-Language Biographical Works of the 19th – early 20th Century. *Modern Problems of Science and Education*. 2013, 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9211> (accessed on: 15.10.2023)
7. Aitberov TM. *Nadir-Shah Afshar and Dagestanis in 1741*. Makhachkala: Vashe delo, 2011.
8. Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG. *Ibrahim-hadji from Urada (1701-1770) and His Era: Essays on History and Life*. Makhachkala, 2021.
9. Aitberov TM., Shekhmagomedov MG., Khapizov ShM. The Experience of Researching Biographies of Medieval Muslim Scholars of the Caucasus (on the case of Ali al-Kili). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2013, 2(34): 11–18.
10. Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG. *Murtaza'ali al-Uradi – The Supreme Qadi of the Imamate*. Makhachkala: Epokha, 2018.

Поступила в редакцию 03.10.2023 г.
 Принята в печать 05.03.2024 г.
 Опубликовано 15.03.2024 г.

Received 03.10.2023
 Accepted 05.03.2024
 Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20157-65>

Исследовательская статья

Мхитарян Гоар Жораевна

к.и.н., старший научный сотрудник, доцент ЕГУ

Институт востоковедения НАН РА, Ереван, Армения;

Научно-аналитический центр «Гегард» НАН РА, Ереван, Армения;

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения

goharmkhitarayan7@gmail.com

Хапизов Шахбан Магомедович

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

markozul@mail.ru

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Я.Д. ЛАЗАРЕВА ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Аннотация. В настоящей работе ставится цель воссоздать полную и объективную картину кавказоведческих исследований полковника Дагестанского пехотного полка Я.Д. Лазарева по архивным материалам Республики Армения. В частности, речь идёт об историко-литературном сочинении «Открытие вековых тайн для истории Восточного Кавказа до VII стол. по Р.Х. или Краткий критический взгляд на древности Дагестана и Албании». Данная рукопись хранится в Архиве Музея литературы и искусства имени Егише Чаренца. Особый интерес для исследователей представляет личный фонд Я.Д. Лазарева в Национальном архиве Армении (НАА), состоящий из 84 архивных дел. Методологическую основу работы составили главные принципы исторической науки: объективность, научность, источниковедческий анализ кавказоведческих исследований Я.Д. Лазарева, в ходе которого мы попытались оценить информацию и данные, содержащиеся в исследуемых рукописях, применительно к различным вопросам истории Кавказа. Таким образом, расширение круга источников происходит не только в результате открытия новых архивных документов, но и за счёт выявления историко-литературных трудов и их введения в научный оборот. Проведенное исследование показало, что автор при описании исторических событий основывается, прежде всего, на имеющиеся источники, а также свои личные наблюдения. Сведения, собранные Я.Д. Лазаревым, важны ещё и тем, что представлены непосредственным участником исторических событий XIX в. – военных экспедиций на Северном Кавказе. Следовательно, эти данные позволяют реконструировать некоторые эпизоды военно-политической истории Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан; Кавказская Албания; Я.Д. Лазарев; кавказоведение; источниковедение; XIX в.

Для цитирования: Мхитарян Г.Ж., Хапизов Ш.М. Кавказоведческие исследования Я.Д. Лазарева по архивным материалам Республики Армения // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 57–65.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20157-65>

Research paper

Gohar Zh. Mkhitarian,
Ph.D., Senior Researcher
Institute of Oriental Studies, NAS RA, Yerevan, Armenia;
Scientific-Analytical Center “Geghard” NAS RA, Yerevan, Armenia;
Russan-Armenian University, Yerevan, Armenia
goharmkhitarian7@gmail.com

Shakhban M. Khapizov,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
markozul@mail.ru

YA.D. LAZAREV’S CAUCASIAN STUDIES FROM THE ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Abstract. This study attempts to reconstruct a comprehensive and objective depiction of the Caucasian studies conducted by Colonel Ya.D. Lazarev of the Dagestan Infantry Regiment, drawing upon archival materials from the Republic of Armenia. Specifically, the focus is on Lazarev’s historical and literary essay titled “Revelation of age-old secrets for the history of the Eastern Caucasus before the 7th century or A brief critical look at the antiquities of Dagestan and Albania,” stored in the Archives of the Yeghishe Charents Museum of Literature and Art. Of particular interest is Lazarev’s personal collection, comprising 84 archival files, kept in the National Archive of Armenia (NAA). The methodological framework of this study adheres to the fundamental principles of historical science, including objectivity, scholarly nature, and source analysis of Lazarev’s Caucasian studies. Through this approach, we assess the information and data contained in the manuscripts under study in relation to various issues in the Caucasus history. Thus, the expansion of the source base arises not only from the unearthing of new archival documents but also from the identification of historical and literary works introduced into scholarly discourse. The study reveals that the author’s descriptions of historical events primarily stem from available sources and personal observations. Moreover, Lazarev’s collection of information holds significance as it reflects his direct involvement in 19th-century historical events, particularly military expeditions in the North Caucasus. Consequently, these insights enable the reconstruction of certain episodes of the Caucasus’s military-political history.

Keywords: Dagestan; Caucasian Albania; Ya.D. Lazarev; Caucasian studies; source studies; 19th century

For citation: Mkhitarian G. Zh., Khapizov Sh.M. Ya.D. Lazarev’s Caucasian Studies from the Archives of the Republic of Armenia. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 57-65.

Учёными-кавказоведами в научный оборот постоянно вводятся всё новые источники и архивные материалы, посвященные истории народов Кавказа, однако их объём не позволяет еще провести исчерпывающее и разноплановое исследование истории региона. Очевидно, что этот процесс должен протекать параллельно с постепенным вводом в научный оборот огромного пласта источников и архивных материалов по истории Кавказа, обобщением опыта источниковедения и документоведения, с опорой на имеющиеся достижения в этой сфере, изучать, группировать и согласовывать данные источников и архивных документов, выделять их особенности.

Изучение кавказоведческих изысканий историка, полковника Я.Д. Лазарева (1822–1903) является определенным вкладом в решение вышеуказанного вопроса, для полного рассмотрения которого необходимо ввести в научный оборот новые архивные материалы, которые могут быть рассмотрены со многих других точек зрения и поставить ряд научных вопросов. Однако его исследования по истории Кавказа базируются на собственных наблюдениях, экспедиционных материалах и содержат большой объем информации этнополитического, историко-географического, культурно-религиозного характера о Кавказе в целом и Дагестане, в частности.

Арцахский род Лазаревых ведёт своё происхождение от Мелик-Айкаязнов, правивших в XV–XVII вв. меликством Кашатаг¹ [1], и по описанию Якова Давыдовича, «из стародавней дворянской фамилии Зангезура (верхнего Карабага)»². Во второй половине XVII в. Кашатагское меликство ослабло и сошло с политической арены, а часть меликов переселилась в Карабах, основав Джрабердское меликство (XVII–XIX вв.) [2]³. Из этой ветви происходил Мелик Аллах-Кули, о котором персидский историограф Мирза Юсуф Нерсесов писал следующее: «Один из них, мелик Аллах-Кули султан, прославившийся своей храбростью, совершил доблестные подвиги, служа Надир-шаху в войне против [турецкого] полководца Кёрпюлу Оглу-паши. Надир-шах приказал отныне не называть его меликом, а Аллах-кули султаном. Его род один из очень уважаемых в Армении» [3, с. 43].

К еще одной ветви рода принадлежал дед Я.Д. Лазарева, Ахназар, отец которого героически погиб в неравном бою с войсками персидского Ага-Мухаммад-шаха во время его нашествия в Закавказье. Малолетний сын Ахназара – Давид – жил в Нухе у родственников и, женившись на дочери знатного шушинца Агабека Калантарова, «арендовавшего ханский монетный двор» [4, с. 22], переехал в Шуши, где у него родились дети Бабаджан⁴, Ованес (Иван)⁵, Акоб (Яков) и дочь Арзу-хатун.

Подробные сведения о семье Лазаревых не сохранились. Известно, что Б.Д. Лазарев, окончив Тифлисскую гимназию, вернулся штатным учителем Елизаветпольского городского училища и «решил непременно стать русским офицером, который в глазах народа был еще выше чиновника», но для этого нужно было иметь сословные права. Бабаджан Давыдович, в совершенстве владевший арабским и персидским языками и восточной литературой, «тотчас занялся розысканием родовых документов,

1. Кашатагское меликство располагалось в бассейне верхнего и среднего течения реки Агавно, с административным центром в Кашатаге и Хнацахе.

2. Исследование о древней истории Дагестана // Национальный архив Армении. Ф. 42. Д. № 31. Оп. 1. Л. 1.

3. Джалалянц С. История страны Алуанк, Матенадаран, микрофильм № 367. (рукопись).

4. Бабаджан Давыдович Лазарев (1818–1872) был на административной службе и дослужился до чина надворного советника.

5. Иван Давыдович Лазарев (1820–1879) – генерал-адъютант русской армии.

писанных большею частью на персидском и арабском языках», и «по ним составил подробную генеалогию рода Лазаревых» [4, с. 34–35].

К сожалению, этот документ был утрачен Иваном Давыдовичем во время его службы, а оставшиеся клочки информации оказываются у Якова Давыдовича, который «на сколько возможно дополнил их своими трудами». Известно, что В. Потто выражал глубокую признательность Якову Давыдовичу, давшему ему «возможность пользоваться этим материалом» при составлении жизнеописания генерал-адъютанта Ивана Давыдовича Лазарева.

Я.Д. Лазарев, завершив обучение в Дворянском полку, в 1841 г. поступил на службу прапорщиком в Финляндский линейный №8 батальон. В 1842 г. был переведен в 16-й гренадерский Мингрельский полк, а в 1844 г. – в 84-й пехотный Ширванский Его Императорского Высочества Николая Константиновича полк. Затем был произведён в подпоручики (1845 г.) и в поручики (1848 г.) – за «ревность и прилежность», оказанную им Российской империи. За «отличие против горцев в экспедиции 1852 г.» Я.Д. Лазарев 31 марта 1853 г. был произведён в штабс-капитаны со старшинством. В 1852 г. он был прикомандирован в 82-й пехотный Дагестанский Его Императорского Высочества Великого князя Николая Михайловича полк. За проявленное отличие при взятии Уркараха (Дагестан) в 1854 г. был произведен в капитаны, а за отличие в экспедиции 1859 г. – произведен в майоры. За усердную службу и труды, понесенные во время экспедиции 1861 г. в Терской области, Я.Д. Лазарев был награжден орденом Св. Анны III степени (1863 г.). В мае 1881 г. высочайшим приказом о военных чинах Я.Д. Лазарев был уволен со службы по болезни в чине полковника, с правом ношения мундира и пенсией полного оклада⁶ [5].

Как офицер русской армии Я.Д. Лазарев большую часть своей военной карьеры провел на Северном Кавказе. Важной вехой в его жизни можно назвать период проживания в Дагестане. Будучи капитаном Дагестанского пехотного полка, он активно занимался сбором и анализом сведений об истории, географии и этнографии Дагестана и в целом Восточного Кавказа. По словам автора, шесть лет в «свободное от службы время» он потратил на изучение народов Дагестана и их древней истории. *«Источники армян заключают в себе более положительных сведений служащих руководством к верным открытиям, но эти известия так темны для археолога, что, если изучить, то нужно несколько лет жить в Дагестане, знать закавказско-татарский язык, армянскую литературу и пользоваться некоторыми вспомогательными средствами. Иначе никакая ученость, никакие гениальные дарования не в состоянии удовлетворить требованию исторической науки»,* – писал он⁷.

В 1856 г. Я.Д. Лазарев стал действительным членом Кавказского отдела Императорского русского географического общества [6]. Он также активно печатался в газете «Кавказ», выходившей в Тифлисе⁸. В 1859 г. в трёх номерах газеты было опубликовано его историографическое исследование «О гуннах Дагестана», которое было «составлено преимущественно по армянским и по восточным источникам и подкреплено личными наблюдениями и поверкою древних сказаний на

6. Послужной список от 8 ноября 1880 г. // РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.10279. Л. 34 – 54.

7. Исследование о древней истории Дагестана // Национальный архив Армении. Ф. 42. Д. № 31. Оп. 1. Л. 3-3 об.

8. Лазарев Я.Д. О гуннах Дагестана // Газета «Кавказ». 1859. № 34. Тифлис. С. 177–178; № 36. Тифлис. С. 189–190; № 38. Тифлис. С. 200–202.

месте». Сама редакция «Кавказа» по поводу издаваемых Я.Д. Лазаревым материалов писала: «Мы очень охотно даём в нашей газете место этим любопытным исследованиям собственно потому, что армянский язык только некоторым ориенталистам в Европе известен, да и из природных армян не многие могут разбирать древние книги и рукописи»⁹.

Результатом нескольких лет подобного рода исследовательской работы можно считать труд Якова Давыдовича «Открытие вековых тайн для истории Восточного Кавказа до VII стол. по Р.Х. или краткий критический взгляд на древности Дагестана и Албании». Данная рукопись хранится в архиве Музея литературы и искусства имени Егише Чаренца (Исторический фонд (1)¹⁰) и состоит из 57 листов, в рукописном виде. Здесь Яков Давыдович подписывается как Якуб-бек Лазарев. Работа была подготовлена в 1855 г., но по каким-то причинам не была опубликована.

Автор излагает историю Дагестана и Албании (Алуанка) до VII в., ссылаясь не только на греко-латинских (Страбон, Плиний Старший, Тацит, Плутарх, Дион Кассий) и древнеармянских (Корюн, Павстос Бузанд, Елишэ, Мовсэс Хоренаци, Себиос, Мовсэс Дасхуранци и др.) «писателей», но использует и библейские («священные писания»), и некоторые переднеазиатские источники.

Наряду с общеизвестными фактами, а порой противоречивыми суждениями, Яков Давыдович приводит в своем труде ряд ценных сведений об истории, географии и этнографии исследуемого края. Об этом он пишет в первой главе сочинения: «Потеря девятилетних записок моих в 1853 году, при переходах Дагестанского отряда из Казы-Кумуха чрез снеговые горы в крепость Новые Закаталы, осажденную Шамилем, побудили меня снова взяться за дело и составить настоящую брошюру с указанием в ней, беглым критическим взглядом, древностей и племён Дагестана»¹¹.

Сочинение «Открытие вековых тайн для истории Восточного Кавказа до VII стол. по Р.Х. или краткий критический взгляд на древности Дагестана и Албании» содержит излишние географические названия и этнонимы («непонятны некоторые изменившиеся названия племен и мест»), по признанию Я.Д. Лазарева, он «отложил» их «на будущее время», собираясь «обнародовать» свои «изыскания» и составить карту Прикаспийской Сарматии¹² и Албании¹³.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что сочинение это написано в середине 1850-х гг., и автором его являлся отнюдь не профессиональный историк, а военный. Соответственно, с точки зрения современной науки его труд является больше историко-литературным сочинением, нежели источниковедческим исследованием. То есть для современного исследователя его труд представляет собой интерес прежде всего с точки зрения историографии.

В Национальном архиве Армении (НАА) хранится именной фонд Я.Д. Лазарева (№ 42), где содержится 84 архивных дела, разделённых на четыре раздела, охватывающих документы за период с 1813 по 1903 гг.

9. Там же. С. 177.

10. Открытие вековых тайн для истории Восточного Кавказа до VII стол. по Р.Х. или краткий критический взгляд на древности Дагестана и Албании // Архив Музея литературы и искусства имени Егише Чаренца. Исторический фонд (1). Оп. 3. Б. 3.

11. Там же. Л. 6.

12. Я.Д. Лазарев Сарматией называет Дагестан.

13. Открытие вековых тайн для истории Восточного Кавказа до VII стол. по Р.Х. или краткий критический взгляд на древности Дагестана и Албании // Архив Музея литературы и искусства имени Егише Чаренца. Исторический фонд (1). Оп. 3. Б. 3. Л. 6 об.

Первый раздел содержит материалы о жизни и военной службе Я.Д. Лазарева и его братьев Ивана и Бабаджана Лазаревых (дела № 1–5).

Особое внимание заслуживает дело № 1 – «Послужной список отставного полковника Я.Д. Лазарева и приказ императора Николая I о присвоении Я. Лазареву чина поручика». С 1 листа по 9-й – это послужной список Яков Давыдовича, а с 9-го по 17-й листы – боевые подвиги, расписанные по годам, где фактически раскрываются военные действия на Кавказе. Текст написан разборчивым, почти печатным почерком.

Дело № 2 – «Сведения о жизни и подвигах генерал-адъютанта И.Д. Лазарева (его борьба с Шамилем), армянский заголовок данного дела звучит следующим образом: «Записки о жизни и подвигах И.Д. Лазарева», и сразу начинается с повествования военной биографии Ивана Давыдовича с 1848 г. (11 л.).

Дело № 3 – это «Биография Ивана Давыдовича Лазарева и личные документы» на 17 листах, армянский вариант дела называется «Биография студента 4-го курса Лазаревского института Ивана Давыдовича Лазарева и свидетельства о его учебе и поведении», составленная в 1878 г. Здесь Яков Давыдович дает кое-какие исторические сведения о семье Лазаревых.

«Приказы императора Александра 2-го о награждении Бабаджана Лазарева медалями и об утверждении его в должности» всего на 3 листах содержат подробности о жизни среднего брата Якова Давыдовича (дело № 4).

В этом разделе имеется дело № 5 – «Жалоба Лазарева на генерал-майора Богдановича о недооценке своих заслуг и о недоразумениях среди командного состава вообще», где описаны боевой путь русской армии на Кавказе и подробности военной службы Якова Давыдовича в Дагестане, что обобщает картину военных действий на Восточном Кавказе второй половины XIX в.

Для историков-кавказоведов наибольший интерес представляют документы второго раздела, который называется «Исторические труды А. Лазаряна» (дела № 7-го по 43-й).

Наряду с уже имеющимися в научном обороте армяноведческими исследованиями [7] Якова Давыдовича, в Национальном Архиве Армении также хранятся архивные дела по данной тематике, требующие ввода в научный оборот, анализа и возможно новых интерпретаций некоторых событий из истории армянского народа (дела № 7–13). Интересные материалы содержит дело № 13 под названием «Ведомость о численности населения и об национальном составе области Ван» (1 л.).

Весьма интересные материалы собраны в деле № 14 о т.н. распространении религиозной ереси в Армении (21 л.), написанные в 1861 г. на русском языке. А дело № 15 – это «Очерк о появлении армянских и грузинских католиков и армянских унийтов», составленное на армянском и русском языках (2 л.).

В делах с 24-27-е хранятся труды Якова Давыдовича о резне армян в Западной Армении турками и курдами во второй половине XIX в. Документы этого дела написаны на армянском и русском языках.

Отметим, что в нескольких делах фонда имеются исторические материалы об Арцахе, карабахских меликах, армяно-русских, грузино-персидских отношениях и исторических событиях на Кавказе XVIII – первой трети XIX в. Так, дело № 16 носит название «Очерк об осаде русскими войсками крепости Шуши во время русско-персидской войны 1826–1828 гг.» (7 л.).

Дело № 17 (6 л.) «Очерк из истории армяно-русских отношений» (на арм. яз.) и «Записки Лазарева по истории русско-армянских отношений» (на русс. яз.),

где автор рассматривает исторические события начала XIX в. – восстания в Кахетии в 1812 г., когда армяне помогали осажденным в цитадели Сигнахи русским солдатам и тайно приносили им хлеб и воду.

В этом разделе фонда содержатся такие рукописи Я.Д. Лазарева, как «Очерк о противостоянии карабахских меликов и об утверждении Панах-хана в Шуше» – так звучит название документа в русской версии, и «О жизни и подвигах мелика Мелик-Межлума» – на армянском языке. Дело в том, что оба названия присутствуют в деле и относятся к историко-политическим событиям XVIII в. (дело №19, 5 л.).

Здесь же находится дело № 20 – рукопись с заголовком «Очерк о политическом состоянии армянских меликов Арцаха и об их помощи российским властям в XIX веке», где описываются исторические события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (7 л.)

И, наконец, интересным историческим материалом является «Очерк о грузино-персидских отношениях в XVIII веке», или «Черновые заметки о грузино-персидских отношениях» (дело №28, 3 л.), но написан он неразборчивым почерком.

В данном отделе архивного фонда Якова Давыдовича особое место занимают его труды и полевые сочинения о древней Албании и Дагестане. К таким исследованиям Я. Лазарева относится трудночитаемая рукопись под заголовком «Краткий исторический очерк «Древняя Албания» или «Черновые заметки по истории древней Албании» (дело №29, 60 л.).

Ценным полевым исследованием является дело №30, (27 л.) – «Краткий сравнительный разговорный словарь обитающих в лезгинских поселениях между Грузией, Аварией и Душетией¹⁴ и заметки о лингвистических вопросах».

В архивном фонде Якова Давыдовича хранится ряд сочинений о древней истории Дагестана. Например, «Исследование о древней истории Дагестана» (дело № 31, 44 л., рукопись и машинопись). Аналогичные работы хранятся в делах № 32, 33, 34 и 35.

Интересные материалы имеются в деле №32 «Исследование Лазарева по древней истории Дагестана», а на первой странице рукописи рукой автора написано следующее название: «Исследование о народах Дагестана». Читателю повествуется об основании города Дербента, описываются его древности, приводятся некоторые разъяснения имён древних обитателей Прикаспийской полосы, такие как «нижние массагеты или нынешние кюринцы», «верхние массагеты», «прикаспийские скуты или хушаны (т.е. Задербентские татары)».

Дело №35 носит название «Очерк об одном покоренном племени Дагестана» (3 л.) и рассказывает о «цунда-аварцах», в котором автор излагает их историю и нравы. Аналогичным материалом является дело №36 с названием «Очерк об обычаях и языке горских племён Кавказа» (13 л.).

В деле №37 (2 л.) с заголовком «Очерк о восстании лезгинов в Грузии» на армянском и «Незаконченные черновые записки Лазарева о восстании магомедан в Грузии» на русском языках рассмотрены события восстания аварцев Закатальского округа в 1863 г. Причиной восстания Яков Давыдович отмечает «вероломство, веронетерпимость и разные притеснения от грузин» в исследуемый исторический период.

«Очерк об истории народов Дагестана» – дело №38 (21 л.) – посвящен древней истории Дагестана. Однако первая страница архивного дела повествует об исторических событиях Кавказа в XVIII в.

14. Правильнее – Тушети.

Интересным историческим сочинением является «Очерк о древней истории Дагестана» или «Черновые заметки по древней истории» (дело №41, 17 л.), но большая часть работы написана карандашом и трудно читается.

В третьем отделе рассматриваемого фонда под заголовком «Письма» (*Երկնամուկներ* – переписка на арм. яз.) хранятся письма (дела №44–62), адресованные Я.Д. Лазареву. В первой части находятся 11 письма различных лиц, адресованных Я.Д. Лазареву (дела №44–54) и охватывают время с 1841 по 1903 гг., а во второй – 9 писем (дела №55–62) – переписка родственников Якова Давыдовича с ним (1876–1899 гг.). Среди них имеются письма С. Лазаряна, В. Потто, М. Ахумова и М. Уцмиева к Я.Д. Лазареву, которые посвящены сбору исторических материалов, решению денежных и бытовых вопросов (с 1877 по 1899 гг.) на русском и армянском языках (дело №62, 8 л.).

Немаловажным является четвёртый отдел фонда, где хранятся лично собранные Лазаревым различные материалы и сочинения (Дела 63–73; 76–80; 82). Среди них для нас особый интерес представляет, в частности, дело №64, «Письмо Ефрема католикоса Паскевичу и рапорт Аслана Манучарова о вторжении персидских войск и о подвигах архиепископа Григора»¹⁵ или «Копия письма патриарха армян Ефрема к Паскевичу о вторжении в пределы Грузии персидских войск и о подвигах архиепископа Григория» (10 л.).

Любопытным материалом является дело №68 – «Донесения действующих во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русских агентов о враге» или «Копия донесений шпионов во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», где полковник Степан Кишмишев задает специальным агентам различные вопросы насчет состояния войск врага, о возможных передвижениях и планах и т.д. (13 л.).

«Записная книжка полковника А. Лазаряна о религиозных еретиках Дагестана, Шамахи и Ширвана» (дело №73, 64 л.), датируемый 1882 г. рассказывает историю появления и распространения мюридизма на Восточном Кавказе и другие религиозные течения региона. В самом конце данного архивного дела помещён шахский фирман (оригинал персидского текста и его перевод) от 1813 г. мелику Ибрагиму о владении Курбулакским магалом Эривани. (л. 62)

Ещё одним сочинением, посвящённым древней истории Восточного Кавказа, является анонимное сочинение «Взгляд на древности Дербента, Прикаспийской Сарматии и Албании» (дело №76, 6 л., тетрадь среднего размера).

В четвертом отделе фонда находится рукопись русского и армянского переводов «Исторического сочинения Мирзы-Хейдер Вазирова «Дербенд-намэ»» (дела №77, 26 л.; №78, 26 л.; №79, 16 л.; №80, 17 л.)¹⁶.

Как видим, материалы фонда №42 Национального Архива Армении охватывают широкий круг научных интересов Я.Д. Лазарева. Фонд поступил в архив в 1925 г. в разрозненном состоянии и дважды был реставрирован в 1960 и 1970 гг., а в последний раз – в 1992 г., когда число хранящихся материалов достигло 84 единиц. Вероятно, в результате реставрационных работ материалы фонда получили двойные названия на русском и армянском языках.

Резюмируя, отметим, что, безусловно, в изучении истории Кавказа ключевую роль играют первоисточники. Расширение круга источников и их исследование происходит

15. Речь идёт о событиях 1828 г.

16. Дело №77 – машинописное, Дела №78 и 80 рукописные и все на русском языке (1847–1850 гг.), а №79 на армянском языке и носит название «История Дербента», датируемая 1850 г.

в основном в результате открытия новых источников и архивных документов. Однако, на примере кавказоведческих исследований Якова Давыдовича можно констатировать, что ключевыми источниками изучения истории Кавказа являются не только архивные материалы, но и публицистические, историко-литературные произведения.

Бесспорно, при исследовании рукописных фондов Я.Д. Лазарева необходимо изложить историю их создания и исторический фон, понять исторический контекст сбора разносторонних и разноплановых материалов путём объединения включённых документов и данных из других параллельных источников. Также необходимо изучить и оценить информацию его архивных дел по различным вопросам историко-географического, политико-правового и социально-экономического характера о положении народов Кавказа. В этом плане некоторые кавказоведческие исследования Я.Д. Лазарева относятся к их числу.

Таким образом, с уверенностью можно констатировать, что научные изыскания Я.Д. Лазарева по истории Кавказа займут достойное место наряду с другими кавказоведческими исследованиями XIX в. Ведь цена «забвения» научных трудов, архивных материалов, порой может оказаться очень чувствительной для кавказоведения и изучения истории региона в целом.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы No 20RF-148 и No. 20-59-05010 соответственно.

Acknowledgements. The study was carried out with financial support from the Science Committee of the Republic of Armenia and the Russian Foundation for Basic Research (RF) within the framework of the joint scientific program No. 20RF-148 and No. 20-59-05010 respectively.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карагёзьян А.К. К локализации гавара Кашатаг // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1987. № 1. С. 44–45.
2. Магальян А.В. Генеалогия Мелик-Исраелянов, правителей Джраберда (XVII–XIX вв.) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ. 2009. С. 122–126.
3. Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история / перев., введ. и коммент. К.П. Костикиана. Ереван: «Зангак», 2000. – 321с.
4. Потто В.А. Генерал-адъютант Иван Давыдович Лазарев. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1900. – 434с.
5. Абрамян Р.М. Материалы по истории Кавказской Албании в фонде Я.Д. Лазарева в Национальном архиве Армении // *Albania Caucasia*. М., 2015. С. 77–78.
6. Кавказский календарь. Главное управление Кавказского Наместника 1845–1916. [на] 1859 год. Тифлис. – 553с.
7. Лазарев Я.Д. Причины бедствий армян в османской Турции и ответственность за разорение Сасуна. Тифлис: Тип. И.А. Мартиросянца, 1895. – 46с.

REFERENCES

1. Karagozyan AK. On the localization of the Gavar Kashatag. *Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenia*. 1987, (1): 44-45.
2. Magalyan AV. Genealogy of the Melik-Israyelyans, the rulers of Jraberd (XVII-XIX centuries). *Genealogy of the peoples of the Caucasus. Tradition and modernity*. Vladikavkaz, 2009. pp. 122-126.
3. Mirza Yusuf Nersesov. True story. Trans., introd. and comm. by K.P. Kostikyan. Yerevan: «Zangak», 2000. (In Arm.)
4. Potto VA. Adjutant General Ivan Davidovich Lazarev. Tiflis; Moscow: Martirosyants' Printing, 1900.
5. Abrahamyan RM. Materials on the History of Caucasian Albania in the Collection of I.D. Lazarev in the National Archive of Armenia. *Albania Caucasia*. Moscow, 2015. pp. 77-78.
6. Caucasian calendar. Main Directorate of the Caucasian Governor 1845-1916. [for] 1859. Tiflis.
7. Lazarev YaD. The Causes of the Disasters of the Armenians in Ottoman Turkey and the Responsibility for the Devastation of Sasun. Tiflis: I.A. Martirosyants' Printing, 1895.

Поступила в редакцию 06.02.2023 г.
Принята в печать 27.11.2023 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

Received 06.02.2023
Accepted 27.11.2023
Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20166-75>

Исследовательская статья

Халидова Ольга Борисовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский Федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
o.khalidova2011@mail.ru

РОССИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ: ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В УПРАВЛЕНИИ ОКРАИНАМИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ «РУСИФИКАЦИИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – нач. XX в.

Аннотация. Историческое включение в состав России многонациональных и поликонфессиональных территорий с проживающими на них народами, находящимися на разном уровне общественного и культурного развития, предопределило направленность государственной национальной политики на сохранение единства и целостности страны. Непростые взаимоотношения центра и окраин заставляли правительство искать наиболее эффективные способы включения вновь приобретенных территорий в российскую государственную систему. Исходя из этого, статья посвящена проблеме внедрения интегративных практик на Северо-Восточном Кавказе после окончания Кавказской войны в контексте политики «русификации», служившей идеологическим основанием для имперского универсума. В связи с этим, в представленном исследовании уделено внимание некоторым вопросам реализации русификаторского курса в изучаемом крае: миссионерских практик с одной стороны и внедрения русского языка как общегосударственного в качестве основного инструмента скрепления империи в единое целое – с другой. В основу исследования положена концепция т.н. «новой истории империи», основополагающим принципом которой является изучение способов взаимодействия центра с окраинами. Актуальность исследования продиктована имеющимся в отечественной и мировой историографии масштабным научным наследием, посвященным изучению российской политики в отношении отдельных регионов империи. На сегодняшний день проблема изучения теории и практики в управленческой деятельности Российской империи и востребованность в научной среде исследований с использованием новых подходов и ответов настоятельно требует формулировки широких обобщений и концептуальных выводов. Результаты исследования позволили заключить, что интеграционные практики на Северо-Восточном Кавказе, основанные на идеи русификации, дали региону новый импульс развития во многих сферах жизни. При этом население региона смогло выработать свои способы адаптации к реформам и переменам имперской власти, сохранив свой собственный культурный потенциал, сложившийся здесь испокон веков.

Ключевые слова: Россия; Северо-Восточный Кавказ; Дагестан; империя; политика; интеграция; периферия; русификация; образование; русский язык

Для цитирования: Халидова О.Б. Россия на Северо-Восточном Кавказе: интегративные практики в управлении окраинами в контексте политики «русификации» во второй половине XIX – нач. XX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 66–75.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20166-75>

Research paper

Olga B. Khalidova,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Center of RAS, Makhachkala, Russia
o.khalidova2011@mail.ru

INTEGRATING THE NORTH-EAST CAUCASUS: RUSSIFICATION POLICIES IN THE LATE IMPERIAL ERA (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Abstract. The historical incorporation of diverse multinational and multi-confessional territories, inhabited by peoples at varying levels of social and cultural development, has predetermined the focus of state national policy on ensuring the unity and integrity of the country. The complex relationship between the center and the periphery compelled the government to seek the most effective ways to integrate the newly acquired territories into the Russian state system. Building on this, the paper considers the problematic issue of introducing integrative practices in the North-East Caucasus after the conclusion of the Caucasian War, within the context of the “Russification” policy. This policy served as the ideological foundation for the imperial project. In this respect, the study examines specific issues regarding the implementation of the Russification policy in the region. These issues include, on the one hand, missionary practices, and on the other hand, the introduction of the Russian language as the national language, serving as a central tool for consolidating the empire. The research draws upon the extensive domestic and international historical scholarship on Russian imperial policies towards various regions. Recognizing the abundance of existing research, this study highlights the urgency for fresh perspectives and answers within the academic community. It seeks to contribute through broad generalizations and conceptual conclusions regarding the management practices of the Russian Empire. The study concludes that while integrative practices based on the Russification brought about development in various spheres of life in the North-East Caucasus, the region’s population also developed its own strategies for adapting to imperial reforms and changes. This process allowed them to preserve their unique cultural heritage, deeply rooted in the region’s history.

Keywords: Russia; North-East Caucasus; Dagestan; empire; policy; integration; periphery; russification; education; Russian language

For citation: Khalidova O.B. Integrating the North-East Caucasus: Russification Policies in The Late Imperial Era (Late 19th – Early 20th Centuries). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 66-75.

Введение

На сегодняшний день анализ имперского опыта для «изучения сложносоставных, мозаичных обществ, для которых свойственно сложное наложение и сосуществование разных, часто отрицающих друг друга режимов культурных различий» [1] продиктован разработкой парадигмы взаимоотношений регионов и центра в масштабах государства.

Имперская матрица в своем стремлении к организации некоего имперского универсума в процессе расширения территории России и формировании нового пространства, с опорой на принципы самодержавной власти и сословности, ставило, прежде всего, задачу обеспечения стабилизации и безопасности существующего режима. Решение поставленной задачи правительство стремилось достичь и за счет достижения лояльности местного населения, в первую очередь политической и социальной элиты, и доминирования русских в национально-государственных институциях. Первостепенной была выработка стратегии по универсализации множественных микросоциумов, находящихся на различных уровнях политического и социокультурного развития. Руководствуясь данным принципом, правительство осуществляло специфические мероприятия по отношению к разным этническим группам. Комплекс мер по их аккультурации и ассимиляции, а также унификации и интеграции окраин империи применительно к России получил название «*русификация*»¹.

На сегодняшний день растет число исследователей как российских [2-5], так и зарубежных [6-8], ориентированных на изучении этого процесса более детально. Феномен империи исследуется ими в рамках т.н. «*новой истории империй*», или *империологии*, основу которой составляет концепт *локальности*, а фокус исследования смещается от описательной истории к изучению этнических и культурных различий. Опровергая национальный вектор, рисующий империю абсолютным злом для национальных окраин, продуктивным подходом к пониманию сложной природы Российской империи исследователи-империологи видят в изучении «*групп и тенденций внутри нерусских народов, которые желали присоединиться к русскому государству и русской культуре*» [9, с. 30]. Важно отметить, что конечным результатом «*русификации*» должна была стать «*русскость*» населения окраин Российской империи [11, с. 61].

Таким образом, на современном этапе развития исторического знания, и конкретно кавказоведения, возникает потребность в переосмыслении эпохи Российской империи периода второй половины XIX – начала XX в., когда проходило включение инокультурной периферии в ее состав. Необходимо рассмотреть историю региона в составе Российской империи через широкий спектр вопросов и проблем, сделав особый акцент на «*характере отношений между центром и периферией, реконструкции идеологических обоснований имперской политики и практик*» [10].

Выбранный в качестве объекта регион, – Северо-Восточный Кавказ, территория которого была достаточно обширна и разнообразна по своему этническому составу,

1. Речь идет об общем концепте имперских окраин. Проводимая государством политика по отношению к каждой из них (Сибирь, Польша, Финляндия, Средняя Азия, Кавказ) имела различные стратегии и практики в управлении. Северо-Восточный Кавказ был регионом, автохтонное население которого уже имело свою сложившуюся политическую культуру, что вызывало определенные трудности для имперских властей, вынуждая их действовать более деликатно.

в рассматриваемых нами хронологических границах – второй половине XIX – начале XX в. представлял собой широкое территориальное пространство, где проживали автохтонные народы, сформировавшие к этому времени глубокие социально-политические и культурные традиции. Несмотря на окончание Кавказской войны, здесь сохранялась опасность сопротивления управленческим инициативам российского государства. Последнее подводило Россию к необходимости выработать особую модель управления здешним краем. В связи с этим, центральное место в данной проблематике занимает изучение способов реализации интегративных практик в контексте политики «русификации» на Северо-Восточном Кавказе.

«Русская идея» в дискурсе российского общества

Окраины империи были различны как по религиозному, так и по этническому фактору. Это накладывало отпечаток на отношения регионов с центральной властью. Огромный конгломерат, состав которого отличался исключительно пестрым этническим, конфессиональным и социальным разнообразием, требовал от власти «работать в режиме постоянного приспособления к новым ситуациям, перенастройки своего взаимодействия с местными сообществами и поиска возможностей для согласования их интересов с собственными приоритетами» [12, с. 6]. Это означало, что управлять подобным многообразием империи было не просто сложно, – требовался постоянный поиск рычагов эффективного воздействия.

Качественно новым этапом для имперского управления явилась эпоха модернизации второй половины XIX в. Отправной точкой на пути к «эпохе великих реформ» стала отмена крепостного права. Российское государство, будучи одной из континентальных империй со сложившимся к этому времени политико-территориальным комплексом, оказалось в бурном потоке процессов модернизации.

Остро встал вопрос о выработке приемлемой модели государственного управления с объединением под единой имперской властью гетерогенных периферий и сохранением «единой и неделимой России». Член Государственного Совета барон Н.И. Николаи, рассуждая об утверждении «русской силы», не просто призывал «к возможному объединению разнородных элементов», а подчеркивал, что цель этого объединения должна быть «преследуема постоянно, настойчиво, но, вместе с тем, осторожно и разумно», при этом власть может время от времени уступать, но не отходить от главной цели [13, с. 206–207].

На протяжении всего XIX в. вопрос взаимоотношений различных народностей как между собой, так и с властью, становится центральным и в рассуждениях представителей общественно-политической мысли России. Принципы решения т.н. «окраинного» вопроса нашли отражение в работах общественных деятелей и представителей российской интеллигенции [14–17]. Отправной точкой здесь становится т.н. «русская идея», в основе которой была заложена роль внутреннего духовного начала русского народа в коммуникации с иными этносами в истории Российского государства [18]. Помимо соответствия двум критериям, – вероисповеданию и языку, наиболее актуальным в понимании и трактовке определения в отношении русского человека являлась «сплоченность всех подданных империи державным патриотизмом»².

2. О началах русского воспитания. Речь, произнесенная в торжественном собрании первой Московской гимназии 3-го октября 1854 года преподавателем русского языка и словесности Тертием Филипповым. СПб., 1890. С. 10.

Дискурс, развернувшийся в российском обществе о поисках ответа на вопрос о включении окраин империи, имел различные точки зрения в зависимости от отношения к концепции «единой и не делимой» России. Первостепенной была необходимость создания целостной нации путем достижения единства веры и языка как духовной основы. Однако в региональной практике эта идея осуществлялась в пространственной диспропорции и не всегда имела задуманный и успешный результат.

Механизмы «русификации» в социокультурном пространстве

Включение Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи определило новые векторы для его дальнейшего развития. Центральное место в интеграции населения в общеимперское пространство занимал процесс, направленный на то, чтобы проживающие здесь народы стали «соучастниками в истории русского народа» [19, с. 2]. В проектах по управлению регионом подчеркивалось, что «для достижения мира в беспокойном крае, часть которого составляют магометане и горцы, ни в коем случае нельзя руководствоваться грубой силой, произволом, преследованиями... Мир и тишина, купленные этими средствами, были бы непрочны» [21, с. 125]. По мнению одного из российских государственных деятелей того времени Г.А. Евреинова, в перспективе край должен был «стать страной русской культуры», но при сохранении некоторых свобод и прав [21, с. 126]. Лучшим способом для того считалось колониационное управление [20, с. 482].

Миграционный процесс, имевший на первых порах естественную природу, уже со второй половины XIX в. приобретает не просто очертания механического, а становится главным приоритетным направлением для самодержавия – «военно-казачью оседлость» сменяет «народная колонизация». Одной из причин такого поворота был и социальный фактор, создание в регионе опоры в лице русского населения; позволяло предотвратить угрозу отторжения Кавказа. Однако попытки сделать «благонадежный русский элемент» социальной опорой для административных преобразований преследовали и цель оказания «немаловажного нравственного воздействия» на местных жителей. Кроме того, российское правительство надеялось, что «приток русского земледельческого населения ... окажет значительное культурное влияние на ... туземное население в смысле приобщения его к мирному занятию земледелием, ... что в смеси с русским населением скорее забудет свое обособление от русских и взаимную вражду» [22, с. 8]. Важно отметить, что планы правительства в этом отношении были осуществлены. Научные исследования подтверждают многовековое положительное влияние на коренное население, особенно в хозяйственном отношении [23].

Важнейшим элементом русской идентичности, которая должна была укрепляться на окраинах России, была его духовная составляющая как один из признаков максимальной политической благонадежности. Принадлежность к православной вере рассматривалась как один из основных маркеров процесса русификации. Здесь особые надежды возлагались на миссионерскую деятельность православной церкви, с помощью которой покорение Кавказа становилось возможным не физически, а духовно. Не имея обширных знаний об обычаях, особенностях быта и менталитете горского населения, невозможность держать горцев в повиновении с помощью одной только

военной силы, признавали, как военные деятели на Кавказе, так и православное духовенство. Так, в своем рапорте Святейшему Синоду Экзарх Грузии архиепископ Евсевия Карталинский и Кахетинский³ о мерах по успешному распространению православного вероучения среди горских народов, определял их состояние «как полудикое», связывая это с «суровой природой мест их обитания и постоянными войнами друг с другом». Указывая на плачевное нравственное состояние горских народов, экзарх отмечал с похвалой такие качества как гостеприимность и верность своему слову, но делал акцент на их «грубости, жестокости и дикости»⁴. Однако, обеспечение духовной близости с горцами Дагестана, а равно с чеченцами, кабардинцами, черкесами на западе горного Предкавказья, по замечанию одного из славистов империи А.С. Будиловича, вызывало большие затруднения [24, с. 31]. Подобная мысль подтверждается и результатами миссионерской деятельности православной церкви в русле христианизации горского населения. О малочисленных успехах в изучаемом нами регионе свидетельствовали и сведения о приобщении к православной вере, например, среди чеченского народа, которые публиковались на страницах еженедельно издаваемого печатного издания Владикавказской и Моздокской епархий⁵. И в более поздний период, при изучении доступных для нас архивных источников, были выявлены случаи обращения горцев Дагестана в христианскую веру, желание которых было продиктовано, в основном, бытовыми установками. Но подобные факты были единичными [25, с. 85–86]. В дальнейшем, российскими властями был выработан целый порядок касательно миссионерской деятельности среди представителей неправославной веры.

Дагестанские исследователи констатируют о весьма активном осуществлении во второй половине XIX в. «политики по внедрению христианства среди горцев», в частности, Закатальского округа, отмечая ее «насильственный» характер [26, с. 355–356; 27, с. 172]. Р.А. Фадеев, описывая события, относящиеся к этому периоду, указывал на факт «обращения природных лезгин в христианство», но, при этом, характеризовал этот процесс достаточно легким. И речь здесь, по словам военного историка и публициста того времени, не шла о перемене веры, – горское население зачастую принимало новую веру «за выгоды, или, скорее, за обещания» [20, с. 420]. Но, несмотря на то, что правительство, безусловно, было заинтересовано в обращении горцев в христианство и всячески способствовало этому процессу, в официальных документах постоянно подчеркивалась недопустимость применения насилия в этом вопросе.

Постепенно, правительством было признано, что миссионерская христианская практика не способствует сближению коренных народов с русской средой, а только усугубляет ситуацию «в губерниях с преобладающим мусульманским населением»⁶. Приоритетным направлением в развитии народов Кавказа становится работа в деле «усвоения языка господствующего племени» [21, с. 126], отмечая, что данный процесс необходимо проводить «не в механическом, а органическом сроднении с русской образованностью» [24, с. 75]. Как утверждал министр народного просвещения граф

3. Был назначен 1 марта 1858 г. императором Александром см.: Из копии Указа Святейшему Правительственному Синоду от 1 марта 18568 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 91. Л. 2.

4. Из рапорта Евсевия, архиепископа Карталинского с запиской о мерах к успешному распространению на Кавказе христианства // РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 2040. Л. 4–6.

5. Численность их по отношению к мусульманскому населению было незначительным (132 чеченца и 13 чеченок): см. «О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ, 1895. № 9. С. 60; О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ, 1896. № 3. С. 15; Присоединены к православию в 1898 году // Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ, 1899. № 7. С. 81.

6. Из журнала особого совещания по мусульманским делам. 15.05.1914 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 3340б.

Д.А. Толстой: «...конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [29, с. 23]. В этот период главным посылом в сфере образования для горцев со стороны правительства была их полезность как граждан «не на воинственном, а преимущественно на мирном поприще, но при этом не отказываясь от своих природных нравов, обычаев, верований...» [30, с. 300]. Хотя многие подчиненные и начальники округов занимали позицию о ненужности горцу какого-либо образования, отсутствие которого предоставит возможность «легче справляться с ними, чем, вооружив их знаниями» [31, с. 5].

Тем не менее, начавшийся процесс распространения русского национального сознания на другие народы через русский язык должен был стать попыткой вызвать у народов империи чувство принадлежности к России. Все это было звеньями одной цепи, применяемыми на практике имперскими чиновниками путем просвещения. Однако степень эффективности проекта была разной в регионах. Отметим, что слабые результаты были отмечены на Северном Кавказе и в Средней Азии по причине бытования здесь неподконтрольных государству мусульманских учебных заведений, составляющих особую часть социокультурного пространства. Учитывая повышенную религиозность населения края, в первых горских школах, организованных после окончания Кавказской войны во время деятельности наместника А.И. Барятинского, имел место симбиоз в обучении основ религиозного вероучения: православного и магометанского. Последнему уделялось особое внимание со стороны администрации края и инспекции, которые опасались того, что обратный процесс оттолкнет от школы учеников [32, с. 502].

Однако курс на внедрение русского языка составлял главную цель для имперской администрации. Учитывая тот факт, что не все горцы принимали полезность русского образования, организовать аульские школы и классы с преподаванием русского языка в них было крайне сложным, а «в некоторых местах было не просто трудным, но и невозможным»⁷. Причиной тому, по мнению российской администрации, было засилье «власти шейхов и мулл» в обществе, сильно препятствовавшее процессу «приобщения народа к общему порядку государственной жизни, его просвещению и сближению с русскими интересами»⁸. Еще во время Кавказской войны имела место практика назначения мулл российской администрацией. При мечетских школах (*мадраса*) преподавали муллы и кадии, прошедшие специальную подготовку при Дагестанском народном суде и получившие разрешение на преподавательскую деятельность. Так, еще в 1848 г. дербентский градоначальник и управляющий гражданской частью обратился к командующему войсками на Кавказе князю М.С. Воронцову с ходатайством утвердить Аджид-муллу Садыка в звании дербентского кадия как «благонамеренного» и преданного правительству подданного империи⁹. Подобная практика имела место и в последующие годы, но для этого не были выработаны соответствующие правовые основы¹⁰.

7. Черняевский А. Мусульманское духовенство и народные школы // Кавказ. 12 сентября 1893 г. С. 1–2.

8. Из Отчета военного губернатора о состоянии Дагестанской области за 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 70. Л. 2.

9. Из переписки наместника на Кавказе с командующим войсками и управляющим гражданской частью в Прикаспийском крае и Дербентским военным губернатором об утверждении Шемахинского жителя Аджид Моллы Садыка Дербентским кадием. 1848 г. // ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

10. В 1873 году была утверждена «Инструкция о порядке испытания на вступление в мусульманское духовенство» // Ф. 126. Оп. 2. Д. 14. Л. 28. Л. 31–32.

После окончания Кавказской войны в селах Северо-Восточного Кавказа появились первые светские школы.

Прогрессивная часть из числа местного населения осознавала, что в новых модернизационных условиях знание русского языка просто необходимо. В Дагестане, в частности, в высокогорной ее части, имели место случаи сбора средств местными жителями на строительство школ [33, с. 59].

В конце XIX – начале XX в. непростая международная обстановка и распространение пропагандистских идей турецких агентов на Кавказе среди мусульманского населения с призывом не повиноваться российским властям вынудили последних с особым вниманием относиться к деятельности мусульманского духовенства и педагогического персонала в школах. В одном из предписаний начальника Бакинского губернского жандармского управления по розыску полковника С.Ф. Северитовского помощнику в Дагестанской области указывалось «напрячь все усилия к самому детальному освещению настроения населения вверенного Вам района во всех сферах общественной жизни...»¹¹.

Одним из мероприятий в рамках этой деятельности стала попытка принудительного введения русского языка в официальное делопроизводство в начале XX в., обернувшаяся антиписарским восстанием в горных аулах Дагестана. Необходимость реформы была продиктована не только проведением русификаторской политики, но и незнакомством российских чиновников с арабской письменностью, что, в свою очередь, мешало им осуществлять контроль за деятельностью сельских должностных лиц, т.е. мусульманского духовенства¹². Аналогичные ситуации имели место и в других мусульманских регионах, где насильственные попытки ввести русский язык были также отмечены провалом для имперских чиновников [4, с. 243].

Заключение

Одной из первостепенных задач для российской власти в регионе после окончания Кавказской войны было осуществление интегративных практик, идеологическим обоснованием которых служил процесс «русификации». Политика по включению русского компонента проявилась во многих сферах жизни народов, проживавших на периферии государства. Значительный русифицирующий потенциал несла переселенческая политика. Совместное проживание русского и северокавказских народов вызвало к жизни процесс взаимной аккультурации, что проявилось главным образом в быту, в хозяйственном плане, а также во взаимодействии норм поведения.

Представленный в данной статье к рассмотрению социокультурный вектор, – православная миссия и светское образование на русском языке в инокультурной среде, стали не только политическими составляющими процесса интеграции, но и взаимодополняющими факторами. Несмотря на определенные успехи в рассматриваемых сферах, признавалось наличие и провальных тенденций, особенно в религиозной сфере. Здесь демонстрировалось взаимоуважительное отношение, достигаемое сведенными до крайнего минимума контактами противоборствующих сторон.

11. Из агентурных сведений о движении панисламизма среди мусульманского населения Дагестанской области. 1916 г. // ЦГА РД. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26. Л. 1

12. Из Отчета военного губернатора Дагестанской области за 1913 г. // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216. С. 5

В целом причиной сворачивания многих мероприятий по русификации региона происходило по причине из-за весьма расплывчатых представлений об способах интеграции коренных народов империи в единое целое. У властей отсутствовали единые подходы и методы осуществления данной политики. Также не были учтены многие факторы, прежде всего, традиционный уклад хозяйства и устойчивые мировоззренческие ориентиры населения, формируемые развитой системой конфессионального образования на Северо-Восточном Кавказе. Не всегда учитывались и географические особенности местности.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках госзадания FMSW-2022-0019 «Восточный Кавказ в составе Российской империи: опыт интеграции и модернизации».

Acknowledgement. The publication was prepared within the framework of the state assignment FMSW-2022-0019 “The Eastern Caucasus as part of the Russian Empire: experience of integration and modernization.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань, 2004. – 656 с.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 223 с.
3. Андреев А.А., Гром О.А., Дмитриева Н.А., Крот М.Н., Нарежный А.И., Урушадзе А.Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д., 2020. – 608 с.
4. Центральная Азия в составе Российской империи: коллективная монография / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
5. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Тrepавлов и др. М.: Славян. диалог, 1997. – 415 с.
6. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Авториз. пер. с англ. В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.
7. Kappeler A. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. / Пер. с нем.: Червонная С.М., 1997. – 343 с.
8. Hagen M., von. The Russian empire // After empire: Multi-ethnic societies and nation building. Boulder, 1997. P. 58–72.
9. Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; отв. ред. Шевырин В.М. М., 2003. – 92 с.
10. Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей. Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 2021. – 648 с.
11. Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. – 608 с.
12. Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: «Новое литературное обозрение», 2010. – 1000 с.
13. Кэмпбелл Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. – 207.
14. Алекторов А.Е. Инородцы в России. Современ-
1. Gerasimov IV., Glebov SV., Kaplunovsky AP., Mogilner AB., Semenov AM. (eds.). *New imperial history of the post-Soviet space*. Kazan: Center for Research on Nationalism and Empire, 2004. (In Russ)
2. Dameshek LM., Dameshek IL. *The Outskirts of the Russian Empire: institutions and bureaucracy of the XIX – early XX century*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2015. (In Russ)
3. Andreev AA., Grom OA., Dmitrieva NA., Krot MN., Narezhny AI., Urushadze AT. *National Regions in the Politics of the Russian Empire and Russian Public Thought*. Ed. by A.T. Urushadze. Rostov, 2020. (In Russ)
4. Abashin SN., Arapov DYu., Bekmahanova NE. (eds.). *Central Asia as part of the Russian Empire*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. (In Russ)
5. Agadzhanov SG., Muhamed'yarov ShF., Trepavlov VV. *The National outskirts of the Russian Empire: the formation and development of the management system*. Moscow: Slavyanskyi Dialog, 1997. (In Russ)
6. Jerasi R. *Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013. (In Russ)
7. Kappeler A. *Russia as a Multinational Empire: Emergence. History. Disintegration*. Moscow, 1997. (In Russ)
8. Hagen M., von. *The Russian empire. After empire: Multi-ethnic societies and nation building*. Boulder, 1997: 58-72.
9. Bolshakova OV. *The Russian Empire: A Management System (Modern Foreign Historiography)*. Analytical review. Moscow, 2003. (In Russ)
10. *People of the Empire – Empire of People: Personal and Institutional History of the Asian Outskirts of Russia. Collected articles*. Omsk: Omsk State University, 2021. (In Russ)
11. Dolbilov M., Miller A. (eds.). *The Western Periphery of the Russian Empire*. Moscow, 2006. (In Russ)
12. Dolbilov M. *The Russian Land, a Foreign Faith: The Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander the Second*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2010. (In Russ)
13. Campbell EI. “United and indivisible Russia” and the “Foreign question” in the imperial ideology of autocracy. *The Space of power: the Historical experience of Russia and the Challenges of Modernity*. Moscow, 2001. pp. 206–207. (In Russ)

ные вопросы / А. Е. Алекторов. СПб.: Тип. И. Леонтьева, 1906. – 134 с.

15. Штернберг Л.Я. Иногородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1910. С. 529–574.

16. Кавелин К. Д. Наши иногородцы и иноверцы. М.: Правда, 1907. – 14 с.

17. Иногородческий вопрос и идея федерализма в России / А.А. Сидоров. М.: Тип. В.М. Саблина, 1912. – 68 с.

18. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. – 240 с.

19. Яковлев П. Современные вопросы и нужды в деле просвещения иногородцев. Сборник статей по иногородческому делу. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 14 с.

20. Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / Сост. Лебедев С.В., Линицкая Т.В. / Предисл. и коммент. Лебедева С.В. / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 992 с.

21. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на иногородческих окраинах: Схема политической программы: малороссы, Царство Польское, белорусы и Литва, прибалтийские губернии, Финляндия, Кавказ. СПб.: Тип. А.Бекке, 1908. – 130 с.

22. Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России // Терский календарь на 1907 г. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. Г.А. Вертепова. Выпуск шестнадцатый. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1907.

23. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. – 752 с.

24. Будилевич А.С. Может ли Россия отдать иногородцам свои окраины? СПб.: Типография А.С. Суворина, 1907. – 75 с.

25. Халидова О.Б. Мусульманское население Кавказа в имперскую эпоху: к вопросу о религиозной политике России в крае // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 84–87.

26. Хapизов Ш.М., Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Тысяча лет истории одного джамаата. Урада и урадинцы. Махачкала: МавраевЪ, 2021.

27. История ислама в России / под общей редакцией Р.М.Мухаметшина. Казань: Российский исламский институт, 2022. 554 с.

28. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. Казань, 1982. – 98 с.

29. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич: Очерк жизнеописания его имп. высочества: В 2 ч. / Сост. Д.П. Струков. – Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1906. – 769 с.

30. Катков М.Н. Идеология охранительства / Составление, предисловие и комментарии: Климаков Ю.В. / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 800 с.

31. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в.: публицистика. М.: Педагогика, 1976. – 593 с.

32. Маламагомедов Д.М. Система исламского образования в Дагестане в XI – начале XX вв. // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 164–168.

33. Далгат Э.М., Абдулаева М.И., Халидова О.Б. Инкорпорация Северо-Восточного Кавказа в культурное пространство России: Идеи и реалии // Вопросы истории. 2022. № 8–2. С. 57–65.

14. Alektorov AE. *Foreigners in Russia. Modern questions*. St. Petersburg: I. Leontiev's Press, 1906. (In Russ)

15. Sternberg LYa. *Foreigners. General overview*. St. Petersburg: Obshestvennaya Polza, 1910: 529–574. (In Russ)

16. Kavelin K.D. *Our foreigners and gentiles*. Moscow: Pravda, 1907. (In Russ)

17. Sidorov AA. (ed.). *The foreign question and the idea of federalism in Russia*. Moscow: V.M. Sablin's Press, 1912. (In Russ)

18. Berdyayev NA. *Russian idea. About Russia and Russian philosophical culture*. Moscow, 1990. (In Russ)

19. Yakovlev P. *Modern issues and needs in the education of foreigners*. Collected articles. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov's Press, 1907. (In Russ)

20. Fadeev RA. *State and order. Russia and the Caucasus*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010. (In Russ)

21. Evreinov GA. *National issues on the foreign regions: The scheme of the political program: the Maloros, the Kingdom of Poland, Belarusians and Lithuania, the Baltic provinces, Finland, the Caucasus*. St. Petersburg: A. Beck's Press, 1908. (In Russ)

22. Dolgushin AA. On resettlement to the Terek region from the internal provinces of Russia. *Terek calendar for 1907*. Issue 16. Vladikavkaz: Printing house of the Terek regional government, 1907. (In Russ)

23. *The history of centuries-old relationships and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia*. Makhachkala, 2009. (In Russ)

24. Budilovich AS. *Can Russia give its periphery to foreigners?* Saint-Petersburg: A.S. Suvorin's Press, 1907. (In Russ)

25. Khalidova OB. The Muslim population of the Caucasus in the imperial era: on the issue of Russia's religious policy in the region. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of RAS*. 2015, 58: 84–87. (In Russ)

26. Khapizov ShM., Abdumazhidov RS., Shekhmagomedov MG. *A thousand years of the history of one Jamaat. Urada and Uradins*. Makhachkala: Mavraev, 2021. (In Russ)

27. *The History of Islam in Russia*. Kazan: Russian Islamic Institute, 2022. (In Russ)

28. Makhmutova AH. *The formation of secular education among the Tatars*. Kazan, 1982. (In Russ)

29. *August General-Feldzeichmeister Grand Duke Mikhail Nikolaevich: An essay on the life of his Highnesses*. In 2 volumes. St. Petersburg: P.P. Soykin's Press, 1906.

30. Katkov MN. *Ideology of protection*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2009. (In Russ)

31. *Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. The second half of the XIX century: journalism*. Moscow: Pedagogy, 1976. (In Russ)

32. Malamagomedov DM. The system of Islamic education in Dagestan in the XI – early XX centuries. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022, 74-4: 164–168. (In Russ)

33. Dalgat EM., Abdulayeva MI., Khalidova OB. Incorporation of the North-East Caucasus into the cultural space of Russia: Ideas and realities. *Voprosy istorii*. 2022, 8-2: 57–65. (In Russ)

Поступила в редакцию 12.04.2023г.

Принята в печать 22.05.2023 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 12.04.2023

Accepted 22.05.2023

Published 15.03.2024

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20176-89>

Исследовательская статья

Спаская Наталья Николаевна
кандидат биологических наук, доцент, учёный секретарь
Научно-исследовательский Зоологический музей
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
equusnns@mail.ru

Мошинский Александр Пинкусович

кандидат исторических наук, завсектором отдела археологических памятников,
Государственный исторический музей, Москва, Россия
tarkos@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОШАДЕЙ ИЗ БЕСКУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГАСТОН УОТА (VII–IV вв. до н.э., РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ)

Аннотация. Представители кобанской археологической культуры (XII–III вв. до н.э.) населяли горные области по обе стороны Большого Кавказского хребта, предгорья и плато юга Ставропольской возвышенности. Они вели осёдлый образ жизни, занимаясь скотоводством и земледелием. Несмотря на то, что коневодство не было главной отраслью хозяйства кобанцев, лошадь была одним из культовых животных, в частности лошадей использовали с ритуальными целями в погребальных обрядах. Однако, довольно многочисленные остатки лошадей, обнаруженные в археологических памятниках кобанской культуры, до сих пор не подвергались ни предварительным, ни специальным археозоологическим исследованиям. В работе впервые проведено детальное археозоологическое исследование лошадей из кобанского могильника Гастон Уота с применением морфометрических методов. В могильнике обнаружены в общей сложности остатки не менее 25 лошадей, они найдены в погребениях совместно с человеком и в закладах погребений (по 36% особей, соответственно), в виде захоронений на отдельных жертвенных площадках (28%). Большинство исследованных лошадей были молодыми животными (до 3,5 лет — 56% особей, 3,5–4,5 лет — 20%). Три особи, для которых удалось определить пол, оказались жеребцами. Лошадей начинали интенсивно использовать в качестве ездовых животных с 2,5–3 лет. Кобанские лошади были в основном среднерослыми (высота в холке 136–144 см), а отдельные особи малорослыми (128–136 см). По пропорциям костей конечностей они оказались средненогими и тонконогими, близкими к быстроаллюрным (скаковым или рысистым) породам. Полученные нами по остеологическому материалу данные не подтверждают сформированное ранее на основе предметов изобразительного искусства представление о наличии у представителей кобанской культуры двух пород лошадей. Однако это заключение носит предварительный характер, так как объём исследованного материала был весьма ограниченный.

Ключевые слова: лошади; экстерьер; кобанская археологическая культура; могильник; Гастон Уота; Северный Кавказ; ранний железный век

Для цитирования: Спаская Н.Н., Мошинский А.П. Характеристика лошадей из бескурганного могильника кобанской культуры Гастон Уота (VII–IV вв. до н.э., Республика Северная Осетия-Алания) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 1. С. 76–89.

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20176-89>

Research paper

Natalia N. Spasskaya,
Cand. Sci., Assistant Prof., Academic Secretary
Research Zoological Museum at the MSU
equusnns@mail.ru

[Alexander P. Moshinsky](#)

Cand. Sci., Head of the Dept. of Archeological Monuments,
State Historical Museum, Moscow, Russia
tarkos@mail.ru

ARCHAEOZOOLOGICAL ANALYSIS OF HORSES FROM THE GASTON WOTA BURIAL GROUND (NORTH OSSETIA-ALANIA, 7th-4th CENTURIES BC)

Abstract. Representatives of the Koban archaeological culture (12th-3rd centuries BC) inhabited the mountainous areas on both sides of the Greater Caucasus Range, the foothills and plateaus of the southern Stavropol Upland. They led a sedentary lifestyle, engaging in cattle breeding and agriculture. While horse breeding was not a central component of the Koban economy, horses held significant cultural and ritual importance. Despite the abundance of horse remains discovered in Koban archaeological sites, these remains have largely been neglected by dedicated archaeozoological research. This study presents the first comprehensive archaeozoological analysis of horses from the Koban culture, focusing on the Gaston Wota burial ground located in the North Caucasus.

The Gaston Wota burial ground yielded the remains of at least 25 horses. These remains were found in various contexts: buried alongside humans, within dedicated burial deposits (36% of individuals each), and in separate sacrificial sites (28%). Notably, the majority of the horses were young animals, with 56% of individuals categorized as under 3.5 years old and 20% falling within the 3.5-4.5 year age range. Sex determination was possible for three individuals, all of whom were identified as stallions. The analysis suggests that horses were likely used for riding purposes starting from the age of 2.5-3 years.

In terms of size, the studied Koban horses were primarily medium-sized, with withers heights ranging from 136 to 144 cm. A smaller portion of the sample exhibited shorter heights, falling within the 128-136 cm range. Based on the proportions of limb bones, the horses can be characterized as medium-legged and thin-legged, exhibiting characteristics similar to fast-gaited breeds such as racing or trotting horses.

The data obtained from this osteological material does not support the previously held notion, based on artistic depictions, that the Koban culture possessed two distinct horse breeds. However, this conclusion remains preliminary due to the limited size of the sample analyzed.

Keywords: horses; equine conformation; Koban archeological culture; burial ground; Gaston Wota; North Caucasus; Early Iron Age

For citation: Spasskaya N.N., Moshinsky A.P. Archaeozoological Analysis of Horses from The Gaston Wota Burial Ground (North Ossetia-Alania, 7th-4th Centuries BC). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 76-89.

Введение

Представители кобанской археологической культуры (XII–III вв. до н.э.) населяли горные области по обе стороны Большого Кавказского хребта, преимущественно северные склоны, включая предгорья и плато юга Ставропольской возвышенности. Кобанцы вели осёдлый образ жизни, занимаясь скотоводством и земледелием различной формы. Коневодство не было их основным занятием: в составе домашних животных только 4–10% лошадей [1]. Однако роль лошади в хозяйственной и культурной жизни кобанского населения была значительной.

Почитание лошади — одно из наиболее древних и важных социокультурных явлений на Кавказе, его расцвет приходится на период скифского влияния, а отдельные элементы сохраняются у разных народностей до настоящего времени (подробнее в [2; 3; 4]). Отражением этого явления можно считать глиняные статуэтки лошадей (некоторые с магическими знаками), найденные на жертвенниках поселений в восточной части ареала кобанской культуры и по количеству занимающие второе место после изображений крупного рогатого скота. В.И. Козенкова указывает на явное сходство восточных глиняных статуэток с бронзовыми фигурками из могильников центральной части ареала [3, с. 42]. В погребениях кобанцев встречаются захоронения целых туш лошадей и их частей, конского снаряжения как вместе с животным, так и отдельно [1; 5; 6; 7].

Однако, несмотря на довольно многочисленные остатки лошадей, обнаруженные в археологических памятниках кобанской культуры, нет ни предварительных, ни специальных археозоологических исследований. Существует лишь описание состава скота из поселений восточной части ареала культуры, сделанное В.И. Цалкиным [1] и попытка предварительного сравнения лошадей Северного Кавказа раннего железного века по некоторым костям конечностей с включением материала из Гастон Уота [8]. Представленная работа является первым введением в научный оборот подробных данных о лошадях кобанской археологической культуры.

Материал

Могильник Гастон Уота располагался в Дигорском ущелье на высоте 1050 м над ур. м., в окрестностях сел. Лезгор (Ирафский район, Республика Северная Осетия-Алания). Обнаружен в 1987 г. и исследовался в 1987–1998 гг. Северо-Кавказской экспедицией Государственного исторического музея под руководством А.П. Мошинского. Могильник относится к центральному варианту кобанской культуры, датируется позднекобанским периодом — VII–IV вв. до н.э.; был оставлен жителями поселения Сауар, находящегося в нескольких сотнях метров от него (обнаружено и исследуется с 1988 г. этой же экспедицией). В могильнике было открыто 23 погребальных комплекса, все коллективные, кроме погребения жреца (погребение №21). Остатки лошадей зафиксированы в шести погребениях (№10, 12, 15, 16, 20, 21), погребальном комплексе «Жертвенник» и на двух жертвенных площадках; все комплексы датируют в пределах середины V – первой половины IV вв. до н.э. [6; 9].

Коллекция остатков лошадей хранится в отделе археологических памятников Государственного Исторического музея. Первичное определение и описание части коллекции в 1980-х гг. выполнял В.И. Жегалло (Геологический музей им. В.И. Вернадского); Н.Н. Спасская пересматривала материал и исследовала его с помощью морфометрических методов в 2017 г.

Методика исследований

При описании остеологического материала фиксировали степень сохранности, сторону (левая или правая для парных костей), обращали внимание на особенности индивидуального развития костей, наличие травм, рабочих и возрастных патологий.

Пол животных определяли по наличию и степени развитости клыков. Определение индивидуального возраста особей проводили по степени прорезания и стёртости зубов [10; 11; 12], по степени прирастания эпифизов к костям посткраниального скелета [13], по высоте коронки щёчных зубов [14]. Об использовании лошади в качестве ездового животного судили по наличию и степени стёртости передне-верхней части премоляров верхней (P^2) и нижней (P_2) челюстей [15]. Для определения в погребениях минимального количества особей применяли метод Ш. Бекени [16], основанный на сопоставлении видов костей, их парности, возрастной и половой принадлежности.

Промеры костей производили по объединённой методике [17; 18; 19] штангенциркулем (допустимая погрешность 0,1 мм).

Рост (высота в холке) животных по костным остаткам устанавливали несколькими способами: с использованием коэффициентов для костей пясти и плюсны [20]; по расчётной таблице по длинам трубчатых костей конечностей [21]. Для определения экстерьерных особенностей использовали: пропорции отдельных костей конечностей [22; 23]; диапазон длин костей конечностей [12]; относительные пропорции длин костей конечностей [23]; форму диафиза кости плюсны [24].

Для массива морфометрических промеров по кобанским лошадям применяли стандартную описательную статистику (минимальные и максимальные значения признака, средняя статистическая, стандартное отклонение). Вычисления проводили в программе Statistica for Windows 8.0.

Основные результаты и обсуждения

1. Количество и типы захоронений лошадей.

В могильнике Гастон Уота обнаружены в общей сложности остатки не менее 25 лошадей. Выявлены следующие типы захоронений лошадей: а) в виде полной туши; б) в виде «чучела» или «шкуры» — снятой шкуры с черепом и костями конечностей, как правило дистальных отделов; в) в виде отдельных частей туши («парциальные захоронения» в терминологии М.А. Очир-Горяевой¹). Варианты «а» и «б» были

1. Очир-Горяева М.А. Погребения с захоронениями коней и предметами узды Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая конца VI–III в. до н.э. Дисс. на соиск. уч. степени доктора исторических наук. Элиста. 2014.

в захоронениях совместно с человеком и на отдельных жертвенных площадках; варианты «б» и «в» характерны также для закладов погребений (табл. 1).

Таблица 1. Местоположение остатков лошадей в могильнике и их индивидуальный возраст

Table 1. Location of horse remains in the burial ground and their individual age

Индивидуальный возраст лошадей	Местоположение остатков лошадей (кол-во особей)			Всего особей
	совместно с человеком (погребение №21 и «Жертвенник»)	в закладах погребений (n=5)	на жертвенных площадках (№1 и №2)	
1,5–2 года	–	–	1	1
2–2,5 года	–	–	2	2
2,5–3 года	3 *	3	2 *	8
3–3,5 года	1 *	1	1	3
3,5–4,5 года или старше	2 * 2 **	1 1	2 *	8
Старше 5 лет	–	–	1 *	1
Старше 10 лет	1 *	1	–	2
Всего особей	9	7	9	25

Примечание: * — обозначены захоронения целых туш лошадей, количество туш соответствует количеству «*».

Захоронение полной туши лошади (вариант «а») совместно с человеком, например, в погребении №21, вероятно, является погребением личного верхового коня, который должен сопровождать хозяина в иной мир (конь не был взнуздан, но имел рабочие патологии на зубах). А в других комплексах («Жертвенник», жертвенная площадка №1) лошади могли играть роль подношения (по классификации роли коней у Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко [25]).

Крупные части туш (парциальные захоронения), например, левая половина туши коня №3 в погребальном комплексе «Жертвенник», можно интерпретировать по аналогии со скифской культурой, как остатки тризны или ритуальные подношения, заменяющие целую лошадь [26]².

Интересно, что в закладе погребения №15 встречаются, кроме костей дистальных отделов конечностей, также и лопатки, а в закладе погребения №20 — только фрагменты черепа и лопаток. Это несколько отличается от распространённого состава «чучела» и может свидетельствовать о захоронении отдельных частей туши. Обнаружение только зубов лошади (черепа, по всей видимости, был полностью разрушен до или во время раскопок) в закладе погребения №10 также может подтверждать вероятность захоронения отдельных частей туши, в частности только головы. Известно, что череп и лопатки лошадей имели особое сакральное значение у ряда народов Евразии, однако разбор аналогий не входит в задачу данной работы.

2. *Очир-Горяева М.А.* Погребения с захоронениями коней и предметами узды Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая конца VI–III в. до н.э. Дисс. на соиск. уч. степени доктора исторических наук. Элиста. 2014.

Ритуальные захоронения лошадей по типам «б» и «в» в закладах погребений, следует, видимо, интерпретировать как остатки поминальной тризны. Это находит подтверждение в том, что захоронены молодые животные, мясо которых преимущественно используется в пищу. Помимо этого, остатки мелкого и крупного рогатого скота (в погребениях №20 и №21, комплексе «Жертвенник») можно непосредственно связать с напутственной пищей и/или с поминальной трапезой.

В других локальных вариантах кобанской археологической культуры также зарегистрированы захоронения целых туш лошадей и их частей, а также отдельно конского снаряжения (табл. 2), но детализации сведений о погребённых лошадях нет. Некоторые уточнения были сделаны по могильнику Сержень-Юрт, где обнаружено 10 захоронений с целым остовом лошади и одно захоронение с костями конечностей; есть упоминания о находках отдельных костей как в самих захоронениях, так и в закладах, но без описания вида костей и определения видовой принадлежности остатков [27]. В других могильниках, например, в Клин-Яр III, не были зафиксированы захоронения целых туш лошадей, а найденные отдельные кости в описаниях именуется костями животных (без детализации) и трактуются как сопроводительная пища и/или остатки поминальной трапезы [28]. Всё это не даёт возможность провести качественное обобщение.

Таблица 2. Типы захоронений лошадей в кобанской культуре по исследованным погребальным обрядам

Table 2. Horse burial types in the Koban culture according to the studied funeral rites

Типы захоронений лошадей	Западный вариант культуры [5, с. 129–133]	Восточный вариант культуры [1, с. 42]
	XII – середина VII вв. до н.э. Исследовано всего 23 могильника (общее количество погребений не указано)	X – VII вв. до н.э. Исследовано 3 могильника с 117 погребениями
Целая туша (скелет)	1 погребение в 1 могильнике	9 погребений в 2 могильниках
Отдельные части туши (кости)	2 погребения в 2 могильниках	4 погребения в 2 могильниках
Конское снаряжение	30 погребений в 11 могильниках	3 погребения в 1 могильнике
	Середина VII – IV вв. до н.э. Исследовано 29 могильников (общее количество погребений не указано)	VII – IV вв. до н.э. Исследовано 9 могильников с 347 погребениями
Целая туша (скелет)	8 погребений в 8 могильниках	Не выявлено
Отдельные части туши (кости)	13 погребений в 6 могильниках	5 погребений в 3 могильниках
Конское снаряжение	18 погребений в 13 могильниках	7 погребений в 2 могильниках

2. Половозрастной состав лошадей.

Большинство лошадей из могильника Гастон Уота были молодыми животными: 56% – до 3,5 лет, 20% – 3,5–4,5 лет (табл. 1). Взрослые животные (от 5 лет и старше)

использовались в ритуальных целях относительно редко: 3–6 случаев, из которых 2–4 приходится на захоронение целой туши (с учётом особей старше 3 лет, для которых нет возможности определить возраст более точно). Особо выделяется погребение №21, где был захоронен ездовой жеребец 15–16 лет.

Из-за значительного количества молодых особей, полного разрушения черепов и тазовых костей, половую принадлежность можно было определить только для 3-х животных — они оказались жеребцами (одна особь в погребении №21, две особи — на жертвенной площадке №1).

3. Рост лошадей.

Рост лошадей из Гастон Уота, определённый двумя способами и только для особей старше 3,5 лет, представлен в таблице 3. Использование разных костей даёт значительный диапазон показателей. На эту особенность указывал ещё В.О. Витт, который считал наиболее достоверным вычисление роста в холке по длине лучевой и большой берцовой костей [21, с. 171]. Помимо этого, было показано, что расчёт роста лошадей, сделанный по костям пясти и плюсны, оказывается более приближенным к реальности [23; 29; 30]. С учётом этих особенностей в целом кобанские лошади (по классификации В.О. Витта) в основном были среднерослыми, а лишь некоторые мелкими и малорослыми; т.е. сходными с представителями некоторых современных аборигенных пород (например, башкирской, монгольской).

Таблица 3. Рост (высота в холке) лошадей из могильника Гастон Уота.

Table 3. Height (at the withers) of horses from the Gaston Wota cemetery

А. Вычисленный по длине костей пясти и плюсны

A. Calculated from the length of the metacarpus and metatarsus bones

Алгоритм вычисления	Высота в холке (см)				Группа по росту (по [21])
	п	мин–макс	М	SD	
длина кости пясти x 6,41	6	133,0–143,9	139,7	47,1	*малорослые–рослые
длина плюсневой кости x 5,33	5	126,8–143,6	137,2	68,1	*мелкие–средние
В целом по всем костям					**средние (136–144 см)

Б. Определённый по длине трубчатых костей

B. Determined by the length of the long bones

Кости	Длина костей (мм)				Группа по росту (по [21])
	п	мин–макс	М	SD	
Плечевая кость	1	288–288	288		*малорослые
Лучевая кость	4	305–339	321,4	18,4	*мелкие–средние
Кость пясти	6	207,5–224,5	218	7,4	
Бедренная кость	4	362,4–394	379,6	13,3	*малорослые–средние
Большая берцовая	4	338–355	343,0	8,0	
Кость плюсны	5	237,5–269,5	257,4	13	*мелкие–средние
В целом по всем костям					**малорослые (128–136 см)

Примечание: * – определённые по диапазону размеров кости (мин–макс); ** – по средним показателям размеров костей.

4. Экстерьерные особенности.

О наличии разных типов (пород) лошадей у кобанцев впервые написала В.И. Козенкова, основываясь на глиняных статуэтках, найденных на жертвенниках в поселении Сержень-Юрт [1, с. 15]. Позднее она дала более подробное описание зооморфных статуэток.

«Лошади (86 экз.) Статуэтки представлены двумя типами, отражающими две породы лошадей, известных населению восточного варианта.

I тип (43 экз.). Статуэтки, изображающие стройных пропорционально сложенных животных с тонкой удлинённой шеей и маленькой головой (табл. XLIII, 19, 22).

II тип (43 экз.). Статуэтки, изображающие лошадей с тяжёлым телом, широкой грудью и короткой толстой шеей (табл. XLIII, 18, 20, 21, 23). Обе разновидности лошадей, видимо, отражали реальное существование двух пород, связанных с разным хозяйственным назначением. Первый тип изображает верховую лошадь — длинношеюго, лёгкого скакуна; второй — рабочую тягловую лошадь.

Большинство статуэток лошадей имело место в слое X–VII вв. до н.э. Сержень-юртовского поселения. Две статуэтки, чрезвычайно близкие по стилю Сержень-юртовским, происходят из зольника Алхастинского поселения» [31, с. 70].

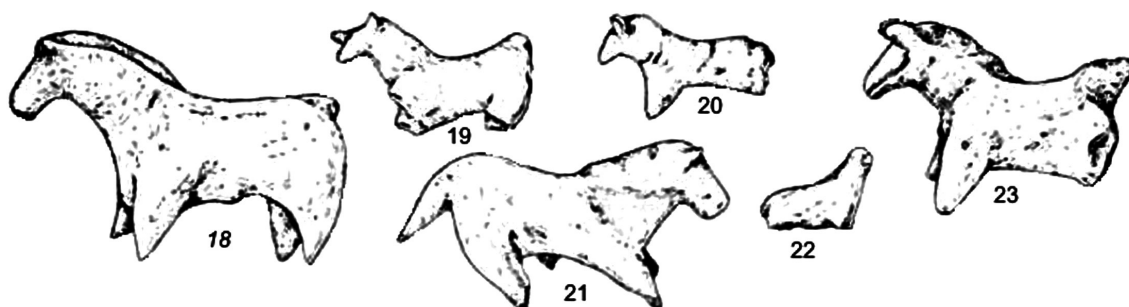

Рис. 1. Глиняные статуэтки лошадей из поселения Сержень-Юрт [31, с. 169, фрагмент таблицы XLIII]

Fig. 1. Clay figurines of horses from the Serzhen-Yurt settlement [31, p. 169, fragment of table 43]

В более поздней работе по Сержень-Юрту [3, рис. 45, 83] воспроизводятся те же рисунки статуэток, и автор подробно разбирает стили исполнения фигурок, выделяя два варианта манеры исполнения — более реалистичную и стилизованную. Последняя не массовая (включает не более 10 статуэток разных животных), в ней, например, есть фигурка лошади с излишне вытянутой шеей и маленькой головой, а у других домашних животных также подчеркнуты какие-то отдельные черты строения. В.И. Козенкова допускает различия в изображениях лошадей, обусловленные авторскими почерками мастеров [3, с. 41].

В дальнейшем первоначальное предположение В.И. Козенковой о нескольких породах лошадей, основанное на скульптурных изображениях, было поддержано (например, [4, с. 64]) и получило развитие, однако без каких-либо дополнительных доказательств. Так, например, в коллективной монографии В.Б. Виноградова с соавторами указано: «В горах существовал местный тип толстоногой лошади, приспособленной к рельефу. На равнине табуны коней были близки по типу к табунам кочевых народов Евразии. В Дагестане, по земле которого проходил важнейший путь через Кавказ, бытовали евразийские породы лошадей» [32, с. 42].

Среди бронзовых изображений лошадей [33] лучше прослеживаются некоторые экстерьерные особенности: более изящные с длинной шеей и маленькой головой лошади на изделиях XIII–XII вв. до н.э. и начала I тыс. до н.э. (рис. 2: 1–4) и VI–V вв. до н.э. (рис. 2: 5); грубой конституции с более массивной головой на изделиях VI–V вв. до н.э. (рис. 2: 6–8). Однако и в этих примерах, вероятно, следует учесть различные стилистику, традиции и возможность подражания импортным образцам, а также степень проработки изображений на бронзовых изделиях.

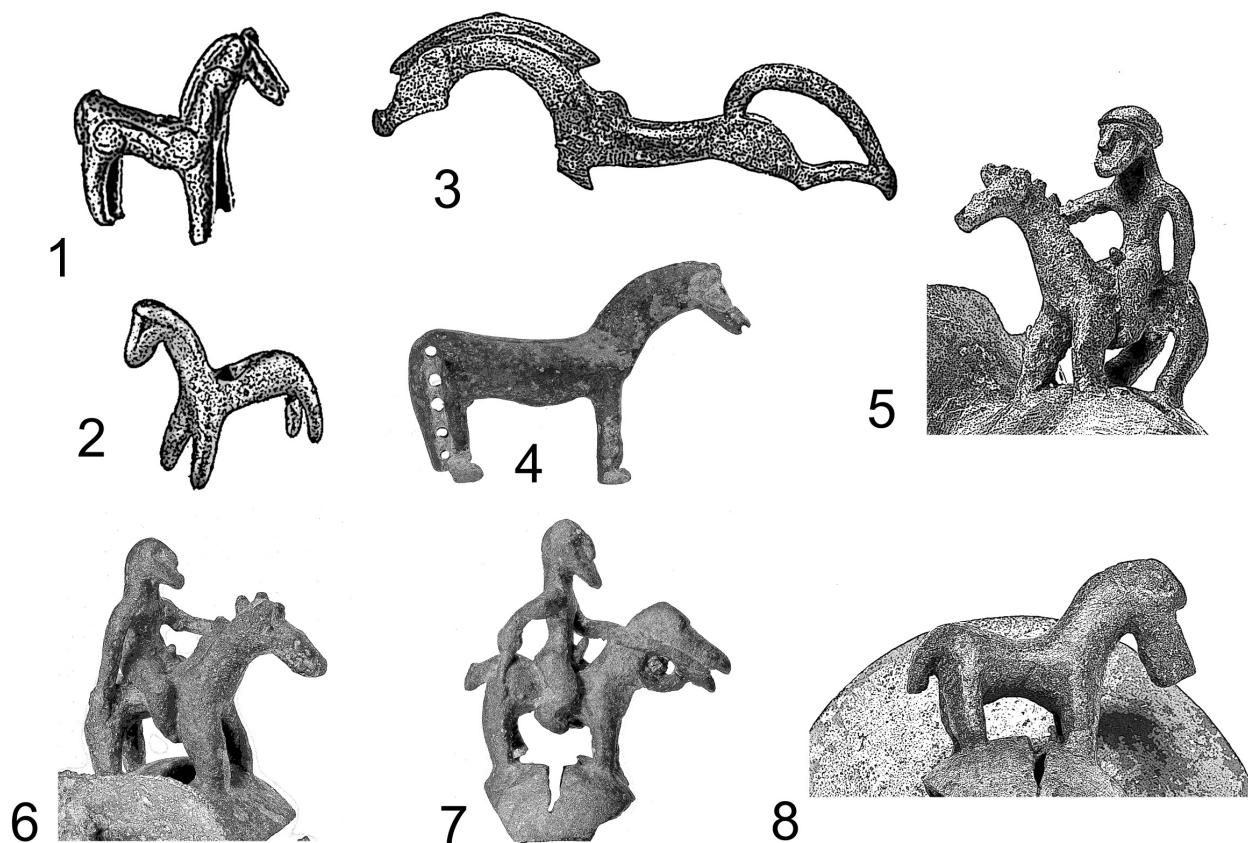

Рис. 2. Изображения лошадей на бронзовых изделиях (по [33]).

1. Подвеска в виде фигуры лошади. XIII–XII вв. до н.э. (рис. 38); 2. Подвеска в виде фигуры лошади. XIII–XII вв. до н.э. (рис. 40); 3. Пряжка в виде фигуры коня. Начало I тыс. до н.э. (рис. 108); 4. Пряжка в виде фигуры коня. Начало I тыс. до н.э. (рис. 109); 5. Умбовидная бляха с прорезным бубенцом и фигуркой всадника. VI–V вв. до н.э. (рис. 174); 6. Умбовидная бляха с прорезным бубенцом и фигуркой всадника. VI–V вв. до н.э. (рис. 177); 7. Умбовидная бляха с прорезным бубенцом и фигуркой всадника. VI–V вв. до н.э. (рис. 177); 8. Умбовидная бляха с прорезным бубенцом и фигуркой лошади. VI–V вв. до н.э. (рис. 182)

Fig. 2. Images of horses on bronze items (based on [33]). 1. Pendant in the form of a horse figure. 13–12 centuries BC. (Fig. 38); 2. Pendant in the form of a horse figure. 13–12 centuries BC. (Fig. 40); 3. Buckle in the shape of a horse. Early 1st millennium BC (Fig. 108); 4. Buckle in the shape of a horse. Early 1st millennium BC (Fig. 109); 5. Umbo-shaped plaque with a slotted bell and a figure of a horseman. 6th–5th centuries BC. (Fig. 174); 6. Umbo-shaped plaque with a slotted bell and a figure of a horseman. 6th–5th centuries BC. (Fig. 175); 7. Umbo-shaped plaque with a slotted bell and a figure of a horseman. 6th–5th centuries BC. (Fig. 177); 8. Umbo-shaped plaque with a slotted bell and a horse figurine. 6th–5th centuries BC. (Fig. 182)

Теперь обратимся непосредственно к остеологическому материалу. К сожалению, его значительная степень разрушения и разрозненности не позволяет комплексно проанализировать пропорции частей тела. Для оценки экстерьерных показателей лошадей были использованы только отдельные кости конечностей (табл. 4). Большинство кобанских лошадей оказались тонко- и средненогими, близкими к быстроаллюрным или рысистым породам; они имеют широкие передние и узкие задние 3-и фаланги.

**Таблица 4. Экстерьерные особенности лошадей из могильника
Гастон Уота**

Table 4. Conformation of horses from the Gaston Wota cemetery

**А. Экстерьерные особенности лошадей
A. Equine conformation**

Параметры	n	мин–макс	M	SD	Экстерьерные особенности*
Кость пясти					
ширина в середине / полная длина (мм)	6	14,8–16,5	15,6	0,6	средненогие (по [22, с. 106])
ширина верхнего конца / длина кости (%)	5	22,6–25,4	23,6	0,8	средненогие–широконогие (по [23, с. 49])
ширина нижнего конца / длина кости (%)	6	21,4–22,0	21,7	0,3	средненогие (по [23, с. 49])
ширина кости в середине / длина кости (%)	6	14,8–16,5	15,6	0,6	средненогие–широконогие (по [23, с. 49])
Кость плюсны					
ширина в середине / полная длина (мм)	5	11,4–12,6	12,0	0,5	тонконогие (по [22, с. 108])
ширина верхнего конца / длина кости (%)	5	18,5–20,5	19,4	0,8	средненогие–широконогие (по [23, с. 49])
ширина нижнего конца / длина кости (%)	5	17,9–18,7	18,3	0,3	средненогие (по [23, с. 49])
ширина кости в середине / длина кости (%)	5	11,4–12,6	12,0	0,5	
Передняя 1-я фаланга					
ширина верхнего конца / длина кости (%)	4	68,3–69,4	69,0	0,5	широконогие (по [23, с. 49])
ширина нижнего конца / длина кости (%)	4	57,8–59,2	58,3	0,8	
ширина кости в середине / длина кости (%)	4	40,9–45,4	44,0	2,1	средненогие–широконогие (по [23, с. 49])
Задняя 1-я фаланга					
ширина верхнего конца / длина кости (%)	13	61,8–69,3	65,1	2,3	средненогие–широконогие (по [23, с. 49])
ширина нижнего конца / длина кости (%)	13	48,9–58,4	53,6	3,0	тонконогие–средненогие–широконогие (по [23, с. 49])
ширина кости в середине / длина кости (%)	13	37,6–46,5	40,0	2,7	средненогие–широконогие (по [23, с. 49])
3-и фаланги					

Передняя: ширина кости / длина по передней поверхности (%)	3	149,8–172,8	161,7	11,5	средние–широкие (по [23, с. 45])
Задняя: ширина кости / длина по передней поверхности (%)	3	113,8–116,4	115,1	1,3	узкие (по [23, с. 45])

Примечание: * – определённые по диапазону размеров кости (мин–макс).

Б. Преобладающий тип аллюра B. Predominant type of gait

Кости, параметры	Длина кости (мм)				Преобладающий тип аллюра
	n	мин–макс	M	SD	
Плечевая кость	1	288–288	288		рысистый (по [12, с. 79]) *
Лучевая кость	4	305–339	321,4	18,4	
Кость плюсны: поперечник кости в середине / ширина кости в середине (%)	5	86,8–95,3	90	3,6	быстроаллюрный (по [24, с. 185])

Примечание: * с определённым приближением, т.к. У. Дюрст промерял длины костей на живых лошадях.

Наиболее интересен полный скелет жеребца (погребение №21), так как мы имеем возможность сравнить пропорции отдельных частей скелета, что невозможно сделать на разрушенном и разрозненном материале из других погребений. По соотношениям длины пясти к длине плечевой и лучевой костей, а также плюсны к бедренной и большой берцовой костей, соответственно, он ближе к скаковому типу лошадей [23, с. 38]. По соотношению длин шеи и туловища он похож на представителей современных степных аборигенных пород.

5. Физическое состояние лошадей.

Исследователями высказывалось предположение, что в ритуальных целях могли использовать лошадей, утративших свои рабочие качества, например, с различного рода физическими дефектами или старых (например, [34; 35]). В ранней публикации по могильнику Гастон Уота [6, с. 35] было указано, что в комплексе «Жертвенная площадка №1» обнаружена искривленная метаподиальная кость, что должно было обуславливать физический недостаток животного и быть возможной причиной его умерщвления. Однако при более детальном осмотре материала выявлено, что изначально было неверно интерпретировано прирастание грифельных костей к кости пясти. Такая возникающая в течение жизни животного особенность, называемая сплент или на костник [36], обычна среди домашних лошадей и не вызывает обязательную хромоту животного (личные сообщения практикующих ветеринаров К. Мануйлова и М. Сучкова).

Примерно 9–10 лошадей, захороненных в могильнике Гастон Уота, использовались в качестве ездовых. Начало активного использования лошади в работе, судя по обнаружению рабочих патологий на премолярах нижней челюсти (P_2), приходилось на 2,5–3 года. Возможно, что значительные рабочие нагрузки, к тому же в горных

условиях, привели к формированию артрозных явлений на метаподиях и фалангах пальцев (обнаруженных у особей жертвенной площадки №1 и комплекса «Жертвенник», жеребца в погребении №21). Но зафиксированные патологии были в начальной стадии развития и не могли привести к существенным физическим недостаткам животных (например, к хромоте).

Заключение

Костные остатки лошадей, обнаруженные в могильнике Гастон Уота (Республика Северная Осетия-Алания) в 1980–1990 гг., впервые подвергнуты детальному исследованию. Были выявлены половозрастные и экстерьерные особенности животных, использованных в погребальном обряде. Предварительные результаты, полученные нами на ограниченном по объёму материале, не подтверждают мнение предыдущих исследователей о наличии у представителей кобанской культуры двух пород лошадей.

К сожалению, богатый археозоологический материал, полученный за предыдущие десятилетия, не был в полной мере изучен и не сохранён для последующих исследований. И это не даёт возможность провести подробный сравнительный анализ и составить представление о лошадях и их роли для населения Северного Кавказа в широком историческом контексте. Надеемся, что представленная работа создаст отправную точку для дальнейших исследований лошадей этого региона, в том числе, в различные исторические периоды.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках выполнения научного проекта РНФ №22-18-00108.

Acknowledgement. The study was conducted within the framework of the RSF scientific project No. 22-18-00108

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козенкова В.И. Кобанская культура (восточный вариант) // Свод археологических источников. 1977. Вып. В2-5. Т. 1. — 88 с.
2. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племён Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1977. С. 28–52.
3. Козенкова В.И. Посёлок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. — 198 с.
4. Ковалевская В.Б. Конь и всадник: История одомашнивания лошадей в евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. Отв. ред. и автор послесл. Н.Я. Мерперт. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2010. — 160 с.
5. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // Свод археологических источников. 1989. Вып. В2-5. Т. 3. — 196 с.
6. Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским

REFERENCES

1. Kozenkova VI. Koban culture (eastern version). *Collection of archaeological sources*. 1977, Issue B2-5, Vol. 1.
2. Kuzmina EE. The spread of horse breeding and horse cult among the Iranian-speaking tribes of Central Asia and other peoples of the Old World. In: Gafurov B.G., Litvinsky B.A. (eds.). *Central Asia in antiquity and the Middle Ages. History and culture*. Moscow: Nauka, 1977: 28-52.
3. Kozenkova VI. *The refuge village of the Koban culture near the village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus)*. Moscow: Nauka, 2001.
4. Kovalevskaya VB. Horse and Rider: The History of Horse Domestication on the Eurasian Steppes, the Caucasus, and the Middle East. Ed. and afterword by N.Ya. Merpert. 2nd edition, revised. Moscow: KomKniga, 2010.
5. Kozenkova VI. Koban culture. Western version. *Collection of archaeological sources*. 1989, Issue B2-5, Vol. 3.
6. Moshinsky AP. The relationship between the population of the mountainous regions of the North Caucasus and the Scythians (based on Digor materials). *Rossiyskaya arheologiya*. 1997, 3: 33-45.
7. Moshinsky AP. Caucasus and Scythians in the 5th–4th

материалам) // Российская археология. 1997. № 3. С. 33–45.

7. Мошинский А.П. Кавказ и скифы в V–IV вв. до н.э. (по материалам Горной Дигории) // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ, 2014. Вып. 201. С. 82–93.

8. Спасская Н.Н., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Белинский А.Б., Васильева Е.Е., Мошинский А.П., Рябкова Т.В., Саблин М.В., Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Петренко В.Г., Павлинов И.Я. Экстерьерные особенности лошадей скифского времени из археологических памятников Северного Кавказа // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2021. № 3. С. 63–120.

9. Мошинский А.П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н.э. Систематизация и хронология. Труды ГИМ. 2006. Вып. 154. — 208 с.

10. Кулешов П.К., Красников А.С. Определение возраста сельскохозяйственных животных. М.: Гос. изд-во. 1928. — 120 с.

11. Корневен Ш., Лесбр Ф. Распознавание возраста по зубам и производным эпителия. М.–Л.: Гос. из-во сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы. 1932. — 213 с.

12. Дюрст У. Экстерьер лошади. М.–Л.: Сельхозгиз. 1936. — 344 с.

13. Silver I.A. The ageing of domestic animals. In: *Science in archaeology. A comprehensive survey of progress and research*. Ed. D. Brothwell, E. Higgs, G. Clark. New York: Basic Book. 1963. P. 250–268.

14. Levine M.A. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Wilson, B., Grigson, C., Payne, S. (Eds.) *Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. British Archaeological Reports, British Series 109*, London, 1982. P. 223–250.

15. Anthony D.W., Brown D. Bit-wear, horseback riding and the Botai site in Kazakhstan // *Journal of Archaeological Science*. 1998. №25 (3). P. 31–47. <https://doi.org/10.1006/jasc.1997.0242>

16. Бекени Ш. Новый метод вычисления количества особей животных в остеологическом материале из археозоологических местонахождений // Бюлл. МОИП. Отд. Биологии, 1969. Т. 74. Вып. 6. С. 69–71.

17. Громова В.И. О скелете тарпана (*Equus caballus gmelini* Ant.) и других современных диких лошадей. Часть 1. // Бюлл. МОИП. Сер. биолог. 1959. Т. 64 (4). С. 99–124.

18. Громова В.И. О скелете тарпана (*Equus caballus gmelini* Ant.) и других современных диких лошадей. Часть 2. // Тр. МОИП. Сер. биолог., 1963. Т. 10. — С. 10–61.

19. Eisenmann V., Alberdi M.T., De Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses. In: *Collected Papers after the New York International Hippation Conference*, 1981. Woodburne M., Sondaar P. (eds.). Vol.1. Leiden: Brill E.J. 1988. — 71. p.

20. Kiesewalter L. Skelettmessungen am Pferde ais beitraid zur theoretischen grundlage der beurteilungslehre des Pferdes. Inaug. Dissert. Leipzig. 1888. — 39 p.

21. Витт О.В. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. № 16. С. 163–205.

22. Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. Записки Импер. Об-ва сельского хозяйства Южной России. Т. 86, кн. 1. Одесса. 1916. — 168 с.

centuries BC (based on materials from Mountain Digoria). *Proceedings of the State Historical Museum and Russian Archeology: on the 100th Anniversary of the Department of Archaeological Monuments*. 2014, Vol. 201: 82–93.

8. Spasskaya NN., AR. Kantorovich VE. Maslov AB. Belinsky EE., Vasilyeva A.P., Moshinsky T.V., Ryabkova M.V., Sablin A.V., Shishlov N.V., Fedorenko A.V., Kolpakova V.G., Petrenko I.Ya., Pavlinov A. Conformation of Scythian-era horses from archaeological sites of the North Caucasus. *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2021, 3: 63–120.

9. Moshinsky AP. Antiquities of Mountain Digoria. VII–IV centuries BC. Systematization and chronology. *Proceedings of the State Historical Museum*. 2006, Vol. 154.

10. Kuleshov PK., Krasnikov AS. Determining the age of farm animals. Moscow: State Publ., 1928.

11. Korneven Sh., Lesbre F. Age determination by teeth and epithelial derivatives. M.–L.: State. from agricultural and collective farm-cooperative literature, 1932.

12. Durst U. A. Equine conformation. M.–L.: Selkhozgiz. 1936.

13. Silver IA. The aging of domestic animals. In: D. Brothwell, E. Higgs, G. Clark (eds.). *Science in archaeology. A comprehensive survey of progress and research*. New York: Basic Book, 1963. pp. 250–268.

14. Levine MA. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In: Wilson B., Grigson C., Payne S. (eds.). *Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. British Archaeological Reports, British Series 109*. London, 1982. pp. 223–250.

15. Anthony DW, Brown D. Bit-wear, horseback riding and the Botai site in Kazakhstan. *Journal of Archaeological Science*. 1998, 25(3): 31–47. <https://doi.org/10.1006/jasc.1997.0242>

16. Bekeni S. A new method for calculating the number of animal specimens in osteological material from archaeological sites. *Bulletin of MOIP, Biology*. 1969, 74(6): 69–71.

17. Gromova VI. About the skeleton of the tarpan (*Equus caballus gmelini* Ant.) and other modern wild horses. Part 1. *Bulleting of MOIP, Biology*. 1959, 64(4): 99–124.

18. Gromova VI. About the skeleton of the tarpan (*Equus caballus gmelini* Ant.) and other modern wild horses. Part 2. *Bulletin of MOIP, Biology*. 1963, 10: 10–61.

19. Eisenmann V., Alberdi MT., De Giuli C., Staesche U., Studying fossil horses. In: Woodburne M., Sondaar P. (eds.). *Collected Papers from the New York International Hippation Conference*, 1981. Vol.1. Leiden: Brill E.J., 1988.

20. Kiesewalter L. Skelettmessungen am Pferde ais beitraid zur theoretischen grundlage der beurteilungslehre des Pferdes. Inaug. Dissert. Leipzig, 1888.

21. Vitt OV. Horses of the Pazyryk mounds. *Sovetskaya Arheologiya*. 1952, 16: 163–205.

22. Brauner AA. Materials for knowledge of Russian domestic animals. 1. Horse from burial mounds of Tiraspol district, Kherson province. Notes of the Imperial Society of Agriculture of Southern Russia. T. 86, Book. 1. Odessa, 1916.

23. Gromova VI. History of horses (genus *Equus*) in the Old World. Part 2. Evolution and classification of the genus. *Proceedings of Paleontological Institute of the USSR Academy of Sciences*. 1949, 17(2).

23. Громова В.И. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Часть 2. Эволюция и классификация рода // Тр. Палеонтологического Ин-та АН СССР. 1949. Т. 17. Вып. 2. — 162 с.
24. Рудько П.Д. Изменения морфологической структуры сельскохозяйственных животных под влиянием содержания и эксплуатации. Сталинабад: Таджик. с.-х. ин-т. 1958. — 263 с.
25. Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Роль коня в погребальной традиции скифов. В: Актуальные проблемы археологии, истории и культуры // Сб. научн. труд. Т. 2. Новосибирск: изд-во НГПУ. 2005. С. 13–36.
26. Бибикина В.И. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // Советская археология. 1973. №4. С. 63–68.
27. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы–раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М.: Памятники исторической мысли. 2002. — 232 с.
28. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 2015. — 446 с.
29. Громова В.И. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Часть 1. Обзор и описание форм // Тр. Палеонтологического Ин-та АН СССР. 1949. Т. 17. Вып. 1. — 373 с.
30. Спасская Н.Н. Измерение роста лошадей опосредованными методами // Териофауна России и сопредельных территорий (VII съезд Териологического общества). Материалы Международного совещания, 6-7 февраля 2003 г. С. 336–337.
31. Козенкова В.И. Типология и хронология классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // Свод археологических источников, 1982. Вып. В2-5. Т. 2. — 177 с.
32. Виноградов В.Б., Анфимов Н.В., Котович В.Г., Кереев Б.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение первых государственных образований // История народов Северного Кавказа. с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. Отв. ред. В.Б. Пятровский. М.: Наука. 1988. С. 66–92.
33. Древние бронзы Кавказа. Сост. А.П. Мошинский. М.: ГИМ. 2010. — 200 с.
34. Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая. Материалы и исследования по археологии СССР, 1952. № 24. С. 146–156.
35. Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 31–38.
36. Рунд Дж. Р. Хромота лошади. Причины, симптомы, лечение. Пер. с англ. Санкт-Петербург: «Скифия». 2001. — 256 с.
24. Rudko PD. Changes in the morphological structure of farm animals under the influence of maintenance and operation. Stalinabad: Tajik agricultural institute, 1958.
25. Boltrik YuV., Fialko EE. The role of the horse in the Scythian funeral tradition. Current problems of archeology, history and culture. Collection of scientific papers. T. 2. Novosibirsk: NSPU Publ., 2005: 13-36.
26. Bibikova VI. On the interpretation of osteological material from the Scythian mound Tolstaya Mogila. Sovetskaya arheologiya. 1973, 4: 63-68.
27. Kozenkova VI. At the origins of the mountain mentality: Late Bronze–Early Iron Age burial ground near the village of Serzhen-Yurt, Chechnya. *Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Vol. III.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2002.
28. Belinsky AB., Dudarev SL. The Klin-Yar III burial ground and its place among the antiquities of the Caucasus and South-Eastern Europe of the early Iron Age. Stavropol: Design Studio B, 2015.
29. Gromova VI. History of horses (genus Equus) in the Old World. Part 1. Review and description of forms. *Paleontological Institute of the USSR Academy of Sciences.* 1949, 17(1).
30. Spasskaya NN. Measuring horse growth using indirect methods. *Theriofauna of Russia and adjacent territories (VII Congress of the Theriological Society). Proceedings of the International Meeting, February 6-7, 2003.* pp. 336–337.
31. Kozenkova V.I. Typology and chronology classification of objects of Koban culture (eastern version). *Svod arheologicheskikh istochnikov.* 1982, Issue B2-5, Vol. 2.
32. Vinogradov VB., Anfimov NV., Kotovich VG., Kerefov BM. Ch. 4. The decomposition of the primitive communal system and the emergence of the first state formations. In: Piotrovsky V.B. (ed.). *History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century.* Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988: 66-92.
33. Ancient bronzes of the Caucasus. Comp. by A.P. Moshinsky. Moscow: State Historical Museum, 2010.
34. Tsalkin VI. To the study of horses from the Altai mounds. *Materials and research on the archeology of the USSR,* 1952, 24: 146-156.
35. Belenitsky AM. Horse in the cults and ideological ideas of the peoples of Central Asia and the Eurasian steppes in ancient times and the early Middle Ages. *Brief communications from the Institute of Archeology.* 1978, 154: 31-38.
36. Rooney JR. *Lameness of a horse. Causes, symptoms, treatment.* Transl. from English. St. Petersburg: Scythia, 2001.

Поступила в редакцию 15.11.2023 г.

Принята в печать 09.01.2024 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 15.11.2023

Accepted 09.01.2024

Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20190-102>

Research paper

Noushig Zarikian,
Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of NAS RA, Yerevan, Armenia
nzarikian@gmail.com

Levon Mkrtchyan,
PhD student
Department for Protection of Historical and Cultural Monuments,
Ministry of Education, Science, Culture and Sports, Yerevan, Armenia
levoncultur@gmail.com

Benik Vardanyan,
cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA, Yerevan, Armenia
ubenik@yahoo.com

FOOD PATTERNS IN THE BRONZE-IRON AGE ARCHAEOLOGICAL SITE LERNAKERT IN ARMENIA: RESULTS OF ARCHEOZOLOGICAL RESEARCH

Abstract. In 2019–2021, excavations at the Late Bronze Age – Early Iron Age archaeological site of Lernakert on the northwestern slopes of Mount Aragats yielded a significant quantity of faunal remains. The archaeological complex comprises two cyclopean fortresses (Veri Berd and Vari Berd), tombs, and settlements. Archaeozoological analyses were conducted to identify dietary and food technology components in this region. The diversity of animal remains reveals diverse meat sources from both hunting and herding practices, highlighting the dynamic nature of food patterns over time. Reflecting a long history of animal exploitation influenced by social, cultural, and environmental factors, this study aims to characterize the unique features of animal-derived food resources at this settlement, outlining the economy and inhabitants' activities during the late Bronze Age to Early Iron Age. Therefore, our paper states, that the main difference between the Bronze Age and the Iron Age was the agricultural and economic progress to a better standard of living, and the differentiated food patterns of Lernakert have been the tools for adapting to the local geography and unfavorable environment. While acknowledging the potential role of social interaction in shaping food patterns, further investigation is needed. The methodology employs osteological analysis of animal remains excavated from Lernakert's Veri Berd, Vari Berd, and settlement areas. The results reveal the diverse husbandry practices and food types of this period, highlighting the evolution of livestock management between the Bronze and Iron Ages.

Keywords: faunal remains; food patterns; Lernakert; meat consumption; North-west Armenia communities

For citation: Zarikian N., Mkrtchyan L., Vardanyan B. Food Patterns in The Bronze-Iron Age Archaeological Site Lernakert in Armenia: Results of Archeozoological Research. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 90–102.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20190-102>

Исследовательская статья

Зарикян Нушик,
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения
nzarikian@gmail.com

Мкртычан Левон,
аспирант
Департамент по защите исторического и культурного наследия,
Министерство образования, науки, культуры и спорта, Ереван, Армения
levoncultur@gmail.com

Варданян Беник,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения
vbenik@yahoo.com

ПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ЛЕРНАКЕРТ ЭПОХИ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА В АРМЕНИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Раскопки на археологическом комплексе Лернакерт эпохи поздней бронзы – раннего железа на северо-западных склонах горы Арагац в 2019-2021 годах выявили большое количество фаунистических останков. Комплекс состоит из двух циклопических крепостей (Вери Берд и Вари Берд), гробниц и поселений. В связи с этим, были проведены археозоологические исследования для определения компонентов молочной и пищевой технологий в этом регионе. Разнообразие останков животного происхождения свидетельствует о различных источниках мяса, полученных в результате животноводства и охоты, подчеркивая динамичный характер системы питания с течением времени. Эти факты отражают историю эксплуатации животных, которая целиком связана с социальными, культурными и экологическими факторами. Данное исследование направлено на выявление отличительных особенностей компонентов пищи животного происхождения на этом поселении, а также описание хозяйства и образа жизни его населения. Таким образом, основным различием между бронзовым и железным веками являлся сельскохозяйственный и экономический прогресс, направленный на повышение уровня жизни, а характерные пищевые привычки Лернакерта являлись инструментами адаптации к местным географическим условиям и неблагоприятной среде. При этом по-прежнему не учитывается социальное взаимодействие, которое также могло играть главную роль в формировании образа жизни населения этого поселения. Методология данного исследования основана на анализе остеологических останков животных, обнаруженных при раскопках Лернакертского Вери Берда, Вари Берда и поселенческих стоянок. Результаты исследования проливают свет на различные методы ведения животноводческого хозяйства и типы продуктов питания в рассматриваемых эпохах.

Ключевые слова: останки животных; система питания; Лернакерт; потребление мяса; общества северо-западной Армении

Для цитирования: Зарикян Н., Мкртычан Л., Варданян Б. Питание населения археологического памятника Лернакерт эпохи бронзы и железа в Армении: результаты археозоологических исследований // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 90–102.

Introduction

The turning point of cultural traditions in the Caucasus occurred during the period between the Middle Bronze and Late Bronze Ages when significant changes were recorded [1: 378–422].

The Late Bronze and Early Iron Ages (1500-1200 BC and 1200-900 BC, respectively) witnessed a distinct cultural development and tradition that persisted until roughly 800 BC. Notably, the Caucasus during this period exhibited a greater degree of cultural and social change compared to preceding eras [2: 134]. In contrast, Avetisyan and Bobokhyan's studies suggest that Late Bronze (1500-1200 BC) and Early Iron Age (1200-900 BC) societies in this region, represented by the Lchashen and Metsamor cultures, already displayed clear characteristics of complex societies and early state formations [3: 432].

Subsistence strategies in Armenia have received less attention compared to studies of pottery styles and metallurgy. However, it is an undeniable fact that Late Bronze and Early Iron Age societies relied on the exploitation of both plants and animals for their livelihood [4: 319].

Ancient dietary information comes from diverse sources, including animal depictions in caves, on tombstones, or on monuments, while direct consumption evidence emerges from waste pits and fossilized dung. Additionally, chemical analyses of food remains aid in determining archaeo-food sources [5: 204–223; 6: 1011–1020]. Based on these methods, Manoukian et al. presented compelling evidence of a diverse diet across Kura-Araxes settlements in Armenia. Their findings suggest an economy based on both meat and plant processing, fats, and dairying [7].

In this study, we employed animal skeletal remain analysis, a valuable tool for understanding food patterns and human animal resource management strategies in Late Bronze to Early Iron Age Lernakert, including Veri Berd, Vari Berd, and the settlement area.

In recent years, international and local expeditions have unearthed and investigated a group of Bronze and Iron Age monuments in Armenia, sometimes referred to as “agglomerative houses” or “spiral structures.” Unlike other megalithic monuments, these structures remain insufficiently studied, hindering our understanding of their chronology, function, and architectural details. “Ring-shaped structures” were widespread in Jordan, Syria, and Saudi Arabia, with the latter region boasting numerous and diverse examples. There are several conflicting views in historiography about the functions of “wheeled structures”. These structures have been proposed to be dwellings for single families, shelters for livestock, or even ritual sites due to the presence of nearby documented tomb complexes. These structures, the focus of our research, were found in the aforementioned regions mainly as “kites” [8: 56–58; 9: 3189; 10: 1–34].

Material and Methods ***Lernakert archaeological site***

Lernakert village is located in Shirak province, on the northwestern slope of Mount Aragats, at an elevation of 1980 meters above sea level (Fig. 1). This archaeological complex

comprises two Bronze-Iron Age fortresses, extensive necropolises, an ancient water distribution system, and other megalithic structures. The Vari Berd fortress stands roughly 0.4 kilometers south of the village at an altitude of 2020 meters. Veri Berd, situated 2.5 kilometers southeast of the village, sits at a higher elevation of 2120 meters, while Vari Berd lies 1.2 kilometers to the east. Both fortresses were constructed atop prominent, naturally occurring rocky hills with flattened peaks (Fig. 2).

Excavations conducted between 2019 and 2021 revealed evidence of human habitation at Vari Berd spanning several phases, with the earliest settlements dating back to the 3rd millennium BC. Remnants of an Early Bronze Age settlement were discovered on the western and northern slopes and foothills of the hill.

The Early Bronze Age settlement of Vari Berd extends northward, reaching the village's southern and southwestern outskirts. Evidence from pottery and Late Bronze Age burials found within the settlement on the western slope indicates subsequent inhabitation of the fortress area during the Late Bronze Age.

The eastern slope of Vari Berd also shows signs of habitation, with various structures visible in the area. The most notable feature is the circular structure located east of the third platform. The Veri Berd settlement occupies the eastern and northern slopes of the fortress, encompassing its least accessible area. It is no coincidence that the entrance to the fortress passes through the settlement located on the northern slope (Fig. 3). In this settlement, the remains of different shapes and sizes structures were recorded [11: 189–200].

Excavations on the eastern slope of Veri Berd uncovered a portion of the central area and an adjoining cell. Preliminary data suggests this structure was built during the Early Iron Age, parallel to the construction of the fortress, within the confines of the earlier Early Bronze Age settlement.

The northern slope of Veri Berd features another isolated structure comprised of three platforms and walls ranging from 1.5 to 2.5 meters thick. The uppermost platform is circular, the second is quadrangular, and the third has an irregular circular shape. While preliminary, exploratory excavations hint at the use of this complex in the post-Urartian period, the structure itself could be contemporaneous with the one discovered in Veri Berd's excavation site No. 1. Sites No. 1, No. 7, and exploratory trenches No. 2-4 provide further insight into the various stages of settlement within the fortress. The uppermost layer can be attributed to the Classical period (1st century BC – 1st century AD). Radiometric dating of organic materials from a pit in the center of excavation site No. 1 placed the second layer between 365 and 203 BC (Fig. 4). Scattered remains of antique pottery on the ground near the fortress and visible surface structures suggest a dense population in these areas during the Classical period.

The construction technique of the investigated structure, located south of Veri Berd of Lernakert, is related to the architecture of other antique sites of Shirak (for example, Hoghmik [12: 49–56], and Shirakavan [13: 32–46]).

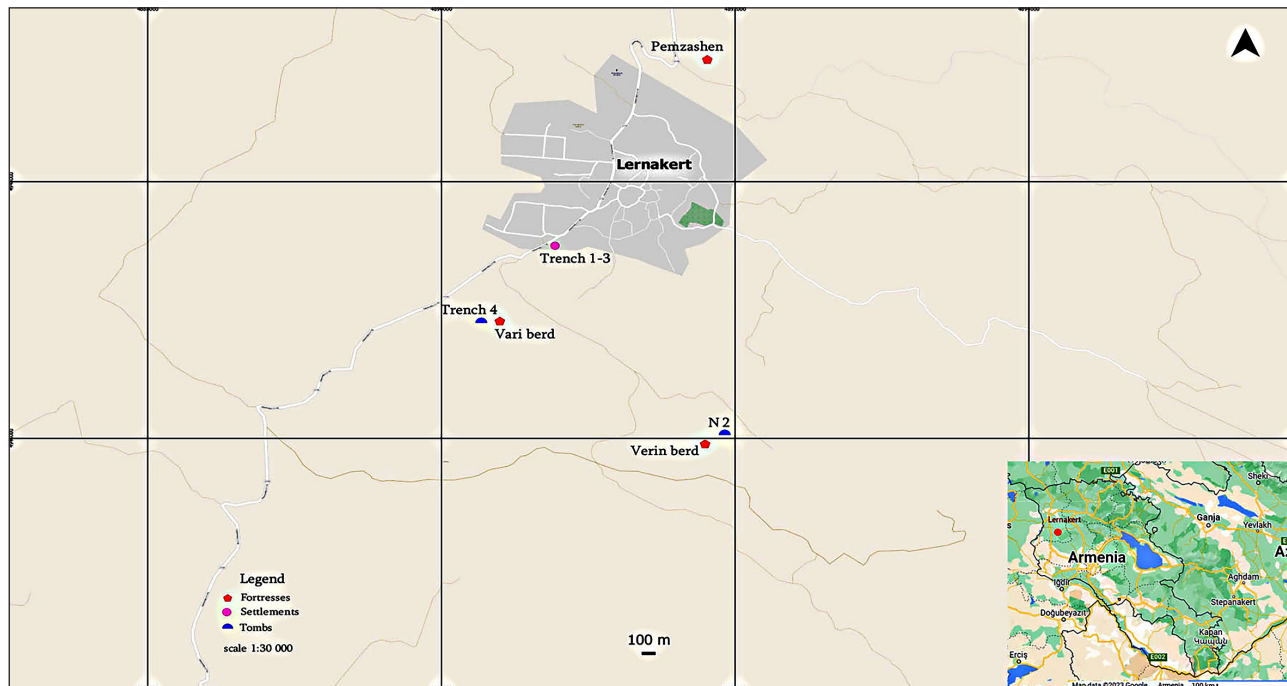

Fig. 1. Lernakert complex location

Рис. 1. Местоположение Лернакертского комплекса

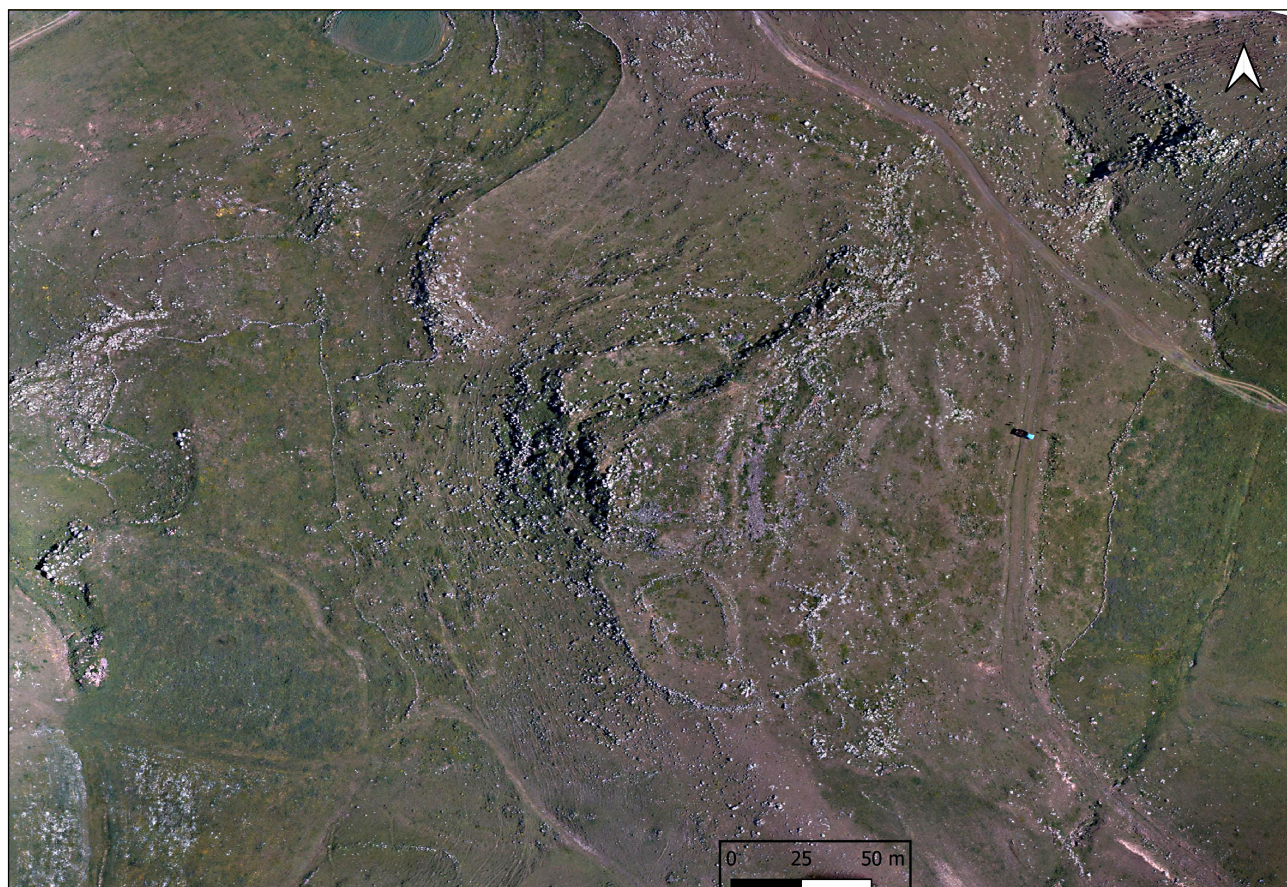

Fig. 2. General view of Lernakert complex in Shirak 1

Рис. 2. Общий вид на Лернакертский комплекс в Ширак 1

Fig. 3. General view of Lernakert complex in Shirak 2

Рис. 3. Общий вид на Лернакертский комплекс в Ширак 2

Fig. 4. Veri Berd, trenches 1 and 7

Рис. 4. Вери Берд, раскоп 1 и 7

Diagnostic ceramics from the Vari Berd fortress within Lernakert's Trench 3 indicate two distinct settlement phases. The first phase dates to the Early Bronze Age (2800-2600 BC), while the second falls within the Late Bronze Age (1500-1400 BC). Similarly, excavations in Trenches 1, 2, and 4 of the Veri Berd fortress, along with the latter section of Trench 3, revealed evidence of Early Iron Age (1200-1000 BC) habitation. Veri Berd's Trench 5 yielded finds indicative of the Late Bronze Age (1400-1300 BC), while the remaining trenches point to habitation during the early Classical period (365-203 BC) based on the recovered artifacts (Table 1). Ceramic dating employed typological analysis and comparisons with contemporaneous regional sites.

The area of Lernakert, rich in alpine meadows and water resources, was favorable for the development of animal husbandry and agriculture. Excavations unearthed evidence of a well-developed agricultural sector, evidenced by the presence of grinding stones and grain remains. Tools associated with processing secondary cattle breeding products, such as sinkers and spindles, further support the practice of developed cattle breeding in the area.

Table 1. The chronology of the Lernakert complex in Shirak.

Таблица 1. Хронология Лернакерского комплекса в Шираке.

Lernakert	Early Bronze Age ca.	Late Bronze Age, ca.	Early Iron Age, ca.	Early Classical, ca.
Vari Berd fortress	2800-2600 BC Lernakert, trench 3	1500-1400 BC Fort, trench 3	1200-1000 BC Fort, trench 1, 2, 3, 4	-
Veri Berd fortress	-	1400-1300 BC Trench 5	-	365-203 BC Trench 1 and 2, 6, 7

Methods

The digitization and modeling of the Lernakert archeological site commenced in 2019 and continues periodically. This effort has captured a substantial portion of the monument complex, including both fortresses (Veri Berd and Vari Berd), cemeteries, stone pathways, and other features. Digitization work proceeded concurrently with ongoing archaeological fieldwork. Additionally, aerial photography of the area was undertaken using a drone. Orthophotoplans and elevation maps (Digital Surface Models – DSMs and Digital Elevation Models – DEMs) were generated from the acquired baseline photographs. These two datasets were combined to create digital 3D models of the investigated sites. For each monument or site, high-resolution elevation and contour maps were produced with a horizontal scale of 1 meter, and detailed cross-sections were created with corresponding lengths, coordinates, and heights. A variety of GIS software programs were employed to generate two-dimensional and three-dimensional maps of the study region and the specific archaeological sites. During the six excavation seasons of the 2019-2021 expedition, three-dimensional surveys, documentation, and analysis were conducted on two Bronze Age fortresses (Veri Berd and Vari Berd), their associated settlements, extensive burial grounds, megalithic structures, and other monuments. The research data was incorporated into a dedicated database [14: 446–453] (Figs. 5 and 6).

The first author analyzed the faunal remains at the Bioarchaeology Laboratory of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia’s Archaeology and Ethnography Institute. The osteological materials were primarily hand-collected and identified using established literature [15: 816; 16: 1147; 17: 64; 18: 146–248].

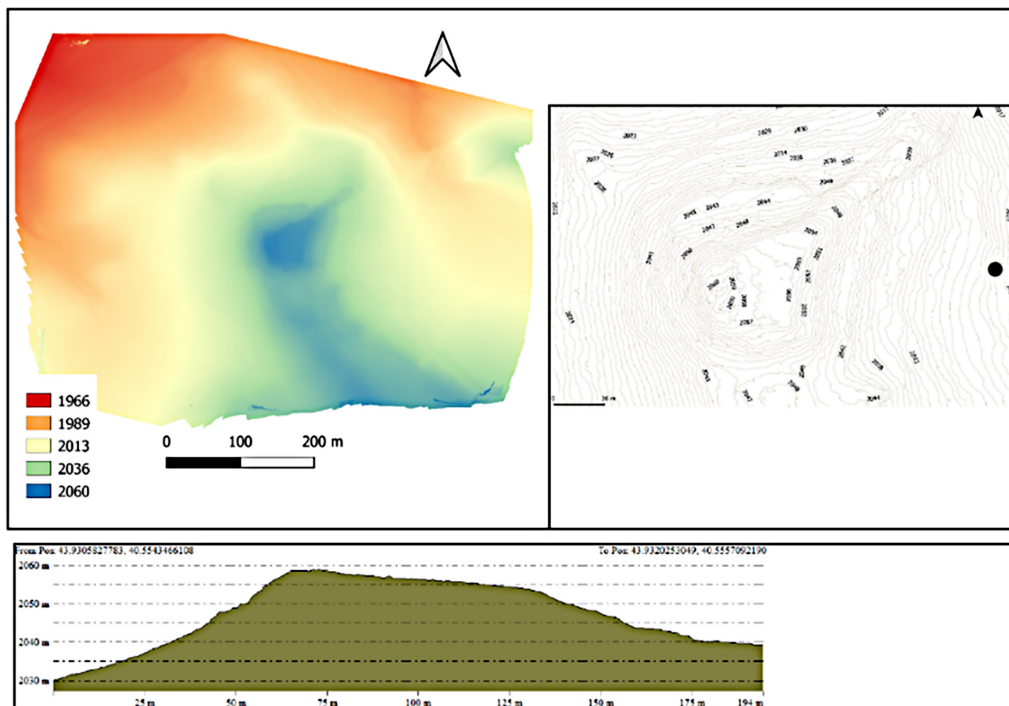

Fig. 5. Vari Berd elevation map, outline, and section

Рис. 5. Топографическая карта Вари Берд, контур и разрез

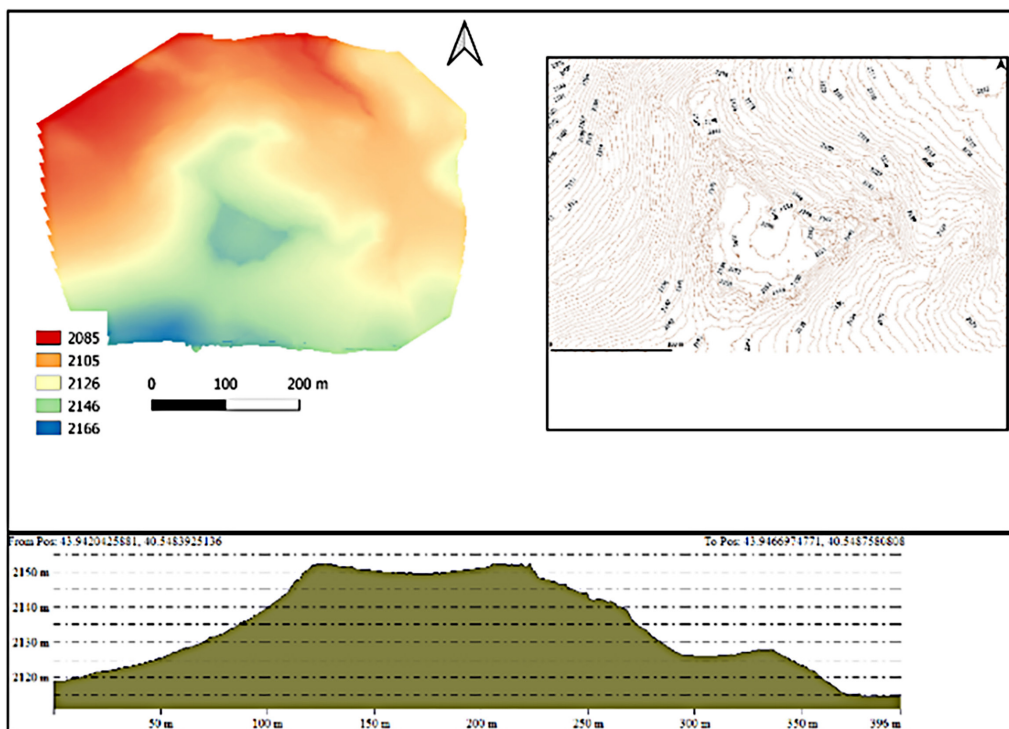

Fig. 6. Veri Berd elevation map, outline, and section

Рис. 6. Топографическая карта Вери Берд, контур и разрез

Results

Faunal remains

More than 3028 osteological remains were recovered during the 2019-2021 excavations of Lernakert, of which 1581 bones were successfully identified (Table 2).

Table 2. NISP and MNI* of osteological remains from Lernakert (2019-2021)

Таблица 2. NISP и MNI остеологических останков из Лернакерта (NISP – Число выявленных видов, MNI – Минимальное число представителей)

Taxa	Veri Berd tr. 1/7 (Excavated 2019-2020)		Veri Berd tr. 2 (2019-2020)		Vari Berd tr. 3 (2019)		Vari Berd tr. 4 (2019)	
	NISP	MNI	NISP	MNI	NISP	MNI	NISP	MNI
Ovis aries / Capra hircus (sheep/goat)	126	12	26	3	42	4	22	1
Bos taurus (cattle)	229	7	22	2	138	5	25	1
Equus caballus (horse)	21	2	6	1	20	1	5	1
Sus scrofa domestica (pig)	58	5	8	1	7	1	-	-
Cervus elaphus (red deer)	9	1	-	-	-	-	-	-
Capreolus capreolus (roe deer)	37	2	-	-	-	-	-	-
Felidae (cats)	95	2	-	-	-	-	-	-
Rodentia	43	3	-	-	9	4	-	-
Total	618	34	62	7	216	15	72	3

Taxa	Veri Berd tr. 5 (2019)		Veri Berd tr. 6 (2019)		Veri Berd tr. 7 (2020)		Vari Berd tr. 1 (2019)	
	NISP	MNI	NISP	MNI	NISP	MNI	NISP	MNI
Ovis aries / Capra hircus	47	6	5	1	61	3	5	1
Bos taurus	52	3	36	1	51	2	40	1
Equus caballus	12	2	2	1	-	-	-	-
Sus scrofa domestica	-	-	5	1	14	2	2	1
Cervus elaphus	-	-	-	-	-	-	-	-
Capreolus capreolus	17	2	12	1	-	-	3	1
Felidae	-	-	-	-	-	-	-	-
Rodentia	-	-	-	-	-	-	-	-
Total	128	13	60	5	126	7	50	4

Taxa	Vari Berd tr2 (2020)		Vari Berd tr. 3 (2021)		Lernakert tr. 3 (2019)	
	NISP	MNI	NISP	MNI	NISP	MNI
Ovis aries / Capra hircus	23	2	33	3	-	-

Bos taurus	18	1	130	4	1	1
Equus caballus	6	1	20	1	-	-
Sus scrofa domestica	8	1	-	-	-	-
Cervus elaphus	-	-	-	-	-	-
Capreolus capreolus	-	-	-	-	-	-
Felidae	-	-	-	-	-	-
Rodentia	-	-	9	4	-	-
Total	55	5	192	12	1	1

* NISP – Number of identified species
MNI – Minimum number of individuals

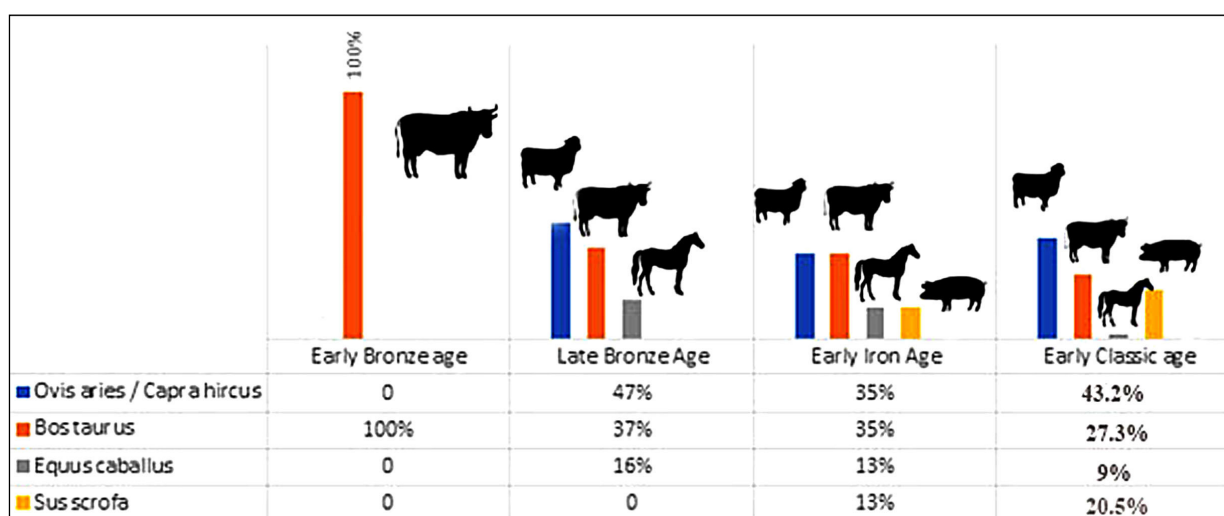

Chart 1. The general structure of identified livestock of Lernakert

Схема 1. Общий состав выявленного скота из Лернакерта

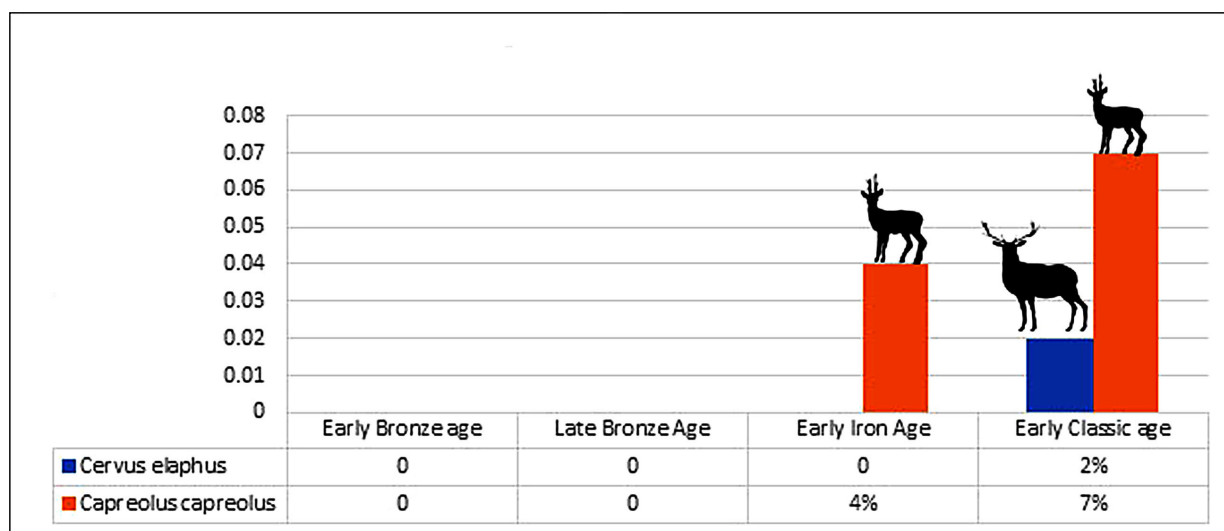

Chart 2. Wild animal remains of Lernakert

Схема 2. Останки диких животных из Лернакерта

Analysis of the faunal remains revealed three main domestic species forming the foundation of the meat diet across the studied periods. Cattle dominated the Early Bronze Age assemblage (100%), while a shift towards small livestock was observed in the Late Bronze Age (47%) and Early Classical period (41%). Cattle and equids remained secondary meat sources throughout these later periods, representing 37% and 26% respectively. Notably, pig consumption, evidenced by pig trotters, appears in the Early Iron Age (13%) and increases further in the Early Classical period (20%). The Early Iron Age witnessed competition for meat resources between cattle (35%) and sheep/goat (35%). Additionally, wild game consumption, likely the result of occasional hunting activities, appears to have been minimal during the Iron Age and Early Classical period (Charts 1 and 2).

Bone modifications

Cut marks. A systematic examination of the animal bones revealed a significant number (43%) exhibiting cut marks, indicating meat removal. These marks suggest that butchering practices involved splitting most of the bones into sections.

Burnt bones. While less commonly encountered, heavily burnt bones were also identified. These instances likely point towards human activity, specifically the use of fire for cooking purposes. However, it is important to note that burning marks can occasionally arise from unintentional exposure of the settlement to fire.

Chewing and Gnawing by Animals. Little evidence was recorded of bones with carnivore gnaw marks.

Weathering. The majority of the bones exhibited good preservation, indicating exposure to dry weather conditions with minimal moisture or weathering marks.

Tool and Ornament Marks. No bones displayed evidence of human modification or wear patterns suggestive of their use as tools or ornaments.

Pathology. While some pathological traces were observed on animal teeth and a few bones, a detailed investigation of these is still pending.

Discussion and Conclusion

This paper presents an analysis of animal bone remains from the Lernakert settlement, spanning the Early and Late Bronze Ages, Iron Age, and Early Classical period. The investigation sheds light on the dietary practices of the inhabitants during these various periods. Our findings contribute to the broader understanding of the evolution of food patterns in prehistoric societies, particularly regarding the diversification of meat consumption and food preparation techniques across the Bronze and Iron Ages, extending into the Early Classical period.

This analysis of faunal remains from Lernakert reveals a fascinating shift in human dietary strategies across the Bronze and Iron Ages, transitioning into the Early Classical period. Notably, the observed decrease in hunting activities and increased reliance on domestic animals for food products suggests a society with a growing focus on other, potentially more specialized, occupations. Furthermore, the differences in the exploitation of domesticated animals between the Early and Late Bronze Ages and the Iron Age point towards distinct

animal husbandry practices employed during these periods. These findings, alongside the documented changes in food patterns, highlight the dynamic interplay between evolving husbandry techniques, dietary practices, and the economic landscape of Lernakert throughout its history.

The bronze and iron tools manufacturing progress during the mentioned Ages was substantiated by various choices of food types for human communities in Lernakert (cattle, sheep/goat, pig, horse, etc.).

The main difference between the Bronze Age and the Iron Age involved novel livestock management strategies, a shift towards diversified agriculture, and potential economic growth leading to an improved standard of living.

The diversified food patterns at Lernakert might be a strategy for adapting to the local semi-arid environment. However, further evidence is needed to explore the potential role of social interaction in shaping the inhabitants' lifestyles.

Acknowledgment. This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Education, Science, Culture, and Sports of the Republic of Armenia, grant project No. 22YR-6A021.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования, науки, культуры и спорта Республики Армения, грантовый проект № 22YR-6A021.

REFERENCES

1. Lyonnet B. *From fortresses to fragmentation: the Southern Caucasus in the Late Bronze Age through the Iron Age I (1500-800 BC)*. 2019. Chap. 8: 378–422.
2. Smith A.T., Badalyan R.S., Avetisyan P. The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies, Volume 1. The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia. *Oriental Institute Publications*, 134. Chicago, 2009.
3. Avetisyan P., Bobokhyan A. *Archaeology of Armenia in regional context: Achievements and perspectives*. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography, NAS RA, 2021.
4. Badalyan R.S., Avetisyan P.S. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia, I. Mt. Aragats and Its Surrounding Region. *British Archaeological Reports, International Series*. Oxford, 2007.
5. MacAdam W.I. On the results of a chemical investigation into the composition of 'bog butters' and of 'adipocere' and the 'mineral resins' with notice of a cask of bog butter from Glen Gill, Morvern, Argyllshire and now in the museum. *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1882, 16: 204–223.
6. Cronin T., Downey L., Synnott C., McSweeney P., Kelly E.P., Cahill M., Rossa R.P., Stanton C. Composition of ancient Irish bog butter. *International Dairy Journal*. 2007, 17: 1011–1020.
7. Manoukian N., Whelton H.L., Dunne J., Badalyan R., Smith A.T., Simonyan H., Rothman M.S., Bobokhyan A., Hovsepian R., Avetisyan P., Evershed R.P., Pollard A.M. Diverse dietary practices across the Early Bronze Age

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lyonnet B. *From fortresses to fragmentation: the Southern Caucasus in the Late Bronze Age through the Iron Age I (1500-800 BC)*. 2019. Chap. 8. P. 378–422.
2. Smith A.T., Badalyan R.S., Avetisyan P. The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies, Volume 1. The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia // *Oriental Institute Publications*. № 134. Chicago, 2009.
3. Avetisyan P., Bobokhyan A. *Archaeology of Armenia in regional context: Achievements and perspectives*. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography, NAS RA, 2021.
4. Badalyan R.S., Avetisyan P.S. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia, I. Mt. Aragats and Its Surrounding Region // *British Archaeological Reports, International Series*. Oxford, 2007.
5. MacAdam W.I. On the results of a chemical investigation into the composition of 'bog butters' and of 'adipocere' and the 'mineral resins' with notice of a cask of bog butter from Glen Gill, Morvern, Argyllshire and now in the museum // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1882. №16. P. 204–223.
6. Cronin T., Downey L., Synnott C., McSweeney P., Kelly E.P., Cahill M., Rossa R.P., Stanton C. Composition of ancient Irish bog butter // *International Dairy Journal*. 2007. №17. P. 1011–1020.
7. Manoukian N., Whelton H.L., Dunne J., Badalyan R., Smith A.T., Simonyan H., Rothman M.S., Bobokhyan A., Hovsepian R., Avetisyan P., Evershed R.P., Pollard A.M. Diverse dietary practices across the Early Bronze Age

'Kura-Araxes culture' in the South Caucasus. *PLoS ONE*. 2022, 17(12): e0278345. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278345>.

8. Kempe S., al-Malabeh A. Kites and other Archaeological Structures along the Eastern Rim of the Harrat (Lava Plain) of Jordan. *Signs of intensive usage in Prehistoric time, a Google Earth Images Study*, 2010: 199–215.

9. Kennedy D. The 'Works of the Old Men' in Arabia: remote sensing in interior Arabia. *Journal of Archaeological Science*. 2011, 38: 3185–3203.

10. Betts A. Prehistoric Sites at Qa'a Mejalla, Eastern Jordan. *Levant*. 1982, 14(1): 1–34.

11. Vardanyan B., Davtyan R., Manukyan S., Saribekyan M. *Lernakert: ein neues archäologisches Projekt in Schirak. Archaeology of Armenia in Regional Context*. Avetisyan P., Bobokhyan A. (eds.). Yerevan, 2021: 189–200.

12. Hakobyan H. *Pillar decoration of ancient Armenia halls and the temple complex of Hoghmk* (Les salles à colonne de l'Arménie antique et le complexe de sanctuaire de Hoghmk), HHPMH, Yerevan, 2001: 49–56.

13. Ter-Martirosov F. Shirak in classical era. Shirak center of Armenian studies. 1999, 9: 32–46.

14. Vardanyan B., Mkrtychyan L. *Modelling of Bronze and Iron Age Monuments at the Northwestern Slopes of Mount Aragats based on a Case Study of Lernakert. Systemizing the past*, Archaeopress publication Ltd, 2023: 446–453.

15. Vereshchagin N.K. *The Mammals of the Caucasus. A History of the Evolution of the Fauna*. Jerusalem: Israel Program for Scientific Translations [available from the U.S. Dept. of Commerce, Clearinghouse for Federal Scientific and Technical Information, Springfield, Va.], 1967.

16. Heptner V.G., Nasimovich, A.A., Bannikov A.G., Hoffman R.S. *Mammals of the Soviet Union*, Vol. I. Smithsonian Institution Libraries and National Science Foundation, Washington, D.C., 1988.

17. Hillson S. *Mammal Bones and Teeth: An Introductory Guide to Methods of Identification* (UCL Institute of Archaeology Publications (LCP)). University College London institute of Archaeology, 2009.

18. Mashkour M., Beech M. (eds.). *Archaeozoology of the Near East 9. Part 3: Examples of Animal Exploitation in Urban Sites During the Bronze Age*. Oxbow Books. Volume I, 2015: 146–248.

'Kura-Araxes culture' in the South Caucasus. *PLoS ONE*. 2022, 17(12): e0278345. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278345>.

8. Kempe S., al-Malabeh A. Kites and other Archaeological Structures along the Eastern Rim of the Harrat (Lava Plain) of Jordan // Signs of intensive usage in Prehistoric time, a Google Earth Images Study. 2010. P. 199–215.

9. Kennedy D. The 'Works of the Old Men' in Arabia: remote sensing in interior Arabia. *Journal of Archaeological Science*. 2011, 38: 3185–3203.

10. Betts A. Prehistoric Sites at Qa'a Mejalla, Eastern Jordan // *Levant*. 1982. №14(1). P. 1–34.

11. Vardanyan B., Davtyan R., Manukyan S., Saribekyan M. *Lernakert: ein neues archäologisches Projekt in Schirak. Archaeology of Armenia in Regional Context*. Avetisyan P., Bobokhyan A. (eds.). Yerevan, 2021. P. 189–200.

12. Hakobyan H. *Pillar decoration of ancient Armenia halls and the temple complex of Hoghmk* (Les salles à colonne de l'Arménie antique et le complexe de sanctuaire de Hoghmk) // HHPMH. Yerevan, 2001. P. 49–56.

13. Ter-Martirosov F. Shirak in classical era. Shirak center of Armenian studies. 1999. №9. P. 32–46.

14. Vardanyan B., Mkrtychyan L. *Modelling of Bronze and Iron Age Monuments at the Northwestern Slopes of Mount Aragats based on a Case Study of Lernakert. Systemizing the past*. Archaeopress publication Ltd, 2023. P. 446–453.

15. Vereshchagin N.K. *The Mammals of the Caucasus. A History of the Evolution of the Fauna*. Jerusalem: Israel Program for Scientific Translations [available from the U.S. Dept. of Commerce, Clearinghouse for Federal Scientific and Technical Information, Springfield, Va.], 1967.

16. Heptner V.G., Nasimovich, A.A., Bannikov A.G., Hoffman R.S. *Mammals of the Soviet Union*. Vol. I. Smithsonian Institution Libraries and National Science Foundation, Washington, D.C., 1988.

17. Hillson S. *Mammal Bones and Teeth: An Introductory Guide to Methods of Identification* (UCL Institute of Archaeology Publications (LCP)). University College London institute of Archaeology, 2009.

18. Mashkour M., Beech M. (eds.). *Archaeozoology of the Near East 9. Part 3: Examples of Animal Exploitation in Urban Sites During the Bronze Age*. Oxbow Books. Volume I, 2015. P. 146–248.

Поступила в редакцию 15.09.2023 г.
Принята в печать 19.12.2023 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

Received 15.09.2023
Accepted 19.12.2023
Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201103-126>

Исследовательская статья

Суханов Е.В.
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
sukhanov_ev@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СОЗДАНИЯ ФОРМ КУВШИНОВ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ АЛБАНО-САРМАТСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА (ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ)

Аннотация. В лаборатории «История керамики» Института археологии РАН проводятся исследования устойчивости различных навыков создания форм глиняных сосудов. Разработка этого исследовательского направления необходима для того, чтобы выяснить, на каком уровне морфологического разнообразия керамики заканчиваются различия, связанные со случайными факторами, и где начинаются черты, отражающие особенности состава населения, оставившего тот или иной археологический памятник. Статья посвящена апробации новых данных об устойчивости разных параметров форм глиняных сосудов, полученных по итогам изучения этнографического и экспериментального материала. В ней рассматривается самая массовая категория посуды из некоторых могильников албано-сарматского и раннесредневекового времени, расположенных на территории Дагестана – кувшины. В статье проводится сравнительный анализ этих памятников и выполняется количественная оценка степени их сходства по разным параметрам форм сосудов. Оказалось, что именно устойчивые параметры форм позволяют выявить две разные культурные традиции создания форм кувшинов. Первая, более ранняя, представлена на памятниках албано-сарматского времени, расположенных в Прикаспийском Дагестане, преимущественно в равнинной его части и на границе равнинной и предгорной зон – в Сиртичском, Шаракунском и Львовских могильниках. Вторая, более поздняя, распространена на памятниках VIII–X вв., расположенных на границе предгорной и горной зон – в Агачкалинском и Аркаских могильниках. Зафиксировано высокое сходство форм кувшинов из раннесредневековых Бежтинского и Верхнечирюртовского могильников с материалами памятников, на которых представлена вторая традиция. Хронологические и территориальные различия рассмотренных групп материала подтверждают, что устойчивые параметры форм сосудов можно рассматривать сегодня как надежную группу информации для выявления разных и неродственных гончарных традиций по археологической керамике.

Ключевые слова: кувшины; формы сосудов; культурные традиции; устойчивость навыков труда гончаров; Дагестан

Для цитирования: Суханов Е.В. Культурные традиции создания форм кувшинов из могильников албано-сарматского и раннесредневекового времени с территории Дагестана (опыт изучения)// История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 103–126.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201103-126>

Research paper

Evgeny V. Sukhanov,
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia
sukhanov_ev@mail.ru

DISTINCT CULTURAL TRADITIONS IN JUGS SHAPING: RESEARCH EVIDENCE FROM ALBANIAN-SARMATIAN AND EARLY MEDIEVAL SITES OF DAGESTAN

Abstract. The “History of Pottery” laboratory at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences has been conducting research on the persistence of various skills involved in shaping clay vessels. This research aims to identify the threshold within morphological diversity where random variations end and features reflecting the characteristics of past populations begin. This article presents new data on the stability of different vessel shape parameters, gathered from ethnographic and experimental studies. It focuses on jugs, the most common pottery type found in Albanian-Sarmatian and early medieval burial grounds of Dagestan. The article compares these sites and performs a quantitative analysis of their similarity based on various vessel shape parameters. The analysis revealed two distinct cultural traditions in jug shaping based on stable form parameters. The earlier tradition is represented by sites of the Albanian-Sarmatian located in the Caspian Dagestan, mainly in its lowland area and on the border of the lowland and foothill zones – in the Sirtich, Sharakun and Lvov burial grounds. The later tradition, common at sites of the 8th-10th centuries, is found on the border of the foothill and mountain zones – in the Agachkalinsky, Arkassky burial grounds. High similarity of shapes in early medieval Bezhta and Verkhnechiryurt burial grounds with materials from the later tradition confirms this distinction. Chronological and territorial differences between these material groups support the use of stable form parameters as a reliable marker for identifying distinct and unrelated pottery traditions in archaeological ceramics.

Keywords: jugs; vessel shapes; cultural traditions; skill persistence of potters; Dagestan

For citation: Sukhanov E.V. Distinct Cultural Traditions in Jugs Shaping: Research Evidence from Albanian-Sarmatian and Early Medieval Sites of Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 103–126.

© E.V. Sukhanov, 2024

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Введение

Глиняная посуда – одна из важных категорий источников для изучения культурного и этнокультурного состава древнего населения по материалам археологических памятников. В отечественной археологии этот тезис получил наиболее полное обоснование в трудах А.А. Бобринского [1]. Он доказал, что глиняный сосуд представляет собой овеществленный результат применения гончаром системы трудовых навыков, которые закреплены в культурных традициях человеческих коллективов и передаются в них от поколения к поколению. А.А. Бобринский выяснил, что сами навыки труда гончаров неоднородны по степени своей устойчивости в условиях смешения носителей разных гончарных традиций. Одни навыки имеют свойство изменяться очень быстро – в период от нескольких лет до времени жизни одного поколения, другие навыки в таких же условиях меняются крайне медленно [1, с. 79, 97, 184, 222]. Эта особенность позволяет фиксировать по древней керамике смешение разных в культурном отношении групп древнего населения, изучать этапы данного процесса и более четко определять его «участников».

В настоящее время в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН продолжаются исследования устойчивости трудовых навыков, применяемых гончарами для *создания форм сосудов* [2; 3; 4]. Разработка этого исследовательского направления поможет выяснить, на каком уровне морфологического разнообразия керамики заканчиваются различия, связанные со случайными факторами, и где начинаются черты, отражающие особенности состава древнего населения, оставившего тот или иной археологический памятник.

Основная цель этой статьи – продемонстрировать некоторые новые возможности изучения форм глиняных сосудов как источника по истории населения на примере конкретного археологического материала.

Объектом изучения в этой статье являются формы глиняных сосудов из нескольких могильников, расположенных на территории Дагестана. Эти памятники выбраны для исследования по следующим причинам. Во-первых, используемые материалы относятся к широкому временному диапазону – от албано-сарматского времени до конца I тыс. н.э. Во-вторых, рассматриваемые могильники связаны с разнообразными в культурном отношении сообществами Северо-Восточного Кавказа – местным населением Кавказской Албании, «пришлыми» сармато-аланскими племенами, а также разными коллективами, населявшими предгорную и горную зоны в эпоху Хазарского каганата [5; 6; 7]. Указанные особенности исследуемых источников позволяют взглянуть на «поведение» разных по степени устойчивости навыков создания форм сосудов на фоне разнообразных в культурном, территориальном и хронологическом отношении древностей. В-третьих, систематизация данных о гончарных традициях населения разных районов Северного Кавказа накануне сложения салтово-маяцкой археологической культуры необходима для выяснения районов первоначального обитания населения, мигрировавшего около середины VIII в. в Подонье [8]. Таким образом, используемый в этом исследовании подход обоснован, прежде всего, тем,

что территориальное, хронологическое и этнокультурное разнообразие рассматриваемых материалов позволяет проверить «работоспособность» устойчивых параметров форм сосудов для выявления разных культурных традиций древнего гончарства, используя при этом проверяемые процедуры статистического анализа.

Материал

Источниковую базу этого исследования составили материалы, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН в г. Махачкала.¹ В статье рассматривается только одна функциональная категория посуды – кувшины, всего 147 изделий. Она самая массовая в материалах изученных памятников, и поэтому является наиболее пригодной для цели этой работы. В исследовании используются только те сосуды, которые нам удалось изучить в фондах лично: 1) могильники, расположенные около городища Аркас. В исследовании используются кувшины, найденные при раскопках могильников №№ 1, 2, 3, проведенных в 1963, 1965 и 1966 гг., всего 18 экз.; 2) Агачкалинский могильник, сосуды из раскопок 1980 г., 36 экз.; 3) Бежтинский могильник, сосуды из раскопок 1956–1959 гг., 22 экз.; 4) Верхнечирюртовский археологический комплекс. Изученные сосуды происходят из 1-го грунтового могильника (раскопки 1957 г.), 2-го грунтового могильника (раскопки 1973 г.), курганного могильника (раскопки 1969), единичные экземпляры – из поселения. Всего – 20 экз.; 5) Львовские могильники (Первый-2, Первый-4, Шестой), 19 экз.; 6) Сиртичский могильник, сосуды из раскопок 1980 г., 6 экз.; 7) Шаракунский могильник, сосуды из раскопок 1961, 1963 гг., 26 экз. Рассматриваемая в этой статье керамика была получена благодаря полевым исследованиям экспедиций и отрядов под руководством М.И. Пикуль, Н.Д. Путинцевой, Д.А. Атаева, М.Г. Магомедова, О.М. Давудова, Г.Г. Пярых.

Исследуемые кувшины обладают разным цветом излома и внешней поверхности, а также имеют много иных особенностей декора, формы ручек, слива и др. Все эти нюансы сознательно не учитываются в данной статье, поскольку объектом изучения здесь является форма емкости кувшинов и навыки ее создания.

Этнографические и экспериментальные данные, используемые в исследовании

В этой статье мы опираемся на результаты изучения случайных колебаний разных параметров форм сосудов, полученные по итогам анализа этнографического и экспериментального материала. Он включает, во-первых, серии сосудов традиционной формы, сделанные профессиональными гончарами, работающими на ножном гончаром круге. Эти материалы были собраны в 1970-х гг. Комплексным отрядом по изучению гончарства под руководством А.А. Бобринского. Для изучения устойчивости

1. Хочу поблагодарить сотрудников Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН В.А. Саидова и М.Ш. Сайпудинова за оказанную мне помощь в организации работы с керамикой в фондах.

разных параметров форм сосудов были исследованы серии 10 гончаров, которые принимали участие в программе по изготовлению привычных форм посуды от двух до шести лет.

Во-вторых, это серии лепных сосудов, изготовленные участниками Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства в период 2019–2022 гг. За это время было сделано несколько экспериментальных серий «одинаковых» сосудов. Серии отличались видами начинов, строительных элементов, способами их наложения, соотношением высоты разных функциональных частей.

Общий объем этнографического и экспериментального материала, использованного для изучения устойчивости разных параметров форм сосудов, составляет 40 серий «одинаковых» сосудов – всего 488 изделий.

На основании этих материалов была исследована величина случайных колебаний 7 параметров форм глиняных сосудов, которые могут использоваться для изучения почти любых целых сосудов из археологических памятников независимо от их культурно-хронологической принадлежности: общая пропорциональность всего сосуда (далее – ОПП), угол наклона щеки-шеи (Щ-Ш), пропорциональность Щ-Ш, угол наклона плеча-предплечья (П-ПП), пропорциональность (П-ПП), угол наклона тулова (Т), пропорциональность Т (рис. 1). ОПП всего сосуда представляет собой отношение его высоты к максимальному диаметру (рис. 1, Б, 1). Угол наклона измеряется по положению линии, проведенной между точками на контуре сосуда, фиксирующими начало и конец данной функциональной части (рис. 1, Б, 3). Пропорциональность функциональной части вычисляется как отношение ее высоты к полусумме верхнего и нижнего оснований (рис. 1, Б, 2).

Величина случайных колебаний в каждой серии сосудов оценивалась с помощью коэффициента сходства (КС) – это отношение минимального значения в серии к максимальному. Чем ближе значение КС к 1.0, тем выше сходство в серии, и чем ближе значение к 0, тем оно ниже [2, с. 267].

Анализ этнографического и экспериментального материала позволил установить, что *наименьшим колебаниям* подвержены два параметра форм сосудов: *угол наклона П-ПП* и *угол наклона Т*. Как у профессиональных гончаров, работавших на ножном гончарном круге, так и у мастеров, делавших лепные сосуды, эти параметры занимают первые два места по степени устойчивости (рис. 2, 4, 6). В сериях сосудов, сделанных на гончарном круге, высокую степень устойчивости демонстрирует еще один параметр – ОПП всего сосуда (рис. 2, А, 1). Данная деталь представляется важной для этого исследования, поскольку примерно 90% рассматриваемых здесь кувшинов были сделаны на гончарных кругах, соответствующих по уровню своего развития этапам РФК 2-3².

Опираясь на эти данные, при изучении форм кувшинов из могильников Дагестана мы будем придерживаться разделения рассматриваемых морфологических параметров на две категории: *устойчивые* – ОПП всего сосуда, угол наклона П-ПП, угол наклона Т, и *неустойчивые* – угол наклона Щ-Ш, пропорциональность Щ-Ш, П-ПП, Т.

2. РФК – развитие функций круга. Термин введен А.А. Бобринским для характеристики конкретных приемов работы на гончарном круге, которые использовались мастером при изготовлении сосуда: заглаживание, профилирование, вытягивания и др. Подробнее см.: [1, с. 26–37].

Подготовка к анализу форм кувшинов из могильников Дагестана

Все исследуемые сосуды фотографировались строго фронтально таким образом, чтобы ручки и сливы не искажали контур сосуда. Фотографии преобразовывались на компьютере в плоские контурные изображения. Для устранения асимметрии форм сосудов строился средний контур. После этого проводилась разметка форм на функциональные части и выполнялись измерения ОПП сосудов, угла наклона и пропорциональности функциональных частей в соответствии с методикой, используемой при изучении форм посуды с позиций историко-культурного подхода [9]. Количественные данные, полученные по итогам разметки и измерений сосудов, переводились в ступени универсальной шкалы качеств, разработанной Ю.Б. Цетлиным [9, табл. 2–3, там же подробнее о шкале].

Анализ

Этот раздел статьи посвящен сравнению рассматриваемых археологических памятников по устойчивым и неустойчивым параметрам форм кувшинов. Цель этого сравнения – выявить разные культурные традиции гончаров, продукция которых представлена в рассматриваемых могильниках, а также выяснить, какие морфологические параметры являются наиболее надежными для достижения этой цели.

Все исходные данные, на основании которых проводится сравнение могильников, представлены в соответствующих таблицах (таблицы 1–7). По горизонтали в них перечислены памятники, по вертикали даны ступени (ОПП всего сосуда, угла наклона и пропорциональности функциональных частей), в ячейках указан % сосудов, которые относятся к каждой ступени.

Для того, чтобы результаты сравнения памятников были точными и проверяемыми, в статье используется количественный критерий – степень сходства могильников, которая может измеряться от 0 до 100%. Применяется методика, предложенная Д.Я. Телегиным для вычисления сходства археологических комплексов по керамике [10]. Степень сходства определяется для каждой пары памятников путем последовательного суммирования наименьших долей на всех ступенях, зафиксированных в рассматриваемой паре. Так, например, сходство между Агачкалинским и Аркаскими могильниками по ОПП всего сосуда будет вычисляться на основании следующих данных (таблица 1): 0 (наименьшая доля на ступени 37) + 5,6 (наименьшая доля на ступени 38) + 35,3 (наименьшая доля на ступени 39) + 35,3 (наименьшая доля на ступени 40) + 5,9 (наименьшая доля на ступени 41) + 5,9 (наименьшая доля на ступени 42) + 0 (наименьшая доля на ступени 43) = 87,6% (таблица 8).

Для качественной характеристики степени сходства результаты вычислений разделены на две категории: ранг I – очень высокое сходство, от 80 % и более, ранг II – высокое сходство, от 60 до 79%. Более низкие показатели сходства не будут рассматриваться в этом тексте, поскольку наша цель – выявить памятники, обладающие существенным сходством традиций создания форм кувшинов.

Теперь рассмотрим результаты вычислений.

А) Устойчивые параметры форм сосудов

ОПП всего сосуда (таблица 8). Очень высокое сходство зафиксировано в одной паре могильников – Агачкалинский–Аркасские (87,6%). Высокое сходство отмечено в следующих парах: Верхнечирюртовские–Аркасские (77,6%), Бежтинский–Верхнечирюртовские (74%), Агачкалинский–Верхнечирюртовские (71,1%), Агачкалинский–Бежтинский (69%), Аркасские–Бежтинский (66,1%). Во всех остальных случаях зафиксировано сходство менее 60%.

Граф связей памятников, построенный на основании сходства I–II рангов, формирует монолитную группу памятников, в которую вошли Агачкалинский, Аркасские, Бежтинский и Верхнечирюртовские могильники (рис. 3, А, 1). Все остальные памятники – Львовские, Сиртичский, Шаракунский могильники – не имеют связей как между собой, так и с памятниками монолитной группы.

Сравнение групп Агачкала/Аркас/Бежта/Верхний Чирюрт и Львовские/Сиртич/Шаракунь свидетельствует об их существенных различиях. В первой группе большинство кувшинов обладают относительно более высокой ОПП ступеней 39–41 – 78,7% сосудов (таблица 15). Во второй группе кувшины относительно более низкие, преобладают ступени 35–39 – всего 96,8% сосудов.

Угол наклона П–ПП (таблица 9). Очень высокое сходство зафиксировано в четырех парах могильников: Верхнечирюртовские–Агачкалинский (90%), Верхнечирюртовские–Аркасские (81,7%), Бежтинский–Львовские (89%) и Сиртичский–Шаракунский (80,8%), Высокое сходство отмечено в парах Агачкалинский–Аркасские (77,9%), Сиртичский–Львовские (68,4%), Бежтинский–Сиртичский (63,6%). Во всех остальных парах могильников сходство составляет менее 60%.

Граф связей могильников по этому параметру (рис. 3, А, 2) позволяет разделить памятники на две группы. Первую формируют Агачкалинский, Верхнечирюртовские и Аркасские могильники. Во вторую группу входят Бежтинский, Львовские, Сиртичский и Шаракунский могильники.

Различия этих групп по углу наклона П–ПП проявляются в следующем (таблица 16). Для первой группы характерны кувшины с относительно более слабым углом наклона П–ПП ступеней 23–24 – таких сосудов в ней 78,1%. Во второй группе преобладают кувшины с относительно более сильным углом наклона П–ПП ступеней 24–26 – таких сосудов в ней 89%.

Угол наклона Т (таблица 10). Очень высокое сходство отмечено в двух парах могильников: Бежтинский–Аркасские (80,3%) и Шаракунский–Львовские (83,4%). Высокое сходство зафиксировано в четырех парах памятников: Бежтинский–Агачкалинский (68,9%), Верхнечирюртовские–Львовские (72,1%), Верхнечирюртовские–Шаракунский (72,3%), Аркасские–Агачкалинский (63,9%). Во всех остальных парах могильников зафиксировано сходство менее 60%.

Граф связей могильников по этому параметру (рис. 3, А, 3) позволяет разделить памятники на две группы. Первая – Бежтинский, Агачкалинский и Аркасские могильники, вторая – Верхнечирюртовские, Шаракунский и Львовские могильники.

Сравнение данных групп позволяет выяснить, в чем именно заключаются их различия (таблица 17). В первой группе преобладают кувшины с относительно более слабым углом наклона Т ступеней 13–16 – всего 88,2% сосудов. Во второй группе преобладают кувшины с относительно более сильным углом наклона Т ступеней 11–14 – всего 96,9% кувшинов.

Б) Неустойчивые параметры форм сосудов

Угол наклона Щ-Ш (таблица 11). Очень высокое сходство зафиксировано между Агачкалинским и Аркаскими могильниками (81,6%). В девяти парах отмечено высокое сходство: Бежтинский–Аркаские (69,4%), Бежтинский–Агачкалинский (67,3%), Бежтинский–Львовские (73,8%), Сиртичский–Агачкалинский (73,8%), Сиртичский–Аркаские (79,2%), Сиртичский–Бежтинский (66,7%), Верхнечирюртовские–Бежтинский (61,1%), Львовские–Агачкалинский (61%), Верхнечирюртовские–Львовские (64,3%). Во всех остальных парах могильников зафиксировано сходство менее 60%.

Граф связей между могильниками, построенный по данным о сходстве рангов I–II, включает шесть из восьми рассмотренных памятников (рис. 3, Б, 1). Он демонстрирует, что все вошедшие в него могильники образуют единую группу. Почти у всех памятников есть связи разных рангов с другими. Таким образом, группировка могильников на основании особенностей их взаимосвязей, как это было сделано по устойчивым параметрам форм, в данном случае невозможна.

Пропорциональность Щ-Ш (таблица 12). Между памятниками нет сходства рангов I–II. Все показатели сходства – менее 60%, поэтому мы не имеем достаточных оснований для выделения разных групп могильников, похожих по этому параметру форм кувшинов.

Пропорциональность П-ПП (таблица 13). Сходство ранга I не зафиксировано. Наиболее высокие показатели сходства относятся к рангу II, они отмечены в двух парах памятников: Аркаские–Бежтинский (63,6%), Агачкалинский–Львовские (60,5%). Во всех остальных рассмотренных парах могильников зафиксировано сходство менее 60%.

В граф связей, построенный на основании полученных данных, попали четыре из семи рассматриваемых могильников (рис. 3, Б, 2). Из-за малого количества связей между памятниками, их группировка представляется нецелесообразной.

Пропорциональность Т (таблица 14). Максимальные показатели сходства по этому параметру относятся к рангу II: Аркаские–Агачкалинский (67,8%), Аркаские–Шаракунский (61,5%). Во всех остальных парах могильников сходство составляет менее 60%.

В граф связей, построенный на основании этих данных, вошли только три из семи рассматриваемых могильников (рис. 3, Б, 3). Группировка могильников на основании особенностей их взаимосвязей на уровне интересующих нас рангов невозможна.

Обсуждение

В предыдущем разделе статьи представлены результаты сравнения могильников албано-сарматского и раннесредневекового времени с территории Дагестана по устойчивым и неустойчивым параметрам форм кувшинов. Полученные данные приводят к заключению о том, что возможности этих двух категорий параметров для выявления разных культурных традиций создания форм сосудов существенно различаются.

По неустойчивым параметрам изученные могильники либо очень похожи (угол наклона Щ-Ш), т.е. обладают большим количеством связей очень высокой и высокой степени сходства (рис. 3, Б, 1), либо наоборот очень разнообразны (пропорциональность Щ-Ш, П-ПП, Т), т.е. преобладают связи низкой степени сходства, менее 60%.

Главное здесь – это то, что в обоих случаях невозможно обоснованно выделить памятники с существенно различающимися гончарными традициями.

Более информативными для выявления памятников со схожими гончарными традициями оказались устойчивые параметры форм кувшинов – ОПП всего сосуда, угол наклона П-ПП и угол наклона Т. По каждому из этих параметров выделены две группы могильников (рис. 3, А). Составы групп, полученных по разным устойчивым параметрам, не повторяются, однако зафиксирована одна тенденция. Она заключается в следующем: 1) Агачкалинский и Аркаские могильники находятся в одних и тех же группах по всем устойчивым параметрам форм, т.е. эти памятники имеют наибольшее сходство представленных на них традиций создания форм кувшинов; 2) Шаракунский могильник попадает в одни и те же группы либо с Сиртичским, либо со Львовскими могильниками; 3) Сиртичский, Шаракунский и Львовские могильники ни разу не попали в одну группу с Агачкалинским и Аркаскими могильниками.

Данная тенденция представляет особый интерес, поскольку указанные выше «связки» археологических памятников, во-первых, относятся к разному времени, во-вторых, различаются по расположению. Агачкалинский и Аркаские могильники – это памятники эпохи Раннего Средневековья, датируются (VIII–X вв.). Сиртичский, Шаракунский и Львовские могильники относятся к албано-сарматскому времени, т.е. они более ранние. Что касается расположения, Агачкалинский и Аркаские могильники находятся на границе предгорной и горной зон в северной части Дагестана; памятники второй «связки» расположены ближе к Каспийскому морю – в равнинной зоне Северного Дагестана и на границе равнинной и предгорной зон Южного Дагестана (рис. 4).

Эти данные приводят к заключению о том, что описанные выше «связки» могильников, которые выделены на основании устойчивых параметров, отражают две разные культурные традиции создания форм кувшинов, отличающиеся как по хронологии, так и по территории распространения.

Отдельно нужно остановиться на материалах Верхнечирюртовского (VII–VIII вв.) и Бежтинского могильников (VIII–X вв.). По разным устойчивым параметрам форм кувшинов эти памятники соответствуют разным группам (рис. 3, А, 1). Для понимания источников происхождения традиций, представленных в Бежтинском и Верхнечирюртовском могильниках, могут быть полезны результаты вычисления медианных, т.е. как бы усредненных по трем устойчивым параметрам значений степени сходства с теми могильниками, на которых первая и вторая традиции представлены «в чистом виде».

Оказалось, что Бежтинский могильник имеет слабое сходство с памятниками, где представлена первая традиция (более ранняя) – от 39 до 51%, и более высокое сходство с памятниками, где представлена вторая традиция (более поздняя) – от 66 до 69% (рис. 5, 1). Похожий результат получен по Верхнему Чирюрту. Он имеет слабое сходство с памятниками, где представлена первая традиция – от 14 до 38%, и более высокое сходство с памятниками, на которых представлена вторая традиция – от 71 до 78% (рис. 5, 2). Эти данные позволяют предполагать, что традиции создания форм кувшинов, представленные в Аркаских, Агачкалинском, Бежтинском и Верхнечирюртовском могильниках, могут иметь общие истоки.

Для проверки обоснованности основного вывода этого исследования важными представляются результаты применения многомерного статистического анализа –

метода главных компонент. Выполнено сравнение кувшинов из памятников эпохи раннего средневековья и из памятников албано-сарматского периода по двум «спискам» признаков: 1) по неустойчивым параметрам – угол наклона и пропорциональность Ш-Ш, пропорциональность П-ПП и Т; 2) по устойчивым параметрам – ОПП всего сосуда, угол наклона П-ПП и Т. Предметом анализа выступали результаты измерений исследуемых параметров форм до их перевода в шкалу качеств, т.е. абсолютные значения.

По итогам анализа по первому списку признаков оказалось, что кувшины из памятников двух сравниваемых хронологических периодов фактически не различимы друг от друга (рис. 7, 1). На графике невозможно выделить «участки» наибольшей плотности сосудов, характерные для каждой группы.

Анализ по устойчивым параметрам привел к другому результату (рис. 7, 2). Кувшины из памятников разных групп отчетливо различимы: почти все сосуды из памятников эпохи раннего средневековья связаны с левой частью графика, а сосуды из другой группы – преимущественно с правой его частью.

Таким образом, результаты применения метода главных компонент подтверждают основной вывод о том, что именно устойчивые параметры наиболее четко различают две разные традиции создания форм кувшинов, распространенные у населения Северо-Восточного Кавказа в албано-сарматское и раннесредневековое время.

Заключение

В этом исследовании представлен один из первых опытов практического применения данных об относительной устойчивости разных параметров форм сосудов при изучении археологического материала. Для этого использованы материалы погребальных памятников Северо-Восточного Кавказа, расположенных на территории Дагестана.

На основании анализа наиболее устойчивых параметров выявлены две разные культурные традиции создания форм кувшинов. Первая, более ранняя, распространена на памятниках албано-сарматского времени, расположенных в Прикаспийском Дагестане, в равнинной его части и на границе равнинной и предгорной зон (рис. 6, А, 1-8). Данная традиция представлена в памятниках, отражающих культуру населения Кавказской Албании, испытывавшую в первых веках н.э. сильное воздействие сармато-аланских племен [5, с. 243]. Вторая традиция, более поздняя, представлена в Агачкалинском и Аркаских могильниках (рис. 6, А, 9-14). Эта традиция связана с культурной населения предгорной и горной зон Северного Дагестана в эпоху Хазарского каганата. Формы кувшинов из других раннесредневековых могильников – Бежтинского и Верхнечирюртовских (рис. 6, Б) – обладают слабым сходством с первой традицией и сильным сходством со второй традицией.

Хронологические и территориальные различия двух выявленных кувшинных традиций подтверждают, что устойчивые параметры форм сосудов можно рассматривать как достаточно надежную группу информации для выявления по внешнему облику глиняной посуды гончарных традиций разных в культурном отношении групп древнего населения. При этом следует иметь в виду, что в рамках каждой из двух выделенных традиций представлены разные погребальные обряды: курганный/

бескуранный, захоронения в ямах, каменных ящиках и др. В нашем распоряжении пока что недостаточно данных для того, чтобы объяснить причины близкого сходства традиций населения, практиковавшего разные погребальные обряды. Эта тема требует специального исследования, которое, несомненно, будет проведено в обозримом будущем.

Результаты этого исследования в перспективе будут использоваться для дальнейшего изучения происхождения гончарных традиций населения салтово-маяцкой археологической культуры.

Финансирование. Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-78-00025 «Гончарство населения Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья».

Acknowledgement. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 22-78-00025 “Pottery of the North Caucasus population in the early Middle Ages.”

Таблица 1. Общая пропорциональность кувшинов.

В таблицах используется следующая нумерация памятников:

1 – Агачкалинский, 2 – Аркасские, 3 – Бежтинский, 4 – Верхнечирюртовские, 5 – Львовские, 6 – Сиртичский, 7 – Шаракунский

Table 1. General proportionality of jugs. The following sites numbering is used in the tables: 1 – Agachkala, 2 – Arkas, 3 – Bezhta, 4 – Verkhny Chirtyurt, 5 – Lvov, 6 – Sirtich, 7 – Sharakun

Ступени / Памятники	1	2	3	4	5	6	7
34							4,0
35				5,0		16,7	20,0
36						16,7	16,0
37		5,9		15,0	33,3	16,7	24,0
38	5,6	5,9	14,3	10,0	22,2		28,0
39	36,1	35,3	14,3	15,0	33,3	50,0	8,0
40	41,7	35,3	38,1	35,0	5,6		
41	11,1	5,9	28,6	10,0	5,6		
42	5,6	5,9		5,0			
43		5,9	4,8	5,0			
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 2. Угол наклона плеча-предплечья кувшинов

Table 2. Angle of inclination of the shoulder-forearm of jugs

Ступени / Памятники	1	2	3	4	5	6	7
21	5,7						
22	8,6	5,6		5,0			
23	42,9	38,9	9,1	45,0	5,3		
24	37,1	27,8	22,7	40,0	26,3		3,8

25	5,7	16,7	50,0	5,0	47,4	50,0	30,8
26		11,1	13,6	5,0	21,1	50,0	50,0
27			4,5				11,5
28							3,8
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 3. Угол наклона тулова кувшинов

Table 3. Angle of inclination of the body of jugs

Ступени / Памятники	1	2	3	4	5	6	7
10							3,8
11		16,7		30,0	26,3		15,4
12	2,8	5,6	9,1	25,0	36,8	50,0	38,5
13	13,9	22,2	27,3	35,0	15,8		26,9
14	25,0	33,3	36,4	5,0	21,1	16,7	15,4
15	36,1	16,7	13,6	5,0		33,3	
16	16,7	5,6	13,6				
17	5,6						
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 4. Угол наклона щеки-шеи кувшинов

Table 4. Angle of inclination of the cheek-neck of jugs

Ступени / Памятники	1	2	3	4	5	6	7
9						16,7	
11							10,0
12					9,5		10,0
13			5,6		4,8	16,7	20,0
14			5,6	5,6	4,8		10,0
15	2,9		5,6	16,7	14,3		10,0
16	20,0	12,5	11,1	27,8	14,3	16,7	5,0
17	42,9	56,3	33,3	11,1	19,0	50,0	
18	14,3	18,8	22,2	22,2	14,3	16,7	10,0
19	5,7	6,3	16,7	5,6	14,3		5,0
20	8,6	6,3			4,8		10,0
21	5,7			11,1			5,0
22							5,0
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 5. Пропорциональность щеки-шеи кувшинов

Table 5. Proportionality of the cheek-neck of jugs

Ступени / Памятники	1	2	3	4	5	6	7
15						16,7	
19	2,9						
20	2,9						5,0
21	5,7	7,1					5,0
22			9,5				
23	2,9			5,6	5,6	16,7	5,0
24	5,7						
25	2,9	7,1		5,6			15,0
26	11,4	7,1	9,5		11,1		5,0
27	8,6		14,3				25,0
28	14,3	14,3		16,7	11,1		5,0
29	2,9		4,8	5,6		16,7	15,0
30	5,7	21,4	9,5		11,1		5,0
31	8,6	14,3	4,8		16,7	16,7	
32	2,9		4,8	5,6	11,1		10,0
33	2,9		9,5	11,1		16,7	5,0
34	8,6		9,5	16,7	16,7		
35	8,6	7,1	9,5	16,7			
36		7,1		5,6	11,1		
37	2,9	7,1					
38			14,3	5,6		16,7	
39				5,6	5,6		
40		7,1					
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 6. Пропорциональность плеча-предплечья кувшинов

Table 6. Proportionality of the shoulder-forearm of jugs

Ступени / Памятники	1	2	3	4	5	6	7
18	2,8						
19						16,7	
23	2,8						
24	2,8		4,5	5,0			7,7
25							7,7
26							11,5
27	2,8					33,3	11,5
28	5,6	5,6		5,0	15,8	16,7	19,2
29	8,3	11,1			10,5	16,7	11,5
30	8,3	5,6	4,5	5,0	10,5	16,7	7,7

31	19,4		4,5	5,0	21,1		7,7
32	5,6		9,1	20,0	21,1		7,7
33	13,9	27,8	18,2	10,0	5,3		7,7
34	2,8	11,1	9,1	20,0	10,5		
35	8,3	27,8	22,7		5,3		
36	8,3			20,0			
37	8,3	11,1	9,1	5,0			
38			18,2				
39				5,0			
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 7. Пропорциональность тулова кувшинов

Table 7. Proportionality of the body of jugs

Ступени / Памятники	1	2	3	4	5	6	7
18					5,3		
19				5,0	5,3		
20							
21				5,0	10,5		
22		5,6		20,0		16,7	7,7
23				15,0	5,3	16,7	
24	6,7			10,0	10,5		
25	6,7	11,1	9,1	5,0			15,4
26	20,0	27,8		15,0	5,3		11,5
27	6,7	11,1	13,6	5,0		16,7	19,2
28	3,3	11,1	9,1	10,0	21,1	16,7	15,4
29	23,3	11,1	4,5	5,0	15,8		26,9
30	3,3		13,6	5,0	5,3	16,7	3,8
31	16,7	16,7	9,1				
32	6,7		13,6		10,5		
33	3,3	5,6	13,6				
34	3,3		13,6		5,3		
35						16,7	
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 8. Степень сходства памятников по общей пропорциональности кувшинов (%)

Table 8. Degree of similarity of sites by general proportionality of jugs (%)

№№ памятников	2	3	4	5	6	7
1	87,6	69	71,1	50	36,1	13,6
2		66,1	77,6	56,2	41,2	19,8
3			74	39,7	14,3	22,3

4				51,1	35	38
5					50	54,2
6						57,3

Таблица 9. Степень сходства памятников по углу наклона плеча-предплечья (%)

Table 9. Degree of similarity of sites by angle of inclination of the shoulder-forearm (%)

№№ памятников	2	3	4	5	6	7
1	77,9	37,5	90	37,3	5,7	9,6
2		59,6	81,7	59,4	27,8	31,6
3			41,8	89	63,6	52,8
4				41,6	10	13,8
5					68,4	55,7
6						80,8

Таблица 10. Степень сходства памятников по углу наклона тулова (%)

Table 10. Degree of similarity of sites by angle of inclination of the body (%)

№№ памятников	2	3	4	5	6	7
1	63,9	68,9	26,7	37,7	52,8	32,1
2		80,3	54,4	59,1	38,9	58,5
3			46,4	45,9	39,4	51,4
4				72,1	35	72,3
5					53,5	83,4
6						53,8

Таблица 11. Степень сходства памятников по углу наклона щеки-шеи (%)

Table 11. Degree of similarity of sites by angle of inclination of the cheek-neck (%)

№№ памятников	2	3	4	5	6	7
1	81,6	67,3	59,5	61	73,8	36,4
2		69,4	47,9	56,8	79,2	26,3
3			61,1	73,8	66,7	36,7
4				64,3	44,4	40,6
5					52,4	53,8
6						31,7

Таблица 12. Степень сходства памятников по пропорциональности щеки-шеи (%). Table 12. Degree of similarity of sites by proportionality of the cheek-neck (%)

№№ памятников	2	3	4	5	6	7
1	54,3	54,3	45,7	50,8	17,1	45,7
2		28,6	18,3	50,8	14,3	27,1

3			43,7	38,1	33,3	38,8
4				50	27,8	31,7
5					22,2	30
6						25

Таблица 13. Степень сходства памятников по пропорциональности плеча-предплечья (%)

Table 13. Degree of similarity of sites by proportionality of the shoulder-forearm (%)

№№ памятников	2	3	4	5	6	7
1	55,6	50,8	49,4	60,5	25	45,3
2		63,6	45	42,7	22,2	29,9
3			46,8	37,8	4,5	24,5
4				50,8	10	30,4
5					36,8	54,7
6						47,4

Таблица 14. Степень сходства памятников по пропорциональности тулова (%)

Table 14. Degree of similarity of sites by proportionality of the body (%)

№№ памятников	2	3	4	5	6	7
1	67,8	47	43,3	44,4	13,3	54,9
2		48,5	45,6	27,5	27,8	61,5
3			28,6	34,7	36,4	40,2
4				50,5	51,7	48,1
5					27,2	40,3
6						44,9

Таблица 15. Сравнение групп памятников, выявленных на основании графа связей (общая пропорциональность)

Table 15. Comparison of site groups identified based on the connectivity graph (general proportionality)

Ступени/группы	Памятники №№ 1, 2, 3, 4	Памятники №№ 5, 6, 7
34		3,2
35	1	19,4
36		16,1
37	4,3	22,6
38	8,5	22,6
39	26,6	16,1
40	38,3	
41	13,8	
42	4,3	
43	3,2	

Таблица 16. Сравнение групп памятников, выявленных на основании графа связей (угол наклона плеча-предплечья)

Table 16. Comparison of site groups identified based on the connectivity graph (angle of inclination of the shoulder-forearm)

Ступени/группы	Памятники №№ 1, 2, 4	Памятники №№ 3, 5, 6, 7
21	2,7	
22	6,8	
23	42,5	4,1
24	35,6	15,1
25	8,2	42,5
26	4,1	31,5
27		5,5
28		1,4

Таблица 17. Сравнение групп памятников, выявленных на основании графа связей (угол наклона тулова)

Table 17. Comparison of site groups identified based on the connectivity graph (angle of inclination of the body)

Ступени/группы	Памятники №№ 1, 2, 3	Памятники №№ 4, 5, 7
10		1,5
11	3,9	23,1
12	5,3	33,8
13	19,7	26,2
14	30,3	13,8
15	25,0	1,5
16	13,2	
17	2,6	

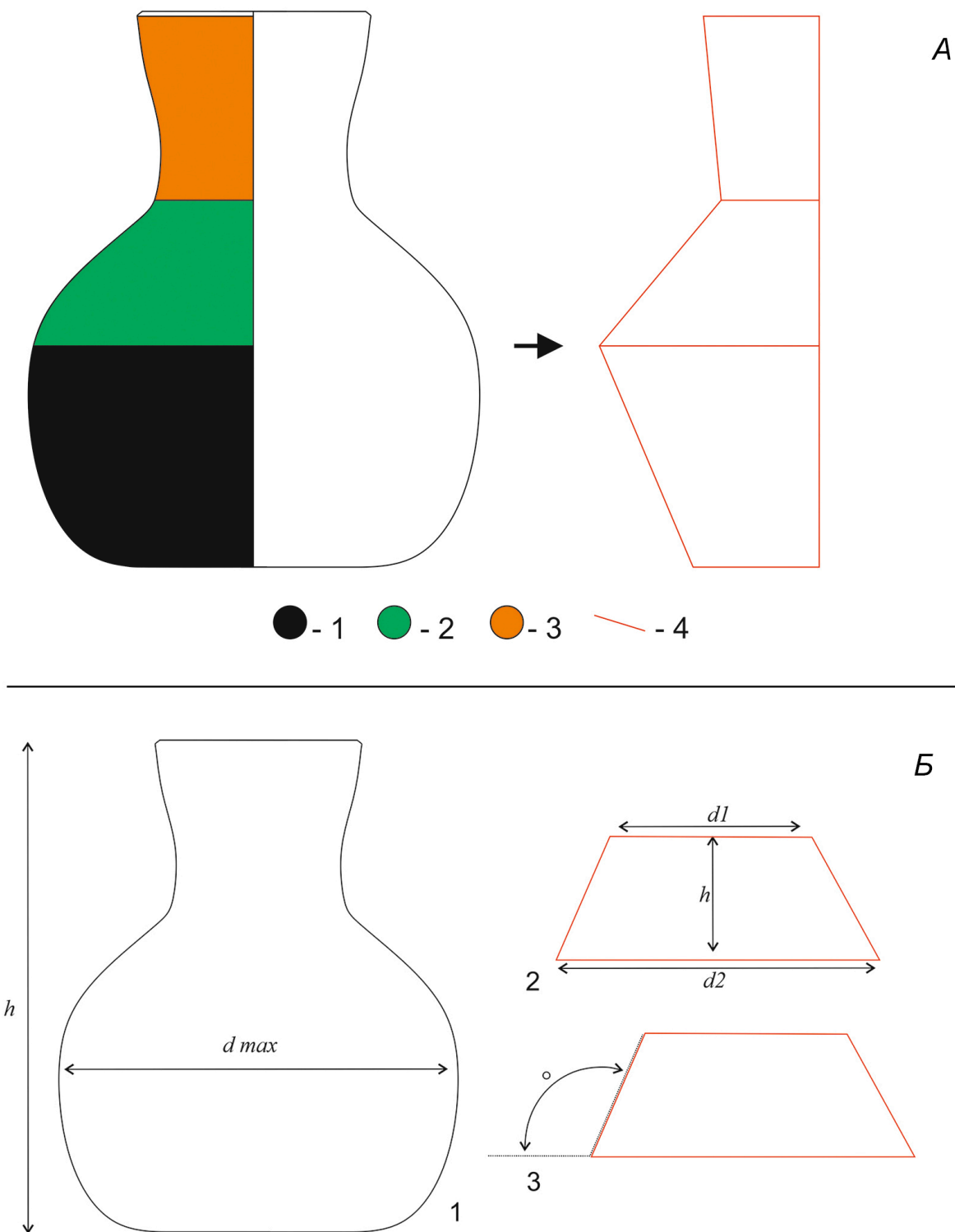

Рис. 1. Методика исследования. А – исследуемые функциональные части: 1 – тулово; 2 – плечо-предплечье; 3 – щека-шея; 4 – пример костяка сосуда; Б – исследуемые параметры форм сосудов: 1 – общая пропорциональность сосуда; 2 – пропорциональность функциональной части; 3 – угол наклона боковой линии костяка функциональной части

Fig. 1. Research technique. A – functional parts of jugs: 1 – body; 2 – shoulder-forearm; 3 – cheek-neck; 4 – example of the vessel's skeleton; Б – studied parameters of vessel shapes: 1 – general proportionality; 2 – proportionality of the functional part; 3 – angle of inclination of the lateral line of the functional part's skeleton

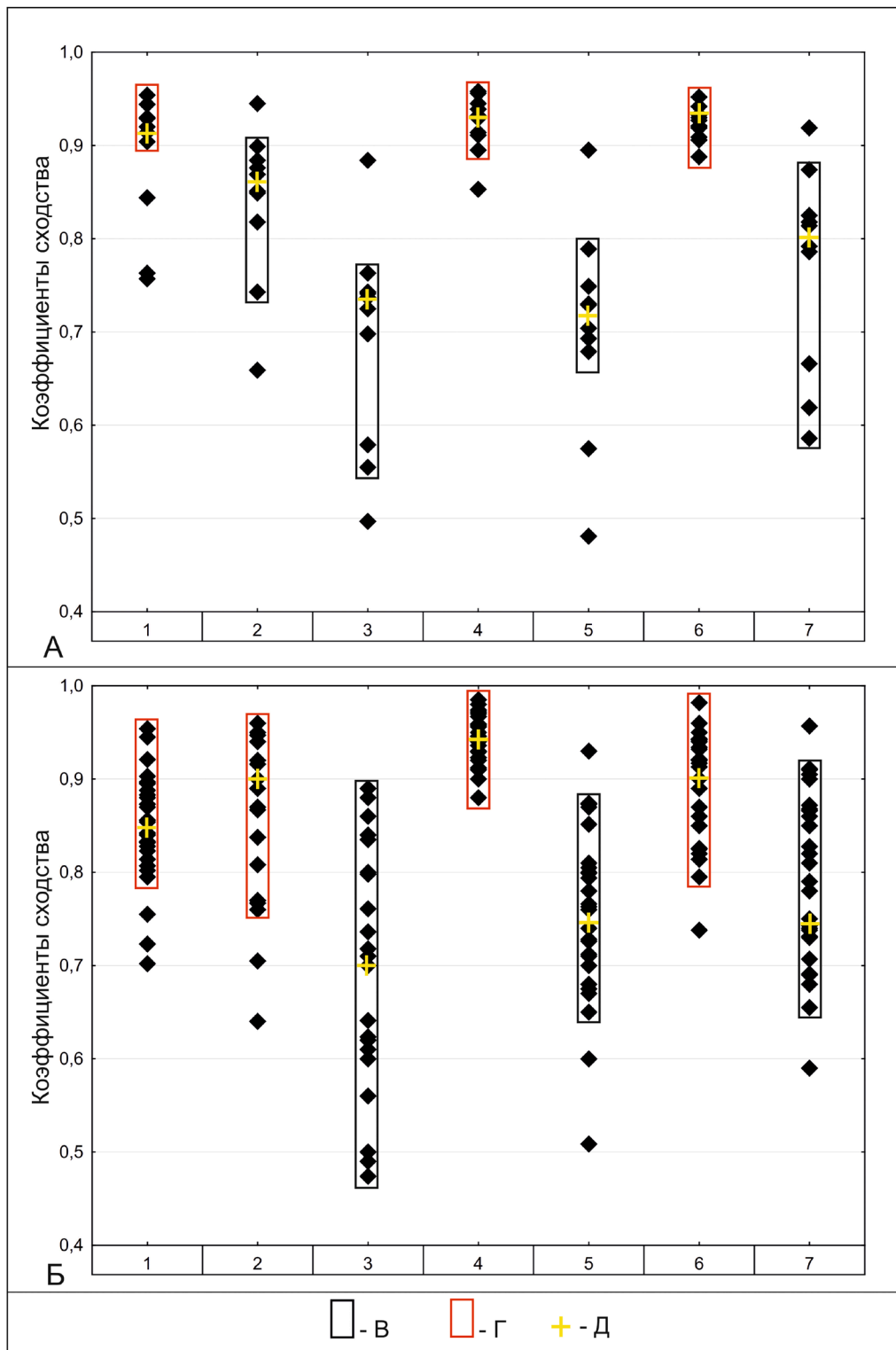

Рис. 2. Результаты изучения устойчивости параметров форм сосудов. А – гончарный круг; Б – скульптурная лепка; В – диапазоны наибольшей плотности значений; Г – наиболее устойчивые параметры; Д – медианное значение. Расшифровка №№ параметров форм: 1 – общая пропорциональность всего сосуда, 2 – угол наклона щеки-шеи, 3 – пропорциональность щеки-шеи, 4 – угол наклона плеча-предплечья, 5 – пропорциональность плеча-предплечья, 6 – угол наклона тулова, 7 – пропорциональность тулова

Fig. 2. Stability analysis of vessel shape parameters. А – potter’s wheel; Б – sculptural modeling; C – ranges of the highest density values; D – the most stable parameters; E – median value. Parameter explanations: 1 – general proportionality of the entire vessel, 2 – angle of inclination of the cheek-neck, 3 – proportionality of the cheek-neck, 4 – angle of inclination of the shoulder-forearm, 5 – proportionality of the shoulder-forearm, 6 – angle of inclination of the body, 7 – proportionality of the body

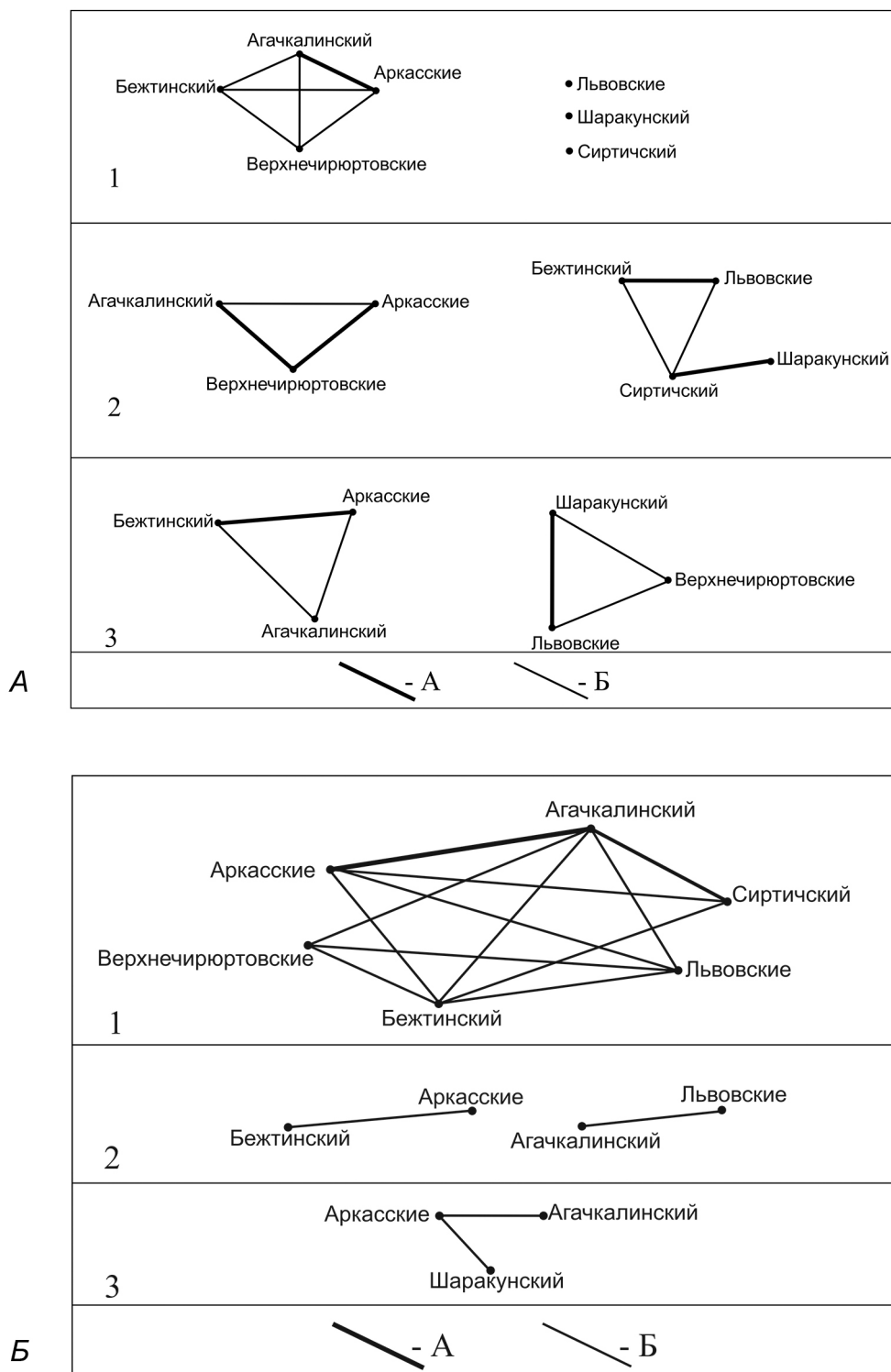

Рис. 3. Графы связей могильников. А – по устойчивым параметрам форм кувшинов: 1 – общая пропорциональность сосуда; 2 – угол наклона плеча-предплечья; 3 – угол наклона тулова; Б – по неустойчивым параметрам форм кувшинов: 1 – угол наклона щеки-шеи; 2 – пропорциональность плеча-предплечья; 3 – пропорциональность тулова (А – очень высокое сходство; Б – высокое сходство)

Fig. 3. Graphs of connections between burial grounds. А – by stable parameters: 1 – general proportionality of the entire vessel; 2 – angle of inclination of the shoulder-forearm; 3 – angle of inclination of the body; Б – by unstable parameters: 1 – angle of inclination of the cheek-neck; 2 – proportionality of the shoulder-forearm; 3 – proportionality of the body (А – very high similarity; Б – high similarity)

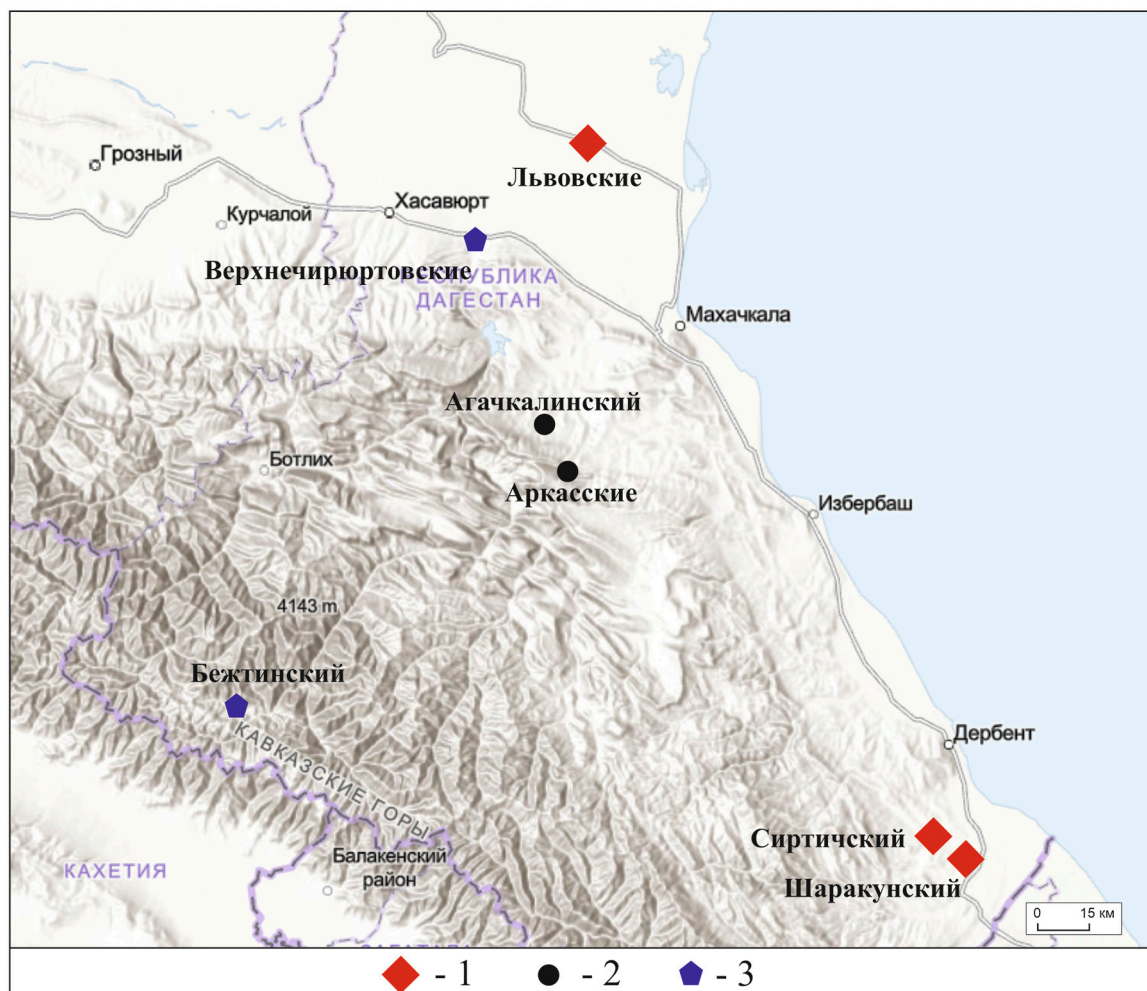

Рис. 4. Карта. 1 – памятники с кувшинами первой традиции; 2 – памятники с кувшинами второй традиции; 3 – памятники, кувшины которых имеют высокое сходство со второй традицией

Fig. 4. Map. 1 – sites with jugs of the first tradition; 2 – sites with jugs of the second tradition; 3 – sites with jugs possessing a high similarity with the second tradition

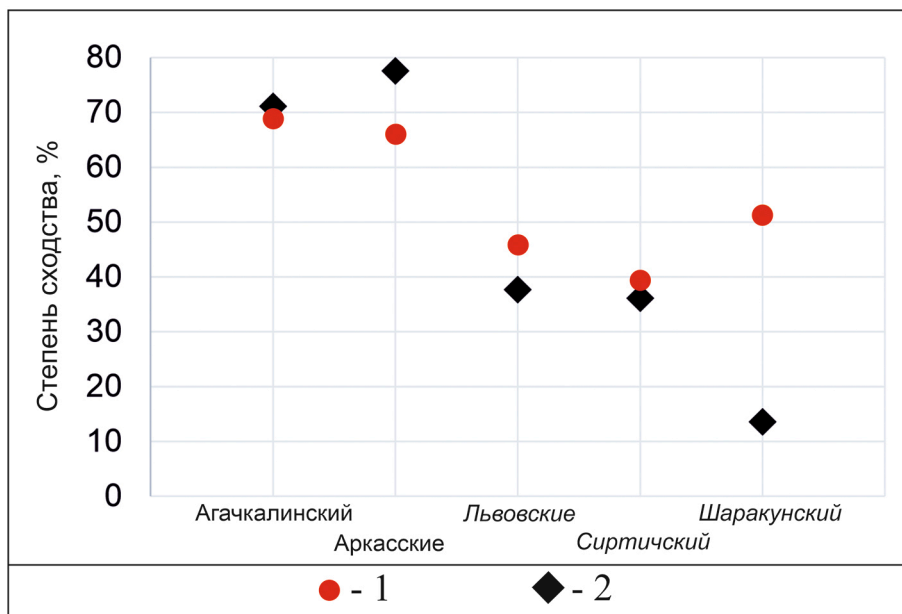

Рис. 5. Степень сходства кувшинов Бежтинского и Верхнечирюртовских могильников с другими памятниками по устойчивым параметрам форм. 1 – Бежта; 2 – Верхний Чирюрт

Fig. 5. The degree of similarity of Bezhta and Verkhny Chiryurt with other sites according to stable parameters of jug shape. 1 – Bezhta; 2 – Verkhny Chiryurt

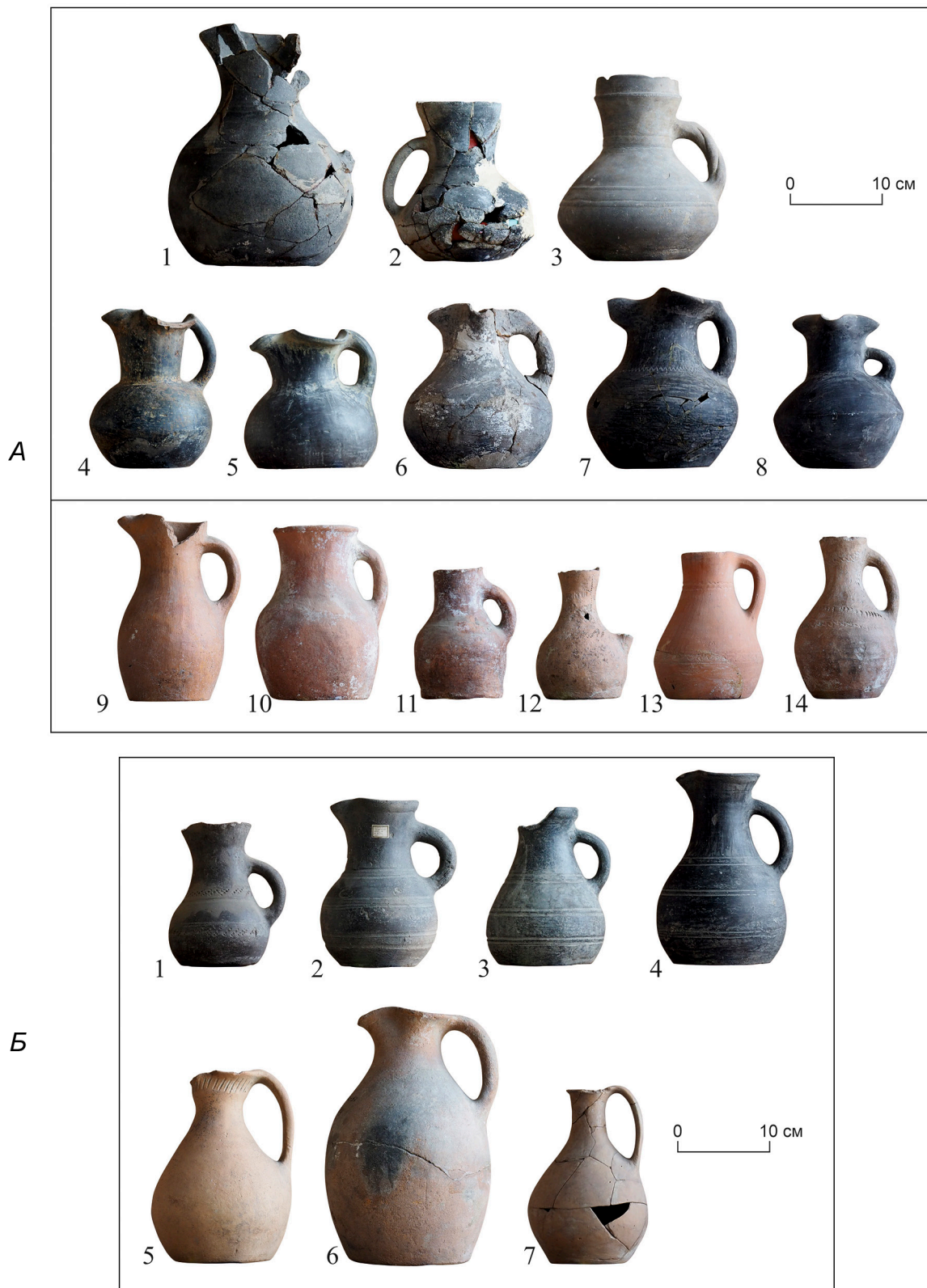

Рис. 6. Некоторые кувшины из рассмотренных памятников. Фотографии автора.
 А – кувшины первой и второй традиций: 1-8 – первая традиция; 9-14 – вторая традиция; 1-3 – Львовские; 4-5 – Сиртичский; 6-8 – Шаракунский; 9-11 – Агачкалинский; 12-14 – Аркаские; Б – прочие кувшины: 1-4 – Верхнечирюртовские могильники; 5-7 – Безтинский могильник

Fig. 6. Some jugs from the sites considered. Author's photos.
 A – jugs of the first and second traditions: 1-8 – first tradition; 9-14 – second tradition; 1-3 – Lvov; 4-5 – Sirtich; 6-8 – Sharakun; 9-11 – Agachkala; 12-14 – Arkas; B – other jugs: 1-4 – Verkhny Chiryurt; 5-7 – Bezhta

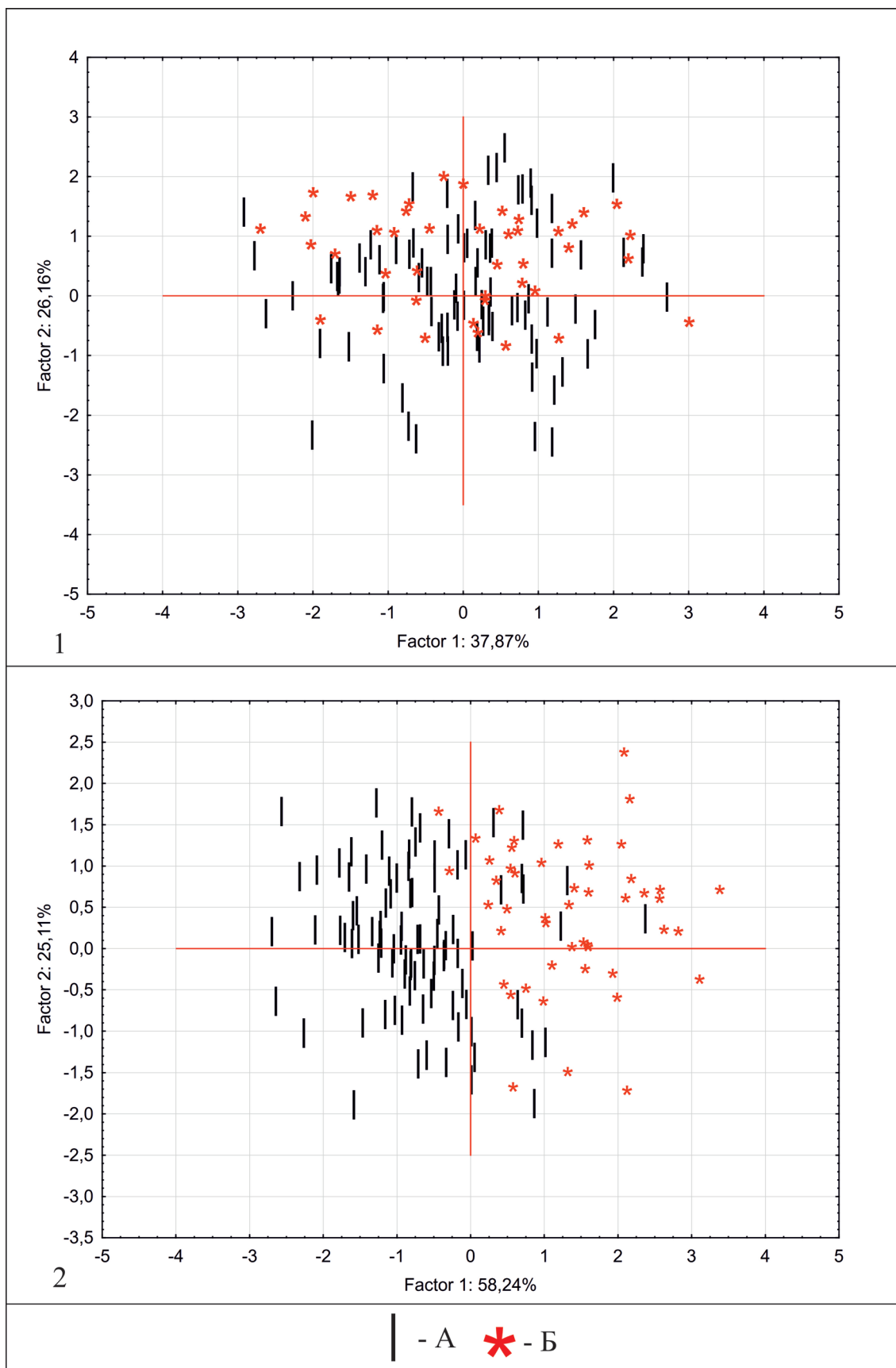

Рис. 7. Результат анализа методом главных компонент. А – кувшины из Агачкалинского, Аркаских, Бежтинского и Верхнечирюртовских могильников; Б – кувшины из Шаракунского, Сиртичского, Львовских могильников; 1 – сравнение по неустойчивым параметрам форм сосудов; 2 – сравнение по устойчивым параметрам форм сосудов

Fig. 7. Principal component analysis results. A – jugs from Agachkala, Arkas, Bezhta, Verkhny Chiryurt burial grounds; B – jugs from Sharakun, Sirtich, Lvovs burial grounds; 1 – analysis based on the stable parameters of jug shape; 2 – analysis based on unstable parameters of jug shape

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. – 272 с.
2. Цетлин Ю.Б. О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245-II. С. 265–274.
3. Суханов Е.В. Об устойчивости функциональных частей глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики». 2021. Вып. 3. С. 116–143.
4. Суханов Е.В. Об устойчивости параметров функциональных частей глиняных сосудов // Вестник «История керамики». 2023. Вып. 5. С. 8–28.
5. Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. – 428 с.
6. Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН, 2016. – 208 с.
7. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. – 227 с.
8. Суханов Е.В. Гончарная технология раннесредневекового населения Верхнего Чирюрта // История, археология и этнография Кавказа. 2023. 19(2). С. 460–483.
9. Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.
10. Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / отв. ред. Н.Д. Членова. М.: Наука, 1977. С. 59–64.

Поступила в редакцию 21.09.2023г.
Принята в печать 27.11.2023 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

REFERENCES

1. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ)
2. Tsetlin YuB. Random variations in the shape of clay vessels. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2016, 245-II: 265-274. (In Russ)
3. Sukhanov EV. On the stability of the functional parts of clay vessels (experimental study). *“Istoriya Keramiki” Bulletin*. 2019, 3: 116-143. (In Russ)
4. Sukhanov EV. On the stability of the parameters of the functional parts of clay vessels. *“Istoriya Keramiki” Bulletin*. 2023, 5: 8-28. (In Russ)
5. Davudov OM. *Material culture of Dagestan of the Albanian era (III century BC – IV century AD)*. Makhachkala: DSC RAS, 1996. (In Russ)
6. Malashev VYu. *Archaeological sites of the middle Sarmatian culture of the North Caucasian steppes and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the 2nd – mid 5th century AD*. Moscow: IA RAS, 2016. (In Russ)
7. Magomedov MG. *The formation of the Khazar Khaganate (based on the materials of archaeological research and written data)*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
8. Sukhanov EV. Pottery tradition of the early medieval population of Verkhny Churyurt. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023, 19(2): 460-483. (In Russ)
9. Tsetlin YB. On the general approach and method of systematic study of the shapes of clay vessels. In: Tsetlin Yu.B, ed. *Shapes of clay vessels as an object of study. Historical-cultural approach*. Moscow: IA RAS, 2018: 124-179. (In Russ)
10. Telegin DY. The experience of statistical determination of the index of relatedness of Neolithic complexes by elements of ornament. In: Chlenova N.D, ed. *Problems of archeology of Eurasia and North America*. Moscow: Nauka, 1977: 59-64. (In Russ)

Received 21.09.2023
Accepted 27.11.2023
Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201127-138>

Исследовательская статья

Боруцкая Светлана Борисовна
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
borsbor@yandex.ru

Васильев Сергей Владимирович
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
vasbor1@yandex.ru

Фризен Сергей Юрьевич
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
frizents@gmail.com

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛЕНИЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ КРАСНОГОРСКОЕ XII И КРАСНОГОРСКОЕ XIIб

Аннотация. Поселения и грунтовые могильники Красногорское XII (и Красногорское XIIб) были исследованы в 2018–2020 гг. (Усть-Джегутинский район Карачаево-Черкесской республики). Поселения и могильники расположены рядом, принадлежат к единому кругу памятников и предварительно датируются концом XII – первой половиной XIII в. В статье представлены результаты палеодемографического исследования серий из грунтовых могильников Красногорское XII и Красногорское XIIб. Обе группы многочисленны и репрезентативны для проведения палеодемографического анализа. Так, пик смертности в обеих группах приходится на первую пятилетнюю возрастную когорту. В обеих группах крайне высок процент детской смертности, в том числе в первый год жизни и среди новорожденных. Средняя продолжительность жизни, соответственно, в группе из Красногорского – 21,38 лет, в группе из Красногорского XIIб – 19,13 лет, была очень низка, что косвенно указывает на демографическое неблагополучие в группах. Средняя продолжительность жизни взрослых мужчин и женщин была примерно одинакова – около 37 лет. Соотношение между взрослыми мужчинами и женщинами в группе из Красногорского почти равное, в группе из Красногорского XIIб – не нормальное, мужчин было почти на 10% больше, чем женщин. Возможно, в этой группе чаще умирали именно малолетние и новорожденные девочки. Мужчин и женщин, относящихся к финальной возрастной когорте, то есть, старше 50 лет, в группе из Красногорского XIIб в процентном отношении было намного больше.

Ключевые слова: палеодемография; возрастная когорта; палеодемографические индексы; средняя продолжительность жизни; детская смертность; финальная возрастная когорта

Для цитирования: Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Фризен С.Ю. Палеодемография средневековых селений Карачаево-Черкессии на примере могильников Красногорское XII и Красногорское XIIб // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 127-138.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201127-138>

Research paper

Svetlana B. Borutskaya,
Cand. Sci., Senior Researcher
Moscow State University, Moscow, Russia
borsbor@yandex.ru

Sergey V. Vasiliev,
Dr. Sci., Chief Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
vasbor1@yandex.ru

Sergey Yu. Frizen,
Cand. Sci., Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
frizents@gmail.com

PALEODEMOGRAPHY OF MEDIEVAL POPULATIONS IN KARACHAY-CHERKESSIA: INSIGHTS FROM THE KRASNOGORSK XII AND KRASNOGORSK XIIb BURIAL GROUNDS

Abstract. This study presents a paleodemographic analysis of two settlements and burial grounds, Krasnogorsk XII and Krasnogorsk XIIb, located in the Ust-Dzhegutinsky district of the Karachay-Cherkessia Republic of Russia. Both sites belong to a single cultural circle and are preliminary dated to the late 12th – early 13th centuries. The analysis is based on a large and representative sample from each burial ground. The results reveal high mortality rates in early childhood, with peaks occurring in the first five years of life. Infant mortality, particularly among newborns, is exceptionally high in both groups. Average life expectancy is low, estimated at 21.38 years in Krasnogorsk and 19.13 years in Krasnogorsk XIIb, suggesting significant demographic challenges in both groups. Notably, average life expectancy for adult males and females is similar – around 37 years. Sex ratios differ between the groups: Krasnogorsk exhibits near parity, while Krasnogorsk XIIb shows a slight male bias (10% more men). This pattern might reflect higher female mortality, particularly among young girls and newborns. Interestingly, Krasnogorsk XIIb also displays a higher proportion of individuals of both sexes belonging to the final age cohort, i.e., exceeding 50 years old.

Keywords: paleodemography; age cohort; paleodemographic indices; average life expectancy; infant mortality; final age cohort

For citation: Borutskaya S.B., Vasiliev S.V., Frizen S.Yu. Paleodemography of Medieval Populations in Karachay-Cherkessia: Insights from the Krasnogorsk XII and Krasnogorsk XIIb Burial Grounds. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N.1. P. 127-138.

Поселения и грунтовые могильники Красногорское XII (раскопки Прокофьева Р.В. и Прокофьевой Т.Е. 2018–2019 гг.) и Красногорское XIIб (раскопки Меньшиковой В.А. 2019–2020 гг.) находятся в Усть-Джегутинском районе Карачаево-Черкесской республики. Поселения и могильники расположены рядом, примерно на расстоянии 1 км друг от друга, принадлежат к единому культурно-хронологическому кругу памятников и предварительно датируются концом XII – первой половиной XIII в. (до татара-монгольского нашествия (?)).

Погребения совершены в простых прямоугольных ямах, в каменных ящиках, перекрытых каменными плитами. Каменные ящики сооружались из необработанных плит известняка, установленных на ребро. Отдельные погребения, на уровне древней поверхности, отмечались надгробными плитами и каменными стелами. Погребения расположены рядом, вплотную друг к другу, довольно часто ямы погребений, впущенных позже, нарушают границы более ранних, но не разрушают сами каменные ящики. Встречаются двухъярусные погребения и подзахоронения. Обряд – христианский. Погребенные располагались вытянуто на спине, головой на запад. Руки сложены либо в районе грудной клетки/живота, либо в районе таза. Кисти расправлены.

Для палеодемографического исследования были определены пол и возраст скелетов на момент смерти. Эта работа базировалась на традиционных антропологических методиках определения пола, а также возраста по степени развития дентиции, состоянию ушковидной и симфизимальной поверхностей тазовых костей, степени зарастания швов черепа, состоянию суставов [1–6]. Пол для индивидов младше 15 лет не определялся. Индивиды старше 15 лет считаются в палеоантропологии взрослыми людьми. В своем исследовании мы базировались на методике расчета палеодемографических индексов [7], хорошо описанной в статье Д. Богатенкова с соавторами [8].

По итогам половозрастного определения все индивиды были разбиты на пятилетние возрастные когорты. Для удобства обозначения границ когорт мы использовали целые числа, типа 5, 10, 15 и т.д. Кроме того, мы также обозначили возрастную когорту «Новорожденные» и «0–1 лет», индивиды из которых соответственно входили сначала в когорту «0–1» лет, а затем и в возрастную группу «0–5 лет».

Скелеты из обоих могильников имели в основном хорошую степень сохранности, но в нескольких случаях были представлены отдельными костными фрагментами, что не позволило корректно определить пол и возраст. Этот материал, очень незначительный, в работе не задействован. В могильнике Красногорское для двух молодых людей возрастом 15–20 лет не был определен пол. Они «участвовали» только в общегрупповом анализе.

На основе распределения индивидов по возрастным когортам, а также взрослых индивидов еще и по полу, были рассчитаны различные палеодемографические индексы:

Na – объем взрослой выборки,

Nc – объем детской выборки,

Nm – объем взрослой мужской выборки,

Nf – объем взрослой женской выборки,

Dx – число индивидов в конкретной возрастной когорте,

Sx – процент индивидов в конкретной возрастной когорте,

Lx – процент индивидов, доживших до соответствующей возрастной когорты,

qx – вероятность смерти индивида в конкретной возрастной когорте,

A – средний возраст смерти в группе (средняя продолжительность жизни),

AA – средний возраст смерти взрослых индивидов группы, в том числе мужчин (**AAm**) и женщин (**AAf**),

PCD – процент детской смертности (рассчитывается как процент всех детей от объема группы),

PBD – процент детей, умерших в первый год жизни. Этот индекс был рассчитан тремя способами:

PBD(0–50+) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех индивидов группы;

PBD(0–15) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех детей группы (то есть индивидов от 0 до 15 лет);

PBD(0–5) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно первого пятилетнего возрастного интервала (0–5) лет, в который дети до 1 года тоже входят;

Dx(m): Dx(f) – соотношение мужчин и женщин группы по их количеству,

Cm:Cf – процентное соотношение взрослых мужчин и женщин группы,

C50+ – процент индивидов в последней, или финальной, возрастной когорте,

Cm50+ – процент мужчин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых мужчин),

Cf50+ – процент женщин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых женщин),

Cnatal. (0–50+) – процент новорожденных и детей первых дней жизни от всего объема группы,

Cnatal. (0–15) – процент новорожденных и детей первых дней жизни относительно всех детей,

Cnatal. (0–5) – процент новорожденных и детей первых дней жизни относительно детей первой пятилетней возрастной когорты,

Cnatal. (0–1) – процент новорожденных и детей первых дней жизни относительно детей первого года жизни.

Индексы дожития (число и процент индивидов в возрастных когортах, процент доживших до конкретной возрастной когорты, вероятность смерти в разных когортах) индивидов групп в целом, взрослых мужчин, взрослых женщин и детей представлены в таблицах 1, 2, 3, 4 и на диаграмме рисунка 1 для группы из могильника Красногорское, в таблицах 5, 6, 7, 8 и на диаграмме рисунка 2 – для индивидов из могильника Красногорское XIIб.

Могильник Красногорское XII

Таблица 1. Индексы дожития в целом для индивидов группы из могильника Красногорское

Table 1. Survival indices in general for individuals from the Krasnogorsk group

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
Новорожденные	27	9,47	100%	0,095

0-1 лет	53	18,60	100%	0,186
0-5 лет	102	35,79	100%	0,358
5-10 лет	15	5,26	64,21	0,082
10-15 лет	20	7,02	58,95	0,119
15-20 лет	6+2=8	2,81	51,93	0,054
20-25 лет	12	4,21	49,12	0,086
25-30 лет	18	6,32	44,91	0,141
30-35 лет	23	8,07	38,59	0,209
35-40 лет	29	10,17	30,52	0,333
40-45 лет	23	8,07	20,35	0,397
45-50 лет	16	5,61	12,28	0,457
50+ лет	19	6,67	6,67	1,000
Σ	285 чел.	100%		

Количество индивидов, 285 человек, говорят о репрезентативности группы для палеодемографического исследования, тем более что этот некрополь формировался на протяжении, приблизительно, всего одного века.

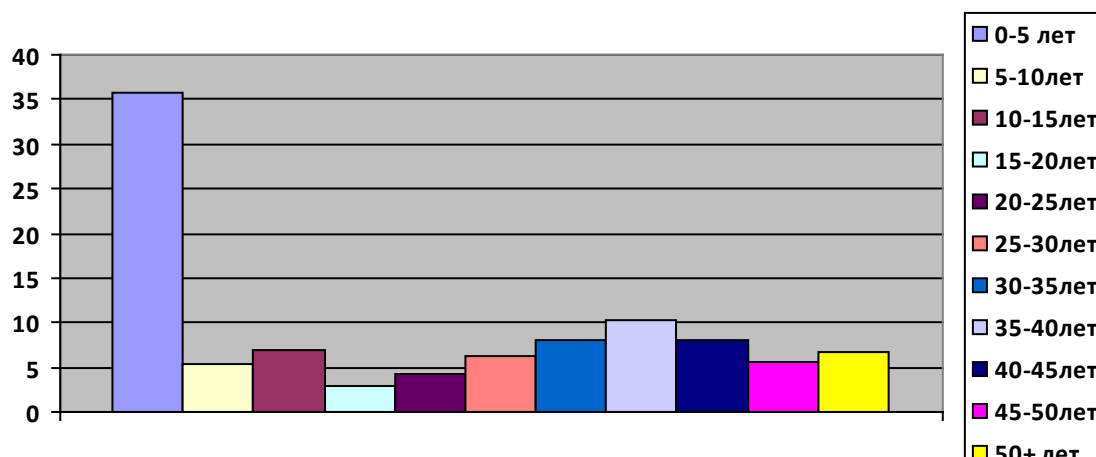

Рис. 1. Диаграмма распределения индивидов по возрастным когортам из группы Красногорское (Сх, в%)

Fig. 1. Diagram of the distribution of individuals by age cohort from the Krasnogorsk group (Cx, in%)

Пик смертности в группе приходится на первую пятилетнюю возрастную когорту, причем этот показатель очень велик, – примерно треть населения умерли в возрасте до пяти лет. Почти пятая часть людей этой группы не дожили до одного года. А 9,5% всех людей группы умерли сразу после рождения. Высокая смертность детей младших возрастов в первую очередь связана с низким уровнем развития медицины в XII в. на Кавказе, и, возможно, была также связана с особенностями религии, традициями, иными причинами.

Меньше всего население умирало в возрасте 15–20 лет. Вероятность смерти индивида, оказавшись в этой возрастной когорте, – минимальна. Финальная возрастная когорта данной группы (старше 50 лет) – не представительна.

Таблица 2. Индексы дожития мужчин группы из могильника Красногорское**Table 2. Survival indices for men from the Krasnogorsk group**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20 лет	4	5,41	100%	0,05
20–25 лет	4	5,41	94,59	0,06
25–30 лет	11	14,86	89,18	0,17
30–35 лет	10	13,51	74,32	0,18
35–40 лет	12	16,22	60,81	0,27
40–45 лет	15	20,27	44,59	0,45
45–50 лет	10	13,51	24,32	0,56
50+ лет	8	10,81	10,81	1,00
Σ	74 чел.	100%		

Из 285 индивидов группы 74 были мужчины. Пик смертности мужчин из могильника Красногорский приходится на возрастной интервал 40–45 лет – время завершения трудовой деятельности. Также высока смертность была и в возрасте 35–40 лет. Финальная возрастная когорта – довольно представительна и составляет почти 11%. Очень низок показатель смертности в возрасте 15–25 лет.

Таблица 3. Индексы дожития женщин группы из могильника Красногорское**Table 3. Survival indices for women from the Krasnogorsk group**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20 лет	2	2,78	100%	0,03
20–25 лет	8	11,11	97,22	0,11
25–30 лет	7	9,72	86,11	0,11
30–35 лет	13	18,06	76,39	0,24
35–40 лет	17	23,61	58,33	0,40
40–45 лет	8	11,11	34,72	0,32
45–50 лет	6	8,33	23,61	0,35
50+ лет	11	15,28	15,28	1,00
Σ	72 чел.	100%		

72 скелета могильника принадлежали взрослым женщинам. Пик женской смертности в группе приходился на возраст 35–40 лет. Также высока смертность была в возрасте 30–35 лет. Таким образом, чаще всего женщины группы умирали в возрасте наиболее активной трудовой деятельности – 30–40 лет. Интересно, что меньше всего женщин умирало в возрасте 15–20 лет. То есть в период начала репродуктивной деятельности. Следует также отметить очень высокий показатель смертности в финальной возрастной когорте (50+лет), что может косвенно указывать на относительное демографическое благополучие в группе, если бы не был столь высок показатель детской смертности в раннем возрасте и не был бы низок процент индивидов в целом в группе в последней возрастной когорте.

Таблица 4. Индексы дожития детей группы из могильника Красногорское**Table 4. Survival indices for children from the Krasnogorsk group**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
Новорожденные	27	19,71	100%	0,20
0–1 лет	53	38,69	100%	0,39
0–5 лет	102	74,45	100%	0,74
5–10 лет	15	10,95	25,55	0,43
10–15 лет	20	14,60	14,60	1,00
Σ	137	100%		

В таблице 4 представлены индексы дожития детей до 15 лет. В отдельные когорты выделены новорожденные дети (в том числе дети пренатального возраста, скелеты которых также были обнаружены), дети до одного года (в эту когорту уже входят новорожденные), и рассмотрены пятилетние когорты 0–5 лет, 5–10 лет, 10–15 лет. Общее количество детей составило 137 человек, что соответствовало почти 48% от общего числа людей этой группы. Столь высокая детская смертность имела место в связи с низким уровнем медицинского обслуживания, а, точнее сказать, вероятнее всего полным отсутствием какой-либо медицины в данном регионе вообще. При таком проценте детской смертности группа была обречена на вымирание, что, вероятно, и произошло, так как некрополь формировался не более века, то есть очень непродолжительное время. Столько, видимо, и существовало селение, оставившее этот могильник.

Из таблицы 4 видно, что три четверти детей умерли в возрасте до 5 лет. При этом почти 40% детей умерли в возрасте до 1 года и половину из них составили новорожденные дети.

Другие палеодемографические индексы общего характера приведены в таблице 9 и будут рассмотрены при проведении сравнительного анализа со второй группой из Карачаево-Черкессии.

Могильник Красногорское XIIб

Численность группы из некрополя Красногорское XIIб составила 360 человек. Группа по численности также репрезентативна для проведения палеодемографического анализа. Индексы дожития для группы в целом представлены в таблице 5.

Таблица 5. Индексы дожития в целом для индивидов группы из могильника Красногорское XIIб**Table 5. Survival indices in general for individuals from the Krasnogorsk XIIb group**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
Новорожденные	62	17,22	100%	0,17
0–1 лет	103	28,61	100%	0,29

0–5 лет	164	45,55	100%	0,46
5–10 лет	19	5,28	54,45	0,10
10–15 лет	10	2,78	49,17	0,06
15–20 лет	13	3,61	46,39	0,08
20–25 лет	19,5	5,42	42,78	0,13
25–30 лет	11,5	3,19	37,36	0,09
30–35 лет	29	8,06	34,17	0,24
35–40 лет	21	5,83	26,11	0,22
40–45 лет	27	7,50	20,28	0,37
45–50 лет	13,5	3,75	12,78	0,29
50+ лет	32,5	9,03	9,03	1,00
Σ	360	100%		

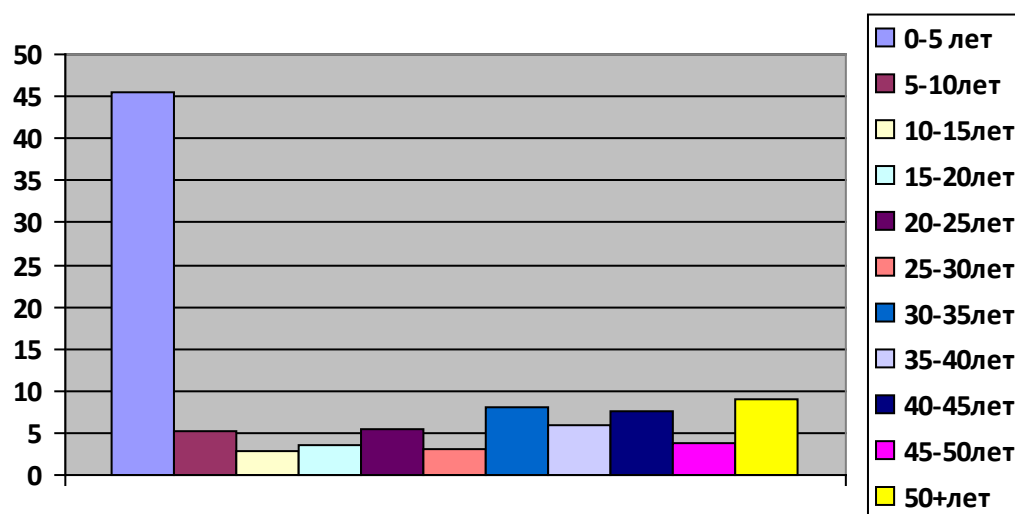

Рис. 2. Распределение индивидов по возрастным когортам группы из Красногорского XIIб (Сх, в%)

Fig. 2. Distribution of individuals by age cohort from Krasnogorsk XIIb group (Cx, in%)

Пик смертности в группе приходится на возрастной интервал 0–5 лет, также, как и в первой группе. При этом больше четверти детей умерли в возрасте до 1 года и примерно 17% всех погребенных на кладбище Красногорское XIIб были новорожденные дети. Высокая детская смертность была связана с низким уровнем развития лечебного дела, отсутствия антибиотиков, возможно, бедностью населения и другими причинами. Но первая из них была связана с медициной. Процент детской смертности составил почти 54%, то есть больше половины населения умирало в детском возрасте. Данная группа также была обречена на исчезновение. При таком показателе детской смертности не может идти речи о каком-либо демографическом благополучии. Даже несмотря на довольно хороший процент индивидов в финальной возрастной когорте.

В таблице 6 представлены результаты расчета индексов дожития мужчин группы, объединенных в пятилетние когорты. В таблице 7 представлены индексы дожития для взрослых женщин этой же группы.

Таблица 6. Индексы дожития мужчин группы из могильника Красногорское XIIб**Table 6. Survival indices for men from the Krasnogorsk XIIb group**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20 лет	8	8,00	100%	0,08
20–25 лет	9,5	9,50	92,00	0,10
25–30 лет	4,5	4,50	82,50	0,06
30–35 лет	16	16,00	78,00	0,21
35–40 лет	14	14,00	62,00	0,23
40–45 лет	20	20,00	48,00	0,42
45–50 лет	10	10,00	28,00	0,36
50+ лет	18	18,00	18,00	1,00
Σ	100 чел.	100%		

Общее число взрослых мужчин группы составило 100 индивидов. Пик смертности взрослых мужчин группы приходится на когорту 40–45 лет, то есть, как и в первой группе на возраст завершения трудовой активности. Очень высок процент смертности в финальной возрастной когорте (старше 50 лет). Однако этот показатель касается только мужчин, а не группы в целом. Меньше всего мужчин умирало в возрасте 25–30 лет.

Таблица 7. Индексы дожития в целом для индивидов группы из могильника Красногорское XIIб**Table 7. Survival indices for adults from the Krasnogorsk XIIb group**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15–20 лет	5	7,46	100%	0,75
20–25 лет	10	14,93	92,54	0,16
25–30 лет	7	10,45	77,61	0,14
30–35 лет	13	19,40	67,16	0,29
35–40 лет	7	10,45	47,76	0,22
40–45 лет	7	10,45	37,31	0,28
45–50 лет	3,5	5,22	26,86	0,19
50+ лет	14,5	21,64	21,64	1,00
Σ	67 чел.	100%		

Женщин в группе оказалось намного меньше, чем мужчин, – только 67 человек. Пик смертности приходится на финальную возрастную когорту (старше 50 лет) и возрастной интервал 30–35 лет. Интересно, что меньше всего женщин умирало в возрасте близком к пожилому, – 40–45 лет, а также в самом молодом, – возрасте начала трудовой деятельности и, главное, репродуктивной активности. Детей умирало много, а молодых жен при этом нет.

Таблица 8. Индексы дожития в целом для индивидов группы из могильника Красногорское XIIб**Table 8. Survival indices for children from the Krasnogorsk XIIb group**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
Новорожденные	62	32,12	100%	0,32
0–1 лет	103	53,37	100%	0,53
0–5 лет	164	84,97	100%	0,85
5–10 лет	19	9,85	15,03	0,66
Σ	10	5,18	5,18	1,00
	193 чел.	100%		

Как уже было выяснено, больше 50% индивидов группы умерли в детском возрасте. Из них почти 85% детей не достигли еще возраста пяти лет, больше половины детей умерли до одного года. При этом треть всех детей умирали сразу после рождения. Получается, что примерно 15% детей умерли в период от 5 до 15 лет. Такая высокая смертность детей, и в первую очередь самых маленьких, включая новорожденных, объясняется слабым развитием медицины, отсутствием необходимых лекарств, условиями жизни населения. Таким образом, и во второй группе можно констатировать признаки демографического неблагополучия. Столь высокая детская смертность привела к исчезновению группы, которая, судя по датировке некрополя, просуществовала не больше одного века.

Таблица 9. Итоговые палеодемографические индексы групп из могильников Красногорское и Красногорское XIIб из Карачаево-Черкессии**Table 9. Final paleodemographic indices of the Krasnogorsk and Krasnogorsk XIIb groups**

Индекс	Красногорское	Красногорское XIIб
N	285 чел.	360 чел.
A	21,38 лет	19,13 лет
AA	37,00 лет*	37,17 лет
Aam	37,43 лет	37,93 лет
AAf	37,08 лет	36,05 лет
PCD	48,07%	53,61%
PBD(0–50+)	18,60%	28,61%
PBD(0–15)	38,69%	53,37%
PBD(0–5)	51,96%	62,805%
Cnatal.(0–50+)	9,47%	17,22%
Cnatal.(0–15)	19,71%	32,12%
Cnatal.(0–5)	26,47%	37,805%
Cnatal.(0–1)	50,94%	60,19%
Dx(m): Dx(f)	74 чел. : 72 чел.	100 чел.: 67 чел.
Cm: Cf	50,685% : 49,315%	59,88%: 40,12%
C50+	6,67%	9,03%

C50+m	10,81%	18,00%
C50+f	15,28%	21,64%
*величина индекса меньше, чем для мужчин и женщин группы Красногорское, так как здесь «участвовали» и неопределенные по полу индивиды 15–20 лет		

Обе группы достаточно многочисленны, что позволило провести корректное палеодемографическое исследование.

Средняя продолжительность жизни (или средний возраст смерти) индивидов обеих групп достаточно низок, особенно второй группы, где он составил всего 19 лет. Низкая средняя продолжительность жизни населения из Красногорского и Красногорского XIIб обусловлена, в первую очередь, катастрофически высокой детской смертностью, – около 50% (во второй группе – выше). Средняя продолжительности жизни взрослых индивидов, как мужчин, так и женщин, – приблизительно одинакова и внутри групп, и в целом, – около 37 лет. По всем обсуждаемым выше показателям группы довольно сходны, хотя во второй группе на пару лет и ниже средняя общая продолжительность жизни.

По всем другим палеодемографическим индексам между группами наблюдаются различия. Так, процентное соотношение мужчин и женщин в группе из Красногорского близко к естественному, то есть почти 50% мужчин и столько же женщин с очень небольшим преобладанием мужчин. В то же время во второй группе соотношение мужчин и женщин далеко от нормального. Мужчин почти на 10% больше, чем женщин. С одной стороны, это может быть связано с тем, что именно девочки чаще умирали в данной группе, о них меньше заботились, у них были более худшие условия развития. Хотя это и странно, так как оба населенных пункта находились недалеко друг от друга и условия жизни населения были примерно одинаковы. Возможно, причиной были какие-то особенности быта, уклада во второй группе, традиции или исторические события, которые коснулись населения только этой общины.

Во второй группе значительно выше процент смертности детей до одного года и особенно новорожденных детей. Надо думать, что условия выхаживания самых маленьких детей, заботы о них, медицинская помощь, а, вероятно, и вообще условия жизни в группе из Красногорского XIIб были хуже.

Интересно, что финальная возрастная когорта, и в общем, и у мужчин, и у женщин, намного более представительна в группе из Красногорского XIIб. Возможно, несмотря ни на что, именно здесь заботе о стариках уделялось больше внимания. Возможно, это было связано с особенностями религиозных или бытовых традиций этой группы.

Выводы

В результате палеодемографического исследования двух достаточно многочисленных групп из некрополей Красногорское и Красногорское XIIб можно сделать следующие выводы.

Пик смертности в обеих группах приходится на первую пятилетнюю возрастную когорту. В обеих группах крайне высок процент детской смертности, в том числе в первый год жизни и среди новорожденных.

Средняя продолжительность жизни, соответственно, в группе из Красногорского – 21,38 лет, в группе из Красногорского XIIб – 19,13 лет, была очень низка, что косвенно указывает на демографическое неблагополучие в группах. Средняя продолжительность жизни взрослых мужчин и женщин примерно одинакова – около 37 лет.

Соотношение между взрослыми мужчинами и женщинами в группе из Красногорского почти равное, в группе из Красногорского XIIб – не нормальное, мужчин было почти на 10% больше, чем женщин. Возможно, в этой группе чаще умирали именно малолетние и новорожденные девочки.

Мужчин и женщин, относящихся к финальной возрастной когорте, то есть, старше 50 лет, в группе из Красногорского XIIб в процентном отношении было намного больше. Возможно, в этой группе за стариками лучше ухаживали и относились к ним с большим почтением.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328), а также проекта МГУ им. М.В. Ломоносова «Формирование некоторых морфофункциональных особенностей человека в фило– и онтогенезе» (госбюджет, раздел 0110 (для тем по госзаданию), номер 01-1-21, номер ЦИТИС 121031600200-2).

Acknowledgements. This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant ID: 075-15-2022-328) and the Moscow State University project “Formation of some morphofunctional characteristics of humans in phylo– and ontogenesis” (state budget, section 0110, number 01-1-21, CITIS number 121031600200-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. М.: Наука, 1964. – 128 с.
2. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. – 249 с.
3. Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во, 1960. – 192 с.
4. Никитюк Б.А. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии, 1960. Т. 3. С. 118–129.
5. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. – 153 с.
6. Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline publishing company, 1978. – 172 p.
7. Angel J.L. 1969. The bases of paleodemography. *American Journal of Physical Anthropology* 30: P. 427–438.
8. Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. С. 19–49.

Поступила в редакцию 24.09.2023 г.
Принята в печать 23.10.2023 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

REFERENCES

1. Alekseev VP., Debets GF. *Craniometry*. Moscow: Nauka, 1964.
2. Alekseev VP. *Osteometry. Anthropological Research Methodology*. Moscow: Nauka, 1966.
3. Dobryak VI. *Forensic examination of a skeletonized corpse*. Kiev: State Medical Press, 1960.
4. Nikityuk BA. Determination of a person's age by skeleton and teeth. *Voprosy antropologii*. 1960, 3: 118-129.
5. Pashkova VI. *Essays on forensic osteology*. Moscow: Medgiz, 1963.
6. Ubelaker DH. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Adline publishing company, 1978.
7. Angel JL. The bases of paleodemography. *American Journal of Physical Anthropology*. 1969, 30: 427-438.
8. Bogatenkov D.V. Paleodemography of Mistikhali. In: Alekseeva TI., Bogatenkov DV., Lebedinskaya GV. *Vlachs. Anthro-ecological study (based on the materials of the medieval necropolis of Mistikhali)*. Moscow: Nauchnyi mir, 2003: 19-49.

Received 24.09.2023
Accepted 23.10.2023
Published 15.03.2024

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201139-153>

Исследовательская статья

Магомедханов Магомедхан Магомедович,
доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

Садовой Александр Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
sadovoy.a.n@gmail.com

Магдилов Мажид Магдиевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
madgmag65@gmail.com

ТРАДИЦИИ КАК РЕСУРС ОСВОЕНИЯ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАГЕСТАНА

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования этнокультурных традиций в целях сохранения и развития социально-экономического и демографического потенциала горных территорий Дагестана. Отмечено, что: а) в имперскую эпоху были узаконены сельская община и её институты самоуправления (Положение от 26 апреля 1868 г.), сохранены традиционные системы хозяйствования, землевладения, землепользования, образования, судопроизводства; проникновение в горные районы капиталистических отношений на рубеже XIX–XX вв. способствовало развитию, а не вытеснению традиционных форм хозяйства, – все это в совокупности способствовало удержанию края в режиме управляемости и благополучия; б) в советское время административно-территориальное деление ДАССР, обобществление (национализация и социализация) и выделение в пользование колхозов общинных (хТарим), частных (мульк) и переданных завещанием в управление мечетью (вакуф) земель было осуществлено в целом с учетом границ сельских общин; к середине 1960-х – началу 1970-х годов прослеживаются признаки социальной ориентированности колхозов, отождествления в общественном сознании сельской общины с «общиной» колхозной; в) приватизация колхозной собственности (административные и хозяйственные постройки в горах и на «землях отгонного животноводства, транспорт, сельхозтехника и др.), передача альпийских и зимних (кутаны) пастбищ «новым хозяевам», отстранение традиционных институтов сельского самоуправления от выделения «хозяйствующим субъектам» сельхозугодий, средств господдержки по федеральным и региональным программам, – все эти процессы перестроечного и постсоветского периодов привели к деградации горной экономики и, как следствие, депопуляции горных территорий. Подчеркнуто, что этнокультурный облик горных районов (которые в Дагестане, de facto, остаются вне зоны новейших технологий Горной экономики) определяется не только физико-географическими и экономическими факторами, но и самим фактом существования «жизни в горах» в социально-демографическом, этнокультурном понимании данного понятия.

Ключевые слова: Дагестан; традиции как ресурс; землепользование; поземельные отношения; горы; горцы; сельская община; этнокультура освоения гор

Для цитирования: Магомедханов М.М., Садовой А.Н., Магдилов М.М. Традиции как ресурс освоения горных территорий Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 139–153.

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201139-153>

Research paper

Magomedkhan M. Magomedkhanov,
Dr. Sci., Head of Dept. of Ethnography
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

Alexander N. Sadovoy,
Dr. Sci., Prof., Chief Researcher
Subtropical Research Centre of the RAS, Sochi, Russia
sadovoy.a.n@gmail.com

Mazhid M. Magdilov,
Cand. of Law Sciences
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
madgmag65@gmail.com

TRADITIONS AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF MOUNTAINOUS TERRITORIES OF DAGESTAN

Abstract. The article examines the maintenance of ethno-cultural traditions aimed at preserving and enhancing the socio-economic and demographic vitality of the mountainous regions of Dagestan. It highlights the following points: a) during the imperial era, rural communities and their self-governing institutions were formally recognized (Regulations of April 26, 1868), thereby safeguarding traditional systems of governance, land tenure, land use, education, and legal proceedings. The onset of capitalist relations in the mountainous regions during the late 19th and early 20th centuries actually stimulated the development, rather than displacement, of traditional economic structures. This collective effort contributed to maintaining the region's stability and prosperity; b) in the Soviet era, the administrative-territorial organization of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic (DASSR) saw the implementation of socialization measures, including nationalization and the distribution of communal (khIarim), private (mulk), and mosque-administered (waqf) lands to collective farms, with due consideration given to the boundaries of rural communities. Following the Second World War (1941-1945), collective farms gained prominence; c) the processes of perestroika and post-Soviet periods witnessed the privatization of collective farm assets, including administrative and auxiliary buildings in mountainous areas and lands designated for transhumance, as well as the transfer of alpine and winter pastures to new owners. Traditional rural self-governing institutions were gradually marginalized in favor of "economic entities." Despite receiving state support through federal and regional programs, these changes led to the decline of mountain economies and subsequent depopulation of these regions. The article underscores that the ethno-cultural landscape of mountainous areas, which largely remain outside the realm of modern mountain economy technologies in Dagestan, is shaped not only by physical-geographical and economic factors but also by the inherent way of life in these regions, as understood through socio-demographic and ethno-cultural lenses.

Keywords: Dagestan; traditions as a resource; land use; land relations; mountains; mountaineers; rural community; ethnoculture of mountain development

For citation: Magomedkhanov M.M., Sadovoy A.N., Magdilov M.M. Traditions as a Resource for the Development of the Mountain Territories of Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. N.1. P. 139-153.

Введение

Вопросы адаптации традиционных социальных структур, типов хозяйства, правовой культуры горских народов к эпохально меняющимся государственно-правовым, социально-экономическим, политическим и идеологическим реалиям имперского, советского и постсоветского периодов представляют не только сугубо академический интерес, но и имеют, в условиях безудержной депопуляции гор [1, с. 507–522], прямое отношение к перспективам сохранения демографического, социально-экономического потенциала, этнокультурных ландшафтов горных территорий. Изучение данной проблематики на примере самого крупного и многонационального региона Северного Кавказа, каковым является Республика Дагестан (РД) может послужить информационно-методическому обеспечению программ развития горных территорий Российской Федерации, которые занимают более 50% всей её территории.

Предметная область отечественной и зарубежной историографии, посвященной проблемам освоения горных территорий, как правило, включает общетеоретические, экономические, экономико-географические, экологические проблемы [2]. Демографические аспекты проблематики – трансформация системы расселения, структуры населения и его воспроизводство как заданный структурами власти фактор изменения этносоциальной обстановки, как правило, остаются за пределами внимания. Экологическая детерминанта вариативности культуры жизнеобеспечения сельских анклавов, обусловленная вертикальной зональностью природно-территориальных комплексов (ландшафтов) – объект исследования культурной географии, политологами и экономистами не рассматривается в антропологической проекции. В силу этого упускаются возможности анализа традиционной культуры в качестве имплицитного компонента или системного фактора: а) устойчивости традиционных систем экологического менеджмента; б) преемственности экономической специализации моно- или полиэтнических горных и прилегающих к ним территорий; в) традиционности социальных регуляторов повседневной жизни сельских анклавов социумов, на основе не всегда кодифицированных норм права.

Проявляющиеся в последние годы «технократические» подходы к изучению «жизни в горах», как правило, не нацелены на изучение того, что лежит «в этнологической плоскости», в этнокультурной самобытности горных регионов. Не учитывается, что горы – это не только физико-географическое, геологическое или геостратегическое, но и этнографическое осознание пространства, в котором органически сочетается восприятие истории, традиции жизнеобеспечения, культуры и быта горных стран и народов.

Методологические подходы и источники

Исследование традиций населения горных районов, как исторического и культурного феномена, возможно только на основе методологических принципов системного подхода. Связано это с обусловленностью передаваемых из поколения в поколение веками апробированных форм социальной организации и взаимодействия

с органами государственной власти, адаптации к близким к экстремальным природным условиям, придание устойчивости системе внутри- и межэтнических коммуникаций, противодействия идеологемам, отвергающим семейные, родовые и религиозные ценности. Перманентность этих процессов прослеживается на всех этапах российской государственности – имперском, советском и постсоветском. Они имплицитны, так как свойственные им функции в структуре коммуникационных связей проявляются независимо от осознания их содержания. Не вызывает сомнения и их латентный характер.

Для носителей культуры процессы эти «скрыты» в «обыденности» и «повседневности» связи между формами использования природных ресурсов (как системы) и культуры жизнеобеспечения, проявляющейся во многообразии и функциональности архитектурных форм, орудий производства и традиционной утвари, семейной и религиозной обрядности.

Для носителей «культуры равнин» жизнь в горах, априори, непонятна в силу четко выраженной ее самобытности, определяемой экологической детерминантой. Для представителей органов власти – в перманентной недооценке значимости «традиционной культуры» как социального регулятора, воздействие на который вне зависимости от форм государственного устройства и политического режима, объективно, формирует очаги межэтнического противодействия. А в политической сфере – различные формы «сепаратизма», как производного от проводимой на региональном уровне национальной и экологической политики в их логической взаимосвязи. При этом существует крайне ограниченное число работ, посвященных анализу среднесрочных и долгосрочных социальных и экологических последствий (во взаимосвязи) реализуемого в горных условиях Кавказа политического курса.

Не вызывает сомнения необходимость «вторичного анализа» историографических источников, содержащих информацию как содержательной части социальных изменений в горных районах, роли и места традиционной культуры в системе внутри- и межэтнических коммуникаций, так и сложившихся в отечественной и зарубежной историографии концепций и рабочих гипотез о специфике (региональной, локальной) взаимосвязи и взаимообусловленности политических, социально-экономических, социокультурных процессов (включая этнические и конфессиональные) и экологических процессов. Генезис и деградация антропогенных ландшафтов, внешние и внутренние факторы воздействием на эти процессы, по своей актуальности являются одними из наиболее перспективных объектов исследования ближайших десятилетий.

Акцентируем внимание на том, что «очеловеченное» представление о горах как этно-экологическом феномене и объекте системного (комплексного), культурно-исторического, цивилизационного исследования для российского кавказоведения традиционно.

Выявление характерных для различных природно-географических зон комплексов хозяйства, материальной и бытовой культуры, установление детерминантной корреляции между хозяйственно-культурными ареалами и «предпосылками для взаимных хозяйственных, торговых, культурных, а затем и политических контактов» – эти и другие положения, сформулированные М.-З.О. Османовым [3; 4], позволяют исследователям пересмотреть оценки уровня формационно-стадиального развития Дагестана в исторической перспективе.

Важное методологическое значение в изучении социальной истории Дагестана имеет труд М.А. Агларова о сельской общине [5], которая, по определению А.В. Гадло,

«в течение многих столетий являлась фокусом всей экономической, социальной и политической жизни Дагестана» [5, с. 4],

Особое место дагестанской школы историографов в разработке методологических подходов исследования генезиса социальных институтов автохтонных этносов, этнических и экологических процессов в контексте проводимой социальной политики можно проследить при сопоставлении с разработками по другим горным экорегионам России [6–10]. Интерес представляет то, что этнографический материал по сельским анклавам Саяно-Алтайского экорегиона стал основой разработки методик, направленных на выявление механизма (комплекса причинно-следственных связей) трансформации традиционных социальных институтов и систем жизнеобеспечения, охватывающих имперский, советский и постсоветский периоды [11; 12]. Целесообразность апробации предлагаемых специалистами в области «монтологии» как новой научной дисциплины [2, с. 28] подходов определяется отчетливо выраженной научно-прикладной значимостью этой проблематики. Проявляется это при решении проблемы включения структурных подразделений РАН в формируемую систему информационного обеспечения проводимого курса национальной политики. В этой связи, подходы и вклад дагестанской школы этнологов получили освещение в ходе всероссийской научно-практической конференции «Информационное сопровождение и социальные технологии реализации стратегии национальной политики в российской части Кавказа: межрегиональный и региональный уровни» (6-7.10. 2023г. режим онлайн – ООО «Знание»)¹.

Само обращение формируемых в Республике Дагестан научных школ к генезису традиционных социальных институтов как объекту социальной политики, механизму их адаптации к меняющейся природной и социальной средам, находится в тренде отечественных исследований по стратегии развития горных экосистем [2; 13]. Здесь же отметим, что динамика публикаций по данной проблематике за прошедшие два столетия во многом определяет необходимость появления исследований историографического плана, отражающих уровень накопленных знаний по этнической истории и культуре народов Дагестана. Это позволит прервать тенденцию прямого воздействия меняющихся идеологем на выявление закономерностей социогенеза и культурогенеза, а также определить место региональной историографии в исследовании специфики и преемственности национальной и экологической политики российского государства [14].

В контексте формирования общенациональных законов и целевых программ развития горных территорий как процессов информационного обеспечения национальной политики прослеживается необходимость расширения круга нормативно-правовых и делопроизводственных источников. И здесь, помимо действующих целевых программ – «Горы Осетии» и «Горы Дагестана», можно выделить ряд нормативных актов конца 1990-х – начала 2010-х гг., определяющих позицию органов власти в вопросах стратегического развития горных территорий². Анализ источников отражает,

1. С 4 по 6 октября в Сочи проходила конференция, посвященная вопросам информационного сопровождения национальной политики в российской части Кавказа // Институт этнологии и антропологии РАН. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://iea-ras.ru/?p=11656>

2. Закон Республики Дагестан от 16.12.2010 № 72 «О горных территориях Республики Дагестан» (принят Народным собранием РД 09.12.2010) // Дагестанская правда. 2010.18 декабря. № 441; Закон Республики Северная Осетия – Алания «О горных территориях в Республике Северная Осетия – Алания» (В редакции Закона Республики Северная Осетия – Алания от 22.05.2006 № 28-пз) [Электронное издание] // Сейчас.ру. Новости России и мира. URL:<https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1404635> (дата обращения 10.09.2018).

что причины негативных последствий горной политики часто кроются не в технологиях принятия управленческих решений или финансово-экономического обеспечения последних, а в игнорировании этнокультурных факторов, в недопонимании важности стратегической цели сохранения и развития этнокультурного многообразия России. В силу этого, представляется, что региональные стратегии развития горных территорий должны быть хорошо адаптированы к местным этнокультурным традициям и горному укладу хозяйствования, равно как и к современным социально-культурным и экономическим запросам населения. Так, в «старом Дагестане» проблемы жизнеобеспечения в условиях естественного для горных ландшафтов дисбаланса между пастбищными и пашенными угодьями были сведены, благодаря отгонному овцеводству, зональной (Горы – Равнина) специализации на террасном земледелии, горно-долинном садоводстве, на различных видах народных художественных промыслов и, прежде всего, торговле, к возможному минимуму.

С другой стороны, разрабатываемые стратегии развития горных районов Кавказа, нормативные акты по регуляции широкого спектра социальных отношений, включая внутри- и межэтнические в сфере региональной политики, экономики, культуры, должны опираться как на исторический контекст их модернизации под воздействием проводимой органами государственной власти политики, так и на анализ динамики изменения внутри- и межэтнических коммуникаций с учетом их конфессиональной составляющей. Только в этом случае традиционная культура может выступить основой устойчивого развития территорий, а не фактором дестабилизации социальных коммуникаций. Роль разработок в сфере классической этнографии (кавказоведении) и прикладной антропологии в достижении этой цели не вызывает сомнений в среде экспертного сообщества России.

Традиции управления: результаты и дискуссии:

Имперский опыт

В Дагестане, как и в других горных регионах имперской России, основным объектом национальной политики выступали не население административно-территориальных образований (губернии, округа, уезды, волости и т.д.), не этносы или представляющие их элиты, а традиционные социальные институты (включая конфессиональные). Основными из этих институтов выступали территориальная (сельская), в некоторых районах и родовые общины. Территория природопользования сельской общины (джамаата) не только в соответствии с нормами обычного права, но и в строго юридическом контексте рассматривалась как общественная земельная собственность [15–19]. При этом, каждый член общины являлся не только «землепользователем», но и «совладельцем» поселковой территории. Одновременно – «собственником» пахотной земли и сенокосов, находящихся в хозяйственном обороте семьи. Части общинных пастбищ иногда сдавались в аренду (функция распределения) малоземельным общинам, при распределении доходов между членами джамаата. Проблема перенаселенности Нагорного Дагестана решалась путем интенсификации и повышения продуктивности земледелия, развития экстенсивных форм скотоводства, специализации отраслей хо-

зяйства, развития ремесел, торговли, отходничества, локальными переселениями, т.е. в соответствии с марксистской методологией – «практически всеми мыслимыми формами экономики доиндустриальной эпохи» [5, с. 150].

В историческом контексте в категории земельной собственности входили: а) частное землевладение – ханские, бекские земли; б) вакуфные (мечетские), а в эпоху Шамиля – земли Имамата (байт-ул-мал); в) государственный («казенные», «царской казны»). Уже к последней трети XIX в. земли «байт-ул-мал» и «ханские» как правовые категории перестали существовать. Здесь интерес представляет тот факт, что определение кадастровой стоимости земель, находящихся в земельном обороте жителей Дагестана, как в других горных районах трансграничной зоны юга России в имперский период органами государственной власти не проводилось.

Система поземельных отношений в горных районах Дагестана, при которой соотношение прав «земельных собственников» и «земельного пользователя» имело четко выраженную иерархическую соподчиненность и сферу столкновений этнических, межэтнических, частных и государственных интересов, была крайне динамичной. Уровень развития региональной историографии позволяет только очертить социальные тренды, характерные в имперский период для региона в целом.

Следует отметить, что категория «социальный тренд», отражающая направленность, содержание и динамику региональных процессов в сфере политики, экономики и культуры, далеко не тождественна понятиям этнические процессы и этносоциальная обстановка имеющим более жесткую топологическую привязку. Горные экосистемы обуславливают исключительно широкую вариативность форм социальной организации, систем и культур жизнеобеспечения, ориентированной на «выживание». Традиционная культура горца, смысловым содержанием которой выступает «искусство выживания и достойная жизнь», а не «получение прибыли», придает социальным институтам исключительную устойчивость. Не случайно, в отличие от равнины, где имелись обширные пастбища и пашни, в прилегающих к высокогорью районах Дагестана земельные отношения не претерпели сколько-нибудь существенных (качественных) изменений. Здесь, благодаря рациональному использованию каждого пригодного для устройства горной террасы, сенокоса или сада клочка земли, а также расчетливому сезонному распределению пастбищ, традиционные ресурсы совершенствования горного хозяйства были исчерпаны или находились в таких сферах как народные промыслы, отходничество. Об этих и других особенностях землевладения и землепользования администрация Дагестанской области знала «с первых рук» и поэтому была убеждена в отсутствии необходимости и даже вредности реформ в этой сфере.

Военно-народное управление

В историографии уже отмечалось, что «попытки управлять Дагестаном через феодальную прослойку, как это делали европейские государства в своих колониях (косвенное управление), не удались из-за особенностей общественно политического строя народов Дагестана. Традиционно власть принадлежала народу (через демократически избираемые органы самоуправления), чем и воспользовались реформаторы на Кавказе, что оказалось сильнее военного владычества» [20, с. 312].

При образовании Дагестанской области Российской Империи (1862 г.) было сохранено деление на наибства и сельские общины, возрождено выборное сельское управление, созданы выборные сельские, окружные и Дагестанский народный суды, делопроизводство в которых велось на арабском языке, а иски (за исключением дел по умышленным убийствам и антиправительственным бунтам) рассматривались по шариату и адату [20, с. 315].

А.М. Дондуков-Корсаков (1820–1893), в компетенциях которого как выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа (1882–1890) нет никаких сомнений, об управлении Дагестаном отозвался так: «По счастью, в Дагестанской области и до сей поры не введены новые судебные учреждения, с их усовершенствованными европейскими формами судопроизводства, и сложный механизм общегражданского административного управления. Там продолжает действовать система военно-народного управления..., при возможности сильно и быстро проявлять власть и, главным образом, благодаря народным судам, решающие дела по установившимся издавна и частью измененных применительно к новым понятиям обычаям, Дагестан представляет разительный пример спокойствия и порядка и полной беспрекословной покорности требованиям и распоряжениям начальства; население вполне довольно действующей системой; преступления совершаются преимущественно только из кровной мести, еще далеко не утратившей значения для дагестанца; грабежей и разбоев так мало, что в этом отношении Дагестану может позавидовать даже Тифлисская губерния: напр.: в 1886 г. в Дагестане на 600.000 жителей не было совершено ни одного разбоя и грабежа, тогда как в Тифлисской губернии, где действуют новые суда и общегражданские учреждения, на 800.000 жителей было совершено 211 грабежей и разбоев» [21, с. 25–26].

Следует отметить, что «вновь созданный административно-политический и правовой строй в Дагестане был по форме наиболее обогащенным и, по сути, наиболее гармоничным во всей империи. Более того, в таком формате «военно-народное управление» не имеет исторических аналогий и заслуживает подробнейшего изучения» [20, с. 317]. В частности, особый интерес представляет имперский опыт решения обычно острых для Дагестана поземельных споров, конфликтов и тяжб, сведения о которых скрупулезно собирались и фиксировались имперскими комиссиями по поземельно-сословным отношениям, работавшим в Дагестанской области с 1869 по 1917 годы [22].

Советский период

С установлением советской власти в Дагестане были апробированы социальные технологии, ориентированные на: а) унификацию институтов государственной власти – на уровне союзных республик и национальных автономий; б) создание социально однородного (бесклассового) общества и ликвидацию на этой почве проявлений социальной, этнической, этносоциальной, конфессиональной стратификации; в) «выравнивание» уровня социально-экономического и культурного развития «центра» и «национальных окраин» путем активного внедрения «научно-обоснованных» и «эффективных» форм сельскохозяйственного и промышленного производства.

К проблеме «классовой стратификации» Дагестанского общества в 1920-е гг.

Интерес представляет характер восприятия населения как объекта социальной политики с ее «классово-ориентированной» составляющей. Его специфика проявляется в том, что по данным на 1913 г., в Дагестанской области к страте «помещиков» (крупных земельных собственников) относилось меньше процента (0,7%) населения. Характерных для российских губерний «поместий», собственно, в горных долинах Дагестана не было. В силу этого образ «горца-помещика» в народном сознании не сформировался.

В 1925–1927 гг. при Совнаркоме Дагестана были созданы комиссии по выселению бывших помещиков. Первая из этих комиссий выявила 196 «бывших помещиков», из них ни одного в весьма небедных в дореволюционный период Самурском, Даргинском и Гунибском округах. Последняя из упомянутых комиссий под председательством Дж. Коркмасова с 20 июля по 2 августа 1927 г. провела 10 заседаний, в результате которых «вопрос о выселении коснулся 116 бывших помещиков», в том числе из Аварского округа – 3; из Лакского – 6; Кайтаго-Табасаранского – 8; Кюринского – 10; Буйнакского – 14. Таким образом, во всем Нагорном Дагестане комиссия выявила 41-го бывшего помещика, тогда как только в Хасавюртовском округе – 45. Всего было решено выселить 65 бывших помещиков. «Конфискации подверглись земли и инвентарь 51 хозяйства. У выселенных изъяли 34 тыс. мериносовых и грубошерстных овец, более 700 голов крупного рогатого скота (КРС), свыше 50 лошадей, около миллиона рублей» [23, с. 220–221].

Приведенные статистические данные по «национализированной» движимой собственности, при отсутствии на территории Дагестана страты «крепостных» крестьян, свидетельствуют о широко распространенной практике найма, в марксистской историографии, трактуемой как «формы экономической эксплуатации», т.е., с одной стороны – о сформировавшейся страте «наемных сельскохозяйственных работников», с другой, о широкой вариативности экономических отношений в регионе, которые, однозначно, нельзя относить к «патриархально-феодальным».

Сведения эти проливают свет и на социальную стратификацию дагестанского общества накануне установления советской власти, а также на то, почему судебные и мировые (маслахат) решения по поземельным искам сельских общин принимались окружными и областными судами, областной и кавказской администрациями с расчетом на завоевание доверия сельских общин к царской власти как к инстанции справедливости, т.е. на обеспечения спокойствия в крае [24, с. 194]. Что касается «захватов княжеских и бекских земель» в годы Гражданские войны (1917–1921), трактуемых как свидетельство «роста классового сознания дагестанского крестьянства», отметим, что сельские общины возвращали свои же земли, изъятые у них по произволу (т.е. вопреки адату и шариату) и дарованные военными властями новым владельцам за их службу в период Кавказской войны, т.е. до образования Дагестанской области.

Как справедливо отмечал Г.Г. Османов, «основным типом хозяйства и основным собственником средств производства в горном Дагестане накануне революции... было мелкое крестьянское хозяйство, имеющее от 25 до 100 овец, до двух голов

рабочего скота и до 0,5 десятин земли». По его подсчетам, мелкие крестьянские хозяйства составляли 59,9% всех хозяйств, «в их руках находилось 69,5% крупного рогатого скота, 65,1% всех овец и коз, на долю мелкокрестьянского уклада в горах приходилась подавляющая часть всего населения и свыше 2/3 всего сельскохозяйственного производства» [25, с. 141]. Эти принципиальные для понимания природы социальной структуры досоветского Дагестана факты позволили автору обосновать вывод о преобладании в Дагестане «среднего класса».

Объективный анализ сословно-поземельных отношений в «старом Дагестане», особенно в высокогорной его части, обнаруживает основания и признаки социальной справедливости, которые не совсем вписываются в по сей день декларируемые в дагестанской историографии Дагестана социальные стратификации «крестьяне-помещики» и прочие категории классовой борьбы.

Примечательно, в этой связи, заявление Наркомзема ДАССР М. Ахундова о претворении в жизнь большевистского лозунга «Земля – крестьянам!» в горах Дагестана: «Через 10 лет после Октябрьской революции дагестанские горцы имеют те же голодные земельные наделы, которые они имели и до революции. Происходит это не потому, что в Дагестане не были изгнаны помещики и не была проведена национализация земель... в Дагестане исторически сложившиеся земельные условия таковы, что одна только национализация не могла дать земли крестьянству» [26, с. 68].

Коллективизация

Исследования дагестанских историков и этнографов формируют основу для более глубокого осознания восприятия «коллективизации» как социальной технологии, направленной на «слом» системы социальных коммуникаций, обеспечивающих не только сохранение традиционных социальных институтов и культуры как основы этнической самоидентификации, но и чисто физическое выживание в природных условиях, близких к экстремальным. Последствия этого курса были вполне прогнозируемы – антиколхозное движение, социальные процессы, которые по своей направленности, охватам, проявлениям насилия не имели отличий от событий, охвативших всю страну. Так, весной-летом 1930 г. начались вооруженные восстания в Дидоевском участке Цумадинского района, Курахском, Касумкентском, Табасаранском районах [27, с. 6–7, 42–44, 49, 149–153, 159].

Миграционная политика. Ход, последствия

Одной из наиболее ярких элементов национальной политики на территории Дагестана в советский период выступает стремление органов власти реформировать систему расселения и структуру населения, что объективно приводило не столько к трансформации, сколько качественному слому сохраняющейся веками системы социальных коммуникаций, базирующихся на традиции передачи от поколения к поколению опыта в сфере традиционной экономики. То, что миграционная политика имела четко выраженные признаки волюнтаризма, не вызывает никаких сомнений [28].

Уже к концу 1920-х гг. переселение с гор на равнину было объявлено путём к «изобилию и культуре» и стало и приобретать признаки долгосрочной политики.

В октябре 1927 г пленум Дагестанского обкома партии рассмотрел и обсудил доклад Наркома земледелия ДАССР М. Ахундова «О земельной реформе ДАССР», согласно которому планировалось переселить на равнину 49500 хозяйств (около 200000 человек), из них 6000 хозяйств (30000 человек) намечалось переселить в течение 7 лет, а остальные могли переселить по мере акклиматизации в новых климатических условиях [26, с. 42–43]. И это притом, что на 1926 г. все сельское население ДАССР составляло 703, 1 тыс. чел, в том числе в горных округах – 466 579 чел. [29, с. 247–250]. Данный проект осуществлялся в периоды истории СССР, отмеченные демографическими последствиями двух мировых и Гражданской войн, репрессий в 1928–1938 гг., болезней, голода. Для карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, как и для калмыков, крымских татар, поволжских немцев и других народов, истекшее столетие омрачено депортациями 1943–44 гг. В общей сложности в упраздненную ЧИАССР было переселено в принудительном порядке «16 100 хозяйств (62 тыс. человек) или 1/5 часть населения горной зоны Дагестана» [30, с. 84–85]. Помимо этого, с конца 1950-х до 1980-х гг. с гор в равнинные районы Дагестана было переселено более четверти миллиона человек, создано 75 новых населенных пунктов и множество переселенческих кварталов в старых равнинных селах [29, с. 259].

«Вымывание традиционных форм хозяйствования»

М.-З.О. Османов, рассматривая причины «вымывания традиционных форм» хозяйствования в Дагестане в постсоветский период, отмечал, что колхозно-совхозный строй «отлучил крестьянина от земельной собственности» [4, с. 210].

Социальную ориентированность колхозов, особенно с 1960-х годов, гордость односельчан за успехи своего колхоза («бизин колхоз коп яхши») отрицать невозможно. Колхозник, чабан, доярка, сельский учитель, фельдшер могли рассчитывать на помощь колхоза в выделении автомашины для перевозки из города грузов, на выделение скотины на убой для проведения похорон. За счет колхоза выделяли школам автомашины, ремонтировались учреждения культуры, создавались детские садики и т.д. Дагестанцы, внешне смирившиеся с потерей муьков («отцовских» земель), все же продолжали сохранять сознание вековечности территории своего джамаата. Кроме того, к середине 1960-х – началу 1970-х годов прослеживаются признаки отождествления в общественном сознании сельской общины с «общиной» колхозной.

«В советский период..., весьма успешно развивалось самоуправление в сельском хозяйстве в виде колхозов, решавших многие вопросы социального характера, в том числе связанные с землей. Колхозы представляли собой своеобразный аналог традиционной общины, и их роспуск усложнил вопросы землепользования» [31, с. 156],

Постсоветские тренды социальной трансформации

В результате распада СССР, «возврата» к рыночной экономике, созданные десятилетиями системы социальной стратификации и межрегиональных экономических связей были разрушены. Стратегия развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов на базе кооперации крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств, оказалась, как подтверждается полевыми материалами, невостребованной. Перемены конца 1990-х гг. были ориентированы на навязывание сельским анклавам тех моделей землевладения и землепользования, которые входили в противоречие как с устоявшимися в советское время, так и с традиционными (досоветскими) социальными регуляторами и правовыми нормами.

Экономические и социально-психологические последствия постсоветских трансформаций ощутили на себе не только бенефициары демонтажа советской системы и колхозно-совхозного строя, но и те, кто остался в убытках. Анализ данной проблемы, с детализацией её земельно-правовых, этносоциологических аспектов, с объяснениями почему социально-психологические напряженности на почве поземельных отношений внутри сельских общин носят латентный характер, а между общинами выливаются в открытые конфликты, а также описание «потерь и приобретений», связанных с развалом СССР (лишение южно-дагестанских овцеводов права пользования зимними пастбищами в Азербайджане, распродажа кошар, сенокосов, хозяйственных помещений и иного имущества, ранее арендуемого грузинскими овцеводами на зимних пастбищах на севере Дагестана и др.), авторы этих строк имеют в виду представить в виде отдельной публикации. Здесь же ограничимся принципиально важной, на наш взгляд, констатацией: «технократические» решения глобальных задач экономики не должны реализовываться в ущерб традициям жизнеобеспечения, этнокультурной самобытности горных анклавов. Показательны в этом отношении последствия массового переселения горцев на равнину и одностороннего развития экономики Прикаспийской равнины: более двухсот горных селений остались заброшенными, еще столько же на грани вымирания. Инфраструктурное, социально-демографическое состояние Махачкалинско-Каспийской агломерации, куда стекаются миграционные потоки с гор, остается проблематичным: «Перспектива сосредоточение на 5% территории региона более половины населения вызывает тревогу за сохранение демографического благополучия и возможности дальнейшего роста качества жизни в агломерации, где происшедший в последние 15 лет бесконтрольный рост и хаотическая застройка всех свободных территорий в главном городе Махачкале перекрывает возможности этого муниципального образования самостоятельно решить проблемы своего развития» [32, с. 11].

Заключение

Горные территории России, при всем том, что они отличаются этнокультурными и социально-экономическими характеристиками, имеют много общего в плане недочетов в управленческих практиках, законодательном регулировании (на региональном и федеральном уровнях) вопросов местного самоуправления, экологии, горного туризма, горной экономики. Однако, это не снимает проблему формирования приемлемых для конкретных микрорегионов программ, в том числе относительно

неразрешимой на первый взгляд проблемы возрождения заброшенных горных сел, сельскохозяйственных угодий и народных художественных промыслов.

Региональные стратегии развития горных территорий должны быть хорошо адаптированы к местным этнокультурным традициям и горному укладу хозяйствования, а также к современным социально-культурным и экономическим запросам населения. Особенно отчетливо эти тенденции стали проявляться в труднодоступных горных районах, где, с одной стороны, вертикальная зональность природно-территориальных комплексов (ландшафтов) оказала детерминирующее воздействие на системы природопользования, при которых регулирование поземельных отношений (вне зависимости от смен государственного устройства, политических режимов, института земельной собственности) базируется на традиционную хозяйственную специализацию и апробированные веками системы жизнеобеспечения. С другой стороны, такое регулирование базируется на традиционные социальные институты, системы внутри- и межэтнических коммуникаций, определяемых этнической историей на всех этапах российской государственности, этнической и этносоциальной стратификацией, религиозным мировосприятием (а не только потребительским), меняющейся социальной и экологической среды. Культура в контексте накопленного поколениями опыта выживания в горных условиях является не абстрактной категорией, а критерием оценки, проводимой органами власти на всех этапах существования российской государственности.

В этой связи курс на устойчивое развитие горных местностей имеет свою специфику, которая видится в исключительной важности сохранения не только базовых условий воспроизводства демографического, финансово-экономического, природно-ресурсного, экологического потенциалов территорий как таковых, но и традиционного хозяйственно-культурного уклада в широком смысле, включающем апробированные веками правовые регуляторы землевладения и землепользования, нормы общественного быта, этики поведения, т.е. все то, что почти в нетронутом виде было сохранено в имперский период истории и в весьма трансформированной форме существовало в советское время на территории Российского Кавказа. При этом эффект деятельности государственных структур, институтов гражданского общества, национально-культурных образований по преодолению негативных социально-экономических и политических последствий трансформации этнокультурной составляющей дагестанской идентичности, в том числе ее «горского» компонента, существенно зависит от приоритетов, правовых основ и механизмов реализации культурной политики, от использования народных традиций и общероссийских практик сохранения экологического, демографического, культурного и, как следствие, экономического и рекреационного потенциала гор.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственных заданий ФИЦ СЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 122032300400-5 и ДФИЦ РАН НИОКТР, Рег. № ИКРБС № госрегистрации 122032300122 – 6.

Acknowledgement. The publication was prepared as part of the implementation of state assignments from the FRC SRC RAS FGRW-2024-0002, state registration No. 122032300400-5 and the DFRC RAS, Reg. No. IKRBS No. state registration 122032300122 – 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедханов М.М., Садовой А.Н. Этносоциальные последствия депопуляции горных территорий: Дагестан и Северная Осетия // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 2. С. 507–522.
2. Баденков Ю.П. Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие – разнообразие моделей развития. М.: GEOS, 2017. – 479 с.
3. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. – 316 с.
4. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху. Закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002. – 220 с.
5. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). 2-е изд., доп. Махачкала: Наука-Дагестан, 2014. – 287.
6. Авасян Г.Е. Люди и горы. История, теория, практика. М.: Мысль, 1989. – 230 с.
7. Горы и люди. Изменение ландшафтов и этносы внутриконтинентальных гор России. Чистяков К.В., Н.В. Каледин (Ред) – СПб: ВВВ, 2010. – 438 с.
8. Исследование гор. Горные регионы северной Евразии. Серия Вопросы географии / отв. ред. В.М. Котляков, Ю.Б. Баденков, К.В. Чистяков. М.: ИД «Кодекс», 2014. – 584 с.
9. Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. – 160 с.
10. Традиционные знания коренных народов Саяно-Алтайского экорегиона в области природопользования. Информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. – 310 с.
11. Садовой А.Н., Прюель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Научно-методический комплекс. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1886. – 160 с.
12. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозерова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: ООО «Практика», 2014. – 358 с.
13. Этнокультура освоения гор: Северный Кавказ / под общей редакцией М.М. Магомедханова, А.Н. Садовой, З.В. Агаева. Махачкала: Изд-во «АЛЕФ». – 218 с.
14. Садовой А.Н., Белозерова М.В., Зиновьев В.П., Кулемзин В.М. Исторический и этносоциальный аспекты анализа эффективности национальной политики российского государства XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №65. С. 178–190.
15. Магомедханов М.М. Адат, шариат и российские законы в Дагестане // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2004. № 16. С. 75–83.
16. Мусаев М.А. Политика Российской Империи в отношении мусульманского «духовенства», шариата и адата в Дагестане после падения имамата // Мир ислама. История. Общество. Культура. 2009. С. 101–105.
17. Магомедханов М.М. Вопросы корреляции адата, шариата и российских законов в Дагестане второй половины XIX – первой половины XX века // Традиции

REFERENCES

1. Magomedkhanov MM., Sadovoy AN. Ethnosocial consequences of depopulation of mountain territories: Dagestan and North Ossetia. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(2): 507-522. (In Russ)
2. Badenkov YuP. *Life in the mountains. Natural and cultural diversity – diversity of development models*. Moscow: GEOS, 2017. (In Russ)
3. Osmanov M-ZO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan (from ancient times to the beginning of the 20th century)*. Makhachkala: DSC RAS, 1996. (In Russ)
4. Osmanov M-ZO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan in the Soviet era. Patterns of development and transformation, erosion of traditional forms*. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)
5. Aglarov MA. *Rural community in Nagorny Dagestan in the 17th – early 19th centuries: (study of the relationship between economic forms, social structures and ethnicity)*. 2nd ed., add. Makhachkala: Nauka-Dagestan, 2014. (In Russ)
6. Avasyan GE. *People and mountains. History, theory, practice*. Moscow: Mysl, 1989. (In Russ)
7. Chistyakov KV., Kaledin NV. (eds.). *Mountains and people. Changing landscapes and ethnic groups of the inland mountains of Russia*. St. Petersburg: VV, 2010. (In Russ)
8. Kotlyakov VM., Badenkov YuB., Chistyakov KV. (eds.). *Exploration of the mountains. Mountain regions of northern Eurasia. Series Questions of Geography*. Moscow: Kodeks, 2014. (In Russ)
9. Sadovoy AN. *Territorial community of Gorny Altai and Shoria (late 19th – early 20th centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992. (In Russ)
10. *Traditional knowledge of indigenous peoples of the Sayan-Altai ecoregion in the field of environmental management. Information and methodological guide*. Barnaul: Azbuka Publishing House, 2009. (In Russ)
11. Sadovoy AN., Pruel NA. *Ethnosocial monitoring: principles, methods, practice. Scientific and methodological complex*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1886. (In Russ)
12. Poddubikov VV., Sadovoy AN., Belozerova MV. *Expertise and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous small ethnic groups: methods of applied ethnology*. Kemerovo: Praktika LLC, 2014. (In Russ)
13. Magomedkhanova MM., Sadovoy AN., Ataeva ZV. (eds.). *Ethnic culture of mountain development: North Caucasus*. Makhachkala: ALEF. (In Russ)
14. Sadovoy AN., Belozerova MV., Zinoviev VP., Kulemzin VM. Historical and ethnosocial aspects of analyzing the effectiveness of the national policy of the Russian state in the 19th–21st centuries. *Bulletin of Tomsk State University. History Series*. 2020, 65: 178-190. (In Russ)
15. Magomedkhanov MM. Adat, Sharia and Russian laws in Dagestan. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2004, 16: 75-83.
16. Musaev MA. The policy of the Russian Empire in relation to the Muslim “clergy,” Sharia and adat in Dagestan after the fall of the Imamate. *Mir Islama. Istoriya. Obshchestvo. Kultura*. 2009: 101-105.
17. Magomedkhanov MM. Issues of correlation between adat, sharia and Russian laws in Dagestan in the second half of the 19th and first half of the 20th centuries. *Traditions of the peoples of the Caucasus in a changing world:*

народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Санкт-Петербург, 2010. С. 91–104.

18. *Абдулмажидов Р.С.* О введении гражданского (общеевропейского) законодательства в Дагестанской области в XIX в. // Карачаево-Черкесия в социокультурном пространстве Кавказа. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2017. С. 26–36.

19. *Magomedkhanov M.M., Chenciner R., Garunova S.M.* Ethno-religious and legal aspects of the pre-soviet government of the Dagestan region // *Религиоведение*. 2019. № 1. С. 29–37.

20. *Агларов М.А., Магомедханов М.М.* Из имперского опыта управления Кавказом // *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения*. М., 2014. С. 311–317.

21. Всеподданейшая записка Главноначальствующего гражданского частью на Кавказе. 1882–1890. Тифлис, 1890. С. 25–26.

22. Феодалные отношения в Дагестане XIX – начале XX в.: Архивные материалы. Сост. Х.М. Хашаев. М.: Наука, 1969. – 396 с.

23. *Даниялов Г.Д.* История Дагестана. Т. III. М.: Наука, 1968. – 426 с.

24. *Магомедханов М.М.* Дагестанцы: вехи этносоциальной истории XIX–XX вв. Махачкала, 2007. – 216 с.

25. *Османов Г.Г.* Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М.: Наука, 1984. – 152 с.

26. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.) / сост.: Какагасанов Г.И., Каймаразова Л.Г., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И., Асылдаров С.Ч. Т. I. Махачкала: ИД Наука плюс, 2006. – 348 с.

27. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. Составитель: Какагасанов Г.И. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 268 с.

28. *Белозёрова М.В., Магомедханов М.М.* Опыт регулирования миграционных потоков на региональном уровне: конец 1980-х - 1990-е годы // *История, археология и этнография Кавказа*. 2021. Т. 17. № 4. С. 968–984.

29. *Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М.* Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI в.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2009. № 1. С. 247–259.

30. *Ибрагимов М.-Р.А.* Депортация населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и ее этнокультурные последствия // *Вестник Дагестанского научного центра*. № 43. С. 84–90.

31. *Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.* Этносоциальные и правовые аспекты положения на Северном Кавказе // *Труды Института государства и права РАН*. Вып. 1. 2016. С. 150–163.

32. *Багомедов М.А.* Социально-демографические проблемы развития Махачкалинско-Каспийской агломерации // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 4. С. 11.

continuity and gaps in sociocultural practices. St. Petersburg, 2010: 91–104.

18. *Abdulmazzhidov R.S.* On the introduction of civil (empire-wide) legislation in the Dagestan region in the 19th century. Karachay-Cherkessia in the sociocultural space of the Caucasus. *Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation*. 2017: 26–36.

19. *Magomedkhanov M.M., Chenciner R., Garunova S.M.* Ethno-religious and legal aspects of the pre-soviet government of the Dagestan region. *Religiovedenie*. 2019, 1: 29–37.

20. *Aglarov M.A., Magomedkhanov M.M.* From the imperial experience of managing the Caucasus. *Russian Caucasus: problems, searches, solutions*. Moscow, 2014: 311–317.

21. *The humble note from the Commander-in-Chief of the civilian unit in the Caucasus*. 1882–1890. Tiflis, 1890: 25–26.

22. *Feudal relations in Dagestan in the 19th – early 20th centuries: Archival materials*. Comp. H.M. Khashaev. Moscow: Nauka, 1969.

23. *Daniyalov G.D. History of Dagestan*. Vol. III. Moscow: Nauka, 1968.

24. *Magomedkhanov M.M. Dagestanis: milestones in the ethnosocial history of the 19th–20th centuries*. Makhachkala, 2007.

25. *Osmanov G.G. The genesis of capitalism in agriculture of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1984.

26. *The agrarian question and the resettlement of the highlanders of Dagestan to the plain (1920–1945)*. Comp. by Kakagasanov G.I., Kaymarazova L.G., Butaev M.D., Dzhambulatova R.I., Asildarov S.Ch. T. I. Makhachkala: Nauka Plus, 2006.

27. *Collectivization and anti-collective farm protests in Dagestan (1927–1940). Documents and materials*. Comp. by Kakagasanov G.I. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2007.

28. *Belozerova M.V., Magomedkhanov M.M.* Experience in regulating migration flows at the regional level: the late 1980s - 1990s. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(4): 968–984.

29. *Ibragimov M.-R.A., Magomedkhanov M.M.* Ethnographic aspects of the formation of the urban population of Dagestan (second half of the 19th – early 21st centuries). *Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2009, 1: 247–259.

30. *Ibragimov M.-R.A.* Deportation of the population of Dagestan during the Great Patriotic War (1941–1945) and its ethnocultural consequences. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2011, 43: 84–90.

31. *Egorov V.K., Ibragimov M.-R.A.* Ethnosocial and legal aspects of the situation in the North Caucasus. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 1. 2016: 150–163.

32. *Bagomedov M.A.* Socio-demographic problems of development of the Makhachkala-Caspian agglomeration. *Questions of economic structuring*. 2013, 4: 11.

Поступила в редакцию 13.01.2022 г.

Принята в печать 19.02.2024 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 13.01.2022

Accepted 19.02.2024

Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201154-168>

Исследовательская статья

Андреева Юлия Олеговна
к.и.н., независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
julia.o.andreeva@gmail.com

Гуляева Евгения Юрьевна
научный сотрудник отдела Кавказа и Средней Азии
Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
guliaevaevgenia@list.ru

Далалаян Торк Самвелович
к.ф.н., заместитель директора по научной работе
Институт Археологии и Этнографии
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
torqdal@yahoo.com

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ АРМЯН ОРДУБАДСКОГО РАЙОНА НАХИЧЕВАНСКОЙ АССР В 1950–1980-е гг.

Аннотация. Статья посвящена религиозным практикам армян, проживавших в 1950–1980-е гг. на территории Ордубадского района Нахичеванской Автономной Советской Социалистической Республики. Основная задача состоит в том, чтобы ввести в научный оборот новые полевые материалы, предварительный анализ которых предлагается в этой статье. Исследование выполнено в рамках устноисторического подхода и основано на материалах интервью с бывшими жителями Нахичеванской АССР, которые вынужденно или добровольно покинули свою родину в позднесоветский период. Полевая работа проводилась в Армении и России в 2021–2023 гг. Несмотря на религиозные гонения в довоенное время, армяне продолжали идентифицировать себя как христиан, посещать святые места, ставить свечи, отмечать христианские праздники. Большинство информантов не были крещены, другие обряды жизненного цикла ограничивались гражданскими церемониями. В то же время многие в той или иной форме отмечали некоторые религиозные праздники, а для жителей Ордубадского района самым значимым событием в году был Вардавар (Преображение Господне). К этому дню было приурочено паломничество к святым местам, жертвоприношение матах и застолье. Информанты почти ничего не рассказывали о преследованиях или ограничениях на участие в религиозных праздниках. Наш полевой материал показал, что отсутствие функционирующих религиозных институтов в Нахичевани привело к тому, что религиозная жизнь сместилась в область домашнего и неофициального.

Ключевые слова: Нахичевань; Гохтн; армяне; религия; святые места; религиозные практики; календарь

Для цитирования: Андреева Ю.О., Гуляева Е.Ю., Далалаян Т.С. Религиозные практики армян Ордубадского района Нахичеванской АССР в 1950–1980-е гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 154-168.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201154-168>

Research paper

Julia O. Andreeva,
Cand. Sci. (History), Independent researcher, Saint Petersburg, Russia
julia.o.andreeva@gmail.com

Evgenia Y. Guliaeva,
Research fellow of the Department of Ethnography of the Caucasus and Central Asia
The Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg, Russia
guliaevaevgenia@list.ru

Tork Dalalyan,
PhD, Vice-director
Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
torqdal@yahoo.com

RELIGIOUS PRACTICES OF THE ARMENIANS OF THE ORDUBAD DISTRICT OF THE NAKHICHEVAN ASSR IN THE 1950–1980s

Abstract. The article is devoted to the religious practices of Armenians who lived in the 1950s-1980s on the territory of the Ordubad district of the Nakhichevan Autonomous Soviet Socialist Republic. The main task is to introduce new materials into the scientific circulation, a preliminary analysis of which is offered in this article. The research was carried out within the framework of the oral history approach and is based on the materials of interviews with former residents of the Nakhichevan ASSR, who were forced or voluntarily left there in the late Soviet period. Fieldwork was conducted in Armenia and Russia in 2021-2023. Despite the religious persecution in the pre-war time, Armenians continued to identify themselves as Christians, visit holy places, light candles, and celebrate Christian holidays. Most of the informants were not baptized, all rites of the life cycle were limited to civil ceremonies. At the same time, many in one way or another celebrated some religious holidays, and for the residents of the Ordubad district the most significant event of the year was Vardavar (Transfiguration of Jesus). This day was timed to the pilgrimage to holy places, the sacrifice of *matagh* and the feast. Our interlocutors almost did not tell anything about the persecution or restrictions on participation in religious holidays. Our field material showed that the absence of functioning religious institutions in Nakhichevan led to the fact that religious life shifted to the sphere of domestic and informal.

Keywords: Nakhichivan; Goght'n; Armenians; religion; holy places; religious practices; calendar

For citation: Andreeva J.O., Guliaeva E.Y., Dalalyan T. Religious Practices of the Armenians of the Ordubad District of the Nakhichevan ASSR in the 1950–1980s. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N.1. P. 154-168.

Введение

В статье мы ставим своей целью рассмотреть религиозные практики армян, проживавших в 1950–1980-е гг. на территории Ордубадского района Нахичеванской АССР (с 1990 г. — Нахичеванская автономная республика в составе Азербайджана)¹. Данное исследование представляет научный интерес по двум причинам. Во-первых, после начала Карабахского конфликта в 1988 г. армянского населения в Нахичевани не осталось², но в настоящее время с помощью биографических интервью еще есть возможность зафиксировать их воспоминания. Последним предопределен выбор Ордубадского района — здесь в отличие от других частей республики в нескольких деревнях до последнего момента сохранялось армянское население. Во-вторых, религиозные практики армян Ордубадского района осуществлялись не просто на периферии атеистического государства, но еще и среди иноэтничного и инорелигиозного азербайджанского³ большинства, в условиях, с одной стороны, географической близости к Армянской ССР, где титульной нацией были армяне-единоверцы, с другой, закрытости региона в связи с его пограничным статусом, куда допускался въезд лишь по специальным пропускам. Основная задача авторов — ввести в научный оборот новые полевые материалы, предварительный анализ которых и предлагается в данной работе.

В советское время история и этнография ордубадских армян интересовали только армянских исследователей [9; 10; 11], впрочем, заниматься современностью было не принято (исключение [11]). Уже после распада СССР появились работы по эпиграфике Агулиса [12], диалектам [13] и этнографии армян Гохтна конца XIX — начала XX в. [14]. Вопросам религиозной жизни этой группы в советское и постсоветское время внимание в литературе не уделялось.

В армянской историографии, опирающейся на средневековые армянские первоисточники, территория Ордубадского района соотносится с гаваром (районом) Гохтн

1. Границы республики приблизительно соответствуют Нахичеванскому ханству (1747–1828 гг.), по результатам русско-персидской войны 1826–1828 гг. оно вошло в состав Армянской области (позже — Эриванской губернии) Российской империи. После Первой мировой войны, революции 1917 г., вооруженных столкновений армянских и мусульманских отрядов в 1918–1920 гг., турецкой и британской оккупации на эту территорию претендовали и Республика Армения, и Азербайджанская Демократическая Республика. В 1920 г. была установлена советская власть и провозглашена Нахичеванская Советская Социалистическая Республика. Условием заключения советско-турецкого договора о границах стало вхождение Нахичевани в состав Азербайджана [1, с. 17, 18, 92, 103–105, 116–117; 2, с. 109].

2. Большую часть XX в. абсолютная и относительная численность армян сокращалась. Если по переписи 1897 г. армян было около 34,6 тыс. человек [3], что составляло около 1/3 населения Нахичевани, то после потрясений 1910-х — начала 1920-х гг. армянское население сильно сократилось. В 1926 г. оно насчитывало только 11,3 тыс. человек или 11% населения региона [4]. Великая Отечественная война имела свои демографические последствия, а в послевоенное время массовая урбанизация и миграция касались в большей степени армян. В 1959 г. в Нахичеванской АССР проживало чуть более 9,5 тыс. армян [5], что составляло менее 7% населения. По переписи 1979 г. армян уже было только 3,4 тыс. или 1,4% населения. Они проживали в селах Ордубадского района, в крупном моноэтничном армянском селе Азнаберд Бабекского района, а также немного в городах Нахичеванской АССР [6].

3. Этноним «азербайджанцы» получил официальное распространение только в 1930-е гг., до этого тюркоязычное преимущественно шиитское население определяло себя либо по языку термином — «тюрк» (так называют азербайджанцев сейчас многие соседние народы), либо по религиозной принадлежности — «мюсюлман» [7, с. 7], а в официальных документах их называли «закавказскими татарами» или «азербайджанскими татарами», либо «тюрками». Наши информанты называли азербайджанцев по-армянски «т'урк'» (թւրք), что в восточноармянском разговорном языке является синонимом религиозной принадлежности — «мусульманин», так, например, глагол «т'урк'анал» (թւրքանալ) означает «стать мусульманином» [8, с. 379], по-русски — азербайджанцами. Как в 1950–80-е гг. они определяли себя сами — через религиозные, этнические или смешанные категории — вопрос, требующий отдельного исследования. По нашим данным, несмотря на то что жители Нахичевани во второй половине XX в. были вполне секуляризованными, тюркоязычное население могло определять себя как мусульман, противопоставляя себя армянам, которых называло «эрмени». Мы в этой статье придерживаемся официальных на тот период этнонимов — армяне и азербайджанцы.

(арм. Գոփթնի) [15, с. 48, 51, 64, 72, 73; 10, с. 4]. Этот топоним активно используется как в среде армянских ученых, так и в повседневной коммуникации. Он стал востребованным в начале 1990-х гг. после того, как бывшие жители нескольких сел Ордубадского района поселились в конце 1988 г. в сел. Кабахлу Вайоцзорской области Армении и решили переименовать новое для себя место в Гохтаник. Таким образом, понятие Гохтн является актуальной географической категорией, поэтому и мы вслед за информантами используем это название.

Именно в сел. Гохтаник в 2021–2023 гг. было взято большинство наших интервью. Несколько бесед состоялось также в соседнем селе Эрмон и в г. Ереван, а также в России — в Краснодаре, Москве и Санкт-Петербурге. Основной нашей задачей был сбор информации о святых местах Нахичевани. Разговаривая о прошлом, мы затрагивали более широкий круг вопросов: повседневную жизнь и память о соседстве с азербайджанцами⁴, судьбу армянских памятников в Нахичевани⁵, историю выселения армян и многое другое. Наше исследование можно отнести к области устной истории, оно не претендует на реконструкцию объективной картины прошлого, а сфокусировано на рассказах наших собеседников. Их воспоминания связаны во многом с текущей оценкой армяно-азербайджанского конфликта, изменением статуса религиозных практик и т.д. В качестве расширения перспективы исследования далее будет полезно сопоставить полученные данные с архивными материалами, но сейчас мы ограничиваемся полевыми источниками.

Нам удалось поговорить с 29 бывшими жителями Ордубадского района. Тринадцать человек родились в сел. Парака, в 1950–1980-е гг. это было единственное моноэтническое армянское село. В остальных местах армяне и азербайджанцы жили вместе. Мы побеседовали с восемью уроженцами сел. Бист. Четыре человека были родом из Алахи (Алаги, Ахаецик), двое из сел. Чананаб или Цхна, один из сел. Насирваз или Месропаван, один из сел. Аза и один из сел. Танакерт. С родившимися в сел. Рамис нам не удалось поговорить, но несколько человек о нем рассказывали, т.к. оттуда родом были их родители.

Среди наших информантов преобладали мужчины в возрасте 50–70 лет. Из 29 человек примерно треть жила в Ордубадском районе до 1988 г., большинство же уехало оттуда еще в 1960–1980-е гг. На родине у них оставались родители, ставшие беженцами и поселившиеся в сел. Кабахлу или в других частях Армении или в России.

Прежде чем переходить к описанию религиозных практик армян Ордубадского района опишем в общих чертах ситуацию с религией в позднесоветский период в районах с армянским населением.

Религиозная политика СССР

В период до Второй мировой войны множество религиозных сооружений на Южном Кавказе, как и в других частях Советского Союза, было либо разрушено, либо использовалось не по назначению в качестве складских помещений, домов культуры

4. О памяти армян-нахичеванцев и их соседстве с азербайджанцами в 1950–1980-е гг. см. [16].

5. Санкционированное властями Азербайджана разрушение армянских святынь в Нахичевани, и в первую очередь — известного кладбища IX-XVII вв. в Джуге с около 3000 хачкаров [17], — сквозной мотив, проходящий во всех интервью. Их исчезновение, устанавливаемое нашими информантами по Гугл-картам, рассматривается как уничтожение свидетельств армянского присутствия в Нахичевани.

или школ [18, с. 142–143]. Священнослужители подверглись массовому истреблению в результате репрессий. Жесткая политика борьбы с религиозными организациями и внедрение атеистической идеологии довоенного периода к середине 1940-х гг. сменялась ограниченным принятием традиционных конфессий, к которым относилась и Армянская Апостольская Церковь (далее — ААЦ). Дальнейшее улучшение ситуации произошло под руководством Католикоса Вазгена I (1955–1994 гг.), когда Армения в сравнении с другими республиками получила определенную религиозную свободу [19, с. 15]. На всей территории Азербайджана с 1958 по 1964 гг. регистрировалось три армянские церкви, в 1965 г. уже две [20, с. 301]. В Нахичевани действующих церквей не было.

Католикос Вазген I относил всех советских армян к членам ААЦ [20, с. 303]. Несмотря на отсутствие заметных преследований, жизнь верующих была сильно ограничена. Антрополог Тамара Драгадзе, говоря о религиозных практиках в послесталинский период, прибегает к понятию «доместикации религии». С одной стороны, она подчеркивает вымещение религиозного из публичной сферы в приватную. С другой стороны, отмечает, что, проводя домашние ритуалы, миряне допускались в ту область, которая раньше была доступна только религиозным специалистам [18, с. 144]. В этих обстоятельствах важное значение приобретали «низовые» практики, в частности, почитание и паломничество к локальным святыням, визионерство. В советский период духовенство, как правило, дистанцировалось от таких обычаев [19, с. 16], а светские власти нередко относили их к «пережиткам». В постсоветской Армении часть вернакулярных практик получает официальное одобрение ААЦ, а другую относят к «языческим суевериям» [19, с. 18].

Хрущевская антирелигиозная кампания 1958–1964-х гг. была направлена на борьбу с неофициальной религиозностью. 28 ноября 1958 г. ЦК КПСС принял Постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”». Борьба со святынями затронула и территории Южного Кавказа. Например, в начале 1960-х гг. в Азербайджане фиксировали 14 пиров и оджагов, а после проведенной антирелигиозной работы было доложено о закрытии 5 объектов. Однако после проверки Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР оказалось, что некоторые прежде закрытые святые места возобновили работу [21, с. 96]. В 1971 г. председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов сообщал о 13 святынях на территории Армении и о существующем массовом паломничестве в августе к месту недалеко от Еревана, где когда-то располагалась церковь Девы Марии [20, с. 308]. Из чего можно заключить, что полностью искоренить посещение святых мест не получилось. Возможно, антирелигиозная кампания сказалась на посещаемости или публичной презентации армянских сельских святых мест, но бывшие жители Нахичевани не рассказывали нам истории о преследованиях или ограничениях в посещении святынь, хотя, мы должны учитывать, что большинство из них были детьми в пик религиозных гонений. Только два человека, родившиеся в 1940-е гг., упоминали, что их отцы были членами партии, поэтому не принимали участие в посещении церквей и паломничестве, но закрывали глаза на то, что женская половина семьи с детьми это делала (ПМА 2021, Краснодар, муж., 1944, Нахичевань; ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1947, Парак)⁶.

Антрополог Юлия Антонян отмечает, что 1960–1980-е гг. в Армении были временем

6. При цитировании полевых материалов здесь и далее мы указываем год и место записи интервью, а также пол, год и место рождения информанта.

появления новых сурбов — семейных святынь, ставших доступными соседям и чужакам [22, с. 372–373]. Иногда для фамильных реликвий строили отдельные сооружения — матуры, которые становились публичным местом, но имели хранителей. В отличие от церквей, матуры — место, где отсутствуют строгие требования к одежде и поведению, а медиаторы и иерархии не обязательны [22, с. 374].

Ситуация с религией в Нахичеванской АССР не была уникальной: закрытые церкви, отсутствие священнослужителей, светская идеология. Однако христианство оставалось одним из оснований этнической идентичности армян, в том числе и в советское время. ААЦ рассматривалась как специфически национальная религия, способная выполнять важные функции объединения нации и поддержки ее становления как национального государства. При этом не существует стандартизированной модели религиозности, в повседневности проявления национальной религии могут быть разными [23, с. 322, 330]. Это обстоятельство и делает необходимым изучение конкретных локальных кейсов, которое в данном случае позволило бы ответить, в частности, на вопросы: как именно была устроена религиозная сфера жизни армян Ордубадского района? Существовали ли практики, которые поддерживали христианскую идентичность?

Отношение к религии и религиозной обрядности

Рассказы информантов создавали впечатление, что религия в их жизни значительной роли не играла. Они подчеркивали, что росли в условиях доминирования коммунистической и атеистической идеологии, где религия и культовые объекты не считались значимыми. Если в Армении в послевоенное время количество крещений увеличивалось⁷, в том числе проводились и тайные крещения, то среди наших собеседников крещеных в период их проживания в Нахичевани практически не было. Большинство из них крестились уже в позднесоветское и постсоветское время в Армении или России. Чтобы крестить ребенка в советское время, требовалось проделать путь до Армении, где были действующие церкви. На такой шаг шли, например, если здоровье ребенка было под угрозой⁸, причем, остальные дети в семье могли быть некрещеными. При этом крестики на теле могли носить и те, кто не был крещен. Свадьба и похороны также были светскими обрядами. Наши собеседники объясняли такое положение тем, что действующих священников и церквей в то время не было. О наличии «духовного лидера», который брал на себя роль неофициального религиозного специалиста и читал молитвы, как было, например, в Ширакском марзе в Армении [24, с. 87], нам не рассказывали. Обрядовая сторона жизни сводилась к светским церемониям, но в то же время не означала, что жители Нахичевани не считали себя христианами.

Несмотря на то, что в разных сферах жизни армяне Ордубадского района тесно взаимодействовали с азербайджанцами, в области религиозного пересечений с ними не было. Например, нам указывали на то, что азербайджанцы-мусульмане не ходили на армянские святыни, в том числе и на источники с целебной водой, хотя практики

7. «Если в 1949 г. в Эчмиадзине крестились 203 человека, то в 1950 г. — 1796 человек. По данным за 1966 г., в Армении крестилось 13380 человек, все это дети дошкольного возраста, в 1968 г. эта же цифра составила 15000, из них 14000 крестились в возрасте до 7 лет, а 200 — будучи совершеннолетними» [27, с. 82].

8. О практике крещений детей со слабым здоровьем см. [24, с. 79].

совместного почитания святых мест представителями разных конфессий и народов фиксировались ранее в других частях Нахичевани и на границе региона с областью Сюник [25; 26, с. 44]. Неизвестны были нашим собеседникам сакральные локусы мусульман. В то же время азербайджанцы, с одной стороны, воспринимались как большие ревнители благочестия (обрезание, молитвы на похоронах и власть муллы считались обязательными составляющими их жизни), с другой, когда речь шла о сверстниках, их описывали как типичных советских нерелигиозных людей.

И армяне, и азербайджанцы, похоже, не вникали и не посягали на «чужие» святыни, и, в целом, не пересекались во время религиозных календарных праздников.

Религиозные календарные праздники

Разговор о религиозных практиках и священных местах шел лучше, когда был привязан к рассказам о праздниках. Собеседники перечисляли советские гражданские и церковные праздники в одном ряду: Новый год, Трендез (Сретение Господне), 23 февраля, 8 марта, Затик (Пасха), 1 мая, День Победы, Вардавар (Преображение Господне), 7 ноября.

По календарю ААЦ Рождество приходится на ночь с 5-ого на 6-е января и совмещено с Крещением. В сел. Бист на праздник устраивали застолье: «...плов, зелень, то, что на Пасху готовили, только яиц не красили» (ПМА 2023, Гохтаник, муж., 1955, Бист), на следующий день 7 января проводили поминки Мерелоц, которые осмысливались как поздравление умерших родственников с Рождеством. В сел. Парака большинство Рождество не отмечало.

Чаще всего бывшие жители Ордубадского района называли праздник Покр Затик (Малая Пасха), реже озвучивали другие варианты — Сурб Цнунд (Святое Рождество) и Чрорхнек (букв. «крещение воды»). По канону, Рождеству предшествует пост, но о нем, как и о других постах, нам никогда не рассказывали.

Трендез — Сретение Господне (по церковному календарю ААЦ отмечают 13 февраля) в Гохтне, по-видимому, праздновали во всех селах. Дети обходили дома, через ердик (отверстие в центре купольного перекрытия крыши) опускали мешок и требовали угощения: «Хыдыр, Хыдыр нас зовет, кто не даст долю Хыдыра, пусть ему Бог даст семь слепых дочерей, и они упадут в тандыр и сгорят» (ПМА 2021, Ереван, муж., 1949, Насирваз).

Произносилась «колядка» на тюркском с упоминанием имени Хыдыра или Хызыра (видимо, замещает имя Св. Саркиса⁹), культ которого широко распространен в Передней Азии среди мусульманских народов [28]. В селах, где армяне и азербайджанцы жили вместе, к соседям-мусульманам не заглядывали, обходили только армянские дома (ПМА 2021, Москва, муж., 1960; муж., 1964, Бист). В этот день из семи компонентов готовили блюдо аханц — смесь из зерен пшеницы, грецких орехов, сушеного тута и др. Было принято прыгать через костры, а в советское время еще и жечь покрывки.

9. У азербайджанцев праздник Хыдыр Наби (Хызыр Ильяс, Хыдырляз) отмечали в конце февраля — начале марта. Святой считался олицетворением плодородия. Предполагалось, что он прискачет на своем сером коне и отведает говут — оставленные для него в плоской посуде с подковой и ячменем приготовленные из пшеничной крупы шарики или трубочки [29, с. 531; 30, с. 499]. Это сходно с представлениями армян о святом Саркисе, его праздник отмечали за 64 дня до Пасхи (между 18 января и 23 февраля). Для святого оставляли на подносе похиндз — кушанье в виде шариков из пшеничной крупы. На утро след от подковы коня свидетельствовал, что ночью святой Саркис посетил дом, что сулило семье благополучие [31, с. 293–294].

В Бисте Затик (Пасху) / Мец Затик (Большую Пасху) отмечали в третье воскресенье апреля, то есть дата была переходящей, но не по канону. К празднику красили яйца. В меню пасхальной трапезы входила рыба, плов с изюмом, зелень и вино. На Пасху было принято посещать находящийся в километре от села Кармир ванк (Շիրմիր լիճ — «красный монастырь») ¹⁰, там ставили свечи. На следующий день после праздника ходили на кладбище. В Алахи и Насирвазе Пасху отмечали примерно также (ПМА 2023, Ереван, муж., 1949, Насирваз; муж., 1950, Алахи).

Информанты обратили наше внимание на отличия в праздновании: «*В нашем селе [Параке — Ю.А., Е.Г., Т.Д.] яйца не катали на Затик, в Бисте делали именно Затик. А у нас все было второго мая, красили яйца, ходили на кладбище, каждый ставил стол на своих могилах. А в Бисте был Затик*» (ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1968, Парака).

Инф. 1: «*...на Маевку в Параке все собирались на кладбище. Кушали, потом пели в память погибших, играли в разные игры. На маевку играли в яйца. Маевка вместо Пасхи (Затика)*».

Инф. 2: «*У нас не было Маевки, у нас Затик, мы чистые армяне [смеется]*» (ПМА 2021, Гохтаник, инф. 1 — муж., 1947, Парака; инф. 2 — муж., 1964, Бист).

Иными словами, на Маёвку — официальные советские праздничные дни — была частично перенесена пасхальная обрядность. Для поминовения родных 2 мая в Параку съезжались односельчане из Еревана и других частей Армении. В селах Аза и Цхна тоже отмечали Маёвку.

В повествованиях о праздниках особенно выделяются нарративы об отмечавшемся в третье воскресенье июля Вардаваре (Преображение Господне): «*...в советское время самый хороший праздник у нас был Вартевур*¹¹» (ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1968, Парака). В этот день было принято всех обливать водой¹². В Параке, Бисте, Алахи и Насирвазе дети караулили прохожих у арыков с ведрами холодной воды. По рассказам наших собеседников, мусульман не обливали.

К Вардаварау было приурочено двухдневное паломничество к святому месту Сари Сурб Ншан (Սարի Սուրբ Նշան, «горный святой знак»), расположенному рядом с вершиной г. Капутджух (3900 м), находящейся на границе Ордубадского района Нахичеванской Автономной Республики и Сюникской области Республики Армения. В горы преимущественно ходила молодежь, причем молодые люди это делали чаще, чем девушки. Женщины, с которыми мы разговаривали, если и бывали там, то не чаще одного-двух раз.

Накануне вечером или перед рассветом паракинцы начинали подниматься по ущелью р. Парагачай, 10 км старались проехать на машинах, потом примерно 3 км шли в гору. Жители Биста, Алахи и Насирваза подходили к вершине с другой стороны — вдоль р. Месроповани гет часто на лошадях и ослах (путь верхом занимал около двух часов). С собой паломники брали теплые вещи и одеяла, поскольку в горах было холодно.

Сари Сурб Ншан представлял собой полуразрушенную постройку. На рассвете там ставили свечи и начинали спуск с горы. Жители Биста, Алахи и Насирваза

10. Историк А. Айвазян использует название «пустынь Святого Ншана» [10, с. 43–44].

11. Вардавар на паракинском диалекте — Вартевур.

12. В экономике Гохтна и особенно в садоводстве вода играла значительную роль, поэтому не случайно, что именно праздник Вардавар стал главным в календарном цикле жителей Гохтна [32].

направлялись в уже упоминавшийся выше Кармир ванк, там «рядом на лужайке стелили и вместе накрывали стол» (ПМА 2021, Москва, муж., 1960, Бист) и делали матах: приносили в жертву барана, козла или петуха. Мясо полагалось раздать в семь домов¹³. Чтобы исполнилось желание просящего, тот, кто брал, говорил: «*ынтунели*» (րնդ/րնկնելի [րնի] — «Пусть будет принято») (ПМА 2021, Москва, муж., 1960, Бист).

Паракинцы после спуска с горы устраивали пикник у источника: «*Перед этим молодежь поднимается, вечером ночуем там, потом свечи зажигаем и оттуда спускаемся к речке и оттуда начинаем поливать друг друга*» (ПМА 2021, Краснодар, муж., 1958, Парака). Большинство тех, кто не ходил к Сари Сурб Ншану, посещали находившееся в полутора-двух часах пешком от Параки святое место Егия Маркара (Եղիա Մարգարի — Илья Пророк), пожилые люди ходили в церковь Акоб-Айрапет (Հովոր Հայրապետ) на окраине села. Каждая семья также старалась сделать матах. При этом азербайджанцы были исключены из круга лиц, которым давали мясо:

Соб.: А угощали кого-то?

Инф. 1: Да, всем, всем семьям.

Соб.: А вот азербайджанцев кирва¹⁴?

Инф. 1: Нет.

Инф. 2: Нет-нет.

Инф. 1: Это матах — святое. Их нет (ПМА 2021, Гохтаник, инф. 1 — муж., 1961, Парака; инф. 2 — жен., 1961, Парака).

В свою очередь и мусульмане не давали ничего армянам на Курбан-байрам, хотя на Новруз угощать чем-нибудь могли.

Современная практика жертвоприношения предполагает, что животному дают освященную священником соль. В Гохтне вместо нее давали землю, принесенную со святого места.

В целом, практика паломничества к святыне и жертвоприношение в Ордубадском районе Нахичеванской АССР, как и в других частях Армении, были формой семейного и группового воссоединения, возобновления социальных связей. Не случайно на родину к этому дню приезжали бывшие жители Параки, Биста, Алахи и Насирваза.

В каждом селе, где жили армяне, были святые места, куда ходили в праздничные дни или в случае какой-либо необходимости. Обычно это были полуразрушенные здания церквей или развалины бывших религиозных сооружений. Новые сурбы не появлялись, что, видимо, было связано с постоянным оттоком армян с территории Нахичевани и их ориентацией на Советскую Армению.

Помимо матаха, приуроченного к Вардаварау, жертвоприношение делали по обету: по случаю выздоровления, поступления в институт, возвращения из армии или благополучного исхода аварии. Эта практика, судя по описаниям, не отличалась от того, что делали и делают в других частях Армении и Азербайджана [33, с. 223–224; 34, с. 529].

По поводу празднования Вардавара в других селах Ордубадского района сведений у нас мало: он не перечисляется в первых рядах, как это происходит у бывших жителей Параки, Биста, Алахи, Насирваза. Единственный информант из Азы говорил, что они

13. Требование раздать жертвенное мясо в семь домов является повсеместным и для Армении, и для Азербайджана.

14. Кирва — восприемник в исламе у некоторых народов Кавказа, который держит ребенка при обрезании. Функция кирва сходна с функцией крестного отца у христиан. Позднее сохранилось только символическое значение — друг семьи. О кирва в Нахичевани см. [16, с. 128–129].

не праздновали (ПМА 2023, Гохтаник, муж., 1959, Аза). Собеседник из Цхны сообщил, что принято было ставить свечи в церкви Сурб Степанос, делать матах, обводить жертвенное животное вокруг церкви и давать ему землю из святого места (ПМА 2023, Гохтаник/Эрмон, муж., 1955, Цхна).

Еще один праздник, о котором нам рассказывали бистинцы, было Воздвижение Св. Креста — Су(р)п' Хэч («святой крест», в литературном языке — Сурб Хач). Его отмечали во второе воскресенье сентября, посещали кладбище, а потом устраивали застолье (прежде всего у тех, у кого в текущем году были умершие). В этот день готовили хорови плав (или бриан): в печи тонир запекали козленка, под него ставили казан с пшеничной крупой ачар, куда стекал мясной сок и жир (ПМА 2023, Гохтаник, муж., 1955; жен., 1956, Бист).

Заключение

Наши собеседники отмечали, что полноценно исповедовать религию в советский период было невозможно из-за отсутствия церквей и священнослужителей, тем не менее, они подчеркивали, что сохраняли армянские традиции. Религиозная составляющая присутствовала в их жизни как в виде определенных ежегодных праздников и зажигания свечей в кризисных ситуациях¹⁵, так и в виде паломничества на Вардавар и жертвоприношения на праздник или по обету. Большинство религиозных практик перешли в неформальную сферу, неподконтрольную никакой институции. Праздники выполняли функцию семейного и внутригруппового воссоединения, что, видимо, в немалой степени способствовало их сохранению. Совместное паломничество на Сари Сурб Ншан сплачивало армян Параки, Биста, Алахи, Насирваза. В частности, соседские связи, видимо, повлияли на то, что позже в Армении беженцы решили поселиться вместе.

Опираясь на собранные интервью, мы можем заметить определенные локальные различия: по сравнению с паракинцами у жителей Биста лучше сохранялась обрядность религиозных праздников: они отмечали Рождество, Пасху, Сурб хач. Встают вопросы, на которые сложно ответить в рамках данного исследования, но можно учесть в будущих работах. Не повлияло ли на это совместное проживание армян с азербайджанцами? Не сказалась ли необходимость поддержания символических границ между двумя сообществами на консервации праздничной культуры?

Тесные контакты с азербайджанцами в повседневности и на работе не приводили к включению их в религиозную жизнь: святые места и праздники были у них разграничены.

Сравнивая религиозную ситуацию в Ордубадском районе с Армянской ССР, мы видим, что в Гохтне не росло число крещений, не появлялись новые святыни, не было людей, бравших на себя функции духовных лидеров. Видимо, это можно объяснить постоянным оттоком армянского населения из региона.

В ходе полевой работы мы не зафиксировали прямых свидетельств религиозных гонений хрущевского периода. Все, что было связано с религией, скорее, считалось старомодным и неактуальным, а не запретным и несущим репутационные риски. В то

15. Так, например, нам рассказывал один из собеседников о своем отце: «На Вартегур ставил [свечи — Ю.А., Е.Г., Т.Д.], но не верил»; «В Бога верит, в церковь не верит» (ПМА 2021, Гохтаник, муж., 1961 г.р., Парака).

же время ситуативное прибежание к христианским святыням, например, в случае болезни, не считалось зазорным. Конечно, мы не можем однозначно утверждать, что никаких преследований не было, но материалы интервью показывают, как централизованная атеистическая политика преломлялась на локальном уровне, а неформальные религиозные практики не считались противоречащими государственной идеологии.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ и КН РА в рамках научного проекта №20-59-05013 и №21AG-6A080. Мы благодарим всех бывших жителей Нахичевани, поделившихся своими воспоминаниями, и выражаем особую признательность Карлосу Агабабяну, Сильве Бабаян, Мгеру Есяяну, Володе Никогосяну, Амбарцуму Самвеляну и Хачику Шмавоняну. Кроме того, эта работа была бы невозможна без помощи коллег Арусяк Агабабян, Аргам Айвазяна, Артака Варданяна и Эвии Оганнисян.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Center for Science Information and the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia under research project # 20-59-05013 and # 21AG-6A080. We thank all former residents of Nakhchivan and especially Karlos Aghababyan, Silva Babayan, Mher Yesayan, Volodya Nikoghosyan, Hambardzum Samvelyan and Khachik Shmavonyan. In addition, this work would not have been possible without the help of colleagues Arusyak Aghababyan, Argam Ayvazyan, Artak Vardanyan and Eviya Hovhannisian.

Рис. 1. Компания молодых людей из с. Парака поднимается на гору Сари Сурб Ншан в день празднования Вардавара. С. Парагачай, Ордубадский р-н, лето 1980 г. Фото из архива Г.Б. Агабабяна

Fig. 1. A group of young people from Paraka village climbing Sari Surb Nshan mountain on the day of Vardavar celebration. Paragachay village, Ordubad district, summer 1980. Photo from the archive of G.B. Aghababyan

Рис. 2. Компания молодых людей из с. Парака празднует Вардавар у родника Каркара-дзор после спуска с горы Сари Сурб Ншан. С. Парагачай, Ордубадский р-н, лето 1980 г. Фото из архива Г.Б. Агабабяна

Fig. 2. A group of young people from Paraka village celebrate Vardavar at Karkara-dzor spring after descending from Sari Surb Nshan mountain. C. Paragachay village, Ordubad district, summer 1980. Photo from the archive of G.B. Aghababyan

Рис. 3. Вершина г. Капутджух, 1980 г. Фото А.А. Айвазяна

Fig. 3. The summit of Kaputdzukh, 1980. Photo by A.A. Aivazyan

Рис. 4. Святилище Сари Сурб Ншан на вершине г. Капутджух, 1980 г. Фото А.А. Айвазяна

Fig. 4. Sanctuary of Sari Surb Nshan on the top of Kaputdzhukh, 1980. Photo by A.A. Ayvazyan

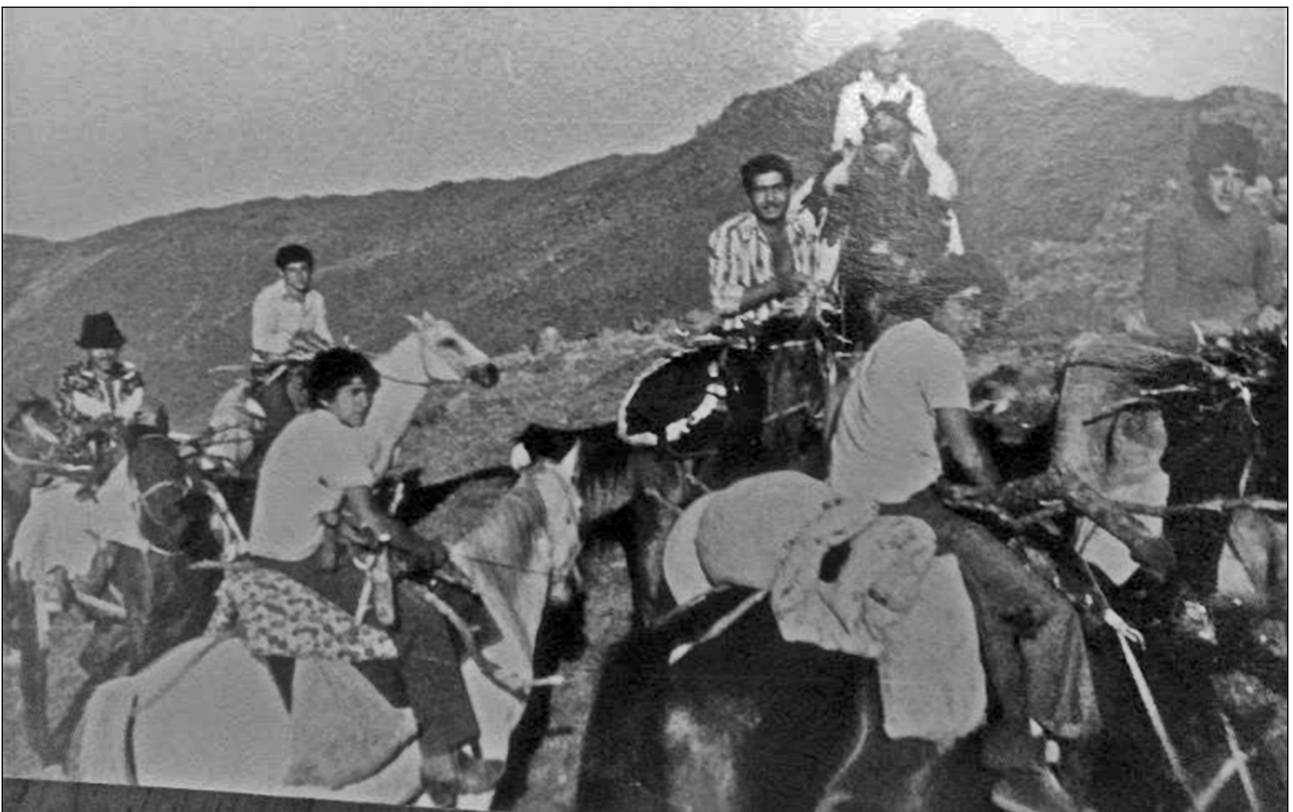

Рис. 5. Парни из Биста на склоне г. Капутджух, на пути к святилищу Сари Сурб Ншан, 1970-е гг.
Фото из архива А.А. Айвазяна

Fig. 5. Boys from Bist on the slope of Kaputdzhukh, on the way to the sanctuary of Sari Surb Nshan, 1970s.
Photo from the archive of A.A. Ayvazyan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Altstadt A. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Stanford: Hoover Institution Press, 1992.
2. Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. (Губернские итоги). Т. 51-89. С.-Петербург: 1903-1905. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=575 (дата обращения: 13.12.2023).
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29. Т. 10-16. Таблица VI. Население по полу, народности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2294 (дата обращения: 13.12.2023).
5. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Таблица 3, 4. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566 г, 1566 д. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=66 (дата обращения: 13.12.2023).
6. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6209-6237. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=76 (дата обращения: 13.12.2023).
7. Мамедли А. Введение // *Азербайджанцы / отв. ред. В. Мамедли, Л.Т. Соловьева*. М.: Наука, 2017. С. 5–11. (сер. Народы и культуры).
8. Անտանիս Հր.Յ. Հայերէն գաղափարական բառարան. Թիֆլիս: Լազարեան ճեմարան, 1913.
9. Այվազյան Ն.Ք. Գողթն գաղափարի տարազը 19-րդ դարում և 20-րդ դարի լիզրին // Աշխատություններ Հայաստանի փաստաբանության փետրական թանգարանի: Հատոր VI. Եր.: Հայաստան, 1975. Էջ. 93–113:
10. Айвазян А. Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР. Ереван: Айастан, 1981.
11. Тер-Саркисянц А.Е. Современная сельская семья у нахичеванских армян // *Полевые исследования Института этнографии 1979 г.* М.: Наука, 1983. С. 98–105.
12. Այվազյան Ա. Նախիջևանի վիճազրական ժառանգությունը, հատոր Գ, Գողթն գավառ. Եր.: Գասարինտ տպագրատանը, 2007:
13. *Վարդանյանի Ա. Հյուսիսային Գողթնի միջրարբարը*. Մենագրություն. Երևան: ՀՀ ԳԱԱ Հ; Աճառյանի անվ. լեզվի ինստիտուտ, 2021:
14. Այվազյան Ա. Գողթն. ազգագրական նյութեր. Երևան, Հեղ հրատ, 2018:
15. *Երևանյան Ս.Տ. Հայաստանը ըստ «Աշխարհացույցի», ՀՍՍՌ ԳԱ Պատմության ինստիտուտ, Եր.: ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1963:*
16. Андреева Ю.О., Гуляева Е.Ю. Нахичеванские армяне: память о соседстве в 1950–1980-е гг. // *Кунсткамера*. 2022. № 2. С. 116–133.
17. Ayvazyan A. *Historiography at the Service of Monument Degradation // Monuments and Identities in the Caucasus. Karabagh, Nakhichevan and Azerbaijan in Contemporary Geopolitical Conflict*. Ed. by I. Dorfman-Lazarev and N. Khatchadourian. Leiden: Brill, 2023. P. 379–390.
18. Dragadze T. *The domestication of religion under*

REFERENCES

1. Altstadt A. *The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule*. Stanford: Hoover Institution Press, 1992.
2. Shnirelman V. *Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Moscow: Akademkniga, 2003. (In Russ.)
3. *First General Census of the Russian Empire in 1897 Table XIII. Distribution of population by native language. (Provincial results)*. Vol. 51-89. St. Petersburg: 1903-1905. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=575 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
4. *All-Union Population Census of 1926. Moscow: Publication of the Central Statistical Office of the USSR, 1928-29*. Vol. 10-16. Table VI. Population by gender, nationality. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2294 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
5. *All-Union Population Census of 1959 Table 3, 4. Distribution of the population by nationality and native language*. RGAE. F. 1562. Op. 336. D. 1566, 1566 d. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=66 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
6. *All-Union Population Census 1979 Table 9c. Distribution of the population by nationality and native language*. RGAE. F. 1562. Op. 336. D. 6209 -6237. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php?reg=76 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
7. Mammadli A. Introduction. *Azerbaijanis*. Ed. by A. Mammadli, L.T. Solovyova. Moscow: Nauka, 2017: 5-11. (In Russ.)
8. Adjarian HY. *Armenian Provincial Dictionary*. Tbilisi: Lazarian Seminary, 1913. (In Armenian)
9. Avagyan NK'. The Costume of Goghtn province in the 19th century and the beginning of the 20th century. *Works of the State History Museum of Armenia*. Vol. 6. Yerevan: Hayastan, 1975: 93-113. (In Armenian)
10. Ayvazyan A. *Monuments of Armenian architecture of the Nakhchivan ASSR*. Yerevan: Hayastan, 1981. (In Russ.)
11. Ter-Sarkisyan AE. Modern rural family among Nakhichevan Armenians. *Field research of the Institute of Ethnography 1979*. Moscow: Nauka, 1983: 98-105. (In Russ.)
12. Ayvazyan A. *The Epigraphic Heritage of Nakhichevan. Volume C. Goghtn Province*. Yerevan: Gasprint tparatany, 2007. (In Armenian)
13. Vardanian A. *The Dialect of Northern Goghtn*. Yerevan: Acharian Language Institute of NAS RA, 2021. (In Armenian)
14. Ayvazyan A. *Goghtn Ethnographic Materials*. Yerevan: Hekh hrat, 2018. (In Armenian)
15. Yeremyan ST. *Armenia according to the "Map". Institute of History of the USSR Academy of Sciences*. Yerevan: Institut istorii Armyanskoy akademii nauk SSSR, 1963. (In Armenian)
16. Andreeva J., Guliaeva E. Nakhichevan Armenians: Memory of Neighborhood in 1950–1980s. *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 116-133. (In Russ.)
17. Ayvazyan A. *Historiography at the Service of Monument Degradation. Monuments and Identities in the Caucasus. Karabagh, Nakhichevan and Azerbaijan in Con-*

Soviet communism // *Socialism: ideals, ideologies, and local practice* / ed. by C. M. Hann. London, New York: Routledge, 1993. P. 141–150.

19. Siekierski K. The Armenian Apostolic Church and Vernacular Christianity in Soviet Armenia // *Keston Newsletter*. 2013. No. 18. P. 15–20.

20. Corley F. The Armenian Church under the Soviet Regime, Part 2: The Leadership of Vazgen // *Religion, State and Society*. 1996. Vol. 24. No. 4. P. 289–343.

21. Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства и духовных управлений мусульман по организации паломничества (1944–1965 гг.): анализ исторического опыта и значение для современности. М.: Исламская книга, 2016.

22. Antonyan Y. Worship of Shrines in Armenia: Between Soviet and Post-Soviet Modernities // *Journal of Religion in Europe*. 2021. No. 14. P. 367–391.

23. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56 (2). P. 315–332.

24. Манучарян Н. Практики тайных крещений в советской Армении // *Армянский гуманитарный вестник*. 2022. №9. С. 78–100.

25. Лусициан С.Д. «Святыни» у перевалов // *Советская этнография*. 1936. №5. С. 200–212.

26. Варданян А. Зов Вишапасара: Статьи, эссе, рассказы. Пер. с арм. А. Хармандарян. Ереван: Тигран мец, 2010.

27. Багдасарян А.А. Армянская Апостольская Церковь и советское государство: особенности взаимоотношений // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 2018. №1. С. 75–87.

28. Пиотровский М.Б. Хадир // *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 576.

29. Бабаев Т. Традиционные праздники // *Азербайджанцы* / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 529–538.

30. Шахбазов Т. Народные верования // *Азербайджанцы* / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 497–512.

31. Харатян Гр.С., Мкртчян С.С. Праздничная культура: традиции и современность // *Армяне* / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука, 2012. С. 286–306.

32. Դալալյան Տ.Ս. Վարդավառի ուխտագնացությունը դեպի Կապուտջուղի Սարի Սուրբ Նշան սրբավայր և դրա հետ կապված ջրի պաշտամունքը // *Սյունիք*. մշակույթը և բնությունը: Գիտաժողովի ամփոփագրեր (26-28 ապրիլի, 2022 թ., ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ) (հրատարակության պատրաստեցին Հասմիկ Աբրահամյանը, Ռոման Հովսեփյանը և Անի Սարատիկյանը). Եր.: ՀԱԻ հրատ, 2022. Էջ 23–25:

33. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература, 1998.

34. Нурузаде Ш. Ислам в Азербайджане // *Азербайджанцы* / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 512–529.

temporary Geopolitical Conflict. Ed. by I. Dorfman-Lazarev and H. Khatchadourian. Leiden: Brill, 2023: 379–390.

18. Dragadze T. The domestication of religion under Soviet communism. *Socialism: ideals, ideologies, and local practice*. Ed. by C. M. Hann. London, New York: Routledge, 1993: 141–150.

19. Siekierski K. The Armenian Apostolic Church and Vernacular Christianity in Soviet Armenia. *Keston Newsletter*. 2013. No. 18: 15–20.

20. Corley F. The Armenian Church under the Soviet Regime, Pt. 2: the Leadership of Vazgen. *Religion, State and Society*. 1996. Vol. 24. No. 4: 289–343.

21. Akhmadullin VA. *Activity of the Soviet state and spiritual administrations of Muslims on the organization of pilgrimage (1944–1965): analysis of historical experience and significance for the present*. Moscow: Islamskaya kniga, 2016. (In Russ.)

22. Antonyan Y. Worship of Shrines in Armenia: Between Soviet and Post-Soviet Modernities. *Journal of Religion in Europe*. 2021. No. 14: 367–391.

23. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments. *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56(2): 315–332.

24. Manucharyan N. Baptism in the midst of atheism of Soviet Armenia. *Bulletin of Armenian Studies*. 2022. №9: 78–100. (In Russ.)

25. Lisitsian SD. “Sanctuaries” at the passes. *Soviet Ethnography*. 1936. №5: 200–212. (In Russ.)

26. Vardanyan A. *Call of Vishapasar: Articles, essays, stories*. Ed. by L. Mikaelyan. Yerevan: Tigran Mets, 2010. (In Russ.)

27. Baghdasaryan AA. Armenian Apostolic Church and the Soviet state: the peculiarities of relations. *Vestnik of Moscow University*. Ser. 8. History. 2018. №1: 75–87. (In Russ.)

28. Piotrovsky MB. Khadir. *Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia*. Т. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1992: 576. (In Russ.)

29. Babayev T. Traditional holidays. *Azerbaijanis*. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2017: 529–538. (In Russ.)

30. Shahbazov T. Folk beliefs. *Azerbaijanis*. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2017: 497–512. (In Russ.)

31. Kharatyan GrS., Mkrтчyan SS. Holiday Culture: Traditions and Modernity. *Armenians*. Ed. by L.M. Vardanyan et al. Moscow: Nauka, 2012: 286–306. (In Russ.)

32. Dalalyan TS. Pilgrimage of Vardavar to the holy shrine of Sari Surb Nshan of Kaputjg and the worship of water associated with its culture and nature. *Abstracts of the conference (April 26–28, 2022, Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia)*. Prepared by H. Abrahamyan et al.). Yerevan: IAE, 2022: 23–25. (In Armenian)

33. Ter-Sarkisyan AE. *Armenians. History and ethno-cultural traditions*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998. (In Russ.)

34. Nuruzade Sh. Islam in Azerbaijan. *Azerbaijanis* / ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2017: 512–529. (In Russ.)

Поступила в редакцию 05.11.2023 г.

Принята в печать 29.12.2023 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 05.11.2023

Accepted 29.12.2023

Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201169-182>

Исследовательская статья

Белозёрова Марина Витальевна
д.и.н., доцент, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
mbelozerowa@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ АДЫГОВ (КОНЕЦ 1990-х – 2010-е ГОДЫ)

Аннотация. В статье поставлена цель проанализировать деятельность республиканских органов власти по сохранению народных художественных промыслов адыгов, определить современные тренды их развития на примере отдельного региона. Необходимость исследования тематики обуславливается тем, что сохранение народных художественных промыслов является частью совокупности проблем по истории различных этносоциальных групп населения и сохранению идентичности малых народов. Результаты исследования позволят обозначить важность сохранения народных художественных промыслов адыгов как одного из ресурсов развития региона, выработать управленческие решения в соответствии с его экономическими, социокультурными, этническими интересами и реалиями. Использование принципов системного и процессного подходов позволило сосредоточить внимание на участниках процесса – органах государственного управления Республики Адыгея, институтах гражданского общества, на системе коммуникационных связей, формируемых при решении вопросов сохранения традиционной культуры адыгов. Деятельность органов управления, коммуникационные связи (власть – гражданское общество – бизнес) рассматривались в контексте методологического принципа «секьюритизации». Выборочный метод позволил провести исследование по хронологическому (конец 1990-х – 2010-е годы) и территориальному (Республики Адыгея) срезам. Основные проблемы выявлены на основе впервые введенных в научный оборот архивных документов, анализа законодательных актов, материалов, опубликованных в Интернете. На примере региона показано, что проблемы сохранения и развития народных художественных промыслов обусловлены упразднением существовавшей ранее структуры, отсутствием регулярной государственной и региональной поддержки, правового регулирования. В результате были утрачены некоторые виды и традиционные способы производства. Для решения задач по сохранению художественных промыслов адыгов был разработан комплекс мер. Показана взаимосвязь между развитием художественных промыслов адыгов, формированием стабильности в отрасли (создание бренда региона, введение в туристическую отрасль), занятостью населения, сохранением идентичности, устойчивым развитием региона.

Ключевые слова: традиционная культура; народные художественные промыслы; устойчивое развитие; адыги; Республика Адыгея

Для цитирования: Белозерова М.В. Проблемы и перспективы сохранения и развития народных художественных промыслов адыгов (конец 1990-х – 2010-е годы) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 169-182.

© Белозёрова М.В., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201169-182>

Research paper

Marina V. Belozerova,
Dr. Sci., Assistant. Prof., Principal Researcher
Subtropical Research Center of RAS, Sochi, Russia
mbelozerowa@mail.ru

CHALLENGES AND PROSPECTS IN PRESERVING AND DEVELOPING ADYGHE FOLK ARTS AND CRAFTS (LATE 1990S – 2010S)

Abstract. The article aims to analyze the efforts of regional authorities in safeguarding the traditional artistic crafts of the Circassian community, with a focus on delineating contemporary trends in their development within a specific geographic area. The necessity of this study stems from the recognition that the preservation of folk arts and crafts constitutes an integral component of the historical challenges facing various ethnosocial groups and the perpetuation of the cultural identity of smaller ethnicities. The findings of this analysis will underscore the significance of preserving Circassian folk arts and crafts as a pivotal resource for regional development, informing policy decisions aligned with the economic, sociocultural, and ethnic imperatives and realities of the area. Utilizing systemic and process-based approaches, the study centers on key stakeholders involved in the preservation of Adyghe traditional culture, including governmental bodies of the Republic of Adygea, civil society institutions, and the communication networks established during the resolution of cultural preservation issues. These efforts are examined within the framework of the methodological principle of “securitization.” Employing a sampling method, the research spans a chronological period from the late 1990s to the 2010s, focusing geographically on the Republic of Adygea. Drawing upon archival documents, legislative analyses, and online materials, the study identifies primary challenges arising from the dissolution of previous organizational structures, insufficient state and regional support, and gaps in legal regulations, leading to the loss of certain crafts and traditional production techniques. In response, a comprehensive set of measures is proposed to address these challenges and preserve Circassian artistic crafts. The interconnectedness between the development of Circassian artistic crafts, the fostering of industry stability (including branding initiatives for the region and integration into the tourism sector), employment generation, cultural identity preservation, and the sustainable advancement of the region is shown.

Keywords: traditional culture; folk arts and crafts; stable development; Adyghe people; Republic of Adygea

For citation: Belozerova M.V. Challenges and Prospects in Preserving and Developing Adyghe Folk Arts and Crafts (Late 1990s – 2010s). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N.1. P. 169-182.

Одними из объектов исследований в отечественной историографии являются вопросы сохранения и развития историко-культурного наследия народов России. Данная проблематика коррелируется с курсом национальной политики РФ в части формирования условий «этнокультурного развития народов России»¹ [1, с. 299, 300, 306]. Также она обуславливается основными трендами современности. Среди них всеобщим является процесс объективного сближения культур разных народов, их унификация как результат интеграционных процессов. Антитезой в условиях утраты культурной самобытности у этносов стало стремление к консервации и сохранению своей идентичности через развитие традиционной культуры, к формированию государственного курса поддержки ее уникальности. Изучение этих взаимосвязанных процессов дает возможность рассмотреть, как накопленный исторический опыт использования разных моделей управления культурным разнообразием на государственном уровне, так и региональные программы и проекты. Анализ и обобщение такого опыта актуальны при разработке и эффективной реализации принимаемых управленческих решений.

На современном этапе для народов России наряду с духовными ценностями (национальный язык, религиозные верования, фольклор) не менее значимой задачей становится сохранение материальной составляющей культуры (традиционных ремесел, производств, художественных промыслов, архитектурных форм и др.). В этом проявляется культурная специфика народа, а также современный тренд на формирование бренда региона. Последняя тенденция связана с «включением» элементов традиционной культуры в региональные рыночные отношения и частичным решением задачи занятости местного населения. Эти два аспекта (бренд и рыночные отношения) определяют новизну исследования и позволяют рассмотреть вопросы, не изученные ранее.

Круг работ, посвященных вопросам традиционной культуры, ее сохранения, достаточно широк. Одной из основных задач стало изучение вопросов сосуществования национальных культур в эпоху глобализации, «интеграции мировых культур», «отмирания» традиционных культур под влиянием этих всемирных процессов [2; 3], рисков утраты уникальных элементов национальных культур [4; 5]. В региональной историографии основное внимание уделялось базовым элементам культурного наследия, которые определяли сохранение идентичности этнических сообществ. Анализировались основные тренды развития народных художественных промыслов на примере отдельных регионов [6–9], изменения этнических художественных традиций как результат модернизации экономики, социальных отношений, культуры [10]. В предметную область специалистов Адыгеи были включены вопросы развития народных художественных промыслов и традиционных ремесел адыгов [11], использования инноваций в традиционных художественных промыслах [12], выявления традиционных центров художественных производств, определение их локальных отличий [13]. В диссертационных исследованиях поднимались вопросы художественной обработки металла, дерева, камня, кости, рога, производства керамики [13, с. 4, 10, 32], традиции золотошвейного искусства [14] и других видов ремесел [15; 16]. Определенный вклад в изучение данной проблематики внесли сотрудники Национального музея Республики Адыгея. Результаты их изучения нашли свое место в публикациях сотрудников

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. Ст. 17 г, 36 б. [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения 17.02.2022).

в 2009–2017 годы [17; 18]. Анализ историографии по вопросам сохранения и развития народных художественных промыслов (далее – НХП) адыгов показал, что данная тематика стала объектом исследования в основном искусствоведов, культурологов и частично этнографов, и выявлен круг вопросов, требующий более глубокого освещения или уточнения.

Учитывая актуальность и историографические данные, объектом изучения в данном исследовании выбран один из сегментов традиционной культуры – народные художественные промыслы как значимый вид традиционной культуры, предметом – народные художественные промыслы как один из ресурсов развития региона. Целью исследования стал анализ деятельности региональных органов управления, направленной на сохранение народных художественных промыслов адыгов, определение современных трендов их развития на примере отдельного региона. Поставленные задачи заключаются в рассмотрении состояния системы народных художественных промыслов в исторической ретроспективе; взаимодействия региональных органов власти и структур гражданского общества, отдельных представителей профессионального сообщества в формировании курса по сохранению и развитию народных художественных промыслов; в анализе деятельности региональных органов управления по реализации этого курса. Пространственные рамки охватывают территорию Республики Адыгея, временные – конец 1990-х – 2010-е годы, при этом, следуя принципу историзма, выбранная тематика была рассмотрена в исторической ретроспективе.

Нами были использованы материалы, отложившиеся в фонде Р-499 Государственного Совета – Хасэ Адыге в Национальном архиве Республики Адыгея. В исследовании был проведен анализ федерального и регионального законодательства по проблемам сохранения народных художественных промыслов, аналитические справки Информационно-аналитического управления Аппарата Государственного Совета-Хасэ Республики Адыгея, опубликованные на официальном сайте учреждения². Материалы архивного фонда, результаты анализа республиканского законодательства по теме исследования вводятся в научный оборот впервые. Это позволило изучить вопросы, не получившие ранее своего отражения в научных исследованиях.

Методологической основой стали принципы системного и процессного подходов, которые позволили в ходе исследования сосредоточить внимание на участниках процесса – органах государственного управления Республики Адыгея, институтах гражданского общества, на системе коммуникационных связей, формируемых при решении вопросов сохранения традиционной культуры. Выборочный метод позволил провести исследование по хронологическому (конец 1990-х – 2010-е годы) и территориальному (Республика Адыгея) срезам. В исследовании было осуществлено обобщение результатов социологических опросов, проведенных министерством культуры Республики Адыгея. Данные представлены в виде диаграмм, составленных автором.

Проблематика рассматривалась также в контексте методологического подхода «теории секьюритизации – безопасности» [19–23] как «защита» от угроз определенного «референтного объекта» [22, р. 1]. Под «референтным объектом» в частности понимаются общественные ценности – сохранение и развитие гражданского общества, традиций. Исходя из этого, методологический подход используется при изучении процессов, затрагивающих регионы, этносы, гражданское общество при

2. Дать ссылку на интернет-страницу.

угрозе их существованию через потерю коллективной идентичности. Раскрытие процесса с использованием методологического подхода теории секьюритизации означает, что любой вопрос из неполитизированного и не включенного в общественный дискурс может перейти в стадию политизированности и нести определенные риски для безопасности в обществе. Теория секьюритизации определяет безопасность как форму дискурсивной практики (социальной, согласно Б. Бузану), направленную на изменение расстановки политических приоритетов и выработку неотложных мер. В исследовании мы предприняли попытку наряду с выявлением возможности формирования спорных ситуаций провести анализ деятельности органов управления и гражданского общества при их решении.

НХП адыгов и адыгских субэтносов формировались на протяжении столетий. Художественное творчество включало создание одежды и ее элементов, оружия. Такие ремесла как кузнечное, или оружейное дело на протяжении XVIII–XIX вв. зачастую передавалось и поколения в поколение. При изготовлении оружия соединялось кузнечное и ювелирное мастерство [13, с. 13]. Значительное место занимало производство предметов домашнего обихода. Основными его видами были плетение циновок с узорами, производство домашней утвари, обработка кожи. В целом НХП у адыгов были домашними промыслами. Изделия были функциональны как предметы первой необходимости, которые использовались ежедневно. На развитие НХП в определенной степени оказал влияние ислам и связи с Османской Портой. Это влияние проявилось в создании предметов, предназначенных для зажиточных соплеменников, и прослеживалось в золотошвейной вышивке, ювелирном и оружейном деле, в изготовлении и чеканке посуды из меди. В основном при их изготовлении преобладали национальные традиции [13, с. 10, 12, 14, 15].

В 1930-е годы традиционные ремесла и техники их изготовления либо частично исчезли, либо подверглись незначительным изменениям. Адыгские мастера продолжали заниматься производством таких предметов мебели, как треножный столик «анэ», стульчик «пхэнтэку», люлька «кушэ» [11, с. 16]. В советское время мастера соединяли традиционные и современные техники изготовления предметов, использовали новые материалы [11, с. 13, 14]. По-прежнему были востребованы традиционные материалы – дерево, кожа, войлок, металл; из современных – использовали искусственную кожу, композитные материалы. К 1970-1980 годам в Адыгейской автономной области была создана целостная структура художественных цехов при леспромхозах³. В это время мастерами было восстановлено ручное художественное вязание, тиснение и плетение из кожи, узорное плетение арджанов (циновок) из кути (специально обработанной болотной травы), корзин из камыша, оград из лозы. Плетение арджанов было наиболее распространенным промыслом среди адыгов. Их производством занимались практически в каждом селении в степной и лесостепной зоне Адыгеи. По мнению специалистов, в основном этим ремеслом (вплоть до настоящего времени) занимались женщины, которые сочетали плетение циновок с занятостью на основном месте работы. Однако были известны и мастера-мужчины, например, З. Гучев⁴. Циновки, как правило,

3. Протокол Парламентских слушаний на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 21.

4. Доклад Салова Е.И., председателя комитета по культуре, спорту, СМИ, взаимодействия с общественными организациями, на тему «Народные художественные промыслы Адыгеи, эстетическая ценность и социально-

использовались в быту. При плетении мастера и мастерицы пользовались традиционными инструментами и техникой изготовления, традиционными оставались и узоры [13, с. 41].

В 1990-е годы с ликвидацией леспромхозов были расформированы и художественные цеха. Деятельность ряда мастеров была прекращена или частично перенесена в частные городские квартиры и сельские дома. НХП стали приобретать индивидуальный характер. Так работали, например, мастера, создававшие костюмы на основе национальной традиции. Созданные ими работы представлялись на республиканских, всероссийских и международных выставках и конкурсах. Из других видов НХП остались наиболее востребованными камнерезное, золотошвейное мастерство, плетение⁵. Нарушение инфраструктуры НХП привело к тому, что теперь каждый мастер вынужден был сам заботиться о приобретении необходимых материалов, обеспечивать их доставку, сбыт готовых изделий⁶.

Следует отметить и проблему правового регулирования НХП в Адыгее. В конце 1990-х – начале 2000-х годов на государственном уровне этим вопросам оказывалась определенная правовая поддержка⁷. Формировалась система правовых, организационных мер, финансирования, материально-технического обеспечения, организации информационных кампаний по обеспечению государственной охраны памятников, предметов культурного наследия со стороны федеральных, региональных органов власти и органов местного самоуправления⁸. В то же время анализ регионального опыта показал неравномерность состояния нормативно-правовой базы в этой сфере. В ряде регионов на основе федерального законодательства формировались программы по поддержке и развитию НХП; в других – разрабатывалась своя нормативно-правовая база по их сохранению. В качестве примера приведем Закон «О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае». Он гарантировал равные возможности в развитии всех областей народного творчества, обеспечивал финансирование из краевого бюджета, материально-техническую базу. Например, передачу помещений для мастерских в безвозмездное пользование или на условиях льготной аренды организациям, которые занимаются НХП, традиционными ремеслами и декоративно-прикладным искусством⁹. В Адыгее на основе принятого закона «О культуре» (1998) органы государственной власти могли оказывать поддержку организациям народных художественных промыслов. Их перечень утверждался уполномоченным Правительством РФ¹⁰. Но отсутствие отдельного

экономические ресурсы» на заседании Парламентских слушаний на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 20.

5. Там же. Л. 21

6. Там же. Л. 17-18, 19, 21

7. Федеральный закон N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230> (дата обращения: 23.06.2023).

Федеральный закон N 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» от 06.01.1999 [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/179957/> (дата обращения: 05.06.2023).

8. Федеральный закон N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002. ст. 1, 3, 6. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230> (дата обращения: 23.06.2023).

9. Закон Краснодарского края N 1264-КЗ «О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае» от 28 июня 2007 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/krasnodar/159503/> (дата обращения: 29.05.2023).

10. Закон Республики Адыгея N 87 «О культуре» от 15 июля 1998 года. ст. 12, п. 3. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/804932442> (дата обращения: 29.05.2023).

закона о НХП, с точки зрения председателя Государственного совета – Хасэ Республики Адыгея А.Г. Иванова, препятствовало введению отрасли в правовое поле и создавало значительные проблемы в сфере деятельности мастеров, так как производство изделий не попадало под определение «народный художественный промысел»¹¹. Данный вопрос требовал решения одним из первых.

Таким образом, уже в начале 2000-х годов проявились проблемы сохранения и дальнейшего развития НХП. В то же время можно проследить и некоторые позитивные стороны. К ним следует отнести объединение части мастеров в учрежденное в это время единственное в республике ООО «НАН». Большую известность получил созданный музей-мастерская по производству традиционных циновок, где мастера проводили с молодежью занятия по изготовлению традиционных циновок¹². В результате была воспитана целая плеяда мастеров. Региональными органами управления периодически выделялись местные гранты для мастеров, некоторым были выделены помещения в бессрочное безвозмездное пользование под мастерские¹³. При Адыгейском республиканском колледже им У.Х. Тхабисимова был открыт факультет декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, для преподавания на котором приглашались мастера НХП. Но в целом государственная поддержка мастеров и отрасли НХП не была регулярной¹⁴ и в большей степени имела спорадический характер.

Проблематика о сохранении НХП в общественном дискурсе обозначилась в первом десятилетии 2000-х годов, когда был сформирован контент о необходимости сохранения культуры народов, проживающих в регионе, как «неотъемлемого достояния народного творчества», отражавшее национальное своеобразие¹⁵. В дискурс включились представители разных этносов, проживавших в республике. При этом НХП рассматривались в качестве одного из основных сегментов культурного наследия, прежде всего у адыгов, как представителей малых народов. Обеспокоенность вызывала возможность потери этнической идентичности у адыгской молодежи. В этот период численность мастеров-адыгов составляла более 300 человек, 80 из них принимали участие на выставках работ авторов. Среди них выделялись мастера шпалеры М. Гогунуков, Е. Абакумова, ювелиры А. Еутых, Е. Гогунуков и др.¹⁶ К 2008 г. в общественный дискурс по вопросам, связанным с развитием НХП, включились представители республиканских (Государственный Совет Республики Адыгеи – Хасэ) и муниципальных органов власти, художественных творческих союзов, мастера НХП.

С целью выявления отношения к вопросу о необходимости сохранения и возрождения НХП и разработке республиканской программы министерством культуры Республики Адыгея был проведен социологический опрос среди жителей региона.

11. Протокол Парламентских слушаний на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 17.

12. Там же. Л. 26

13. Там же. Л. 29.

14. Доклад Салова Е.И., председателя комитета по культуре, спорту, СМИ, взаимодействия с общественными организациями, на тему «Народные художественные промыслы Адыгеи, эстетическая ценность и социально-экономические ресурсы» на заседании Парламентских слушаний на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 18.

15. Там же. Л. 15

16. Состояние и перспективы развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея. 20 июня 2013 года // Информационно-аналитическое управление Аппарата Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://www.gshra.ru/socially/socially_13.html (дата обращения: 06.05.2023).

Он показал, что до 82,8% респондентов считает необходимым возрождение НХП. Примерно 45,7% опрошенных были не удовлетворены ситуацией на республиканском товарном рынке НХП, так как предлагаемый ассортимент товаров не отвечал потребностям жителей республики.

Как видно из диаграммы (рис. 1), подавляющее большинство респондентов (более 87%) считало, что НХП могли иметь большее значение в экономическом развитии региона, более 20% – являться фактором снижения безработицы и повышения благосостояния мастеров НХП. Значительная доля респондентов считала, что продукция НХП относится к произведениям искусства.

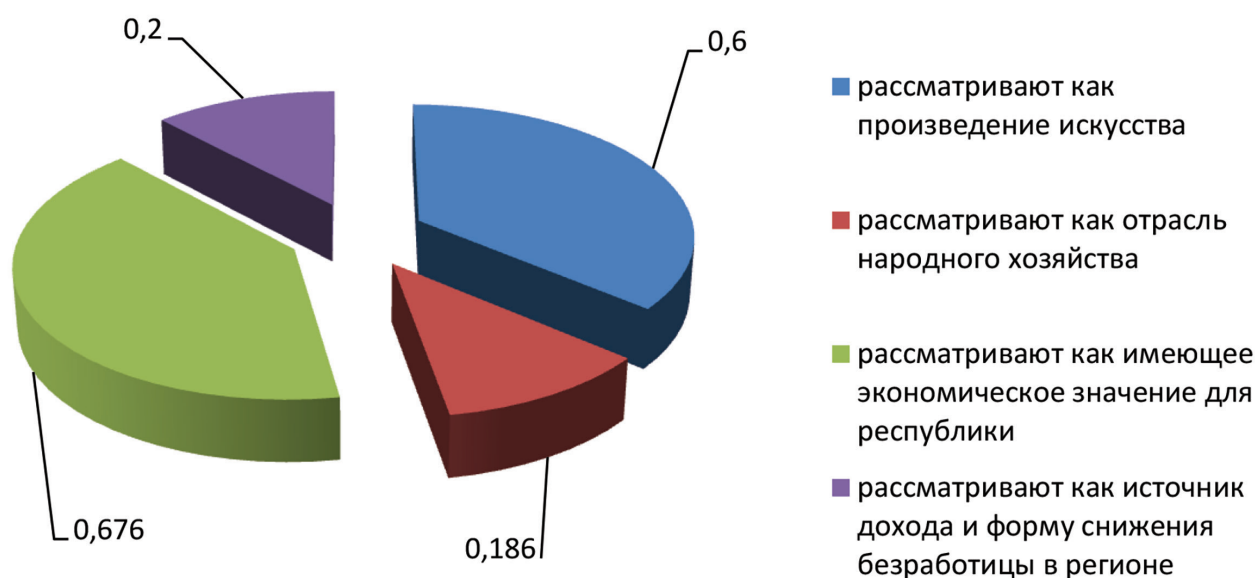

Рис. 1. Оценка респондентами роли народных художественных промыслов (Республика Адыгея). Составлено по: НАРА, Ф. Р– 499. Оп. 1. Д. 1937. Л. 22

Fig. 1. Respondents' assessment of the role of folk arts and crafts (Republic of Adygea). Compiled from: NARA, F. R-499, Inv. 1, File 1937. Folio 22

По мнению опрошенных жителей, заботиться о развитии НХП должны в первую очередь органы государственной власти и муниципалитеты. За это высказались более 50,0% респондентов. При этом приоритетным должны были стать принятие закона о господдержке НХП, разработка целевых программ и механизма их финансирования (диаграмма, рис. 2). Данные социологического опроса показали ожидания населения в необходимости возрождения и развития различных видов НХП. Существовавшие ранее и вновь организованные малые предприятия НХП позволили бы включить в сферу малого предпринимательства представителей различных социальных групп, создать новые рабочие места, снизить уровень безработицы и социальной напряженности. Из всех видов художественных промыслов для жителей региона наибольшее значение (45,6% опрошенных) имело возрождение золотошвейного дела¹⁷.

17. Доклад Салова Е.И., председателя комитета по культуре, спорту, СМИ, взаимодействия с общественными организациями, на тему «Народные художественные промыслы Адыгеи, эстетическая ценность и социально-экономические ресурсы» на заседании Парламентских слушаний на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 21, 22.

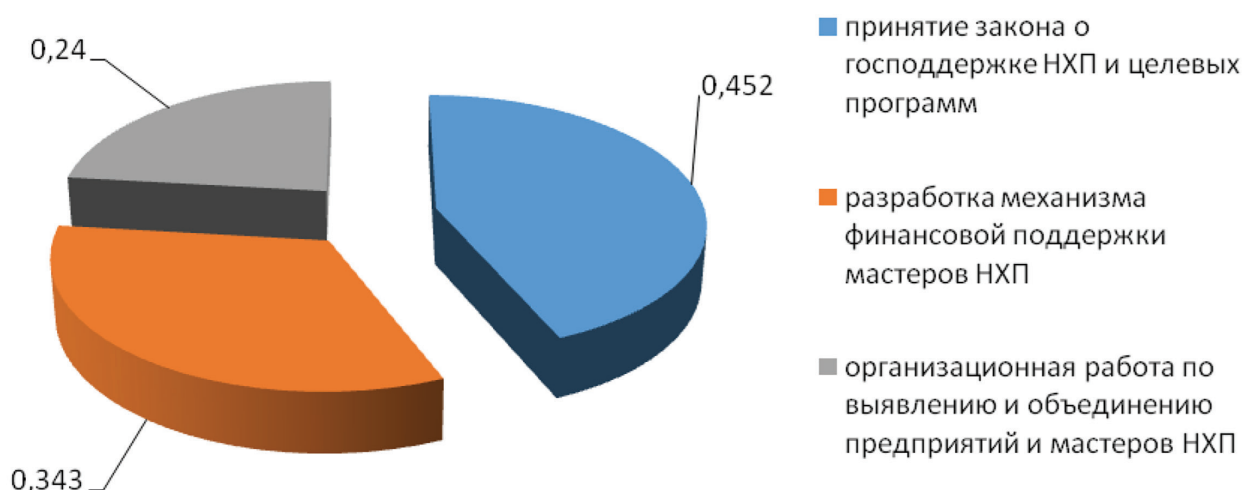

Рис. 2 Распределение мнений респондентов о необходимых мерах для развития НХП (Республика Адыгея). Составлено по: НАРА. Ф. Р— 499. Оп. 1. Д. 1937. Л. 23

Fig. 2. Respondents' opinion on the necessary measures for the development of the folk arts and crafts (Republic of Adygea). Compiled from: 18, NARA, F. R-499, Inv. 1, File 1937, Folio 23

Все вопросы, связанные с сохранением и развитием НХП, стали предметом Парламентских слушаний «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» (июнь 2008)¹⁸. В них приняли участие представители республиканских и муниципальных органов власти, гражданского общества, мастера-адыги, представители других этносов, занимавшиеся различными видами декоративно-прикладного (вологодское кружево) и классическими видами искусства (живопись, скульптура), представители СМИ¹⁹. На слушаниях были представлены результаты соцопроса жителей, которые учитывались при выработке предложений и рекомендаций.

В ходе слушаний было внесено предложение о формировании долгосрочной целевой программы по сохранению традиционной культуры народов Республики Адыгея на 2009–2014 годы. Основная цель программы – развитие художественных промыслов и определение их экономического потенциала в республике. Для ее достижения предлагалось введение НХП в туристическую отрасль и выстраивание соответствующих рыночных отношений. Мастерские и предприятия НХП должны были быть включены в туристические маршруты, чтобы посетители могли ближе познакомиться с промыслами Адыгеи и приобрести какие-то изделия. Сувенирные производства должны были решить задачи формирования бренда региона. Были определены перспективные производства – керамическое, золотое шитье, ковроткачество, изготовление изделий из металла, дерева, лозы, тростника. По мнению экспертного сообщества (представителей министерства культуры РА, муниципальных органов власти, художественных творческих союзов), эти меры должны были усилить потенциал и привлекательность региона, способствовать пополнению бюджета республики

18. Программа Парламентских слушаний на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 1–3.

19. Список приглашенных на Парламентские слушания на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 4–13.

и муниципалитетов, углубить мотивацию и расширить интерес к истории и традиционной культуре у молодежи и в целом населения Адыгеи.

Механизмы реализации этих целей включали выработку единых подходов к законодательному обеспечению деятельности мастеров НХП, введение их деятельности в единое правовое поле, определение форм государственной поддержки на республиканском и муниципальном уровнях, формирование единой системы регулирования финансирования и их деятельности. Предлагалось учредить гранты Кабинета министров Республики Адыгея для выполнения значимых творческих проектов, организовывать ежегодные выставки-продажи изделий НХП, в дальнейшем – открытые торги особо ценных произведений; в перспективе создать Фабрику художественных промыслов и ремесел²⁰. Для презентации продукции НХП и традиционных ремесел предлагалось создать журнал «Путешествие по Республике Адыгея», один из номеров которого посвящать информации и иллюстрациям о традиционных промыслах республики. Внимание участников Парламентских слушаний акцентировалось на необходимости оказания помощи в объединении мастеров в творческие союзы²¹ и организации единого центра под руководством художественного совета [13, с. 43]. В состав последнего предлагалось включить специалистов разных профилей – искусствоведов, историков, этнографов, художников, представителей всех работающих мастерских НХП, экономистов, технологов для осуществления творческого и финансово-экономического руководства (создано в 2017 г. как некоммерческая организация «Ассоциация народных художественных промыслов и ремёсел Республики Адыгея»²²).

Частично предложения участников Парламентских слушаний были реализованы. Однако в целом предлагаемые мероприятия по стабилизации отрасли не вошли в «Стратегию социально-экономического развития Республики Адыгея до 2025 года» (2009). Необходимость разработки этого документа определялась проблемами, проявившимися в социально-экономическом развитии региона в первом десятилетии XXI в. Основными были высокий уровень безработицы (составлял в 2005 г. 4,4%), низкий уровень доходов населения, постепенное сокращение численности и миграции населения с конца 1990-х годов [24, с. 975–976; 25, с. 13; 26, с. 98]. В Стратегии были сформулированы основные цели: при развитии основных отраслей экономики республики (сельского хозяйства, пищевой промышленности, энергетики) акцент делался на создание «инновационно-туристического кластера» с предоставлением туристских и санаторных услуг²³. Соответственно, главное внимание уделялось

20. Доклад Салова Е.И., председателя комитета по культуре, спорту, СМИ, взаимодействия с общественными организациями, на тему «Народные художественные промыслы Адыгеи, эстетическая ценность и социально-экономические ресурсы» на заседании Парламентских слушаний на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 15-16, 17, 23, 24.

Рекомендации Парламентских слушаний на тему на тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 63-64.

21. Протокол Парламентских слушаний тему: «О государственной поддержке сохранения и развития народных художественных промыслов в Республике Адыгея» от 5 июня 2008 г. // Национальный архив Республики Адыгея (ГКУ РА НАРА). Ф. Р-499 (Государственный Совет – Хасэ Адыге). Оп. 1. Д. 1937. Л. 26, 30, 60.

22. «В Адыгее появится Ассоциация народных художественных промыслов и ремёсел». [Электронный ресурс]. – URL: <http://cnk01.ru/main/307-v-adygee-poyavitsya-associaciya-narodnyh-hudozhestvennyh-promyslov-i-remesel.html> (дата обращения: 11.09.2023).

23. Закон Республики Адыгея N 300 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2025 года» от 23 ноября 2009 с. 62, 109, 111. [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/32344167/#friends> (дата обращения: 05.06.2023).

развитию гостиниц, санаториев, туристических баз, детских лагерей, предприятий общественного питания, торговых и развлекательных учреждений. Таким образом, в документе не были отражены положения, связанные с развитием НХП. По-прежнему не было оформлено правовое регулирование НХП. На развитии отрасли негативно сказывался рост цен на материалы, существовали трудности в сбыте продукции – реализация художественных предметов осуществлялась в единственной точке в Художественном салоне города Майкоп.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Были выявлены проблемы, проявившиеся в отрасли в конце 1990-х – 2010-х годов. Созданная и успешно работавшая в советское время система, в 1990-е годы была практически разрушена. НХП адыгов приобрели индивидуальный характер, сузились финансирование и рынок для реализации продукции. В структуре экономики региона в 2010-е годы отрасль была представлена слабо, поэтому хозяйственно-экономический и художественно-эстетический потенциал реализовывался недостаточно. Нами выделен и ряд других проблем: нерешенность правового регулирования НХП и атрибуции на законодательном уровне понятия «народный художественный промысел»; эпизодичность государственной поддержки деятельности мастеров; узость базы для передачи навыков, приемов производства от старшего поколения мастеров молодежи. В результате проявилась тенденция к утрате некоторых видов НХП.

При поиске путей предупреждения политизированности ряда вопросов в общественном дискурсе деятельность органов управления, коммуникационные связи (власть – гражданское общество – бизнес) рассматривались в контексте методологического принципа «секьюритизации». Объективно это вело к формированию новой системы взаимодействия между представителями управленческих структур, бизнес-сообщества, учреждений науки и культуры, профессиональных сообществ, мастеров НХП и традиционных ремесел. Результаты исследования позволяют обозначить их значимость как одного из ресурсов развития региона, выработать управленческие решения в соответствии с его экономическими, социокультурными, этническими интересами и реалиями.

В работе рассмотрен опыт Республики Адыгея по поиску путей предупреждения политизированности вопросов сохранения и развития НХП. Как показали социологические опросы и сложившийся общественный дискурс, народные художественные промыслы для адыгов являются значимым видом традиционной культуры. Зародившиеся несколько столетий назад, художественные промыслы бережно сохранялись народом в местах их традиционного бытования. Предложения, сформулированные на уровне органов республиканского и муниципального управления и направленные на развитие народных художественных промыслов, определение их экономического потенциала в республике, стали, по сути, не только попыткой введения их в региональные программы социально-экономического развития, но и составляющей в стратегии развития национальных культур. Среди них – программы финансовой поддержки мастеров, создание бизнес-инкубатора изделий НХП, формирование специальной долгосрочной программы, рассчитанной на 2009–2014 годы и другие.

Позиционированные в ходе Парламентских слушаний Госсовета – Хасе тренды (сохранение и развития НХП адыгов, формирование бренда и введение отрасли в туристический сектор) представляются перспективными, так как являются синтезом нескольких процессов. Сохранение художественных промыслов и традиционных

ремесел, развитие художественно-эстетического потенциала можно рассматривать как социальный процесс. Использование НХП в качестве бренда региона можно оценивать как политический процесс, их интеграцию в рыночную экономику – как экономический процесс. Генезис НХП, выявление взаимосвязи вопросов сохранения традиционной культуры, проявлений ее инновационных форм, политического курса государства можно исследовать в рамках исторического процесса. Все обозначенные процессы необходимо изучать как составляющие этносоциального мониторинга.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации Государственного задания ФИЦ СЦ РАН в Рег. № НИОКТР 122032300400-5 FGRW-2021-0014 «Мониторинг этносоциальной обстановки в субъектах Российской Федерации: методология и методики информационного обеспечения национальной политики».

Acknowledgement. The study was conducted withing the state assignment FRC SRC RAS in Reg. No. NIOKTR 122032300400-5 FGRW-2021-0014 “Monitoring the ethnosocial situation in the constituent entities of the Russian Federation: methodology and methods of information support for national policy”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Индикаторы мониторинга реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: модели традиционного жизнеобеспечения и этническое предпринимательство // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 296–312.
2. Белозёрова М.В. К проблеме сохранения национального культурного наследия в эпоху глобализации // Социокультурные исследования в современном культурном пространстве. Астрахань: Астраханский государственный университет: Издательский дом «Астраханский университет», 2021. С. 32–34.
3. Тимощук А.С. Традиционная культура: сущность и существование: автореферат... доктора философских наук. Нижний Новгород, 2007. 47 с.
4. Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.
5. Орлов С.С. Традиционная культура адыгов и ее модернизация // Вестник Южного научного центра. 2013. Т. 9. № 3. С. 134-138.
6. Асланова Л.А. Сакрально-культовые основы формирования традиционного адыгского орнамента: автореферат... кандидата исторических наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, 2009. 30 с.
7. Белов М.С. Народные художественные промыслы в современном культурном пространстве Ивановской области: автореферат диссертации ... кандидата культурологии. Шуя: ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», 2012. 24 с.
8. Белов М.С. Бытование народных художественных промыслов в современном культурном пространстве //

REFERENCES

1. Sadovoy AN., Belozerova MV. Indicators for monitoring the implementation of the strategy of state national policy of the Russian Federation: models of traditional livelihoods and ethnic entrepreneurship. *Scientific dialogue*. 2016;2 (50):296-312 (In Russ.).
2. Belozerova MV. On the problem of preserving national cultural heritage in the era of globalization. *Sociocultural studies in modern cultural space*. Astrakhan: Astrakhan State University: Publishing House «Astrakhan University», 2021: 32-34 (In Russ.).
3. Timoshchuk AS. *Traditional culture: essence and existence: abstract... Doctor of Philosophy*. Nizhny Novgorod, 2007. 47 p. (In Russ.).
4. Zakharov AV. Traditional culture in modern society. *Sociological studies*. 2004; 7:105-115 (In Russ.).
5. Orlov SS. Traditional culture of the Circassians and its modernization. *Bulletin of the Southern Scientific Center*. 2013; 9(3):134-138. (In Russ.).
6. Aslanova LA. *Sacral and cult foundations of the formation of traditional Adyghe ornament: abstract... candidate of historical sciences*. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University named after. Kh. M. Berbekova, 2009. 30 p. (In Russ.).
7. Belov MS. *Folk artistic crafts in the modern cultural space of the Ivanovo region: abstract of the dissertation ... candidate of cultural studies*. Shuya: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Shuya State Pedagogical University», 2012. 24 p. (In Russ.).
8. Belov MS. The existence of folk artistic crafts in the modern cultural space. *News of universities. Series «Humanities»*. 2013;4 (1):9-15.
9. Ivanova LV. *Development of traditional artistic crafts and crafts of the Russian population of the Middle*

Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 4 (1). С. 9–15.

9. Иванова Л.В. Развитие традиционных художественных промыслов и ремесел русского населения Среднего Зауралья в XIX–XX веках: автореферат ... кандидата исторических наук. Тюмень: ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет», 2007. 27 с.

10. Павлова Е.Ю. Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России (конец XIX – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 276 с.

11. Тертышник Н.В. Становление и развитие профессионального декоративно-прикладного искусства в Адыгее: автореферат... кандидата искусствоведения. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. 28 с.

12. Кидакоева Н.З. Формирование художественных принципов дизайна современной авторской одежды на основе традиций адыгейского костюма: автореферат... кандидата искусствоведения. Санкт-Петербург, 2022. 23 с.

13. Мальбахов Б.Х. Декоративно-прикладное искусство адыгов: автореферат... доктора искусствоведения. Москва, 2004. 52 с.

14. Теужеч Н.К. Золотошвейное искусство адыгов (Историко-этнографическое исследование): автореферат... кандидата исторических наук. Москва, 2005. 34 с.

15. Куёк М. Г. Средневековый художественный металл адыгов X–XVI вв.: автореферат... кандидата искусствоведения. Москва, 2009. 32 с.

16. Хокон С.Э. Этнокоستم в современной культуре адыгов: социокультурные аспекты: автореферат... кандидата культурологии. Саратов, 2014. 20 с.

17. Сборник материалов научных статей: I-е Музейные чтения Национального музея Республики Адыгеи. Майкоп: НМРА, 2009. 152 с.

18. Сборник материалов и научных статей Национального музея Республики Адыгеи. Майкоп: НМРА, 2017. Вып. VI. 155 с.

19. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 21(1). С. 20–32.

20. Тамбовцева М.А. Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9. С. 185–187.

21. Balzacq T. A Theory of Securitization: Origins, Core Assumptions and Variants // Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve / ed. by T. Balzacq. Abingdon: Routledge, 2011. P. 1–30.

22. Buzan B. The “War on Terrorism” as the new Macro-Securitization. Oslo: Workshop papers, 2006. P. 1–25.

23. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13. No. 3. P. 357–383

24. Белозёрова М.В., Магомедханов М.М. Опыт регулирования миграционных потоков на региональном уровне: конец 1980-х – начало 1990-х годов //

Trans-Urals in the 19th-20th centuries: abstract ... candidate of historical sciences. Tyumen: State Educational Institution of Higher Professional Education «Tyumen State University», 2007. 27 p. (In Russ.).

10. Pavlova EYu. *Folk arts and crafts of Sayan-Altai in the context of the ethnocultural development of Russia (late 19th – early 21st centuries).* Novosibirsk: Publishing house IAET SB RAS, 2012. 276 p. (In Russ.).

11. Tertyshnik NV. *Formation and development of professional decorative and applied arts in Adygea: abstract... candidate of art history.* Barnaul: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Altai State University”, 2017. 28 p. (In Russ.).

12. Kidakoeva NZ. *Formation of artistic principles of design of modern designer clothing based on the traditions of the Adygehe costume: abstract... candidate of art history.* St. Petersburg, 2022. 23 p. (In Russ.).

13. Malbakhov BKh. *Decorative and applied art of the Circassians: abstract... Doctor of Art History.* Moscow, 2004. 52 p. (In Russ.).

14. Teuzhech NK. *Gold embroidery art of the Circassians (Historical and ethnographic research): abstract... candidate of historical sciences.* Moscow, 2005. 34 p. (In Russ.).

15. Kuyok MG. *Medieval artistic metal of the Circassians of the X–XVI centuries: abstract... candidate of art history.* Moscow, 2009. 32 p. (In Russ.).

16. Khokon SE. *Ethnic costume in modern Circassian culture: sociocultural aspects: abstract... candidate of cultural studies.* Saratov, 2014. 20 p. (In Russ.).

17. *Collection of materials from scientific articles: 1st Museum Readings of the National Museum of the Republic of Adygea.* Maykop: NMRA, 2009. 152 p. (In Russ.).

18. *Collection of materials and scientific articles of the National Museum of the Republic of Adygea.* Maykop: NMRA, 2017. Vol. VI. 155 p. (In Russ.).

19. Gaidayev OS. The theory of securitization, or the Well Forgotten Old: on the question of theoretical and philosophical origins and the origin of the theory. *Bulletin of RUDN University. Series: International relations.* 2021; 21(1): 20–32 (In Russ.).

20. Tambovtseva MA. Theoretical approach of the Copenhagen School to ensuring international security: the main provisions of the theory of securitization. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice.* Tambov: Gramota, 2017; 9: 185–187 (In Russ.).

21. Balzacq T. A Theory of Securitization: Origins, Core Assumptions and Variants. *Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve / ed. by T. Balzacq.* Abingdon: Routledge, 2011: 1–30.

22. Buzan B. *The “War on Terrorism” as the new Macro-Securitization.* Oslo: Workshop papers, 2006: 1–25.

23. Stritzel H. Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond. *European Journal of International Relations.* 2007; 13(3):357–383.

24. Belozerova MV., Magomedkhanov MM. Experience in regulating migration flows at the regional level: the end of the 1980s – the beginning of the 1990s. *History of archeology and ethnography of the Caucasus.* 2021; 17(4): 969–985. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174>; DOI: <https://caucasushistory.ru/2618-6772/issue/viewIssue/92/4>

История археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 4. С. 969–985. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174>; DOI: <https://caucasushistory.ru/2618-6772/issue/viewIssue/92/4>

25. Белозёрова М.В. Репатриация адыгов и черкесов в регионы Западного и Северного Кавказа (1990–2010-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 152–153. doi: 10.17223/19988613/81/18

26. Огай И.П. Особенности социально=экономического развития Республики Адыгея // Проблемы развития предприятий: теория и практика. Самара. 2017. С. 97–100.

25. Belozerova MV. Repatriation of Circassians and Circassians to the regions of the Western and Northern Caucasus (1990–2010s). *Bulletin of Tomsk State University. Story*. 2023; 81: 152-153. doi: 10.17223/19988613/81/18 (In Russ.).

26. Ogai IP. Features of the social and economic development of the Republic of Adygea. *Problems of enterprise development: theory and practice*. Samara. 2017: 97-100 (In Russ.).

Поступила в редакцию 18.10.2023 г.

Принята в печать 25.11.2023 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 18.10.2023

Accepted 25.11.2023

Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201183-190>

Research paper

Nelli R. Khachaturian
Cand. Sci., Researcher
Institute of Archeology and Ethnography of NAS RA, Yerevan, Armenia
nelly.khachaturyano2@gmail.com

APPROACHING ETHNO-RELIGIOUS IDENTITY

Abstract. The development of modern societies is largely associated with ethno-religious and religious processes. The study of ethnicities, societies or other groups through the prism of religious processes, first of all, aims to identify the impact of religious consciousness and behavior on the processes of reproduction of ethnic or group identity. It is the religion that is most often associated with ethnic or group culture. Due to the characteristics of the country of residence, religious, ethnic, cultural or political segments, the same ethnic or other group may exhibit differing religious behaviors. Religious processes have become a prominent topic of social inquiry, with scholars across various disciplines examining concepts like religiosity, religious identity, worldview, consciousness, and behavior. This area of study presents a crucial, intriguing, and inherently complex facet of modern social sciences. Yet, the question of theoretical and methodological approaches in studying this subject remains open in scientific discourse. For example, the issues of religiosity often go beyond the scope of theoretical research, and their social significance requires the use of applied analytical capabilities, as the latter is dictated by the need to identify the place of religious consciousness and behavior in social processes in the context of transformation of modern societies and during periods of reforms and crisis. Religious belonging, practices and traditions are the key factors in defining cultural identity of an ethnic/religious minority groups. The emphasis becomes stronger in multi-religious societies, where religion and religious affiliation determine the self-identity of a group, thus becoming one of the pillars of preserving its cultural heritage. This paper examines the unique challenges and considerations involved in studying the phenomenon of ethno-religious identity. It analyzes the complex interplay between ethnic and religious identities that forms the core structure of ethno-religious identity. Drawing on the author's research experience, the paper provides an overview of the theoretical, ideological, and empirical approaches utilized in studying this complex phenomenon.

Keywords: ethno-religious identity; religiosity; ethnic group; religious group; historical analysis; methodology

For citation: Khachaturian N.R. Approaching Ethno-Religious Identity. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N.1. P. 183-190.

Хачатурян Нелли Рафиковна
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения
nelli.khachaturyano2@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Развитие современных обществ во многом связано с этнорелигиозными и религиозными процессами. Изучение этносов или иных групп сквозь призму религиозных процессов, прежде всего, направлено на выявление влияния религиозного сознания и поведения на процессы воспроизводства этнической или групповой идентичности. Порою, именно религия ассоциируется с этнической культурой. В зависимости от особенностей страны проживания, ее религиозных, этнических, культурных или политических сегментов, представители одной и той же этничности или группы могут демонстрировать разное религиозное поведение. Сегодня религиозные процессы обсуждаются в широком социальном аспекте. Понятия религиозности, религиозной идентичности, мировоззрения, сознания и поведения являются объектом различных исследований. Это одно из важных, интересных и в то же время сложных направлений современной гуманитарной науки. Однако вопрос о теоретико-методологических подходах изучения данного феномена остается открытым в научном дискурсе. К примеру, вопросы религиозности часто выходят за рамки теоретических исследований, а их социальная значимость требует использования прикладных аналитических возможностей. Последнее продиктовано необходимостью выявления места религиозного сознания и поведения в социальных процессах в условиях трансформации современных обществ, а также в периоды реформ и чрезвычайных ситуаций. Религиозная принадлежность, обычаи и традиции являются ключевыми факторами в определении культурной идентичности этнических и/или религиозных меньшинств. Акцент усиливается в поликонфессиональном обществе, где религия и религиозная принадлежность определяют самоидентичность группы, становясь тем самым одним из столпов сохранения ее культурного наследия. Целью статьи является представление особенностей изучения феномена этнорелигиозной идентичности. Предпринята попытка анализа специфического взаимодействия этнической и религиозной идентичности, образующего общую структуру этнорелигиозной идентичности. Анализ основан на исследовательском опыте автора и представляет собой обзор теоретических, идеологических и эмпирических подходов в изучении феномена.

Ключевые слова. Этнорелигиозная идентичность, религиозность, этнос, религиозная группа, исторический анализ, методология

Для цитирования: Хачатурян Н.Р. Особенности исследования этнорелигиозной идентичности // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 183–190.

Introduction

The concept of “identity” is widely used today in ethnology, psychology, cultural and social anthropology, oriental studies, religious studies, sociology and in many interdisciplinary researches. In the most generalised sense, it means a person’s awareness of his belonging to any human community, enabling one to determine one’s place in the real socio-cultural space. The need for identity is caused by a person’s need for orderliness of his life activity in a specific community of people [1].

In the context of globalisation processes and intense interethnic contacts, where it is assumed that features and unique social and cultural phenomena can be integrated and lost, it turns out that it is the ethnic and religious groups that are the most stable and invariable. Despite the trend of standardisation, the unique ethnic and religious identity has not gone anywhere [2: 337; 1; 3: 116]. Moreover, recently the thesis about the unavoidability of secularisation and the decline of religion has been changing its course. The term “post-secular” is increasingly used in relation to the world, society and era. “Post-secular” means the return of religion to the domain of modern society [4: 9].

As modern societies become more urbanized, individuals become increasingly estranged [5: 408, 414, 423], leading to a general sense of instability in the modern world. This, in turn, increases the desire to seek out a comfortable social and cultural microenvironment. The latter is commonly marked with social, demographic, cultural, etc. signs that link the personality to “people alike”. In that concept the most stable can be the consolidations on the basis of sensation of common blood, origin, memory, history, representations, values and functions [6: 390–392]. It is obvious that these requirements are met by associations based on ethnic and religious sensitivities, both in individual and interconnected systems.

Therefore, modernization and unification trends, while not eliminating ethnic ties and identity [3: 116], can even stimulate the emergence of strong ethnocentric forces alongside rapidly evolving transnational and trans-communal experiences [2: 352]. This phenomenon is further amplified by the close connection between ethnic and religious components, where this interdependence manifests within the religious domain as well.

Basic concepts and approaches

Our approach is based on the specific interactions of ethnic and religious identities. These relations play a key role in understanding the worldview of a specific ethnic, ethno-religious or religious group.

In accordance with currently adopted formulations, ethnic identity can be characterised as part of the overall social identity of the individual, which refers to understanding, acceptance and attribution of belonging to a particular ethnic group [7]. In the same vein, religious identity can be considered as a form of group and individual identity, based on the awareness of belonging to a particular religion, forming perceptions through the relevant religious beliefs.

By virtue of the function of social regulation inherent in religion, the religious identity in one case enables to replace, and in the other case to superimpose on the feeling of ethnic

identity contributing to its consolidation through generations [8: 263–266]. Hence, the ethno-religious identity can be considered as one of the forms of ethnic identity [9: 137] imbued with a certain religious worldview and spirituality.

Each ethnic community develops a unique value system, hierarchy, and spiritual life in a specific period of time. The form in which these elements are ultimately expressed depends on many factors of influence, such as political (geopolitical), cultural, demographic, geographical (climatic), and ethno-religious factors.

Thus, the study of ethno-religious identity should aim to identify the mechanisms of self-preservation of ethnic or other groups based on the religious component both in certain historical periods or throughout the whole historical timeline.

Analysis of the theory

Nowadays within the framework of theoretical approaches (ethnological, sociological, philosophical, religious, cultural, anthropological etc.) to the phenomenon of ethno-religious identity, we can observe the following. The philosophical approach advocates examining the phenomenon not only as it currently exists (how it presents and manifests within society) but also in its ideal or potential form – what should be its dynamics, based on certain relationships, and interdependencies [10: 18].

Cultural theories indicate that each cultural system (and the ethno-religious component, as its part) is formed by a number of distinctive and unique features for the particular system, and it is obvious that the content of these kind of systems and the variates of the relationships in it can be quite diverse [11].

Both in ethnocultural life of society and ethnos [12: 174–176] as well as in strengthening social and ethnic solidarity [13: 63] the religious factor has always been given a special role. It has been noted, however, that the religious component is directly related to the ethnocultural homogeneity [14: 173]. In this regard, since the mid-20s the term “ethnic religion” is introduced into circulation [14: 278], and studies on ethno-religious identity are commonly based on it.

Analyzing the religious processes in ethnic society, it is important to understand that they are an integral part of the spiritual and cultural layers of it, determining the scope of meanings and values related to the fundamental aspects of the human being and the existence of ethnos. These layers are traditionally formed in society as an independent social institution, which is in close connection with other infrastructures.

Thus, in studying religious processes, the concepts of religiosity and spirituality become fundamental in this aspect. They are considered to be the spiritual, cultural and social characteristics of a representative of a particular group, which is expressed in the adoption of certain religious beliefs, self-identification and the choice of a behavior model at the individual and group levels [15: 49].

However, when regarding this phenomenon, we observe that the religious component can have some variations, depending on the factors affecting it, the situation where it manifests, the environment, historical realities, and how it is viewed by the community and the individual, what system it belongs to, spiritual or cultural, ecclesiastical or social, whether it is an innate or acquired quality.

According to Eliade, before trying to define the phenomenon of the religious component in any group, it is necessary to discuss the “facts” of a given religious system, mainly those facts that appear “in their purest form” and, perhaps, are closer to their main “source” [16: 10–11].

Since the end of the 20th century, researchers have favored an integrated approach to the concept of the religious component of ethnicity. This approach emphasizes the simultaneous consideration of multiple variables to explain patterns of behavior and cognition. Key elements include religious activities (participation in worship, visiting holy places, adherence to behavioral norms), religious consciousness (self-identification, acceptance of dogma, integration of religious norms into life, desire for spiritual knowledge), depth of faith, and degree of spirituality. Together, these elements offer a comprehensive understanding of the religious component within a particular group [17: 136–143].

Durkheim, in turn, argues that the religious component is inseparable from the concept of a church, emphasizing the inherently collective nature of religion [12: 44].

The migration research indicates that the religious organizations help immigrants to adapt faster to a new social and ethnic environment and the success of adaptation is ensured mainly by the religious factors of adaptation as well [18].

During periods of social and political change, religion frequently serves as a defining marker of ethnic identity. In some instances, it even takes on the role of a political factor or a crucial element in nation-building. This underscores the significant role religion plays in human history and the life of ethnic communities.

Furthermore, to fully understand the religious component within a particular ethnicity, it should be perceived in its true essence and the approach to it should be “with the same religious yardstick”. Without this approach, the researcher risks overlooking the core element that defines the religious component – its sacred nature [16: 7].

When investigating the concept of ethno-religious identity, it’s necessary to begin with the understanding that culture and the lives of ethnic groups are interconnected. Culture, while multi-faceted, is largely shaped by the practice of religion. A society or ethnic group that loses its religious foundations risks a subsequent erosion of its cultural identity [4: 3–7].

Thus, studies of ethno-religious identity are important in terms of understanding ethno-cultural (and/or ethno-religious) mechanisms of self-preservation of an ethnic or religious group, its current state, prospects for development in the context of its own and foreign (ethnic, religious or confessional) environment.

Analysis of methodology

The article also aims to develop a methodological basis for the study of ethno-religious identity. Exploring the dynamics of the development of the ethno-religious identity, it is supposed to work not only within the study of its current situation, influencing factors and phenomena, development prospects, but also in the framework of a comparative historical analysis. The combination of modern and historical layers of the phenomenon makes it possible to identify certain patterns, the analysis of which can be used in the development of the concepts in the formulation of theoretical and methodological basis.

A long-term strategy for this kind of research should be identifying the mechanisms for the reproduction of spiritual values, so called “ethno-spiritual” life typical for the study

group. In future, research may provide an opportunity to form a concept of the current ethno-cultural processes in the frame of an ethnic group.

Based on the materials of comparative field surveys, it is possible to fix the features of religious consciousness and behaviour inherent in this particular ethnicity. Among the tasks, the priority may be:

Determining the level of influence of the religious component on the state of ethnicity, ethnic consolidation and development;

Identifying factors that influence or provoke changes in ethno-religious identity of an ethnic group;

Exploring mechanisms by which individuals understand their own ethno-religious identity;

Investigating the role of the national church in the formation and development of ethnicity;

Identifying resurfacing, revitalizing, and fading spiritual and cultural values underlying ethno-religious identity;

Examining the degree of perception of social reality through the prism of ethnic and religious categories specific to a particular ethnic group;

Defining multi-identity issues, etc.

In order to obtain more information, it is important to measure the segmentation of ethno-religious communities according to the following criteria: nature of settlement (compactness-dispersion), level of self-organisation (political, social, cultural, economic, etc.), ethnic and social environment, demographic status (gender, age and family structure, migration dynamics), origin, confession, etc. [19: 12–20].

All of the above are intended to uncover problems in empirical research into the correlation of religious and ethnic identities in order to identify the religiously-based self-preservation mechanisms of ethnic communities.

Conclusions

Therefore, examining the phenomenon of ethno-religious identity through comparative historical analysis reveals its inherent complexity. This complexity stems from the intertwined nature of its ethnic and religious content of the phenomenon, which is not only shaped by contemporary influences but also necessitates a long-term historical perspective. Thus, the study of ethno-religious identity should involve tracing its historical development, taking into account both external and internal influences, and potentially anticipating its future transformations.

It is crucial to acknowledge that under specific historical circumstances, the ethnic and religious aspects of identity can become deeply intertwined, even seemingly inseparable. In such cases, religion becomes inextricably linked to the ethnic group's culture, national heritage, and other defining elements. Consequently, the national church and religion serve as the custodians of the group's historical and cultural legacy. Furthermore, in situations of statelessness or risk of assimilation, ethnicity can create a cultural barrier within the group's collective consciousness, encompassing religious traditions, language, history, and the memory of a specific territory. And once this barrier collapses, assimilation occurs [20: 15].

When creating such a cultural and ideological barrier, opposing a certain “opponent” (meaning different types of assimilation), there is a further formation of a special kind of ethno-religious identity of this ethnos both in its own and in a foreign environment. And in the transition to other religions, confessions or ethnic groups, however, there may be a gradual decline in the basic indicators of the ethno-religious identity of the group [18: 151]. As a result, one of the main goals of studying ethno-religious identity is to identify the basic markers and indicators of this phenomenon, which can be considered in the future solving issues of ethno-religious or religious reconversion.

In the context of certain historical, cultural and religious characteristics ethnic groups are able to form a specific type of ethno-religious identity, an important niche of which occupies a high cultural background. However, if, due to the historical circumstances, that kind of background is absent or poorly manifested, a different kind of identity is formed on the basis of the concepts of resettlement territory and/or relatively newly formed state. In this type of group identity, ethnic and religious components develop later, emerging alongside the development of state or territorial identity or nationalism. Initially, a unique intra-territorial solidarity forms. This is followed by a distinct intra-territorial religiosity, often with regional characteristics. As these factors gain prominence in the socio-political, socio-cultural, and socio-economic spheres of the society, they ultimately contribute to the overall social consolidation of the group.

Comparative empirical research on ethno-religious identity offers valuable insights into the dynamics of ethno-religious processes. By examining religious consciousness, behaviour, opinions, and assessments within specific ethnic groups, researchers can identify patterns and regularities. The findings of the case studies and their analyses may be considered as experience in the systematic follow-up of ethno-religious processes, that are complex and require a close in-depth approach, since the dynamics of those processes are in contact with religion, which is essential for the group’s vitality and reproduction.

REFERENCES

1. Lyausheva SA., Nagoy AA. Religious identity in modern culture. *Bulletin of Adyghe State University. Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, culturology series*. 2009, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennoy-kulture> [date of access: 09/15/2020].
2. Agadjanian A. *Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice*. London, New York: Routledge, 2014.
3. Dzhangozian S. On the issue of manifestation of ethnic identity in the diaspora (theoretical approaches). *The issues of national identity in the context of globalization (interdisciplinary aspects). Collected articles of the republican scientific conference* (November 5, 2013). Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) Press, 2014: 115-125.
4. Dobrenkov VI. Christian and Orthodox sociology. *Bulletin of the Moscow State University, Political Science and Sociology*. 2012, 2: 3-24.
5. Fromm E. *Psychoanalysis and the culture: Selected works*. Moscow: Yurist, 1995 (In Russ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляушева С.А., Нагой А.А. Религиозная идентичность в современной культуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 27.02.2024).
2. Agadjanian A. *Armenian Christianity Today: Identity Politics and Popular Practice*. London, New York: Routledge, 2014. — 288pp.
3. Джангозян С. К вопросу проявления этнической идентичности в диаспоре (теоретические подходы) // Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты). Ереван: Издательство Российско-Армянского (Славянского) университета, 2014. С. 115–125.
4. Добреньков В.И. Христианская и православная социология // Вестник Московского гос. ун-та, раздел Политология и социология. Сер. 18. 2012. №2. С. 3–24.
5. Фромм Э. Психоанализ и культура: Избранные труды. Москва: Издательство «Юрист», 1995. — 623с.
6. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Издание

6. Merton R. Explicit and latent functions. *American sociological thought: texts*. Moscow: International University of Business and Management Press, 1996: 379-448 (In Russ).
7. Popova VV., Vereshchagina MV. The concept of religious and ethnic identity. *International scientific research journal*. 2015, 6(37). Available at: <https://research-journal.org/psycology/ponyatie-religioznoj-i-etnicheskoj-identichnosti> [date of access: 27.02.2024].
8. Dzankhotova AA. Ethno-confessional identity. *Molodoi uchenyi*. 2010, 4(15): 263-266.
9. Ryzhova SV. Ethnoconfessional identity and the formation of religious political orientations. *Sotsiologicheskije issledovaniya*. 2015, 10: 136-144.
10. Antonov K. *Philosophy of religion and philosophical problems of theology in Russian religious thought*. Moscow: PSTGU Publishing House, 2020.
11. Lévi-Strauss K. Structuralism and ecology. Open-source text. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/fof/soo/z0000684/index.shtml>. (In Russ).
12. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York: Free Press, 1995.
13. Goffman AB. *Emile Durkheim in Russia*. Moscow: Higher School of Economics Press, 2001.
14. Andersen B. *Imagined societies*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016.
15. Shirko OA. Religiosity as a category of study. *Higher school: scientific-methodological and public affairs*. Moscow, 2016, 2: 49-52.
16. Eliade M. *Studies of comparative religion*. Moscow: Ladomir, 1999.
17. Karapetyan S., Khachaturyan N. The Dynamics of Religious Behaviour and Consciousness among Urban Population in Armenia (Comparative Ethnosociological Study of 1980-2005). *Religiovedenie*. 2021, 4: 136-143.
18. Yanakova E. Religious aspect of social adaptation of immigrants in the modern world. *Conference proceedings "Lomonosov 2016". Section "Sociology of family and demography"*. Eds. I.A. Aleshkovsky, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8531/uid107576_report.pdf.
19. Karapetyan RS. Armenians in their own and foreign environment: problems and prospects of research. *Ethnosociological studies of Armenia and the Diaspora*. 2014, 7: 12-20. (In Russ).
20. Sargisyan OL. Understanding some aspects of the concepts of "national identity" and "globalization". *The problem of national identity in the context of globalization (interdisciplinary aspects). Proceedings of the republican scientific conference (November 5, 2013)*. 2014: 53-63 (In Russ).
21. Khachaturyan NR. On the issue of theoretical problems of studying the ethno-religious identity of Armenians. *Caucaso-Caspica*. 2020, 5: 147-153 (In Russ).
- Международного университета бизнеса и управления, 1996. С. 379-448.
7. Попова В.В., Верещачина М.В. Понятие религиозной и этнической идентичности // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №6 (37). <https://research-journal.org/archive/6-37-2015-july/ponyatie-religioznoj-i-etnicheskoj-identichnosti> (дата обращения: 27.02.2024).
8. Дзанхотова А.А. Этноконфессиональная идентичность // Молодой ученый. №4 (15). 2010. С. 263-266.
9. Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. №10. С. 136-144.
10. Антонов К. Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли. — Т.1. — Москва: Издательство ПСТГУ, 2020. — 608с.
11. Леви-Стросс К. Структурализм и экология // Открытый текст. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://filosof.historic.ru/books/item/fof/soo/z0000684/index.shtml>
12. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York: Free Press, 1995. — 464 p.
13. Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. — 100 с.
14. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
15. Ширко О.А. Религиозность как категория изучения // Высшая школа: наука-методы и публикации. № 2. Минск: Издательство БГУ, 2016. С. 49-52.
16. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. — Москва: Ладомир, 1999. — 488с.
17. Карапетян С., Хачатурян Н. Динамика религиозного поведения и сознания населения городов Армении (опыт сравнительного этносоциологического исследования 1980-2005 гг.) // Религиоведение. 2021. Т. 4. С. 136-143.
18. Янакова Е. Религиозный аспект социальной адаптации иммигрантов в современном мире // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. Доступ по ссылке: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8531/uid107576_report.pdf
19. Карапетян Р.С. Армяне в своей и инонациональной среде: проблемы и перспективы исследования // Этносоциологические исследования Армении и диаспоры. 2014. Т. 7. С. 12-20.
20. Саркисян О.Л. Осмысление некоторых аспектов понятий «национальная идентичность» и «глобализация» // Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты). Ереван: Издательство Российско-Армянского (Славянского) университета, 2014. С. 53-63.
21. Хачатурян Н.Р. К вопросу о теоретических проблемах изучения этно-религиозной идентичности армян // Caucaso-Caspica. Т. 5. Ереван: Издательство Российско-Армянского (Славянского) университета, 2020. С. 147-153.

Поступила в редакцию 19.09.2023 г.
Принята в печать 02.01.2024 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

Received 19.09.2023
Accepted 02.01.2024
Published 15.03.2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201191-205>

Исследовательская статья

Капустина Екатерина Леонидовна
к.и.н., в.н.с. отдела этнографии Кавказа,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Россия,
parlel@mail.ru

ИСЛАМ, ПОТРЕБЛЕНИЕ, МИГРАЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ ИСЛАМСКОГО КОНСЮМЕРИЗМА И ХАЛЯЛЬ-ИНДУСТРИИ В НЕМУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье на примере трудовой миграции из Республики Дагестан в города Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов рассматривается проблема антропологического изучения практик производства и потребления халяль-продукции в обществах, где мусульмане составляют меньшинство. В статье халяль рассматривается как дозволенная для мусульман пища, а главным предметом изучения становятся халяльные практики выходцев из Дагестана, живущих в арктических и субарктических городах Западной Сибири. Проводится анализ академических дискуссий, сквозь призму которых в настоящее время можно рассматривать тему халяль-потребления – концепции в рамках антропологии питания и материального поворота в социальных науках, антропологии ислама и антропологии инфраструктуры, а также антропологии мигрантских сообществ. В частности, в статье рассматриваются проблемы становления и функционирования халяльного рынка в рассматриваемых регионах и опыт дагестанской общины, задействованный в этом процессе. Поднимаются вопросы сертификации и авторитета, роли в этом отправляющего общества, а также места халяля в общей системе городского консюмеризма в современном немусульманском обществе. В результате, для выходцев из Дагестана, нацеленных на покупку халяльных продуктов в арктическом регионе, помимо данных о сертификации товаров специализированными центрами, а особенно в условиях покупки мяса не в магазине, а у частных торговцев, важным становится не столько наличие сертификата халяль как документа, сколько репутация самих поставщиков, его богобоязненность, образ жизни, поведение в отправляющем сообществе. Также роль играет восприятие той или иной территории как территории халяльного потребления. При этом сама практика построения халяльной инфраструктуры может быть вариантом религиозной практики верующего. С другой стороны, предпочтение халяльных продуктов может быть раскрыто не только через исполнение религиозных предписаний, но и как потребительская стратегия выбора натуральной еды, которая открывает халяль-рынок и для немусульман.

Ключевые слова: антропология питания; индустрия; материальный поворот; халяль; ислам; миграция; Дагестан; Западная Сибирь

Для цитирования: Капустина Е.Л. Ислам, потребление, миграция: изучение исламского консюмеризма и халяль-индустрии в немусульманском обществе // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 191–205.

© Капустина Е.Л., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201191-205>

Research paper

Ekaterina L. Kapustina
Cand. Sci., Leading Researcher at Dep. of Ethnography of the Caucasus
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS
Saint Petersburg, Russia
parlel@mail.ru

ISLAM, CONSUMPTION, MIGRATION: EXPLORING ISLAMIC CONSUMERISM AND HALAL INDUSTRY IN A NON-MUSLIM SOCIETY

Abstract. This article explores the anthropological dimensions of halal production and consumption practices within the context of labor migration from the Republic of Dagestan to the Arctic and subarctic cities of the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Okrugs, where Muslims constitute a minority. Drawing on interdisciplinary perspectives, including the anthropology of nutrition, the material turn of social sciences, the anthropology of Islam, the anthropology of infrastructure, and the anthropology of migrant communities, the article examines the dynamics of halal market formation and operation in these regions. It investigates issues such as certification processes, sources of authority, the role of the sending society, and the integration of halal consumption within the broader urban consumer landscape of non-Muslim communities. Furthermore, the study highlights the significance of reputation, religious commitment, and community behavior in shaping the consumption patterns of halal products, particularly in scenarios where goods are obtained from private traders rather than formal retail establishments. It underscores the importance of trust in suppliers and the religious ethos of the sending community in influencing consumer choices. Additionally, the article discusses the notion of specific territories as spaces of halal consumption and how the development of halal infrastructure can be perceived as a religious practice. Moreover, it explores the multifaceted motivations behind preference for halal products, revealing that while religious adherence is a significant factor, consumer decisions are also influenced by concerns for natural and ethical food choices, thereby expanding the halal market beyond Muslim consumers.

Keywords: anthropology of nutrition; industry; material turn; islam; migration; Dagestan; Western Siberia

For citation: Kapustina E.L. Islam, Consumption, Migration: Exploring Islamic Consumerism and Halal Industry in a Non-Muslim Society. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N.1. P. 191-205.

Тема материального воплощения религиозности стала весьма актуальной в социальной и культурной антропологии. Развитие этого направления связано с так называемым материальным поворотом в социальных науках, направлением или корпусом теорий, сочетающих в себе идеи важности вещного мира. Прежде всего, это акторно-сетевая теория Б. Латура, сформулировавшего идею гибридности современного мира вещей и людей, когда объекты эмансипированы и уравниваются в правах с субъектами, они, так же, как и люди, являются «актантами» – то есть, «вовлеченными в действие» [1, с. 100–101]. Помимо нее здесь важны и идеи социальных антропологов И. Копытоффа, М. Дуглас, А. Аппадурай, исследовавших «социальную жизнь» вещей и их перемещения в пространстве социальных значений [2].

До появления этого направления внимание к религии как к трансцендентному опыту и духовной категории преобладало, а материальное воплощение религиозности воспринималось как нечто вторичное. Материальный поворот здесь, в свою очередь, основывается на предположении, что духовный опыт может быть рассмотрен как производная от телесных практик и переживаний, порождаемых контактами человека с вещами, субстанциями, изображениями, звуками, запахами, вкусами [3, с. 31].

Явный недостаток работ о материальной религии в отечественной антропологии в последние годы рефлексировается в профессиональной среде и активно восполняется¹, однако, существует еще множество тем и вопросов, не охваченных вниманием исследователей.

Одним из недостаточно исследованных аспектов материальной религиозности остается работа инфраструктуры, т.е. системы обеспечения материальными ресурсами, необходимыми как для отправления религиозного культа, так и для функционирования ее экономической составляющей. Одному из аспектов этого – формированию и работе индустрии халяль-продуктов в России – будет посвящена данная статья.

На протяжении ряда лет я занимаюсь темой миграции между Дагестаном и субарктическими и арктическими городами Западной Сибири. Это явление стало достаточно масштабным как для принимающих городов, так и для отправляющих сообществ [см. 4]. Выбранный мной исследовательский фокус – рассматривать миграцию дагестанцев на север через теоретическую линзу транснационализма, что, на мой взгляд, дает возможность определить характер темпоральности, а также объясняет специфику функционирования социальных сетей мигрантов и немигрантов. Не участвующие в миграции напрямую и состоящие в системе транснациональных связей с уехавшими «на север» родственники, друзья, деловые партнеры и односельчане, одновременно с этим, становятся вписанными в единое социальное пространство, состоящее из совокупности северных и дагестанских локальностей.

Попадание в иноэтничную и, что важно для темы данной статьи, инорелигиозную среду, ставит перед моими информантами, в подавляющем большинстве позиционирующими себя как мусульмане, новое переосмысление различных практик материальности, которые могут быть впервые или лишь более определенно для них обозначены как исполнение религиозных предписаний. Потребление дозволенной в исламе еды часто актуализируется именно в миграции, что порождает рефлексию и принятие различных потребительских решений с учетом инфраструктурных особенностей принимающего региона. Потребление халяль-продукции становится важным элементом

1. Например, этой теме был посвящен 55 номер журнала «Антропологический форум» за 2022 г.

исламского консюмеризма, формулирующего свои принципы и проблемы. На повышенный интерес к халяльности пищи в условиях миграции, по моему мнению, влияет и возрастной состав моих информантов, преимущественно довольно молодых людей 20–50 лет², которые и в Дагестане могут декларировать большую религиозность и через это большую щепетильность связанных с ней в пищевых установок.

Религиозность дагестанцев играет значимую роль в их пищевых практиках, связанных с транслокальным характером их жизни. Подавляющее большинство моих информантов заявили, что едят исключительно (или пытаются есть) продукты, не запрещенные в исламе³. В статье я хотела бы остановиться на практиках халяльного потребления в миграции в контексте проявления религиозной идентичности мигрантов из Дагестана. Это могут быть халяль как разрешенная для мусульман пища или халяль в широком смысле как, в целом, дозволенное мусульманам потребление – тогда это фактически вся ориентированная на соблюдающих мусульман индустрия. Здесь речь пойдет, прежде всего, о халяльных продуктах питания в контексте транслокальной жизни дагестанцев на севере.

Собирая материал по пище в миграции, я заметила, что продуктовые посылки стали одной из наиболее значимых транслокальных практик, консолидируя транслокальное сообщество, обеспечивая реципрокный обмен ресурсами между мигрантами и немигрантами внутри этого сообщества, становясь предметным выражением заботы и семейного единения, что так важно в условиях транслокального существования семьи, выражая региональную и религиозную идентичность, становясь самостоятельным бизнесом для некоторых членов транслокального сообщества [7; 8].

Проблема определения продуктов (прежде всего, мяса) на предмет халяльности становится наиболее принципиальным и декларируется как обязательное всеми моими информантами. В контексте этого мне интересно восприятие пищи через категорию халяльности/нехаляльности, а также проявление халяля во времени и в пространстве в контексте северной мобильности.

Статья написана на основе собранных в рамках проекта данных в городах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. В основу статьи вошли полевые материалы (наблюдения, полуструктурированные интервью и беседы) с выходцами из Дагестана, работающими в арктическом регионе (города ЯНАО) от нескольких лет до пары десятилетий. В основном, это люди 20–50 лет, большинство имеют семьи и детей, которые также постоянно проживают с ними в Арктике. Исследование пищевых стратегий мигрантов проводилось мной в течение 2019–2022 гг. не только в арктических и субарктических городах, но и в отправляющих обществах – селах и городах Дагестана. В статье эмпирический материал на примере северного направления

2. Арктический регион довольно поздно стал местом массового притяжения трудовых мигрантов из Дагестана, выбирающих не вахтовый метод, а долгосрочное обустройство на новом месте. Последняя стратегия характеризуется большей ориентацией на семейную миграцию, проживание не в добывающих поселках, а в городах и ориентацию в поиске работы не только на нефтегазовый сектор. По моим данным, к примеру, в Новый Уренгой основной поток дагестанцев-мигрантов направился на рубеже XX и XXI вв. и достиг пика в последние 10–15 лет. В связи с этим в Новом Уренгое можно отметить большее число молодых и средних лет людей, чьи религиозные практики ощутимо отличаются от практик предыдущего поколения (о различиях в религиозности поколений в Дагестане см. Стародубровская [5])

3. Безусловно, на основе моих полевых данных, полученных качественными методами и поэтому не претендующих на строгую статистическую репрезентативность, заявлять, что для подавляющего большинства всех мигрантов из Дагестана, работающих в Арктике, тема религиозной дозволенности потребляемой пищи является принципиальным моментом, не представляется возможным. Тем не менее, на мой взгляд, ориентация на религиозные пищевые нормы, в целом, является общепринятой в современной республике и актуализируется в миграции в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения также, как и уровень религиозности в целом [см. 6].

миграции из Республики Дагестан рассматривается в контексте разработки темы антропологического изучения практик производства и потребления халяль-продукции в социальных науках сегодня.

Халяль: индустрия дозволенного и ее изучение

Халяль буквально означает «законный» или «разрешенный». Чаще всего правила халяль распространяют на определение дозволенной мусульманам пищи, например, регламентации процедуры забоя, необходимые для того, чтобы разрешенные животные были превращены в разрешенное мясо [9]. Согласно Корану и Сунне, мусульманам категорически запрещено есть падаль, свинину и продукты, которые были посвящены какому-либо существу кроме единого Бога. Эти продукты объявляются харамом («незаконными»). Законность мяса также зависит от того, как оно заготовлено: ритуальный забой, *дхабх*, означает, что животное убивают с именем Всевышнего, сделав смертельный надрез на горле. В этом процессе кровь должна быть слита как можно полнее⁴. Еще один важный исламский запрет касается вина и любого другой алкогольного напитка или вещества, все из которых являются харамом [10, с. 6–7].

К изучению халяля в социальных дисциплинах, в частности, в антропологии можно подойти с нескольких сторон, используя различные теоретические подходы. Во-первых, мусульманские практики потребления изучаются в рамках такой теоретической линзы как антропология ислама, сформулированной в 1986 г. Т. Асадом. Асад предлагает изучать ислам, прежде всего, как дискурсивную традицию, где дискурсы, в рамках которых происходит обучение ей, определяются и преподаются через корректные формы осуществления практик, они внутренне присущи всем исламским практикам. Практика в этом случае является исламской постольку, поскольку она подтверждена дискурсивными традициями ислама и в качестве таковой преподается мусульманам — неважно, алимом, хатибом, суфийским шейхом или необразованным родителем [11, с. 48–56].

В этом ключе предлагает смотреть на проблему халяля именно через анализ его как дискурсивной традиции антрополог Ш. Тайоб. Он использует методику семиотического анализа халяля и смотрит на функционирование халяльной инфраструктуры через анализ того, как дискурсивная традиция трансформируется в повседневной практике потребления. «Халяль определяется как качество, которое нужно измерять, анализировать и обсуждать, и где потребитель-мусульманин все больше вовлекается в исследование, обдумывание и саморегулирование потребления» [12]. Также в современной антропологии питания в контексте концепции материального поворота пища и ее технологические и пространственные характеристики становятся не второстепенным и подчиненным объектом относительно социальной и духовной жизни человека, а также формируют социальные отношения и являются самостоятельными акторами взаимодействия.

4. Среди мусульман вопрос об оглушении животных на бойне вызывает большие споры: некоторые мусульмане считают только мясо не оглушённых животных халяль, в то время как другие признают, что оглушение является частью современного и этичного производства продуктов питания. Расхождения по этому и некоторым другим вопросам о трактовке принципа халяльности существуют между юристами различных школ исламской юриспруденции [10, с. 6–7].

Следует отметить, что халяльность продукта определяется не столько его физическими свойствами, сколько символическим наполнением его подготовки. Например, одно из правил халяля освобождает потребителя-мусульманина от греха за непреднамеренное употребление харاما, и в этом случае ответственность ложится на поставщика-мусульманина. Кроме того, считается харамом или макрухом (предосудительным) сомневаться в халяльном статусе еды другого мусульманина, и оба они невиновны в случае невежественного нарушения принципа халяльности пищи. Халяльность еды таким образом получает качество перформативности не только в моменте ритуального упоминания имени Всевышнего при забое, но и в моменте декларации поставщиком халяльного статуса своего продукта. Таким образом, по мнению Ш. Тайоба, доверие создается через потребление и торговлю в сообществе общих ценностей, а халяльная практика относится к местам и людям, с которыми человек взаимодействует, а не к материальной субстанции потребляемого мяса. В этом контексте антропология может смотреть на зарождение и функционирование в сообществах халяльных практик через темы дарения подарков, гостеприимства и репутаций [13; 14; 15; 10].

В контексте моих исследовательских задач изучения халяльных практик дагестанских мигрантов в арктическом регионе важным стал антропологический подход к изучению инфраструктур. Инфраструктуры для социального исследователя — это системы, которые обеспечивают циркуляцию товаров, знаний, смысла, людей и власти, а также компоненты того, как люди воспринимают пространство [16]. В понятие инфраструктуры входят как инженерные сети и проекты, так и система социальных институтов, и социальные сети, и сами люди, что можно назвать «инфраструктурой людей» [17]. Для моего исследования также важно понятие «миграционная инфраструктура», которую Сян и Линдквистит определяют как систематически взаимосвязанные технологии, институты и действующие лица, которые облегчают и обуславливают мобильность [18, с. 124]. Однако можно взглянуть на инфраструктуру шире — как на сеть, которая облегчает поток товаров, людей или идей и обеспечивает их обмен в пространстве [19, с. 328]. Инфраструктура, используемая мигрантом, может частично или почти полностью пересекаться с инфраструктурой, актуальной для других групп населения в принимающем обществе. Кроме того, один из подходов фокусируется на инфраструктуре, которую мигранты формируют для себя. Такой подход, очевидно, связан с представлениями о мигрантской/«этнической» экономике как природе занятости мигрантов в принимающем обществе и самостоятельном решении мигрантами проблемы обеспечения себя [20; 21 и др.], а также к концепту неформальной экономики [22]. Инфраструктура халяльного питания может рассматриваться как часть экономики, развивающейся в мигрантских мусульманских сообществах крупных российских городов (на российском материале см. [23; 24]), а также вписываться в уклад жизни укорененных общин, для которых ислам также актуален [25].

Изучение халяльной индустрии как социального феномена в современных исследованиях также нередко идет через проблематизацию, с одной стороны, процесса глобализации ислама, а с другой стороны, активного процесса международных миграций из стран с мусульманским большинством в Европу, Северную Америку и другие, исторически менее связанные с исламом, регионы. В связи с этим нередко исследования халяльных практик проводятся в рамках изучения диаспор мусульманских

меньшинств [26; 27; 6], где поднимаются вопросы сертификации и позиционирования дозволенных для мусульман продуктов в немусульманском окружении.

Следует, тем не менее, помнить, что термин халяль может пониматься более широко, нежели свод правил для определения дозволенности продуктов питания. Он используется для обозначения всех разрешенных для мусульман продуктов, а также других товаров и услуг. Исследователи халяльного рынка выделяют такие его сегменты как медицинские услуги, гостиничный бизнес, индустрия красоты (косметология) [28, с. 283; 29].

В мире актуализирована как политическая, так и экономическая дискуссия о халяль-продуктах. То и дело вспыхивают скандалы, связанные с подозрениями в использовании теми или иными мировыми брендами компонентов, которые могут быть нехаляльными, тогда как компании уверяют, что их продукция прошла халяльную сертификацию [10, с. 15].

Роуз и Хоскинс показывают, что халяль является частью «коммуникативного процесса социального действия, в котором прагматические и социальные аспекты слиты, чтобы прокомментировать конкретный исторический момент» [30, с. 227].

Мусульманские диетические правила приобрели новое значение в XX в., когда некоторые мусульмане начали стремиться продемонстрировать, как такие правила соответствуют рационализму и научным открытиям. Еще одна общая тема в возрождении и обновлении этих диетических правил становится поиском альтернативы западным ценностям, идеологиям и образу жизни. Эти переоценки требований и запретов проявляются, во-первых, в постколониальном контексте в исламских государствах, таких как Малайзия и, во-вторых, среди диаспор группы, для которых халяль может служить координационным центром для исламских движений и идентичности [31, с. 376].

В результате происходит глобализация религиозных рынков, в том числе и рынка халяль [32, с. 36], кроме этого, забота индивида о телесной чистоте и благочестии становится напрямую связана с рынком идентичностей [33, с. 11, 8].

Российские социальные исследователи не обходят вниманием тему изучения халяльных практик в постсоветском пространстве. Например, ими рассматриваются варианты становления халяль-индустрии в таких значимых мусульманских регионах как Татарстан [34; 35], а также в столице России [25], проблемы авторитета при ее построении [36], виртуального пространства функционирования сервисов, позиционирующих себя как халяль [29]. Внимание уделялось и вопросам потребительских практик мусульман на севере страны в контексте проблемы религиозной дозволенности пищи [6; 7].

Случай миграции из Дагестана в Западную Сибирь: дискуссия о халяль-продукции и исламском потреблении в арктическом городе

В предыдущих своих статьях я подробно останавливалась как на структуре мигрантского сообщества дагестанцев в арктическом и субарктическом регионах, так и на практиках связей дагестанцев с отправляющими обществами, в том числе в построении пищевой транслокальной инфраструктуры в северных городах [4; 8].

Здесь я лишь кратко охарактеризую основные инфраструктурные компоненты, касающиеся непосредственно дистрибуции халяль продукции в северном городе для потребителя-дагестанца на примере городов Новый Уренгой и Гупкинский.

Главный продукт, статус халяльности которого был важен для моих информантов, это мясо. Основным каналом получения мяса стал заказ туш говядины и других продуктов у занимающихся разведением и забоем скота родственников или односельчан моих информантов, проживающих в сельском Дагестане. Так, некоторые семьи практически полностью удовлетворяли за счет таких заказов свои потребности в мясе в течение года. Халяльность забитого скота, как обязательный критерий, ими не подвергалась сомнению именно из-за личного знакомства с производителем их или их близких из отправляющих сообществ. Дополнительными источниками мяса для семей, проживающих на севере, стали известные им в северных городах торговцы мясом из Дагестана, привозящие туши под заказ или продающие их на местных рынках. В меньшей степени информанты закупали мясные продукты в мелких магазинах и кафе, маркирующих свой профиль как халяльный (преимущественно выходцы из Дагестана), а также в редких случаях – крупные торговые сети, также закупающие фабричную продукцию, помеченную как халяль. Мои полевые данные подтверждаются материалом моих коллег, также работавших в среде мигрантов-мусульман в городах и поселках ЯНАО [6, 37]⁵.

Как уже отмечалось выше, халяльность мяса на сегодняшний момент является значимым условием его потребления на севере для моих информантов. Однако в беседах неоднократно всплывали вопросы, связанные с проблемой определения мяса как халяльного и доверием к декларациям производителей и дистрибьюторов, помещающих на продукции знак «халяль». Если сопоставить дискуссии из моего поля исследователя и основные проблемы, которые ставят при изучении халяль-индустрии другие исследователи, можно выделить несколько узловых вопросов, которые и стали основными в данной статье.

Проблема сертификации и авторитета

Антрополог Ш. Тайоб так говорит о сложностях халяльной сертификации в современных условиях: «Принцип халяль, когда-то, в основном, применявшийся в отношении употребления в пищу мяса, забитого в соответствии с определенными обрядами, был распространен почти на все вещества, потребляемые мусульманами. Потенциальное использование ароматизаторов, ферментов, экстрактов и красителей животного происхождения делает все потребление продуктов питания потенциально незаконным. Важным последствием является то, что брат-мусульманин больше не может служить источником гарантии халяльного соответствия, поскольку вмешательство экспертов и сертификация заменяют межличностное доверие и обмен. Однако... существуют сложные способы формулирования и применения мусульманами халяльной сертификации в повседневной жизни» [12].

Изучение халяль как индустрии обращает внимание на сертификацию как элемент не только реакции рынка на новые запросы потребителей, но и на принципиаль-

5. Подробнее об экономических стратегиях и символических значениях практик, связанных с мясом из принимающего общества в условиях транслокальной миграции дагестанцев в Арктику, см. [7].

но новый подход к теме религиозного авторитета. В последнем случае наблюдается тенденция как к стандартизации религиозной экспертизы, «культуры аудита» [38], так и к большей агентности самого потребителя, который на основе «объективных данных» принимает решение о потреблении религиозно дозволенных продуктов, в меньшей степени ориентируясь на локальные религиозные авторитеты: «Сертификация халяль указывает на новую область религиозного управления» [12].

Халяль-сертификация в России в настоящее время является добровольной, а единой системы сертификации халяльной продукции в стране не существует. Тем не менее, на этом рынке есть участники, имеющие всероссийский и международный авторитет. Один из главных участников – Духовное управление мусульман России – является центральной и главной религиозной организацией для мусульман. Эта структура имеет специальный сертификационный орган – Международный центр стандартизации и сертификации «Халяль» при Совете муфтиев России, который был организован в 2003 г. [34, с. 44]. Данный центр стал в России главным местом выдачи сертификатов халяльности пищевой продукции. Наряду с ним большим авторитетом также пользуется Комитет по стандарту «Халяль» при ДУМ Республики Татарстан, который оказывает услуги по сертификации дозволенной в исламе продукции далеко за пределами Татарстана. Существует еще несколько центров, которые на профильных сайтах указаны как заслуживающие доверия верующих и признающиеся на международном халяль-рынке. Примечательно, что созданный в 2013 г. комитет «Халяль» при Духовном управлении мусульман Дагестана, не указан на официальном сайте ДУМД, последняя информация в СМИ о его деятельности датируется 2014 г. Таким образом, институциональная сертификация в Дагестане, очевидно, в настоящее время не проводится, а бизнес ориентируется на общероссийские сертификационные организации.

Тем не менее, все крупные производители продуктов питания, прежде всего, мясных, стараются указать на соответствие своей продукции нормам халяль. На сайтах крупных дагестанских мясокомбинатов нередко указана информация об этом без ссылки на полученные сертификаты. Как правило, покупателя должна успокоить маркировка «халяль» на самих продуктах. В этих условиях закономерно, что локальная репутация производителя или даже личный контроль здесь становится важнее декларация логотипов на упаковках, которая порой в разговорах информантов подвергается сомнению (приходилось слышать сомнения, что надпись «халал» на фабричной продукции действительно заслуживает доверия).

Как пишет Р. Тураева, на постсоветском пространстве халяльные практики не всегда определяются точно с точки зрения права или морали, сертификация не всегда подкреплена непререкаемым авторитетом института, ее выдающего [12, с. 301–302]. Нередко пищевое поведение авторитетного религиозного лица становится гарантом халяльности продукта – так, имам, покупающий халяль в магазине, может самым этим фактом убедить верующих в правильности сертификации [36, с. 186].

Известная доля условности при соблюдении халяльных правил в пищевых практиках даже устоявшихся во времени мусульманских сообществ, таких как, например, московская татарская община, показывает, что декларация употребления халяльной пищи может рассматриваться как спектр, а не как жесткая дихотомия. Покупая продукцию под маркой халяль, по данным М. Сафарова, мусульмане могут ограничиваться

в своем понимании лишь запретом на свинину, однако «строгой канонической (и бытовой) практики соблюдения халяль у них зачастую нет» [25, с. 149].

Интересно, что, по сообщению М. Сафарова, в Москве наряду со сложившейся пищевой инфраструктурой урбанизированных татарских групп существуют и организованные мигрантскими сообществами земляческие сети, через которые осуществляется доставка и торговля мясом, которое этими сообществами декларируется как халяльное [25, с. 149]. Ими пользуются активнее и больше доверяют. Похожая ситуация с построением земляческих сетей описана и Д. Опариным на примере ямальского поселка Яр-Сале [37], а также подтверждается и моими полевыми данными (подробнее см. [7]).

Недоступное для опознания органами чувств, халяль — это, прежде всего, качество религиозной чистоты, приписываемое мясу, забитому определенным образом. Однако человек, который потребляет мясо, обычно не является забойщиком или поставщиком. Таким образом, практика халяля основана на перформативном выражении от имени другого верующего-мусульманина о том, что предмет на самом деле является халяльным [12]. Именно поэтому, говоря о том, что предпочтительнее для них является заказ мяса из Дагестана, а именно от родственников и односельчан, мои информанты высказывали последним доверие в вопросе халяльности его продукции. Возможность узнать репутацию поставщика в селении, в том числе и религиозную, давало дополнительную уверенность в истинности его утверждения о халяльном забое скота: «даже принципиально мы покупаем только халяль, то, что мы знаем, то, что мы видим»⁶.

В этих условиях, когда единой халяль-стандартизации в стране нет, маркировки «халяль» на магазинной продукции вовсе не гарантируют наличие сертификации от официального религиозного института, а реальные пищевые практики различных мусульманских сообществ не комплементарны и их акторы не доверяют друг другу, можно говорить не об одной, а о множестве халяль-индустрий. Многие из этих индустрий построены на принципе мигрантского землячества и транслокальности членов общины, где личная репутация поставщика/торговца и принцип внутригруппового доверия и социального капитала внутри отправляющего сообщества делает его продукцию более проверенной с точки зрения дозволенности, чем та, которая имеет официальную сертификацию религиозных организаций.

Пространственная и этническая характеристика халяль

Категория халяль в дискурсе дагестанцев-мусульман связана с восприятием определенной территории как имеющей потенциал производить халяльную продукцию. Очевидно, таким потенциалом для живущих на севере обладает вся территория Дагестана как республики, подавляющее большинство населения которой исповедует ислам. В этой ситуации упрощение возможности перевозок, произошедшее в регионе в последнее десятилетие, меняет устоявшиеся практики питания и концептуализирует их, позволяя больше акцентировать внимание на таких критериях как дозволенность с точки зрения ислама. В этой связи один из ответов информантов на вопрос,

6. ПМА 2021, Новый Уренгой.

почему они везут или заказывают мясо из Дагестана: «потому что (отправляют – прим. авт..) мусульмане здесь, знаем, что (заколото – прим. авт..) правильно»⁷.

Также признанные для дагестанцев центры халяль-продукции для дагестанцев – Татарстан и Башкортостан (в России), Турция, Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия (см. об этом [39]). Продукция оттуда может восприниматься как халяльная даже без соответствующих сертификатов и маркировок, поскольку само место происхождения дает покупателю такую гарантию.

Примечательно, что халяльная продукция может двигаться не только с юга на север, но и с севера на юг. Так женщина, работающая в мясной лавке, торгующей дагестанскими товарами и халяльной продукцией из других регионов, рассказала, что возит для себя и родственников из Нового Уренгоя в родной Ногайский район во время визитов на родину колбасу халяль, сделанную в Башкирии. Она делает это, т.к. помимо вкусовых качеств у нее не возникает сомнений в халяльности колбасы, которую произвели в «мусульманском» регионе России. Она же доверяет халяльной продукции, которую выпускают ее земляки в Омской области, объясняя свое доверие именно этничностью производителей.

Следует сделать одно пояснение о характеристике места миграции в контексте доступа к пищевым ресурсам. Стереотипический образ северного города как места с тотальной бытовой неустроенностью и нерегулярными поставками самых необходимых продуктов для многих успешных арктических и субарктических городов в настоящее время остался в прошлом. Рассматриваемые мной города имеют крупные продовольственные магазины, куда круглогодично привозятся все виды продуктов, а цены на продукты не слишком сильно превышают цены в крупных городах Центральной России. Тем не менее, для тех, кто мигрировал в эти города из Дагестана, регулярные пищевые трансферты с малой родины до сих пор остаются привычной и очень популярной практикой.

Примечательно, что выпуск халяльной продукции не всегда является прерогативой исключительно мусульман. Крупные пищевые производства из регионов, не позиционирующих себя как исламские, прежде всего, мясокомбинаты, часто производят линейки продукции под маркой халяль. «Халяль-рынок не предполагает его обязательной монополизации в руках представителей исламского сообщества России или ее одного этноса. Сегодня в халяль-рынке задействованы представители разных народов и конфессий» [34, с. 46]. В мелком нефабричном производстве халяль-продукции, построенном на принципе непосредственного доверия продавцам, также порой могут участвовать и немусульмане. Например, Ф. Сметанин описывал случай небольшого производства, где владельцы халяль-кафе закупают халяльное, с их точки зрения, мясо у забойщиков-немусульман, объясняя такую ситуацию тем, что русские при забое все делают верно с технологической точки зрения: правильно режут скот и читают молитву при этом. По мнению владельца кафе этого достаточно для того, чтобы мясо считалось халяльным [36, с. 186]. В данном случае становление продукта халяльным становится скорее технологией, чем религиозной перформативной практикой, а авторитет соблюдающего мусульманина, гарантирующий дозволенность пищи, исходит не от непосредственного производителя, делающего мясо халяльным, а от дистрибьютора (продавца), отвечающего за халяльность блюд в кафе через вывеску об этом и свою репутацию.

7. ПМА 2021, Кизилорт.

Построение халяль инфраструктуры как религиозная практика

Исследователи исламской потребительской материальности отмечают, что современный и глобальный халяль может быть как характеристикой практики питания, так и проявлением «духовности». «Духовное» здесь не обязательно равнозначно богословскому, но относится к средствам, с помощью которых люди должны создавать себя с благочестивой заботой о правильном образе поведения по отношению к еде» [40, XVI, 8].

По моим полевым данным, халяль-индустрия может восприниматься ее агентами не только как бизнес-стратегия, но и как форма религиозной практики. Открывая магазин, хозяин бизнеса может вначале сам не быть практикующим мусульманином, но по мере развития халяльного направления бизнеса может осознанно соблюдать религиозные предписания – начать молиться, соблюдать нормы ислама в одежде, питаться исключительно халяльной пищей (на материале Дагестана см. [39]).

В качестве примера организации халяльного бизнеса как религиозной практики можно описать магазинчик Марият в одном из городов ЯНАО – небольшую лавку дагестанских продуктов. Марият около 60 лет, она вдова, носит хиджаб. Она открыла магазин в 2019 г., уже какое-то время проживая в Арктике. По ее словам, она хотела открыть именно халяльный магазин, поскольку в последние годы обратилась к религии, соблюдает посты, мечтает поехать в хадж. Марият пережила трагическую гибель сына, очень религиозного, по ее описаниям, человека, с которым она была близка и планировала совместную поездку в хадж. В этом контексте открытие ею халяльного магазина очевидно следует воспринимать не только как бизнес, но и как религиозную практику⁸.

Халяль как эко-продукция

В обществе, где практикующие исламские практики мусульмане составляют меньшинство, к которым, в частности, можно отнести арктические и субарктические города Западной Сибири, халяль-продукцию могут потреблять не только они. Все чаще, причем сознательно, халяль-продукцию начинают покупать и немусульмане. Как отмечает Габдрахманова на основе материала из Татарстана, потребителями таких продуктов становятся сторонники здорового питания, несмотря на то, что халяль, как правило, на 10–15% дороже обычных продуктов. [34, с. 45–46]. Р. Тураева также отмечает рекламный ориентир на подчеркивание экологичности халяль-продукции от трейдеров в Германии, что выводит халяль из ниши исключительно исламского потребления и делает этот тип продукции видимым и привлекательным и для немусульманского большинства принимающего общества [27]. Подобные пищевые практики немусульман отмечают и продавцы Нового Уренгоя, торгующие халяльными мясными продуктами.

Примечательно, что и сами информанты-мусульмане, характеризуя свой выбор в пользу транслокальных торговых цепочек поставок мяса из Дагестана, наряду с его неоспоримой халяльностью, отмечают и натуральность, экологичность продукции, что для них также становится значимой характеристикой пищи (подробнее см. [7]).

8. ПМА 2021, ЯНАО.

Краткие выводы

На мой взгляд, наметившийся в отечественной антропологии интерес к материальности религиозного опыта помогает не только полнее изучать непосредственно связанные с религиозностью темы, но и позволяет значительно дополнить такие разделы этой социальной науки как изучение экономических практик и специфики различных социальных взаимодействий, считающихся светскими – например, функционировании мигрантских сообществ. В частности, мой интерес к функционированию создающегося в последние десятилетия рынка халяль-продукции, нового как для всей территории России, так и для изначально преимущественно немусульманских территорий, зародился через изучение транслокального опыта дагестанцев в Арктике. Рассмотрев основные подходы в изучении халяльного рынка в социальных науках, в данной статье я сосредоточила внимание на проблеме определения халяльности пищи, а также сертификации халяль-продукции в условиях арктического города. В результате можно сделать вывод, что для выходцев из Дагестана, нацеленных на покупку халяльных продуктов в арктическом регионе, помимо данных о сертификации товаров специализированными центрами, а особенно в условиях покупки мяса не в магазине, а у частных торговцев, важным становится не столько наличие сертификата халяль как документа, сколько репутация самих поставщиков, его богобоязненность, образ жизни, поведение в отправляющем сообществе. Также роль играет восприятие той или иной территории как территории халяльного потребления. При этом сама практика построения халяльной инфраструктуры может быть вариантом религиозной практики верующего. С другой стороны, предпочтение халяльных продуктов может быть раскрыто не только через исполнение религиозных предписаний, но и как потребительская стратегия выбора натуральной еды.

Данную статью автор предлагает рассматривать как начальный этап исследования индустрии халяль в мигрантских сообществах Арктики. Здесь предложена скорее постановка вопроса и поиск методологии, чем предоставление исчерпывающих ответов. Безусловно, бурное развитие сравнительно молодой индустрии халяль-продукции и шире – исламского консюмеризма – еще поставит перед социальными исследователями новые интересные задачи.

Финансирование. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 19-78-10002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации»).

Acknowledgement. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Grant No. 19-78-10002 “Nutrition in the Russian Arctic: Resources, Technologies and Innovations”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. 2005. С. 94–115.
2. Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. М., 2006. С. 7–42.
3. Форум. Материальный поворот и антропология религии // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 31–34.

REFERENCES

1. Vakhshstain V. Return of the material. “Spaces”, “networks”, “flows” in actor-network theory. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2005, 4(1): 94-115. (In Russ)
2. Vakhshstain V. Sociology of things and the “turn to the material” in social theory. *Sotsiologiya Vesheyi*. Moscow, 2006: 7-42. (In Russ)
3. Forum. Material turn and anthropology of religion. *Antropologicheskyyi Forum*. 2022, 55: 31-34. (In Russ)

4. Kapustina E.L. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation // Журнал исследований социальной политики. 2019, 1. С. 103–118.
5. Стародубровская И.В. Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019, 1 (31). С. 92–113.
6. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novyi Urengoi Muslim Community // Problems of Post-Communism. 2020. №67 (4-5). P. 338–347.
7. Капустина Е.Л. Мясо из дома: режимы и смыслы движения мясных продуктов из Дагестана в города Российской Арктики // История, археология, этнография Кавказа. 2022. 18(3). С. 823–842.
8. Капустина Е.Л. Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // Кунсткамера. 2020.2. С. 191–200.
9. Cook M. Early Islamic dietary law // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. 1986. №7. P. 218–277.
10. Fischer J. The Halal Frontier: Muslim Consumers in a Globalized Market. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
11. Асад Т. Идея антропологии ислама // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 41–60. doi: 10.24848/ismlg.07.1.02.
12. Tayob S. The material semiotics of halal: neoliberal Islam in practice // Anthropological Theory Commons. 2020 url: <http://www.at-commons.com/2020/04/12/the-material-semiotics-of-halal-neoliberal-islam-in-practice/>
13. Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. London, Routledge and Keegan Paul, 1966.
14. Graeber D. Debt: The First 5,000 Years. New York: Melville House Publishing, 2011.
15. Mauss M. The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. London: Routledge, 2002.
16. Dourish P., Bell G. The Infrastructure of Experience and the Experience of Infrastructure: Meaning and Structure in Everyday Encounters with Space // Environment and Planning B: Planning and Design. № 34(3) P. 414–430.
17. Simone A. City Life from Jakarta to Dakar: Movements at the Crossroads. New York: Routledge, 2009.
18. Xiang B., Lindquist J. Migration Infrastructure // International Migration Review. 2014. № 48(1_suppl). P. 122–148.
19. Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology. 2013. 42 (1). P. 327–343.
20. Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // N. Smelser, R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 646–671.
21. Waldinger R. Immigrant Enterprise: A Critique and Reformulation // Theory and Society. 1986. 15(1/2). P. 249–285.
22. Portes A., Haller W. The Informal Economy // Smelser N. and Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 426–449.
23. Demintseva E., Peshkova V. Migrants from Central Asia in Moscow // Demoskop Weekly. 2014. P. 597–598.
24. Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. №24 (2). С. 129–151.
4. Kapustina EL. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation. *Journal of Social Policy Research*. 2019, 1: 103–118. (In Russ)
5. Starodubrovskaya IV. Intergenerational relations and social transformations on the case of the North Caucasus. *Sotsiologiya vlasti*. 2019, 31(1): 92–113. (In Russ)
6. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novyi Urengoi Muslim Community. *Problems of Post-Communism*. 2020, 67(4-5): 338–347.
7. Kapustina EL. Meat from home: modes and meanings of the meat products flow from Dagestan to the cities of the Russian Arctic. *History, archeology, ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(3): 823–842. (In Russ)
8. Kapustina EL. Food transfers in the life of a migrant: the specifics of migration between Dagestan and the cities of Western Siberia. *Kunstkamera*. 2020, 2: 191–200. (In Russ)
9. Cook M. Early Islamic dietary law. *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*. 1986, 7: 218–277.
10. Fischer J. *The Halal Frontier: Muslim Consumers in a Globalized Market*. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
11. Asad T. The idea of the anthropology of Islam. *Islamology*. 2017, 7(1): 41–60. doi: 10.24848/ismlg.07.1.02. (In Russ)
12. Tayob S. The material semiotics of halal: neoliberal Islam in practice/ *Anthropological Theory Commons*, 2020. Available at: <http://www.at-commons.com/2020/04/12/the-material-semiotics-of-halal-neoliberal-islam-in-practice/>
13. Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo*. London, Routledge and Keegan Paul, 1966.
14. Graeber D. *Debt: The First 5,000 Years*. New York: Melville House Publishing, 2011.
15. Mauss M. *The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. London: Routledge, 2002.
16. Dourish P., Bell G. The Infrastructure of Experience and the Experience of Infrastructure: Meaning and Structure in Everyday Encounters with Space. *Environment and Planning B: Planning and Design*. 2007, 34(3): 414–430.
17. Simone A. *City Life from Jakarta to Dakar: Movements at the Crossroads*. New York: Routledge, 2009.
18. Xiang B., Lindquist J. Migration Infrastructure. *International Migration Review*. 2014, 48(1_suppl): 122–148.
19. Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. 2013, 42(1): 327–343.
20. Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy. In: N. Smelser, R. Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994: 646–671.
21. Waldinger R. Immigrant Enterprise: A Critique and Reformulation // Theory and Society. 1986. 15(1/2): 249–285.
22. Portes A., Haller W. The Informal Economy // Smelser N. and Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press, 1994: 426–449.
23. Demintseva E., Peshkova V. Migrants from Central Asia in Moscow. *Demoskop Weekly*. 2014: 597–598.
24. Peshkova V.M. Infrastructure of labor migrants in the cities of modern Russia (on the case of migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow). *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ethnologiya*. 2015, 24(2): 129–151. (In Russ)

25. Сафаров М.А. Современные тенденции соблюдения традиции «халяль» в московской мусульманской общине // *Tatarica*. 2015. №5. С. 146–151.
26. Lever J. Re-imagining Malaysia: a postliberal halal strategy? // *Halal matters: Islam, politics and markets in global perspective* / edited by Florence Bergeaud-Blackler, John Lever and Johan Fischer. 2016. Routledge.
27. Turaeva R., & Brose M. Halal Markets in non-Muslim Secular Societies // *Sociology of Islam*. 2020. №8(3–4). P. 295–306.
28. Рычкова Н.В., Столярова Г.Р., Рычков С.Ю., Шакнис Ж.Б. Халяльный маркетинг в поликультурном регионе // *Регионология*. 2018. №2 (103). С. 278–295.
29. Крапивин И.С. «Бренд без лица»: мусульманки и халяльный интернет-маркетинг. *Кунсткамера*. 2021. №4(14). С. 106–121.
30. Rouse C., Hoskins J. Purity, Soul Food, and Sunni Islam: Explorations at the Intersection of Consumption and Resistance // *Cultural Anthropology*. 2004. №19 (2). P. 226–249.
31. Esposito J.L. *The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
32. Lee R. The Globalization of Religious Markets: International Innovations, Malaysian Consumption // *Sojourn*. 1993. №8 (1). P. 35–61.
33. Navaro-Yashin Y. *Faces of the State: Secularism and Public Life in Turkey*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2002.
34. Габдрахманова Г. Формирование рынка халяль-продуктов в современной России на примере Татарстана // *Этнографическое обозрение*. 2011. №1. С. 37–47.
35. Рычкова Н.В., Рычков С.Ю. Халяль как феномен культурной среды: опыт сравнительного экономико-антропологического исследования // *Дополнительное профессиональное образование как стратегический ресурс развития культуры регионов*. Материалы III Международной научно-практической конференции. Казань, 2017. С. 256–264
36. Сметанин Ф.А. Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2022. №2 (57). С. 180–190.
37. Опарин Д.А. «Местные» и «Приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта // *Сибирские исторические исследования*. 2016. №4. С. 108–130.
38. Fischer J. Halal, diaspora and the secular in London // *Halal matters: Islam, politics and markets in global perspective* / edited by Florence Bergeaud-Blackler, John Lever and Johan Fischer. 2016. Routledge.
39. Капустина Е.Л. Рынок исламских товаров и услуг в Дагестане: практики потребления и общественные дискуссии // *Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом*. РАНХиГС № 2 (34), 2016. С. 176–202 Рынок исламских товаров и услуг в Дагестане: практики потребления и общественные дискуссии // *Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом*. РАНХиГС № 2 (34), 2016. С. 176–202.
40. Coveney J. *Food, Morals and Meaning. The Pleasure and Anxiety of Eating*. London and New York: Routledge, 2000.
25. Safarov M.A. Modern trends in observing the halal tradition in the Moscow Muslim community. *Tatarica*. 2015, 5: 146–151. (In Russ)
26. Lever J. Re-imagining Malaysia: a post-liberal halal strategy? In: Bergeaud-Blackler F., Lever J. and Fischer J. (eds.). *Halal matters: Islam, politics and markets in global perspective*. Routledge, 2016.
27. Turaeva R., Brose M. Halal Markets in non-Muslim Secular Societies. *Sociology of Islam*. 2020, 8(3–4): 295–306.
28. Rychkova N.V., Stolyarova G.R., Rychkov S.Yu., Shaknis Zh.B. Halal marketing in a multicultural region. *Regionologiya*. 2018, 103(2): 278–295.
29. Krapivin I.S. “Brand without a face”: Muslim women and halal Internet marketing. *Kunstkamera*. 2021, 14(4): 106–121.
30. Rouse C., Hoskins J. Purity, Soul Food, and Sunni Islam: Explorations at the Intersection of Consumption and Resistance. *Cultural Anthropology*. 2004, 19(2): 226–249.
31. Esposito J.L. *The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
32. Lee R. The Globalization of Religious Markets: International Innovations, Malaysian Consumption. *Sojourn*. 1993, 8(1): 35–61.
33. Navaro-Yashin Y. *Faces of the State: Secularism and Public Life in Turkey*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
34. Gabdrakhmanova G. Formation of the market for halal products in modern Russia on the case of Tatarstan. *Ethnograficheskoe Obozrenie*. 2011, 1: 37–47. (In Russ)
35. Rychkova N.V., Rychkov S.Yu. Halal as a phenomenon of the cultural environment: the experience of comparative economics o-anthropological research. *Additional professional education as a strategic resource for the development of regional culture. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Kazan, 2017: 256–264. (In Russ)
36. Smetanin F.A. Religious leaders as actors in the production of Islamic spaces in Tomsk. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2022, 57(2): 180–190. (In Russ)
37. Oparin D.A. “Locals” and “Newcomers” in Yamal: social boundaries and variability of migration experience. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*. 2016, 4: 108–130. (In Russ)
38. Fischer J. Halal, diaspora and the secular in London. In: Bergeaud-Blackler F., Lever J. and Fischer J. (eds.). *Halal matters: Islam, politics and markets in global perspective*. Routledge, 2016.
39. Kapustina E.L. Market of Islamic goods and services in Dagestan: consumption practices and public discussions. *State. Religion. Church in Russia and abroad*. RANEPА. 2016, 34(2): 176–202. (In Russ)
40. Coveney J. *Food, Morals and Meaning. The Pleasure and Anxiety of Eating*. London and New York: Routledge, 2000.

Поступила в редакцию 05.06.2023 г.
Принята в печать 29.06.2023 г.
Опубликована 15.03.2024 г.

Received 05.06.2023
Accepted 29.06.2023
Published 15.03.2024

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201206-221>

Научный отчет

Курбанов Ахмед Джабраилович
д.и.н., профессор кафедры отечественной истории
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
ahmed2005@mail.ru

Каяев Ильяс Абдулмежидович
главный специалист-эксперт,
Агентство по охране культурного наследия Республики Дагестан, Махачкала, Россия
ilyaskayayev@yandex.ru

ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ЭПИГРАФИКИ И АРХИТЕКТУРЫ СЕЛА ШАХУВА (ЛАКСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Аннотация. Статья посвящена исследованию эпиграфических и архитектурных памятников села Шахува Лакского района Республики Дагестан. В научный оборот впервые вводятся эпиграфические материалы XVIII–XIX вв., разъясняющие отдельные моменты социальной и политической истории развития региона: надмогильные камни с шамхальской эмблемой, характеризующие присутствие представителей верховной власти в данном обществе; захоронения жителей села, погибших в восстании 1877 г. в Дагестане, в частности, одного из руководителей сражения при Цудахаре, являвшегося в годы Кавказской войны наибом имама Шамиля – Шагьмилава. Значительное внимание уделено исследованию архитектурных объектов: частично уцелевшей мечети Кьулла-мизит с дополнительными функциями, расположенной некогда за пределами данного населенного пункта и в которой мужчинами совершалось полное ритуальное омовение (гусль); строению над селом, сооруженному на отвесной скальной гряде, внешне напоминающему башню, откуда открывается обзор долины реки Казикумухское Койсу. Аргументируется предположение в отношении происхождения топонима Шахува, ранней формой которого являлось Шаку или Шаху.

Ключевые слова: Дагестан; Лакский район; Шахува; надмогильные памятники; шамхальская эмблема; наиб; мечеть; башня

Для цитирования: Курбанов А.Д., Каяев И.А. Итоги экспедиции по изучению памятников эпиграфики и архитектуры села Шахува (Лакский район Республики Дагестан) // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 206-221.

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH201206-221>

Scientific Report

Kurbanov Dz. Akhmed,
Dr. Sci., Professor of the Department of Russian History
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
ahmed2005@mail.ru

Kayaev A. Ilyas,
Chief Specialist-Expert
Agency for the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Dagestan, Makhachkala, Russia
ilyaskayaev@yandex.ru

**FINDINGS FROM AN EXPEDITION INVESTIGATING
EPIGRAPHIC AND ARCHITECTURAL MONUMENTS
IN THE VILLAGE OF SHAKHUVA
(LAKSKY REGION, REPUBLIC OF DAGESTAN)**

Abstract. The article focuses on the examination of epigraphic and architectural monuments in the village of Shakhuva, located in the Laksky region of the Republic of Dagestan. It presents, for the first time, epigraphic materials dating back to the 18th–19th centuries, shedding light on specific aspects of the social and political history of the region’s development. These materials include tombstones bearing the emblem of the Shamkhal, indicative of the presence of authoritative figures within the society, as well as the graves of village residents who perished during the 1877 uprising in Dagestan. Notably, among these graves is that of Shagmilav, a prominent leader of the Tsudahar battle and a key imam serving under Shamil during the Caucasian War. The analysis extends to architectural features, notably the partially preserved Kyulla-mizit mosque, which served additional functions and was once situated outside the settlement. This mosque facilitated complete ritual ablution (ghusl) for men. Also examined is a structure positioned atop a steep rocky ridge above the village, resembling a tower externally and offering panoramic views of the Kazikumukhskoye Koisu River valley. The article presents arguments regarding the origins of the toponym “Shahuva,” suggesting its early form as “Shaku” or “Shahu.”

Keywords: Dagestan; Laksky region; Shakhuva; tombstones; Shamkhal emblem; naib; mosque; tower

For citation: Kurbanov A.J., Kayaev I.A. Findings from an Expedition Investigating Epigraphic and Architectural Monuments in the Village of Shakhuva (Laksky Region, Republic of Dagestan). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 206-221.

В апреле 2018 г. по инициативе Исторического общества им. Али Каяева состоялась экспедиция в Лакский и Акушинские районы Республики Дагестан, целью которой было исследование выявленных и поиск ранее неизвестных эпиграфических и архитектурных памятников. Отправной точкой экспедиции стало село Шахува Лакского района, в котором ранее участниками экспедиции были обнаружены находки, представляющие интерес для исторической науки.

Село Шахува расположено на правом берегу Казикумухского Койсу, в 10 км северо-восточнее центра Лакского района — села Кумух, на высоте около 1630 м над уровнем моря. Согласно одному из бытующих преданий, территория, ныне принадлежащая селу, служила зимним пастбищем жителей села Гьухьал (Табахлу), которое ранее располагалось близ Кумуха и в настоящее время является одним из его кварталов. О вхождении Шахува в состав гьухьальского магала и существовавшей традиции хоронить умерших со всего магала на кладбище села Гьухьал сообщает и известный ученый-энциклопедист Али Каяев (1878–1943) [1, с. 356].

В 2010 г., в период проведения сельскохозяйственных работ на южной окраине села, по дороге к селу Кумух наше внимание привлек искусственный холмик из камней, диаметром 5,25 м, на котором были установлены несколько надмогильных стел (рис. 1, 1). Опрос старожилы села показал, что в народной памяти не сохранились сведения об упомянутых памятниках. Нахождение их за пределами кладбищенской территории позволяет предположить, что эти надмогильные плиты установлены жителям села, погибшим или пропавшим на чужбине.

Первоначальный осмотр позволил заключить наличие семи плит, установленных вдоль дороги, которые не имеют характерную ориентацию захоронения в соответствии с канонами ислама. Два крайних камня (в направлении к селу Кумух) отделены от остальных каменной кладкой. В числе группы из пяти плит, четыре — имели характерный резной орнамент, встречающийся на надмогильных памятниках, установленных шамхалам — правителям крупного средневекового государственного образования на Северо-Восточном Кавказе с центром в Гази-Кумухе, а также представителям этой династии (рис. 1, 2). Стелы с характерным орнаментом с незначительными вариациями встречаются во многих селах, входивших в состав этого государства, как в близлежащих, так и отдаленных от центра, подчеркивая тем самым присутствие в них представителей верховной власти. В то же время, не исключается наличие их в иных обществах, куда переселились представители династии, в том числе, в рамках миссионерской деятельности [2, с. 70–79]. На сегодняшний день Историческим обществом им. А. Каяева зафиксировано и исследовано более 200 подобных плит в ряде муниципалитетов Дагестана.

Существенное внимание фиксации, описанию и датировке стел шамхальского типа уделено в работах Л.И. Лаврова, А.Р. Шихсаидова, Т.М. Айтберова, И.А. Каяева [3; 4; 5; 6; 2; 7, с. 47–71]. В работе И.А. Каяева анализируются известные в исторической науке предположения происхождения и смысловое содержание основного элемента орнамента — медальоны каплеобразной или грушевидной формы с двумя розетками по бокам верха. По мнению исследователя, «выразительный элемент шамхальской эмблемы “распахнутые крылья” имеет схожесть с многочисленными артефактами древнеиранского происхождения» [7, с. 56] и не является гербом хазарских каганов [8; 9, с. 63–64]. В отношении проникновения эмблемы и ее отдельных элементов с территории, бывшей длительное время под персидским влиянием, возможно, так-

же указывает близость шамхальских медальонов и орнаментальных медальонов над порталом усыпальницы ширваншахов в Баку, сооруженной в 839 г.х. / 1435–1436 гг. (рис. 2).

В 2012 г. участниками экспедиции была осуществлена расчистка стел, расположенных на упомянутом холмике.¹ Все плиты имеют прямоугольную форму и близкие размеры.

На первой плите (высота надземной части 87 см, ширина 40 см), расположенной ближе к селу (рис. 3, 1). Она имеет на лицевой стороне четыре прямоугольных поля в рамках, в верхнем из которых изображена рельефная шестилепестковая розетка в кругу с малыми кружками по бокам. В поле под ней помещена *шахада* – формула единобожия на арабском языке: «Нет Божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха»², в нижних полях из-за дефекта надписи текст эпитафии не прочтен. Обычно здесь помещается информация о погребенном и дата смерти. В П-образной полосе, окаймляющей центральные поля с эпитафией, приводится надпись с благочестивым текстом, сохранившаяся фрагментарно.

Следующие четыре стелы сделаны в одном композиционно-орнаментальном стиле, состоящем из четырех полей с рамками – верхнего с шамхальским медальоном в низком рельефе и трех нижних с эпитафией, по бокам и сверху окаймленных рельефной П-образной эпиграфической лентой.

Первый из названных (105×36 см), расположен рядом с вышеописанным и сохранился относительно лучше (рис. 3, 2). В его верхнем поле (35×21 см) размещена шамхальская эмблема с кораническими рельефными надписями в каплевидном медальоне, боковых розетках и в поле. В расположенной ниже рамке помещена эпитафия: «Владелец этого камня Мамма, сын Зейда. Да смилуется Аллах над ними обоими. Эти три брата убиты не по праву ... в 1157 году хиджры», т.е. в 1744 г. В нижней рамке, а также на боковых полях вокруг основного текста вырезаны благопожелательные фразы. Представляет интерес частично сохранившаяся информация об обстоятельствах, приведших к их смерти погребенного, и ее размещение на данном камне позволяет заключить о старшинстве Маммы среди убитых братьев.

Две стелы, расположенные справа (их размеры соответственно 99×36 см, 95×36 см), по оформлению почти не отличаются от описанной выше, в действительности установлены братьям, у которых, согласно эпитафиям, идентичное имя – Мухаммад, даты их смерти приходятся на тот же 1157 г.х./1744 г. В отличие от первого упомянутого памятника, на поверхности двух камней отсутствуют упоминания об обстоятельствах их кончины (рис. 3, 3, 4).

Текст на поверхности следующего камня (92×41 см) с аналогичной эмблемой прочитать не удалось из-за его плохой сохранности. Следует отметить, что все четыре стелы с шамхальской эмблемой выполнены из камня, отличающегося от местных пород камня, что позволяет сделать заключение об их заказе у мастера-камнереза за пределами исследуемого села. Вблизи данных плит также обнаружены округлые навершия, которые, вероятно, ранее венчали эти надмогильные памятники.

Два следующих надмогильных камня отделяет от остальных каменная кладка высотой 60 см, шириной 40 см и длиной 125 см. Аналогичная стенка сооружена также после второго камня, и общая протяженность выделенного пространства со стенками

1. Авторы выражают благодарность жителю села Чавтару Абдуллаевичу Кандаеву (1939 г.р.) за оказанную помощь.
2. Переводы текстов надмогильных плит данной группы выполнены к.и.н. Ш.Ш. Шихалиевым.

составляет 2,34 см. Эта кладка по обе стороны от упомянутых камней, вероятно, в прошлом была выше и имела перекрытие.

Надпись на первом камне (67×44 см) не удалось прочитать из-за повреждений стелы на лицевой стороне. Второй камень (74×49 см), завершающий весь ряд, установлен некоему Хаджи Мухаммаду (рис. 4, 1). Прямоугольная стела обрамлена выполненной в низком рельефе П-образной орнаментальной лентой-вьюнком с трилистниками. В центре плиты расположены две рамки с текстами. Текст эпитафии в верхнем поле гласит: «Смерть — истина, а жизнь — обман. Хозяин данной могилы — герой Хаджи Мухаммад, сын Хаджи Саида». Ниже приведен хадис пророка Мухаммада (с.а.в.): «Воистину, те, к кому относились несправедливо, будут благоденствовать (на том свете)». Дата на камне имеется, но не читабельна.

Заметим, что выделение данной группы захоронений в качестве самостоятельной, располагающейся за пределами сельского кладбища, относительно выразительный характер надмогильных памятников, сопровождаемых шамхальской эмблемой, может указывает на прижизненный социальный статус погребенных и их принадлежность к правящему шамхальскому дому.

Следующим объектом исследований было кладбище, которое расположено в южной части села Шахува. Слева от центрального входа на некрополь имеется строение, в котором хранятся принадлежности, используемые при погребальных работах. В этом же помещении расположена могила. Согласно сохранившемуся преданию, здесь захоронен шейх, тело которого жители села извлекли из р. Казикумухское Койсу. Старшее поколение села не помнит обстоятельств обозначенного события, идентификации шейха, его имени и т.д. По преданию, жители некоего родного села шейха обратились к шахувинцам с просьбой выдать им тело покойного, но получили отказ. В ответ прибывшие за телом люди пожелали: «Село чтоб ваше не разрослось, но чтоб герои приумножились»³.

За входом на кладбище расположен пустырь размером около 25×30 м, образовавшийся в результате демонтажа в период воинствующего атеизма надмогильных памятников с последующим их использованием в строительных работах. Судя по планиграфии кладбища, на указанном пустыре размещались наиболее ранние могилы. Но по информации старожилов села, раннее кладбище было значительных размеров. В качестве доказательства они указали на камень, носящий название «Кьулгьу буккей кьун» (в пер. с лакс. — «Камень, где читают Кьулгьу», т.е. суру 112 «Аль-Ихлас» — «Очищение (Искренность)») и расположенный примерно в 70 м к северо-востоку от кладбищенской ограды, где читалась молитва до прохождения на его территорию кладбища. Кроме того, сельчане отметили, что достаточно часто обнаруживают при земляных работах останки захоронений вне кладбища.

Один из надмогильных камней (130×52 см), расположенный напротив центрального входа (в восточном направлении) на расстоянии около 25 м, датируется XVIII в. (рис. 4, 2). Прямоугольная стела обрамлена на лицевой стороне по периметру орнаментальной лентой, выполненной в низком рельефе. Центральное поле имеет две прямоугольных рамки, в верхней (49×30 см) из которых помещена рельефная шамхальской эмблемы. Эпитафия на стеле гласит: «Смерть — истина, а жизнь — обман. Эта могила Махмуда, сына Салмана, да помилует Аллах их обоих. 1130 г.х.» / 1703.⁴

3. Записано со слов Курбанова Джабраила Абдуллаевича, 1941 г.р.

4. Перевод выполнен к.и.н. Т.М. Айтберовым.

На территории данного кладбища камней с подобным орнаментом более не встречается, однако это не исключает их наличие ранее – до демонтажа надмогильных плит в 1930-х гг.

Следующие два надмогильных памятника, установленные участникам антиимперского восстания 1877 г., были выявлены еще в 2010 г. В.О. Бобровниковым и А.Р. Наврузовым.

В глубине кладбища, восточнее центрального входа, расположена стела со стрельчатой вершью (рис. 4, 3). Рельефная надпись в углубленной прямоугольной рамке на лицевой стороне гласит: «Эта могила прекрасного юноши, истинного газия Махаммада, сына Ибрагима. 1294 г.х.» / 1877 г.⁵

В 18–20 м южнее стоит подобный по форме и размеру (125×46 см) памятник (рис. 4, 4) с рамкой на лицевой стороне. Рельефная надпись в ней гласит: «Это могила юноши, настоящего шахида, газия Шагьмилава, сына Садика, да смилостивится над ними обоими Аллах, амин. 1294 г.х.» / 1877 г.⁶

Последний памятник – установленный над погребением Шагьмилаву представляет особую важность, так как фиксирует место захоронения не только активного участника названного восстания, но и одного из наибов имама Шамиля. По сообщению Абдурахмана из Гази-Кумуха, сына шейха Джамалуддина, после смещения в Рисоре (село в Чародинском районе Республики Дагестан) Абдурахима, сына Баширбека из Гази-Кумуха, «наибом стал храбрый мухаджир Шахумилав из Шаку Газикумухского округа» [10, с. 64–65]. Известно и письмо имама наибу Исмаилу сыну Инковхаджи от 21 джумада 1272 г.х./февраль-март 1856 г., в котором фигурирует мухаджир Шахумилав [11, с. 128–129, 263].

Согласно сохранившимся преданиям, Шагьмилав пожертвовал все свое имущество на дело борьбы горцев под руководством имама Шамиля против царских войск. И как-то во время очередного визита в родное село Шагьмилав увез с собой кувшин, наполненный серебряными монетами, но во время переправы через Казикумухское Койсу привязанный к седлу сосуд с монетами опрокинулся в реку. В последующем сельчане неоднократно находили серебряные монеты в иле, когда река меняла свое русло в местности МяхИмудил неххамачI («Махмуда место на берегу реки»)⁷.

Шагьмилав на должности наиба проявил выдающиеся качества, он пользовался уважением и авторитетом среди карахцев и мухаджиров Дагестана. За верную службу, храбрость и отвагу был награжден Шамилем орденом с надписью: «Кто думает о последствиях – тот не герой!» [12, с. 341–342, 464]. По сообщению сельчан, имам подарил Шагьмилаву саблю, на клинке которой была надпись на арабском языке, однако никто из старшего поколения не помнит ее содержания. Жители указали и дом, в котором длительное время хранился ценный подарок, и, судя по опросу, многие старожилы села лично видели саблю, которая была утеряна в начале 1990-х гг.

До завершения войны под руководством Шамиля Шагьмилав находился рядом с имамом. После пленения имама он возвратился домой и позже, совершил паломничество в Мекку [12, с. 342].

С началом событий 1877 г. в Дагестане Шагьмилав примкнул к восставшим. Согласно сообщению Али Каяева, «Шахумилав, предчувствуя, что домой живым

5. Надмогильный памятник выявлен и переведен к.и.н. В.О. Бобровниковым.

6. Надмогильный памятник выявлен и переведен к.и.н. А.Р. Наврузовым.

7. Записано со слов Исы Алисултановича Магомедова, 1944 г.р.

не вернется, перед уходом на фронт боевых действий, собрав близких и друзей, попрощался с ними» [1, с. 342]. По сообщению информатора И.А. Магомедова, он в зеленой чалме провел со своим отрядом газиев перед боем коллективную молитву, приняв клятву биться на смерть. Шагьмилав с обнаженным клинком, увлекая за собою восставших, бросился на царских солдат в сражении при Цудахаре, в котором погиб. О Шагьмилаве сохранились предания, эпические песни, однако, несмотря на сохранившуюся память о нем, жители села не знали о местонахождении на сельском кладбище могилы наиба.

В вышеприведенной цитате из сочинения Абдурахмана из Гази-Кумуха, село Шахува именуется Шаку. Здесь необходимо пояснить, что на лакском языке жителей этого села называют во множественном числе *шахийми* или *шахуйми* (в зависимости от диалекта) и никогда не именуют, как ожидалось бы, *шахивийми* или *шахувийми*; в единственном числе мужчину, жителя села называют *шахийричу* или *шахуйричу*, но не *шахивийричу* или *шахувийричу*. Эти формы обозначения жителей села, ныне именуемого Шахува, позволяют заключить, опираясь и на свидетельство Абдурахмана из Гази-Кумуха, что изначальное и правильное название села было Шаку или Шаху.

За северной окраиной села расположено впущенное в эскарпированный в горный склон прямоугольное строение (рис. 5, 1), длиной 6,5 м и шириной 5 м, с входом, перекрытым полуциркульной аркой, с торцевой западной стороны. Оно сложено из обработанного камня регулярной цепной панцирной кладкой с забутовкой из бута на глиняном растворе и представляет собой помещение, перекрытое внутри стрельчатым сводом высотой 2,5 м (рис. 5, 2). В центре южной стены на расстоянии 2,65 м от входа расположена михрабная ниша, полукруглая в плане, высотой 170 см, шириной у основания 1,2 м, постепенно суживающаяся до 0,83 м и переходящая в полусферический полукупол – конху. Помимо михраба в стене устроены небольших размеров 6 ниш на высоте 120 см от пола, и еще две ниши чуть большего размера на высоте 0,75 м от пола. Вдоль всей противоположной северной стене также на высоте 0,75 м расположены на равноудаленном расстоянии 14 ниш, и на высоте 1,2 м — еще четыре ниши. Данное строение по своей планировке, архитектурно-строительным решениям напоминает недавно выявленную полуподземную мечеть в Кумухе, расположенную рядом с озером и также впущенную в склон.

Уроженец села И.А. Магомедов, 1944 г.р., сообщил, что некогда это молельное здание входило в комплекс для полного омовения мужчин (араб. *гусль*). По его словам в настоящее время сохранилась лишь данное строение, а расположенные перед ним строение *кьулла* (лак. *кьулла* – архитектурно обустроенный родник) для совершения омовения и крупные каменные лотки вместимостью до 200 л воды для водопоя скота были разобраны в 1960-х – 1970-х гг., сами лотки были перевезены на одну из ферм соседнего села Кунды.

Осмотр местности выявил основания стен *кьулла* размером около 5×5 м. Сам комплекс перестал функционировать по своему назначению за несколько десятилетий до его разрушения – очевидно, в 1930-х гг. Вода сюда поступала из ущелья, на краю которого и располагался данный комплекс. По сообщению И.А. Магомедова, данный комплекс назывался *Кьулла-мизит*, т.е. «Мечеть с родником (источником) для омовения».

Мечети с дополнительными функциями были распространенным явлением, к примеру, при них могли быть *мактаб* и *мадраса*, жилые помещения, кельи-*хужры* для учеников-*мутаалимов*, здесь собирались мужчины и т.д. [13, с. 262–263]. В данном случае дополнительной функцией является объединение мечети со строением для полного омовения. Согласно Абдулле Омарову (сер. – втор. пол. XIX в.), «куллой называется комната, устроенная для молитвы вне деревни и, посередине которой сделан бассейн для омовения. Молодые люди обыкновенно больше ходят туда молиться, чем в мечеть; в особенности молодой каждое утро ходит в куллу купаться. Куллы устраиваются на счет пожертвования частных лиц» [14]. Эта информация подкрепляется сообщением информатора И.А. Магомедова, что это было местом, где собиралась молодежь, а также совершался акт полного очищения тела путем ритуального омовения мужчинами (*гусль ал-джанаба*).

Остатки подобных мечетей, именуемых у лакцев *Кьулла-мизит*, участниками экспедиции были обнаружены и в близлежащих селах Кунды и Кара (Лакский район). О мечети с источником на краю села Хулиσμα (Лакский район) писал и архитектор С.О. Хан-Магомедов: «У нее сложный план и два отдельных входа. Одно небольшое помещение с арочным входом — это водоразборный родник. Второй вход ведет в обширное молитвенное помещение, в которое выходят дверными проемами две небольшие камеры для мытья. Все помещения перекрыты арками, между которыми перекинуты каменные балки. Перед фасадом устроен бассейн для водопоя скота» [13, с. 263]. Наличие крупных лотков для водопоя скота отмечено и в *Кьулла-мизит* близ села Шахува.

Среди архитектурных объектов села обратим внимание и на строение, расположенное в его верхней части, носящей название Баршани, близ площадки для молотьбы, у выхода из ущелья. Данное строение, сооруженное на отвесной скальной гряде поодаль от строений села, внешне не похоже на жилое и не пригодно для сельскохозяйственных нужд (рис. 6). Построено оно в традиционной горской строительной технике из хорошо обитого камня подпрямоугольных форм на глиняном растворе нерегулярной кладкой, с подставкой мелких камней под крупной и частой укладкой крупных камней перпендикулярно линии стены для большей устойчивости конструкции. Здание имеет прямоугольную форму размерами 5,1×7,6 м при толщине стен 45–47 см и высоте от 2,6 м до 3,1 м. Перепад высоты обусловлен тем, что здание построено на крутом скальном склоне, что обусловило разницу в высоте возводимых стен. Внутри оно разделено стеной с полукруглой аркой-проходом на две примерно равных по размерам камеры. Здание слегка сужается кверху, что придает ей сходство с башенным сооружением. Очевидно, что оно имело второй этаж, так как нижний этаж практически непригоден для жилого или хозяйственного использования вследствие крутизны скального «пола»-основания. Сохранившиеся части строения имеют перекрытия из равноудаленно установленных крупных, подпрямоугольных в сечении каменных балок, поставленных на ребро и опирающихся на несущие стены. Крайняя каменная балка, имитирующая по форме вытянутую деревянную подбалку-капитель с утончающимися концами, опирается также на консоль из камней, выступающих с напуском в центре поперечной стены. Очевидно, поверх балок укладывались тонкие каменные плиты. В северо-восточной стене здания прослеживаются различия в кладке, что свидетельствует о вероятных ремонтных работах.

Для определения назначения данного сооружения представляет интерес его месторасположение. Как указывалось выше, оно расположено на крутом скальном гребне – с него открывается обзор долины Казикумухского Койсу как в сторону Кумуха, так и Цудахара, а также всего ущелья, расположенного за селом. Характер здания и его местоположение позволяют полагать, что оно могло выполнять функции сигнально-сторожевой башни.

Обследованные памятники архитектуры датировать затруднительно в виду отсутствия ясных хронологических ориентиров, но по ряду косвенных данных (военно-политическая обстановка и др.) их можно отнести к XVIII – нач. XIX в.

Завершая обзор проведенной полевой работы, отметим, что в результате получены новые данные по эпиграфике и архитектуре одного из селений Горного Дагестана. Особо выделим обнаружение мест захоронений вероятных представителей шамхальского дома и мест погребения и имена участников восстания 1877 г., в том числе Шахулава, сына Садика, ранее бывшего наибом имама Шамиля.

Благодарность. Авторы выражают глубокую благодарность за участие в экспедициях и осуществленные переводы востоковедам А.Р. Наврузову, В.О. Бобровникову, Ш.Ш. Шихалиеву, Т.М. Айтберову.

Acknowledgement. The authors express deep gratitude for participation in the expeditions and the translations made to orientalists A.R. Navruzov, V.O. Bobrovnikov, Sh.Sh. Shikhaliev, T.M. Aitberov.

1

2

Рис. 1. 1 – группа надмогильных памятников близ села Шахува (Лакский район, Республика Дагестан); 2 – надмогильные камни с шамхальской розеткой (эмблемой) в сел. Кумух (Лакский район, Республика Дагестан)

Fig 1. 1 - a group of tombstones near the village of Shakhuva (Laksky region, Republic of Dagestan);
2 - Tombstones with shamkhal rosette (emblem) in the Kumukh village (Laksky region, Republic of Dagestan)

Рис. 2. Орнаментальные медальоны портала усыпальницы ширвашахов в Баку

Fig. 2. Ornamental medallions of the portal on the tomb of Shirvashahs in Baku

1

2

3

4

Рис. 3.
Надмогильные
памятники близ
села Шахува
(Лакский район,
Республика
Дагестан)

Fig. 3.
Tombstones near
the village of
Shakhuva (Laksky
region, Republic
of Dagestan)

Рис. 4. Надмогильные памятники близ села Шахува (1) и на кладбище села (2-4)
(Лакский район, Республика Дагестан)

Fig. 4. Tombstones near the village of Shakhuva (1) and in the cemetery of the village (2-4)
(Laksky region, Republic of Dagestan)

1

2

Рис. 5. Ритуально-культурный комплекс Кьулла-мизит близ села Шахува
Fig. 5. *Kyullah-mizit* ritual-cult complex near Shahuva village

1

2

Рис. 6. Руины сигнально-сторожевой здания близ селения Шахува
Fig. 6. The ruins of a signal and guard structure near the village of Shahuva

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Къаяев А. Лакку маз ва тарих: Лакский язык и история: энциклопедический словарь. Масккав: Элму, 2006. – 546 с. (на лакс. яз.)
2. Айтберов Т.М. Мусульманская элита кумухского корня. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. – 191 с.
3. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Тексты, пер. коммент., введ. и прил. Л. И. Лаврова. Ч. 1. М.: Наука, 1966. – 300 с.
4. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Тексты, пер. коммент., введ. и прил. Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1968. Ч.2. - 248 с.
5. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Тексты, пер. коммент., введ. и прил. Л. И. Лаврова. Ч. 3. Москва: Наука, 1980. 77 с.
6. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 463 с.
7. Каяев И.А. К вопросу о происхождении шамхальской эмблемы // Вестник истории, литературы и искусства. 2017. № 12. С. 47–71.
8. Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. По следам нашей памяти. О результатах поездки в село Гели // Елдаш (Времена). 2009. № 5. С. 172–191.
9. Ханмурзаев И.И. Кумыкские надгробные памятники (сын таш) // Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография. 2009. № 6. С. 63–64.
10. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / Перевод М.-С. Саидова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. – 868 с.
11. 100 писем Шамиля. Отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Введение, тексты, перевод с арабского, комментарии, примечания, приложения и указатели Х.А. Омарова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. – 320 с.
12. Дадаев Ю.У. Наибы и мудирь Шамиля. Махачкала: ДИНЭМ, 2009. – 621 с.
13. Хан-Магомедов С.О. Архитектура Дагестана: в 8 выпусках. № 6. Москва: Издательство «Архитектура-С», 2005. С. 262–263.
14. Воспоминания муталима (Абдуллы Омар-оглы) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.

1. Kayaev A. *Lakku maz va tarikh: Lak language and history: encyclopedic dictionary*. Maskav: Elmu, 2006. (in Lak)
2. Aitberov TM. *Muslim elite of Kumukh origin*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2008.
3. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish*. Texts, transl. comment, introduction and appendices by L. I. Lavrov. Part 1. M.: Nauka, 1966.
4. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish*. Texts, transl. comment, introduction and appendices by L. I. Lavrov. Part 2. M.: Nauka, 1968.
5. *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish*. Texts, transl. comment, introduction and appendices by L. I. Lavrov. Part 3. Moscow: Nauka, 1980.
6. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of X-XVII centuries as a historical source*. M.: Nauka, 1984.
7. Kayaev IA. On the question of the origin of the Shamkhal emblem. *Bulletin of history, literature and art*. 2017, 12: 47–71.
8. Idrisov YuM., Khanmurzaev II. Following the traces of our memory. The results of the trip to the village of Geli. *Eldash (Vremena)*. 2009, 5: 172-191.
9. Khanmurzaev II. Kumyk tombstones (Syn Tash). *Turks of the North Caucasus: history, archeology, ethnography*. 2009, 6: 63-64.
10. Abdurakhman from Gazikumukh. *Book of memoirs of Sayyid Abdurahman, son of Ustad Sheikh Tariqa Jamaluddin al-Husayni, about the affairs of the inhabitants of Dagestan and Chechnya*. Translation by M.-S. Saidov. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1997.
11. *100 letters of Shamil*. Ed. A.R. Shikhsaidov. Introduction, texts, translation from Arabic, comments, notes, appendices and indexes by H.A. Omarov. Makhachkala: DSC RAS, 1997.
12. Dadaev YuU. *Naibs and mudirs of Shamil*. Makhachkala: DINEM, 2009.
13. Khan-Magomedov SO. *Architecture of Dagestan: in 8 issues*. No. 6. Moscow: Arhitektura-S, 2005. pp. 262–263.
14. *Memoirs of a mutalim (Abdulla Omar-ogly)*. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Vol. 1. Tiflis, 1868.

Поступила в редакцию 03.06.2023 г.
 Принята в печать 16.08.2023 г.
 Опубликовано 15.03.2024 г.

Received 03.06.2023
 Accepted 16.08.2023
 Published 15.03.2024

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 10.03.2024. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.